Перевод
Сергея Карпова

БРЭМ
СТОКЕР

ТАЙНА МОРЯ

Тайна Моря
Брэм Стокер

Аннотация
Брэм Стокер. Тайна Моря
Глава I. Второе зрение
Глава II. Гормала
Глава III. Древняя руна
Глава IV. Потоп Ламмаса
Глава V. Тайна Моря
Глава VI. Служители рока
Глава VII. Другие времена и дальние концы Земли
Глава VIII. Бег по пляжу
Глава IX. Секреты и тайнопись
Глава X. Чистый горизонт
Глава XI. В сумерках
Глава XII. Шифр
Глава XIII. Поездка через горы
Глава XIV. Секрет раскрыт
Глава XV. Любопытный ужин
Глава XVI. Откровения
Глава XVII. Задание Сэма Адамса
Глава XVIII. Салюты и Жанна д’Арк
Глава XIX. О смене имени

Глава XX. Товарищество
Глава XXI. Старый и Новый Дальний Запад
Глава XXII. Замок Кром
Глава XXIII. Секретная служба
Глава XXIV. Хитрый план
Глава XXV. Индуктивное умозаключение
Глава XXVI. Весь свадебный день
Глава XXVII. Вход в пещеру
Глава XXVIII. Голоса в темноте
Глава XXIX. Монумент
Глава XXX. Тайный проход
Глава XXXI. Приключение Марджори
Глава XXXII. Потерянное послание
Глава XXXIII. Дон Бернардино
Глава XXXIV. Посвящение в рыцари
Глава XXXV. Папские сокровища
Глава XXXVI. Прилив
Глава XXXVII. Полсуток
Глава XXXVIII. Обязанность жены
Глава XXXIX. Нежданный гость
Глава XL. Исполнение поручения
Глава XLI. Найденный клад
Глава XLII. Борьба
Глава XLIII. Честь испанца
Глава XLIV. Голос пыли
Глава XLV. Опасность

Глава XLVI. Ардиффери
Глава XLVII. Немой заговорит
Глава XLVIII. Гавань Данбай
Глава XLIX. Последняя помощь Гормалы
Глава L. Глаза мертвых
Глава LI. В морском тумане
Глава LII. Рать
Глава LIII. Из пучин
Приложения
Приложение A
Приложение B. О сокращении числа символов в двухбуквенном шифре Бэкона
Приложение C. Сокращение Бэконовского двухбуквенного шифра до трех символов на примере цифрового шифра
Приложение D. О применении цифрового шифра к тексту, написанному точками
Приложение E. Стр. — . Повесть Бернардино де Эскобана, рыцаря Креста Святого Престола, испанского гранда
Послесловие переводчика
Информация от издательства
Выходные данные

Аннотация

Молодой англичанин Арчибальд Хантер приезжает в тихий уголок Шотландии, где бывал уже не раз. В первый же вечер к нему является старуха, которая утверждает, что он обладает даром предвидения. Арчибальд не воспринимает новую знакомую всерьез, пока не предугадывает несколько смертей. Молодой человек испуган — он не знает, что и этот страшный дар может быть ему полезен. Его ждут опасные приключения: поиски сокровищ, разгадка шифра и спасение возлюбленной из ловушки похитителей.

Незаслуженно забытый роман о любви, чести и доблести от создателя «Дракулы» продолжает совместную серию переводов Букмейта и «Подписных изданий».

В оформлении обложки использован фрагмент гравюры Охары Косона «Три чайки» (Рейксмюсеум, Нидерланды).

БРЭМ
СТОКЕР

ТАЙНА МОРЯ

Перевод
Сергея Карпова

ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

БУКМЕЙТ
МОСКВА
2024

Брэм Стокер
Тайна Моря

Подписные издания

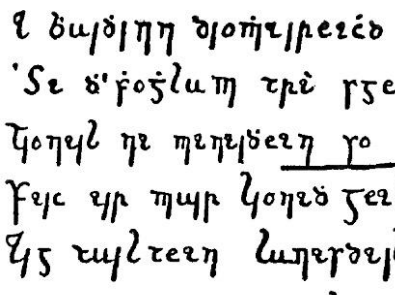
Букмейт

Перевод выполнен по изданию: **Bram Stoker. The Mystery of the Sea**. London: William Heinemann, 1902.

© Сергей Карпов, перевод, послесловие, 2024
© Букмейт, 2024
© Подписные издания, 2024

* * *

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЕЙЗИ ГИЛБИ
РИВЬЕР
ИЗ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ
ЛЮБЯЩИХ
И ВЕРНЫХ ДРУЗЕЙ



Чтоб Тайну Моря заслужить,
Весь секрет его раскрыть,
Три чары надобно сложить:

Луна златая на волне,
На Ламмастид — потоп везде,
И муж златой лежит на дне.

(Гэльские стихи и перевод)

3 2 3 3 3 6 2 1 4 3 3 1 8 1 9 4 7 2 3 3 1 2 3 8 2 9 3 4 1 1 8 6 2 1 3 4 4 2 7 5 1 6 1 1 3 4 2 3 3
3 1 6 8 1 4 6 3 3 5 2 1 9 3 6 4 8 1 5 3 2 1 3 8 2 6 3 4 3 1 8 4 3 2 1 3 1 4 4 3 2 4 5 7 1 6 8
1 1 3 2 0 3 4 3 5 1 6 6 1 6 1 8 1 6 3 2 2 7 1 1 2 8 5 9 2 3 6 4 1 1 8 1 2 4 3 7 3 6 2 8 1 0 1 2 4 3 3
5 4 4 9 9 6 3 4 3 6 1 6 1 4 2 3 8 2 3 1 2 3 7 4 1 2 8 1 1 6 1 8 1 2 8 1 6 1 6 2 1 1 4 6 1 1 3 8 1
1 6 1 8 9 0 6 1 2 6 7 2 1 3 2 2 3 2 3 3 6 4 1 1 8 8 1 4 2 7 3 6 1 2 3 2 1 2 6 3 1 8 1 2 4 3 3 1 6
1 4 9 1 1 8 4 3 3 1 6 8 4 8 1 1 4 1 1 8 8 1 6 9 1 1 0 6 4 5 1 0 3 3 2 1 3 1 4 3 8 3 1 2 3 1 2 4 3
3 4 5 3 2 6 1 4 3 2 3 3 2 2 3 4 3 9 6 6 1 4 2 5 3 2 3 3 2 2 3 3 1 4 8 1 8 1 3 2 4 3 3 1 0 4 3 3 2
7 6 6 1 2 6 2 3 7 3 2 2 3 5 5 2 1 2 5 4 7 2 1 8 0

allowance or benefite of Clergie or Sanctuarie. Clergie. Sanctuarie.

And for the full expressing what person and persons shall bee entended within this Statute to be roges, vagabonds, and sturdie beggers, to haue and receiue the punishment aforesayd, for the sayd lewde manor of life: it is nowe published, declared and set forth by the authoritie of this present parliament, that all and euerie such person and persons, that be or shall become rogues, vagabonds, or sturdie beggers, as before is mentioned, or such as shall vse or exercise the art of vnlawfull games or playes, or faine them selues to haue knowledge in Phisnomie, Palmestrie or other abused sciences, whereby they beare the people in hand they can tell their destinies, deaths, & fortunes, and such other like fantasticall imaginations: and all and euerie person & persons, being whole and mightie in bodie, and able to labour, hauing not land or maister, nor vsing any lawfull marchandise, craft, or mistery, whereby he or she might get his or her liuing, and can giue no reckoning how he or she doth lawfully get Roges. Vagabonds. Sturdie beggers. Proctors. Idle persons liuing. Fayne. Sciences.

Глава I. Второе зрение

Я только-только прибыл в Круден-Бей с ежегодным визитом. После позднего завтрака сидел на низкой ограде, продолжавшей перила моста над рекой Уотер-оф-Круден. Через дорогу напротив, в единственной рощице в округе, стояла высокая сухощавая старуха и не сводила с меня пристального взгляда. Мимо прошли мужчина и две женщины. Невольно мой взор последовал за ними, поскольку, когда они меня миновали, мне почудилось, будто женщины приотстали, а мужчина идет перед женщинами и несет на плече черный ящик — гроб. Я содрогнулся от этой мысли, но уже мгновение спустя вновь увидел их идущими рядом, как и шли. Старуха же теперь сверлила меня пылающими глазами.

Затем она перешла дорогу и сказала без преамбулы:

— Что ты такого увидал, что сидишь как громом пораженный?

Мне не хотелось говорить, и я промолчал. Она не спускала с меня больших глаз, словно видела насквозь.

Я почувствовал, что краснею, и тогда она заявила — как будто бы самой себе:

— Так и думала! Даже я не увидала того же, что он.

— О чем это вы? — поинтересовался я.

Ответила она туманно:

— Погоди! Быть может, и сам узнаешь назавтра еще до этого часа!

Ее ответ меня заинтриговал, и я выпытывал больше, но она упиралась, а затем и вовсе двинулась прочь величественной походкой, что так шла ее сухощавому виду.

После ужина, когда я отдыхал перед гостиницей, в деревне поднялся переполох, засуетились с опечаленным видом люди. Расспросив их, я узнал, что в небольшой гавани неподалеку утонул ребенок. Мимо меня пробежали как безумные те самые мужчина и женщина, которых я видел раньше на мосту.

Прохожий поглядел с сочувствием им вслед и произнес:

— Несчастные. Печальное их ждет этим вечером возвращение домой.

— Кто они? — спросил я.

Человек почтительно снял кепку:

— Отец и мать утонувшего ребенка!

Тут я резко оглянулся, словно меня окликнули.

Издали на меня смотрела с победоносным видом сухощавая старуха.

* * *

Изогнутый берег Круден-Бей в Абердиншире окружен запустелыми песчаными дюнами, где в низинах лежат зеленым ковром трава, мох и дикие фиалки вместе с прелестной «травой Парнаса»[1]. Сами дюны скрепляются полевицей и вечно переползают, когда ветер носит их мелкий песок. Дальше за ними сплошь зелень — от лугов на южном краю залива до высокогорий, уходящих далеко-далеко, к самой синей дымке гор у Бремора. Наиболее высокая точка сбегающей к морю земли выглядит как миниатюрный пригорок, известный под именем Хоуклоу; строго на юг от него земля отвесно поднимается над морем, а потом полого опускается в сторону суши.

Круденские пески широки и прочны, и морские приливы забираются на немалое расстояние. В бурю весь залив превращается в мешанину мятущихся волн и пены, в любой миг грозящих

[1] Примечания: 1

Parnassia palustris (*лат.*) — белозор болотный. — *Здесь и далее примечания переводчика, кроме случаев, оговоренных особо.*

сорвать переметы, растянутые тут и там. Немало судов сгинуло на этих широких берегах, и рев моря на отмелях и ужас, что он вселяет, издавна отправляли экипаж в винную кладовую, а тела тех, кого выносило на берег впоследствии, — на церковное кладбище на холме.

Если вообразить себе залив Круден-Бей в виде пасти, где песчаные дюны — это мягкое нёбо, а зеленый Хоуклоу — язык, то скалы на его краях будут зубами. К северу криво и ломано высятся скалы из красного гранита. К югу, в полутора милях[2] по прямой, Природа разыгралась не на шутку. Здесь, где выдается небольшой мыс под названием Уиннифолд, встречаются две главные геологические приметы Абердинского побережья. Северный красный сиенит смыкается с южным черным гнейсом. Когда-то давно сей союз был бурным: всюду видны следы катаклизма, наверняка сотрясшего землю до самого центра. Повсюду нагромождены огромные массы той или иной породы во всех мыслимых видах, порой слившись или спрессовавшись вместе так, что уж не понять, где кончается гнейс и начинается сиенит; но, вообще говоря, неровный раздел

---

[2] Примечания: 2
1 миля ≈ 1,6 км.

между ними существует. Эта граница бежит на восток к морю и полностью проявляется на мысу. Еще на полмили от него, если не больше, рифы торчат из моря, поодиночке или зазубренными скоплениями, а кончаются они опасной группой под названием Скейрс[3], что за века принесла немало разрушений и катастроф. Храни море мертвых там, где они утонули, — и дно у Скейрс белело бы от их костей, а на обломках кораблей выросли бы новые острова. Временами здесь можно наблюдать океан в самом его свирепом настроении: когда буря идет с юго-востока, вода кипит средь грубых камней, захлестывая пеной сушу. Скалы, которые в пору поспокойнее темнеют над солеными пучинами, вовсе теряются из виду под натиском великих волн. Чайки, что обычно их убеляют, тогда носятся с криками, и разрозненные вопли сливаются с ревом моря и ветра в неумолчную ноту.

Деревня, приютившаяся возле устья Уотер-оф-Круден на северной стороне залива, довольно неказиста: пара рядов рыбацких домиков и две-три сушильни под красной черепицей, зарывшиеся в песчаные наносы за жильем. Что до

---

[3] Примечания: 3
The Skares (*англ.*) — рать.

окрестностей, как я их сам увидел впервые, — там были небольшой форпост под высоким флагштоком на северном утесе, разбросанные по суше фермы да одна маленькая гостиница на западном берегу Уотер-оф-Круден, за полосой ив, защищающих ее низинный сад, всегда полный фруктов и цветов.

От самой южной точки Круден-Бей до деревни Уиннифолд — каких-то несколько сотен ярдов; сперва — крутой подъем на скалу, потом — ровная дорога вдоль тонкого ручейка. По левую сторону от тропы, когда идешь в Уиннифолд, земля забирается крутым склоном, а потом снова разглаживается, образуя широкий и низкий холм площадью акров восемнадцать — двадцать. На этой южной стороне отвесная черная скала уходит в воды небольшого залива деревни Уиннифолд, посреди которого находится живописный каменный остров, взмывающий из воды со своей северной стороны, как свойственно гнейсу и граниту в этих краях. Но на восток и на север — только неровные заливы или бухты, и потому самые дальние окончания суши тянутся как пальцы. На их кончиках — рифы из рухнувших скал, тонущих в глубинах, и их существование можно заподозрить лишь в непогоду, когда силы

подводного течения поднимают бурные завихрения или крутящиеся массы пены. По большей части бухты эти изогнутые и зеленые — там, где осыпающаяся земля или ползучий песок скрывают поверхность скал и дают опору для трав и клевера. Когда-то здесь были большие пещеры, ныне рухнувшие, или занесенные песком, или заваленные землей, которую принесла вода во время затяжных ливней. В одной из этих бухт — Широкой гавани, выходящей прямиком на Скейрс, — стоит одинокий каменный столб, что зовется Puir mon[4], «Нищий», в чьем основании время и погода проделали туннель, где можно было пройти посуху.

В скалах, сбегающих к морю со стороны этих бухт, тут и там встречаются естественные каналы с такими ровными берегами, словно их проделало рыбацкое население Уиннифолда для добычи камня.

Стоило мне только увидеть эти места, как я влюбился. Будь это возможно, я бы провел здесь все лето в собственном доме, но отсутствие жилья лишало меня такого выбора. И я поселился в небольшой гостинице «Килмарнок Армс».

---

[4] Примечания: 4
Нищий (*шотл.*).

На следующий год я вернулся — а затем еще и еще. А потом взял в бессрочную аренду участок в Уиннифолде, чтобы построить домик с видами на Скейрс. Потому мне то и дело приходилось наезжать в Уиннифолд, а дом постоянно занимал мои мысли.

Доселе моя жизнь была непримечательна. В школе, несмотря на тайные амбиции, я не отличался успеваемостью. В колледже мне повезло больше: благодаря дюжему сложению и атлетичности я сумел преодолеть врожденную застенчивость. И так в двадцать восемь лет обнаружил, что номинально считаюсь барристером, безо всякого знания о практике права и немногим больше — о теории, а также с должностью в «Дьявольском» — так непочтительно звался наш добровольческий полк «Иннс оф Корт»[5]. У меня было немного родных, зато приятное, пусть и не самое большое состояние; и я успел поездить по свету на дилетантский манер.

---

[5] Примечания: 5

Добровольческий полк «Иннс оф Корт» (1859–1908) — полк резервистов из членов Судебных иннов — четырех старинных адвокатских палат в Лондоне.

Глава II. Гормала

Всю ту ночь у меня не шли из головы утонувший ребенок и мое удивительное видение. И во сне, и наяву перед мысленным взором мелькали родители — из процессии, увиденной в мороке, или их несчастное выражение — в действительности. А к их образам примешивался и лик пучеглазой сухощавой старухи с орлиным профилем, которая так заинтересовалась происшествием и моей в нем ролью. Я расспросил о ней владельца земли, раз уж он, будучи почтмейстером, знал практически всех на мили вокруг. Он ответил, что она чужая в этих краях.

Затем добавил:

— Ума не приложу, почему ее сюда тянет. Она являлась из Питерхеда уже два-три раза за последнее время; но ей нечего здесь делать. Ничего не продает, ничего не покупает. Не путешественница, не попрошайка, не воришка и не работница. Да и странная вдобавок. По тому, как она говорит, я думаю, что она с запада; может, с какого далекого острова. Я различаю гэльский в ее речи.

Позже в тот же день, когда я прогуливался по

берегу у Хоуклоу, старуха подошла ко мне и заговорила. На берегу было довольно пустынно — в такие дни на пляже редко кого увидишь, разве что во время отлива, когда рыбаки ставили неводы на лосося. Я шел к Уиннифолду, когда она бесшумно приблизилась сзади. Не иначе как скрывалась за метлицей на дюнах, иначе бы я сразу ее заметил на этом безлюдном берегу. Судя по всему, она была весьма властной женщиной: она сразу же обратилась ко мне в таком тоне, что я почувствовал себя ниже ее и в чем-то провинившимся:

— Отчего ты не сказал, что видал вчера?

Я машинально ответил:

— Сам не знаю. Возможно, потому, что мне это показалось нелепицей.

На ее строгом лице проступило презрение:

— Раз Смерть и Рок — такая уж нелепица, отчего ты вдруг язык проглотил?

Это меня задело, и я чуть было не ответил резко, как вдруг меня поразила мысль, что она и так все знала.

Преисполненный удивления, я тут же спросил:

— Но откуда ты знаешь? Я никому не рассказывал.

Я даже остановился, потому что вдруг по-

чувствовал себя в растерянности; тут крылась какая-то тайна, которой я не мог постичь. А эта женщина словно читала мои мысли как открытую книгу. Отвечая, смотрела на меня пытливо и со странной улыбкой:

— А! Так ты, голубчик, не соображаешь, что у тебя *een*[6], которые могут видеть? Не понимаешь, что у тебя *een*, которые могут говорить? Неужто имеющий Дар Второго Зрения его не понимает. А вот для моих *een* твое лицо, когда ты увидал знак Рока, было что печатная книга.

— Ты хочешь сказать, — начал я, — ты поняла, что я видел, просто взглянув на мое лицо?

— Нет! Нет, голубчик. Не всё, хоть я и есть Ясновидица; но поняла я, что ты видал Рок! Это ни с чем не спутаешь. В конце концов, речь о Смерти, как ее ни называй!

Поразмыслив, я спросил:

— Если у тебя Второе Зрение, почему ты сама не заметила это… видение? или как его назвать?

— Э, голубчик! — ответила она, качая головой. — Как мало ты знаешь о том, как действуют Судьбы! Знай, что Глас слышат только избранные уши, а Видение приходит только к избранным

---

[6] Примечания: 6
Глаза (*шотл.*).

een. Нельзя услышать или увидеть по своей прихоти.

— Но если, — сказал я и сам услышал в своем голосе торжествующую нотку, — если подобное дано знать лишь избранным, как узнала ты, если ты как будто в этот раз избрана не была?

Она отвечала с нетерпением:

— Понимаешь ли ты, молодчик, что даже простые смертные могут много разглядеть, если у них есть голова на плечах, если они прислушиваются к знанию и опыту. Отчего, по-твоему, одни много видят и узнают, сколько могут, а другие остаются в конце путешествия ровно так же слепы, как в начале?

— Тогда, быть может, расскажешь, что ты увидела и как?

— А! Тем, кто видел Рок, большой подсказки не нужно. Слишком долго и слишком часто я сама видала и саван, и свечу, и свежую могилу, чтобы не замечать, когда их видят другие. Нет-нет, голубчик, сейчас мне помог не Дар, а лишь опыт. Я не представляю, что видел ты. Не знаю, какими и как в твоем видении предстали мертвые; но только — что было оно о смерти.

— Значит, — допытывался я, — Второе Зрение — это дело случая?

— Случая! Случая! — повторила она с презрением. — Нет, молодой человек! Когда молвит Глас, случая не больше, чем в том, что за днем идет ночь.

— Ты не понимаешь, — сказал я, почувствовав некое превосходство из-за того, что подловил ее на ошибке. — Я ничуть не имел в виду, что Рок — или что бы это ни было — не предвещает истины. Я имел в виду, что дело случая, в чьи уши говорит Глас — чем бы он ни был, — раз уж решено, чтоб чьи-то уши да услышали.

И снова она отвечала с насмешкой:

— Нет, нет! В деле Рока случая быть не может. Те, кто шлют Глас и Зрение, преотлично знают, кому слать и зачем. Как ты не поймешь, что это все не *bairn*[7] игрушки. Когда молвит Глас, быть слезам, горю и скорби! Нет! Это не явление, что стоит само по себе, наособицу от всего другого. Воистину это часть общей картины; и будь уверен: избранный видеть или слышать избран неспроста и обязан играть свою роль до самого конца.

— Правильно ли я понимаю, — спросил я, — что Второе Зрение лишь служит некой великой цели, которая осуществляется многими способами, а

---

[7] Примечания: 7
Детские (*шотл.*).

те, кому является Видение или слышится Глас, — лишь слепые бессознательные орудия Судьбы?

— Да, голубчик! Судьбы знают свои пожелания и волю, им не нужна помощь или помысел человека — слепого иль зрячего, разумного иль глупого, сознательного иль бессознательного.

Во время всего разговора меня удивляло, как старуха употребляет слово «Судьба», к тому же во множественном числе. Очевидно, хоть она и христианка — а они на западе страны обычно набожно соблюдают свою веру, — ее убеждения коренились в каких-то древних языческих мифологиях. Я хотел было об этом разузнать, но побоялся, что она вовсе замолчит. Поэтому спросил:

— Расскажи, будь добра, как именно ты узнала, что обладаешь Вторым Зрением?

— Тем, кому было дано увидеть руку Судьбы, негоже хвастать да похваляться. Но раз ты сам Ясновидец и тебе надо учиться, так и быть, расскажу. Я видела, как море волнуется без причин на том самом месте, где предстояло утонуть кораблю, я слышала стук молотка гробовщика на одинокой пустоши, когда миновавшему меня скоро предстояло умереть. Я видела саван на духе утопшего, как в своих снах, так и наяву. Я

слышала, как звучит Рок в скрипе уключин, я видела плакальщиков в толпе. Да, как я только ни видала и ни слыхала Пришествие Рока.

— Но все ли видения сбылись? — спросил я. — Не случалось ли, что ты слышала странные звуки или видела странные видения, а они ни к чему не приводили? Как я понял, ты не всегда знаешь, кто будет жертвой — только сам факт, что к кому-то придет смерть!

Мои вопросы ее не рассердили — она тут же ответила:

— Спору нет! Бывало и так, что увиденное или услышанное мной ни к чему не приводило. Но подумай, молодой человек, скольких покойников еще ждут на берегу, а они уже лежат в пучинах моря; сколько лежит их на холмах или сколько провалились в пропасти, где теперь одиноко белеют их кости. Несть числа и тем, к кому Смерть пришла, как думают люди, по воле природы, когда на самом деле ее ускорила рука человека.

На это мне ответить было трудно, и я сменил — или, вернее, разнообразил — тему.

— Сколько времени должно пройти, чтобы предостережение исполнилось?

— Ты знаешь и сам, ведь ты видел, что Смерть идет за Роком по пятам; но бывают случаи, и

часто, когда проходят дни или недели, прежде чем воплотится Рок.

— Вот как? — спросил я. — И все же ты знаешь, что час человека пробил.

Она ответила так горячо, что я видел, как истово она верит в собственные слова:

— Все равно знаю! Я знаю, что сейчас кто-то ходит по земле в расцвете сил. Но о нем уже молвил слово Рок. Я видела его этими самыми *een* на камнях, и вода сбегала по его волосам. И слышала похоронные колокола, когда он прошел мимо меня по дороге, где никаких колоколов нет и в помине на мили вокруг. Да, и вновь я видела его в *kirk*[8], пока в небе кружили падальщики, а вдали их собиралось еще больше!

В таком случае Второе Зрение можно проверить на деле — и я тут же спросил, преодолевая непонятное отвращение:

— Можно ли это доказать? Разве не замечательно было бы рассказать о предстоящей беде людям, чтобы, если смерть случится, доказать вне тени сомнения, что Второе Зрение существует?

Мое предложение было встречено холодно. Она ответила медленно и с презрением:

---

[8] Примечания: 8
Часовня (*шотл.*).

— Вне тени сомнения! Сомнения! Какие сомнения могут быть в Роке? Ты и сам скоро узнаешь, молодой человек, что Рок — не для тех, кого заботят только любопытство и известность. Глас и Видение Ясновидца — не для досуга знатных дам да праздных господ!

Я тут же сник.

— Прошу прощения! Я сказал не подумав. Не стоило так говорить — по крайней мере, тебе.

Она приняла извинения с царственным видом; но уже спустя миг своими словами доказала, что женщина есть женщина!

— Я все-таки тебе скажу, чтоб у тебя не осталось никаких сомнений. И раз Они дали тебе Дар, таким, как я, не следует стоять на пути их замысла. Так знай, и запомни хорошенько: Гормала Макнил говорит, что Лохлейн Маклауд с Внешних островов Призван; хоть пока Глас прозвучал не в его ушах, а только в моих. Но дай срок, и ты увидишь…

Она вдруг осеклась, словно ей в голову пришла какая-то новая мысль, а затем горячо продолжила:

— Увидав его простертым на камнях, я увидала еще кого-то, склоненного над ним, кого не разглядела в ночи, хоть их и заливал лунный свет.

Посмотрим! Посмотрим!

Не говоря ни слова больше, она развернулась и ушла. Не откликаясь на мой зов, она длинными шагами пересекла пляж и затерялась в дюнах.

Глава III. Древняя руна

На следующий день я поехал на велосипеде в Питерхед и вышел там на пирс. День был ясный, дул свежий северный бриз. Рыбацкие лодки готовились к отливу; когда я приблизился, первые уже выходили из устья гавани. Их вид радовал сердце: вначале они шли медленно, но затем все быстрее, когда они ставили паруса, и наконец уносились, со шпигатами под водой, в узкий проход, где их подхватывал ветер открытого моря. Тут и там торопился к своей лодке запоздавший рыбак, пока пирс не покинули без него.

Восточный пирс Питерхеда находится под защитой тяжелой гранитной стены, выстроенной ступенями, чтобы преграждать путь яростным ветрам. Когда налетает северный шторм, здесь опасно: волны рушатся твердыми зелеными валами, увенчанные горными массами пены и брызг. Но сейчас, под июльским солнцем, стена превращалась в удачную точку обзора всей гавани и моря. Я забрался повыше и уселся на ней, любуясь видами и лениво покуривая в тихой праздности. Тут я заметил, как по пирсу торопится, время

от времени прячась за швартовными тумбами, некто весьма похожий на Гормалу. Я молчал, но наблюдал за ней, решив, что она занята своей обычной игрой — слежкой за другими.

Скоро, неспешно шагая, показался высокий мужчина, и по каждому движению Гормалы я мог понять: он-то и есть цель ее наблюдения. Он остановился недалеко от меня, излучая то спокойное беззаботное терпение, что присуще рыболовам.

Это был приятного вида малый выше шести футов ростом[9], со спутанной рыже-русой шевелюрой и косматой курчавой бородой. Золотисто-карие глаза его, привыкшие глядеть вдаль, сияли, все черты лица были крупными, но точеными. Штаны из лоцманского сукна, заправленные в большие резиновые сапоги, искрились от серебристой чешуи сельди. На нем были плотная синяя рубаха и кепка из шкурки ласки. Я уже давно задумывался о сокращении численности сельди в здешних водах из-за обильного вылова траулерами и решил, что представилась подходящая возможность узнать мнение местных. Немного погодя я подошел к этому сы-

---

[9] Примечания: 9
1 фут ≈ 0,3 м.

ну викингов. Он поделился мнением, и весьма решительным, бескомпромиссным против траулеров и законов, спускавших их черные дела. Говорил он старомодным библейским языком, умеренным и лишенным эпитетов, но полным метких примеров.

Обратив мое внимание, что некоторые рыболовные угодья, некогда весьма богатые, теперь потеряли всякую ценность, заключил он так:

— Оно и понятно, добрый мастер. Допустим, вы фермер и, приготовив и удобрив землю, засеваете зерно, вспахиваете поле, от ветра и разрушительной бури его оберегаете. Как заколосятся зеленые всходы, вы пройдетесь по ним бороной. Что станется с посулом золотого урожая?

На миг-другой красота его голоса, глубокая зычная искренность тона и величественная, простая чистота отвлекли меня от пейзажа. Я словно увидел его насквозь и оценил на вес золота. Возможно, все дело в образности его речи и цвете, мерцавшем в глазах, волосах и кепке, но на мгновение он показался мне маленькой фигуркой на фоне склона, одетого в созревшие колосья. У его ног лежала складками большая белая простыня, чьи края таяли в воздухе. Не успел я опомниться, как образ пропал — и рыбак стоял передо мной,

как прежде, в полный рост.

Я едва не ахнул, поскольку за ним, неслышно приблизившись, стояла Гормала, уставившись не на рыбака, а на меня, взглядом, пылающим черным нетерпением. Она смотрела мне прямо в глаза: это я понял, поймав ее взгляд.

Рыбак продолжал говорить, однако я уже не слышал его, поскольку вокруг вновь произошла мистическая перемена. Синее море приобрело загадочность ночной тьмы; высокое полуденное солнце растеряло свой жаркий пыл и светило с бледно-желтым великолепием полной луны. Вокруг меня — передо мной и по обе стороны — расстелились воды; сами воздух и землю словно подернула зыбкая вода, вода шумела в ушах. И вновь передо мной на миг предстал золотой рыбак, не подвижной пылинкой вдали, но лежащий в полный рост, вялый и безжизненный, с восковыми холодными щеками, в красноречивой неподвижности смерти. До сердца его накрывала белая простыня — и теперь я видел, что это саван. При этом я так и чувствовал, как меня до самого мозга прожигают глаза Гормалы. И тут же все восстановилось в обычных пропорциях, а я спокойно слушал рассуждения викинга.

Я машинально повернулся и взглянул на Гор-

малу. Миг казалось, ее глаза торжествующе полыхают; затем она поправила шаль на плечах и с жестом, полным скромности и почтительности, отвернулась. Поднялась на стену гавани и села, глядя на море, уже усеянное множеством коричневых парусов.

Вскоре спокойное безразличие рыбака как рукой сняло. Закипев жизнью и действием, он коснулся козырька и со словами: «Прощайте, добрый мастер!» — замер на самом краю пирса, готовый соскочить на узкую обветренную лодку, что примчалась, едва не задевая бортом неотесанный камень. Наши сердца екнули, когда он лихо спрыгнул и, приняв руль из рук кормчего, развернул нос в открытое море.

Когда он мчался через устье гавани, мы услышали позади голос прихромавшего старого рыбака:

— Однажды он об этом пожалеет! Лохлейн Маклауд — прямо как люди с Уиста и прочих Внешних островов. Безрассудные.

Лохлейн Маклауд! Тот самый, о ком пророчила Гормала! Я похолодел от одного звука его имени.

После обеда в гостинице я играл в гольф, пока не подкрался вечер. Тогда я сел на велосипед и отправился домой. Медленно взбираясь по долгому склону к Стирлингскому карьеру, я увидел

Гормалу, сидевшую на обочине, на валуне красного гранита. Она, очевидно, дожидалась меня, потому как, стоило мне приблизиться, поднялась и решительно преградила мне путь. Я соскочил с велосипеда и в лоб спросил, чего она так хочет, что остановила меня на дороге.

Гормала всегда выглядела внушительно, но сейчас — еще и необычно, почти потусторонне. Ее высокий сухощавый силуэт озарялся мягким таинственным светом, отраженным от серости темнеющего моря, чью мрачность лишь подчеркивала изумрудная зелень дерна, сбегавшая от нас к зазубренной кромке утеса.

Здесь царило глубокое одиночество. С нашего места не виднелся ни один дом, а темное море опустело от парусов. Казалось, из живых на всем широком просторе природы только мы вдвоем. Меня это немного напугало. Таинственное знакомство с Гормалой, когда я увидел траур по ребенку, и ее нескончаемая слежка начинали расшатывать нервы. Она стала для меня каким-то вынужденным условием жизни, и, присутствовала она рядом во плоти или нет, мой интерес постоянно раздувался ожиданием или опасением ее появления — я и сам едва ли знал, чем больше. Теперь же ее странная манера замирать, словно

статуя, и сцена вокруг окончательно подчинили мой разум. Погода почти неощутимо изменилась. Яркое утреннее небо стало мрачно-таинственным, ветер утих до зловещего штиля. Природа казалась разумной и словно желала общаться со мной в моем чутком настроении. Ясновидица, очевидно, все это понимала, поскольку выждала полную минуту, давая чарам природы подействовать, прежде чем заговорить самой. Затем торжественно промолвила:

— Время летит, Ламмастид близок.

Ее слова меня впечатлили, почему — я сам не знал; хоть я уже слышал о Ламмастиде, не имел ни малейшего представления, что это значит[10]. Гормала ничего не упускала из виду — все подмечала с цыганской цепкостью; она словно прочитала мое лицо как открытую книгу. В ее поведении сквозило сдерживаемое нетерпение, как у человека, вынужденного прервать важное дело, чтобы объяснить ребенку, какая помощь от него требуется.

— Не понимаешь почему? Ты не слыхал о Ламмастиде или о пророчестве Тайны Моря и о

---

[10] Примечания: 10

Ламмастид — сезон Ламмаса, сбора урожая — «начатков плодов земли»; Ламмас (по основной версии, от англ. Loaf Mass — «Хлебная месса») — христианский праздник, справляющийся 1 августа.

сокрытых в нем сокровищах?

Я еще больше устыдился, словно давно должен был знать то, о чем говорит сухощавая старуха, которая возвышалась надо мной, пока я стоял, облокотившись на велосипед. Она же продолжала:

— Так ты не знаешь; тогда слушай и запоминай! — И произнесла следующее стихотворение со странным ритмом, удивительно подходившим к нашему окружению и так глубоко запавшим в мою память и душу, что забыть слова было уже невозможно:

Чтоб Тайну Моря заслужить,
Весь секрет его раскрыть,
Три чары надобно сложить:

Луна златая на волне,
На Ламмастид — потоп везде,
И муж златой лежит на дне.

Между нами воцарилось долгое молчание, и я почувствовал себя необычно. Море передо мной приобрело странный, неопределенный вид. Оно словно стало кристально ясным, а я со своего места мог разглядеть все его тайны. Вернее, я видел, что они есть, но что они собой представляют по отдельности, того не мог и вообразить. Про-

шлое, настоящее и будущее смешались в одном бешеном, сумбурном видении, из чьей массы внезапно разлетались во все стороны мысли и идеи, как искры от раскаленного железа под молотом. В моем сердце росли смутные, неопределенные желания, устремления, возможности. Нашло ощущение такой великой силы, что я инстинктивно распрямился в полный рост и почувствовал свою физическую мощь. Затем я огляделся, словно пробудившись ото сна.

Вокруг не было ничего, кроме плывущих облаков, безмолвной темнеющей суши и мрачного моря. Гормала как сквозь землю провалилась.

Глава IV. Потоп Ламмаса

Когда я добрался до Крудена, уже совсем стемнело. По дороге я мешкал, раздумывая о Гормале Макнил и той причудливой тайне, к которой она меня подталкивала. Чем больше я ломал голову, тем меньше брал в толк; а самым странным казалось, что я понимаю частичку этой тайны. К примеру, я несколько ближе ознакомился с выводами Ясновидицы из ее наблюдения за Лохлейном Маклаудом. Конечно, из ее слов в нашей первой беседе я знал, что она благодаря манифестации своего Второго Зрения распознала в нем обреченного на смерть; но знал я и то, чего как будто не знала она, — что это в самом деле златой муж. В том мимолетном проблеске, что посетил меня во время необычного транса — или что это на меня нашло тогда на пирсе, — я словно узнал, что он из золота, причем высшей пробы. Не только то, что его волосы — рыже-золотого цвета или что такими же можно с полным правом назвать его глаза, но что лишь этим словом можно передать самую его суть; и потому, когда Гормала прочитала те старые строки, они тут

же показались важными для понимания тех трех сил, которые требовалось объединить, дабы постичь Тайну Моря. Итак, я решил подробнее поговорить с Ясновидицей и попросить ее все растолковать. Меня удивил мой собственный интеллектуальный подход. Я не был скептичен, я не уверовал; но, думаю, мой разум явно был готов ко всему. Я очевидно склонялся к таинственной стороне благодаря некоему пониманию внутренней природы вещей — скорее чувственному или ненамеренному, нежели сознательному.

Всю ту ночь я видел сны: мой разум нескончаемо трудился над узнанным за день — передо мной проносились сотни разных взаимодействий между Гормалой, Лохлейном Маклаудом, Ламмастидом, луной и секретами морей. Заснул я только серым утром, под редкое чириканье ранних пташек.

Как порой случается после ночи беспокойных размышлений на тревожную тему, утро принесло с собой и забвение. Уже хорошо после полудня я внезапно вспомнил о существовании ведьмы — а именно ведьмой я начал считать Гормалу. Эта мысль сопровождалась гнетущим чувством — не страха, но явно беспокойства. Возможно ли, что она каким-то образом или в какой-то

степени меня загипнотизировала? Я вспоминал с легким трепетом, как предыдущим вечером остановился на дороге, покорный ее воле, и как в ее присутствии перестал замечать все вокруг. Вдруг в голову пришла некая мысль; я подошел к окну и выглянул. На миг сердце замерло.

Напротив неподвижно стояла Гормала. Я тут же вышел к ней, и мы инстинктивно повернули к дюнам. По дороге я спросил:

— Куда ты пропала вчера вечером?

— Делать то, что должно! — Она решительно сжала губы; я понял, что расспрашивать далее бесполезно, и справился о другом:

— Что ты хотела сказать теми стихами?

Ее ответ прозвучал мрачно и торжественно:

— Ответить могут только те, кто их сочинил, — когда пробьет час!

— Кто их сочинил?

— Теперь уж никто не знает. Они древние, как сами каменные основания островов.

— Тогда откуда ты их узнала?

В ее ответе отчетливо слышалась гордость. Такой тон можно ожидать от принца, рассказывающего о своих предках.

— Они дошли до меня через века. От матери к дочери и снова от матери к дочери, без единого

перерыва. Знай же, молодой господин, что я из рода Ясновидиц. Меня назвали в честь той Гормалы с Уиста, что за долгие годы напророчила многие смерти. Той Гормалы, кого знают и страшатся по всем островам запада; той Гормалы, мать чьей матери, и ее мать, и так до начала времен, когда моллюски выползли к закату из моря и уже в него не вернулись, держали судьбы мужей и жен в своих руках и правили Тайнами Моря.

Поскольку было очевидно, что у Гормалы есть свое понимание смысла пророчества — или заклинания, или как это еще назвать, — я спросил вновь:

— Но ты же должна понимать смысл стихов, иначе бы не придавала им такое значение?

— Я не знаю ничего сверх того, что явлено моим *een* — и тому внутреннему *e'e*[11], что рассказывает об увиденном самой душе!

— Тогда зачем ты предупредила меня, что Ламмастид близок?

Отвечая, угрюмая женщина вдруг улыбнулась:

— Так ты не внял словам о потопе Ламмаса, что привлекут Силы, правящие Заклинанием?

— Дело в том, что я ничего не знаю об этом

---

[11] Примечания: 11
Глаз, око (*шотл.*).

«Ламмастиде»! Мы не справляем его в англиканской церкви, — добавил я запоздало, объясняя свое невежество.

Гормале хватило смекалки воспользоваться моим смущением и поворотить разговор в удобную ей сторону:

— Что ты увидал, когда Лохлейн Маклауд предстал в твоих *een* малым и затем снова *girt*[12]?

— Лишь то, что он вдруг стал маленьким на фоне зрелых колосьев.

Только тут я осознал, что еще не говорил об увиденном ни ей, ни кому бы то ни было. Так откуда ей было знать? В раздражении я так и спросил. Отвечала она с укором:

— Откуда знать мне, Ясновидице из рода Ясновидиц?! Разве мои дневные *een* так слепы иль близоруки, что мне не прочитать мысли в людских *een*? Или я не видела, как твои *een* вдруг вперились вдаль и тут же вернулись быстро, как мысль? Но что ты видал потом, когда даже повел взглядом из стороны в сторону, словно оглядывая кого-то лежащего?

Я рассердился пуще прежнего и отвечал ей как в тумане:

---

[12] Примечания: 12
Большим (*шотл.*).

— Я видел, как он лежит на камне, а рядом бежит быстрая волна; а на водах — ломаную дорожку золотой луны.

Она издала возглас, и я снова пришел в себя и взглянул на нее. Она так и горела. Выпрямилась в полный рост с властным, восторженным выражением на лице; сияние ее глаз было нечеловеческим, когда она заговорила:

— Мертв, как я сама видала его в пене набегающего прилива! И злато, всегда злато вокруг него в *een* этого великого Ясновидца. Златые колосья, и златая луна, и златое море! Да! А теперь я, слепая черная птица[13], и сама уж вижу: и впрямь златой муж, со златыми *een*, и златыми волосами, и всей истиной его златой жизни!

Затем, повернувшись ко мне, она напористо добавила:

— Почему я предупредила тебя о Ламмастиде? Спроси тех, кто ценит месяцы и дни Ламмаса, когда он и что для них значит. Узри их; узнай о пришествии луны и о грядущих волнах!

Больше не прибавив ни слова, она развернулась и ушла.

Я тут же вернулся в гостиницу, намереваясь

---

[13] Примечания: 13
Летучая мышь на шотландском диалекте.

поближе ознакомиться с Ламмастидом — его определением и сущностью, верованиями и традициями, которые с ним связаны. А еще — узнать часы приливов и фазу луны во время Ламмастида. Несомненно, я мог бы разузнать все необходимое у священников в Круденских храмах; но я не спешил раскрывать другим тайну, что сгущалась вокруг меня. Отчасти меня останавливал страх перед насмешкой, а отчасти — горячее нежелание затрагивать тему с теми, кто воспринял бы ее не так серьезно, как мне бы хотелось. Теперь я понял, что происходящее уже неразрывно сплетается с моей жизнью.

Возможно, так начала проявляться и находить пути выражения какая-то моя черта, или склонность, или способность. В глубине души я не только верил, но и знал, что мои мысли странным образом направляет некое чутье. Во мне нарастало, заявляло о своих правах ощущение оккультной способности, столь важной для прорицания, а с нею — равно горячая страсть к секретности. Ясновидец во мне, дремавший столь долго, вошел в силу и не желал ею делиться.

В то время, когда росли эти сила и осознание, они словно по той же причине не могли расправить крылья во всю ширь. Мало-помалу я уловил,

что для полного проявления каких бы то ни было способностей требуется некое отстранение или отказ от своего «я». Это показали даже несколько часов нового опыта; ведь теперь, когда мой разум сосредоточился на явлении Второго Зрения, весь живой мир вокруг стал подлинной диорамой возможностей. Всего за два дня после случая на пирсе я пережил больше оккультного опыта, чем человеку, как правило, выпадает за жизнь. Оглядываясь назад, я чувствую, будто мне предстали все силы жизни и природы. Тысяча мелочей, какие я до сих пор простодушно принимал за факты, наполнились новыми смыслами. Я начал понимать, что и земля, и море, и воздух — все то, что обычно видят человеческие существа, — есть лишь пленка, короста, под которыми скрываются куда более глубокие силы или стихии. С этим осознанием начал я понимать и великие догадки пантеистов, как языческих, так и христианских, которые благодаря своей духовной, нервной и интеллектуальной чуткости осознали, что у вселенского действия есть некие цель и причина. У того действия, что в конкретном случае казалось проявлением разума природы в целом и множества предметов в ее космогонии.

Скоро я узнал, что день Ламмаса — первое ав-

густа, и он так часто сопровождается ненастьем, что почти каждый год происходят разливы Ламмаса. Канун этого дня окружен разнообразными суевериями.

Это разожгло во мне еще больший аппетит к знанию, и благодаря помощи друга я нашел в Абердине ученого профессора, с ходу давшего мне все, что я искал. Он так много знал об астрономии, что мне время от времени приходилось его прерывать, чтобы прояснить какую-нибудь тонкость, понятную знакомым с терминологией, но моему несведущему разуму представлявшуюся отдельной тайной. Признаться, я и до сих пор чувствую родство с теми, кому слово «сизигия» ни о чем не говорит.

Впрочем, я усвоил азы — и понял, что в ночь на 31 июля, в канун Ламмастида, луна выйдет в полночь полной. Узнал я и то, что по некоторым астрономическим причинам прилив начинается в полночь, секунда в секунду. Поскольку главным образом это меня и интересовало, я расстался с профессором с новым чувством благоговения. Казалось, сами небеса, сама земля стремятся к воплощению или соблюдению древнего пророчества. На тот момент мысли о моей собственной связи с тайной или о ее непосредственном влия-

нии на меня даже не приходили в голову. Меня устраивало положение послушного винтика в общем порядке вещей.

Шло 28 июля, а значит, развязка, коли она выпадала на Ламмастид нынешнего года, должна была наступить вот-вот. Оставалось только одно условие пророчества. Погода стояла необычно сухая, а значит, и потоп Ламмаса мог вовсе не состояться. Впрочем, в этот день небо заволокло тучами. С запада наплывали огромные черные облака, колыхаясь, словно паруса неуправляемой лодки, несущейся вместе с течением. Навалилась духота, дышалось с трудом. Широкий открытый простор словно бил озноб. Небо все темнело и темнело, покуда не стало как ночное, и даже птицы в низких лесках или редких кустарниках замолчали. Овечье блеянье и коровье мычание раскатывалось по неподвижному воздуху гулко, будто издалека. Невыносимое затишье, предшествующее грозе, до того угнетало, что меня, необычно чувствительного к переменам природы, пробирало до крика.

И вдруг грянула буря. Молния полыхнула так ярко, что озарила весь край до самых гор, окружающих Бремор. С невероятной скоростью последовали лютый грохот и всеохватный раскат

грома. А потом ручьями хлынул жаркий, тяжелый летний ливень.

Весь тот день лило, лишь с небольшими перерывами сияющего солнца. Казалось, без передышки лило и всю ночь: когда бы я ни проснулся — а я часто вскакивал из-за предчувствия чего-то грядущего, — слышался быстрый и тяжелый стук дождя по крыше, шум и клокотание в переполненных желобах.

Следующий день был днем кромешного мрака. Дождь шел без конца. Ветра почти не было — не больше, чем чтобы гнать на северо-восток огромные махины тяжелых от дождя туч, которые Гольфстрим громоздил у зазубренных гор западного побережья и тамошних скалистых островов. Два дня такого ливня — и уже не осталось сомнений в силе нынешнего потопа Ламмаса. Когда лучи солнечного света упали на широкие нагорья Бьюкена, они все блестели от ручьев. И Уотер-оф-Круден, и Бэк-Берн поднялись выше берегов. Со всех сторон шли вести, что этот потоп Ламмаса грозит стать сильнейшим на памяти.

Все это время в душе и разуме неуклонно нарастала тревога. Детали пророчества воплощались с поразительной точностью. Выражаясь театральным языком, «сцена была готова» для действия,

каким бы оно ни было. Часы шли, мое волнение несколько изменилось, опаска превратилась в любопытную смесь суеверия и восторга. Теперь мне уже не терпелось увидеть час пророчества.

Во вторую половину 31 июля развиднелось. Ярко воссияло солнце; воздух стал сухим и для этого времени года зябким. Казалось, ненастная пора подошла к концу и в свои права снова входит жаркий август. Впрочем, последствия грозы были налицо. Не только все реки, речушки и ручьи Севера, но и горные болота до того переполнились, что должно было пройти еще немало дней, прежде чем они перестали бы питать потоки сверх меры. Горные долины превратились в миниатюрные озера. Куда ни пойди, всюду в ушах шептала или рокотала вода. Думаю, в моем случае отчасти и потому, что меня тревожил потоп Ламмаса, раз уж природа так тщательно к нему готовилась. Шум бегущей воды во всех ее обличьях до того преследовал меня, что я никак не мог выкинуть его из головы. В тот день я отправился на долгую прогулку по еще мокрым дорогам, где было бы тяжело проехать на велосипеде. К ужину я вернулся, валясь с ног от усталости, и отправился в постель пораньше.

Глава V. Тайна Моря

Не помню, что меня разбудило. Осталось смутное впечатление, что это был голос, но снаружи дома или внутри меня самого — того я не ведаю.

Мои часы показывали одиннадцать, когда я покинул «Килмарнок Армс» и направился в сторону Хоуклоу, дерзко выделявшегося в сиянии лунного света. Я шел обманчивыми овечьими тропами среди дюн, заросших сырой метлицей, время от времени запинаясь о кроличьи норы, в те дни испещрявшие дюны Круден-Бей. Наконец я вышел к Хоуклоу и, вскарабкавшись на крутой край террасы у моря, сел на вершине, чтобы перевести дух после подъема.

Передо мной был вид изумительной красоты. Его обычную прелесть усиливал мягкий желтый свет полной луны, заливавший словно и небеса, и землю. К юго-востоку отчетливо и черно, словно бархат на фоне неба, торчал мрачный мыс Уиннифолда, а рифы Скейрс рассыпались черными точками по дрожащему золотому морю. Я встал и продолжил свой путь. Вода стояла далеко, и, пока я брел по грубой тропинке над россыпью валунов,

меня вдруг охватило чувство, что я опаздываю. Тогда я ускорил шаг, перешел ручеек: обычно он журчал вдоль зигзага рыбацкой тропинки позади Уиннифолда, а теперь бурно шумел — вновь этот шум бегущей воды, глас потопа Ламмаса, — и свернул на гужевой проселок, что шел вдоль утеса и к месту, смотревшему прямиком на Скейрс.

Достигнув самой кромки утеса, где под ногами расстилались пышным ковром длинная трава и глубокий клевер, я без удивления увидел Гормалу: она сидела и смотрела в море. Поперек самого дальнего рифа Скейрс легла широкая дорожка лунного света и, стекая по острым скалам, которые клыками вырастали из пучин, когда море без волн отливало и по ним струилась белая вода, доходила до нас, омывая меня и Ясновидицу светом. Течения видно не было — вода лишь безмолвно поднималась и опадала в вечном движении моря. Услышав меня за своей спиной, Гормала повернулась — от терпеливого спокойствия на ее лице не осталось и следа. Она вскочила и показала на далекую лодку, что шла с юга и теперь поравнялась с нами, правя как можно ближе к берегу, у самого-самого края Скейрс.

— Гляди! — сказала она. — Лохлейн Маклауд идет своим путем. Вокруг скалы, его Рок уж

близок!

Пока не видно было никакой опасности: ветер был ласковым, вода между своими накатами и откатами — неподвижной, а гладкость поверхности за рифами обозначала большую глубину.

И вдруг лодка словно встала на месте — мы находились слишком далеко, чтобы даже в такую спокойную ночь услышать хоть звук. Мачта согнулась и переломилась у основания, паруса вяло свесились в воду, а люгерный встопорщился большим треугольником, аки плавник исполинской акулы. Спустя считаные секунды по воде, будоража ее, двинулось темное пятнышко; стало ясно, что это пловец направляется к суше. Я бы кинулся ему на помощь, будь от этого хоть какая-то польза: увы, дальний риф находился в полумиле от меня.

И все же, хоть и зная, что это тщетно, я готов был плыть ему навстречу, но голос Гормалы остановил меня:

— Неужто ты не видишь, что, ежели и встретишь его среди тех рифов, проку от тебя, когда набежит прилив, не будет никакого. А ежели он пробьется, ты больше поможешь ему, дождавшись здесь.

Совет был верным, и я остался стоять. Пловец,

очевидно, понимал угрозу, поскольку неистово греб, чтобы успеть в укрытие раньше, чем начнется прилив. Но скалы Скейрс смертоносно круты; они повсюду растут из воды отвесно, и взбираться по ним из моря — дело безнадежное. Раз за разом пловец пытался найти хотя бы щелку, чтобы зацепиться, — и всякий раз снова соскальзывал в море. Больше того, я увидел, что он ранен: его левая рука висела плетью. Похоже, он понял безысходность своего положения и, повернув, отчаянно поплыл к нам. Теперь он находился в самом гиблом месте Скейрс. Всюду там большая глубина, а игольные пики скал растут почти до самой поверхности. Видно их разве что при волнении в отлив, когда их оголяют волны; но на поверхности в спокойную погоду скал не разглядишь, поскольку завихрение волн вокруг невидимо. И здесь же, где течение огибает рифы и разбивается о каменистые массы, прилив бежит с невообразимой скоростью. Слишком часто я это видел — с мыса, где строился мой дом, — чтобы не понимать всей опасности. Я крикнул во все горло, но почему-то он меня не услышал. Мгновения до прилива растянулись, как вечность; и все же меня потрясло, когда донесся клекот набегающей воды, а следом — шлеп, шлеп, шлеп, все быстрее

с каждой секундой. Где-то на суше часы пробили двенадцать.

Начинался прилив.

Спустя секунды пловец ощутил его воздействие на себе, хотя как будто еще и не заметил. Потом его понесло на север. Тут же раздался приглушенный крик, словно бы не сразу долетевший до нашего места: на миг пловца перевернуло в воде. Не приходилось гадать, что стряслось: он ушиб руку о подводный риф. Так началась бешеная борьба за жизнь, он плыл без помощи обеих рук в смертельном течении, становившемся все быстрее и быстрее с каждой секундой. Теперь он выбился из дыхания, его голова подчас пропадала под водой; и все же он не сдавался. Наконец, на очередной волне, влекомый собственной силой и силой течения, он ударился о подводные скалы головой. На миг он вскинул ее — и я увидел, как она алеет в сиянии луны.

Затем он ушел под воду; с высоты я видел, как тело вновь и вновь перекатывается в свирепом течении, несущемся к самой дальней точке мыса, на северо-востоке. Я побежал со всех ног, а Гормала — следом. Добравшись до скалистых террас, я нырнул, и в несколько взмахов мне повезло наткнуться на подкатившее навстречу тело. От-

чаянным усилием я вытянул его на сушу.

Поднимая тело из воды и вынося на скалу, я выбился из сил, и, когда достиг вершины утеса, мне пришлось ненадолго остановиться, чтобы отдышаться. С тех пор как началась борьба несчастного за жизнь, я и не вспоминал о пророчестве. Но теперь, стоило охватить взглядом тело, безвольно простертое передо мной с неестественно выгнутыми руками и вывернутой головой, и залитое лунным сиянием море, и огромную золотую сферу, чья дорожка морщилась от набегающего прилива, как пророчество обрушилось на меня в полную силу, и я ощутил чуть ли не духовное преображение. Воздух наполнился шумом бьющихся крыльев; море и суша дышали такой жизнью, какой я доселе и не воображал. Я впал в некий духовный транс. И все же на меня смотрели открытые глаза; я боялся, что пловец уже мертв, но, будучи истинным британцем, не мог сдаться без попытки что-то сделать. И я поднял обмякшее тело на плечи, решив доставить его так скоро, как только смогу, в Уиннифолд, где его еще могли бы вернуть к жизни огонь и добрые руки. Но стоило уложить тело на плечи, взяв обе его руки в мою правую, чтобы левой придерживать его за одежду, как я поймал на

себе взгляд Гормалы. Она ни разу не помогла, как бы отчаянно я ее ни звал.

И теперь я в гневе произнес:

— Прочь, женщина! Постыдилась бы стоять столбом в такой момент!

И двинулся в путь сам. В то время я не внял ее ответу, произнесенному не без упрека, но еще вспомню его потом:

— Мне ли трудиться против воли Судеб, когда Они сказали свое слово! Мертвые мертвы, коль в их ушах прошепчет Глас!

И тут, когда я взял руки мертвеца в свои — поистине руки оболочки человека, уже покинутой душой, пусть в венах еще и бежала теплая кровь, — случилось странное. Передо мной словно обрели форму духи земли, моря и воздуха, а множество звуков ночи — разумный смысл речи. Пока я пыхтел и брел, пока от усилий борьбы как с весом, так и с новым духовным опытом в голове не оставалось ничего, кроме чувства и памяти, я видел, как рядом размеренно шагает Гормала. Ее глаза гневно горели от лютого разочарования; ни разу она не отвела от меня строгого пронзительного взора, словно бы заглядывая в самую душу.

Недолгое время я чувствовал на нее обиду; но незаметно это сошло на убыль, и я думать

не думал о ней, если только она не привлекала внимание. Я понемногу погружался в осознание могучих сил вокруг.

Там, где дорога с утеса вливается в Уиннифолд, есть крутая тропинка, сбегающая зигзагом на каменистый пляж далеко внизу, где рыбаки держат лодки, поскольку это место защищает почти от любых волнений большой черный риф — Кодман, — который заполнял небольшую бухту посередине и оставлял по сторонам от себя глубокие каналы. Когда я достиг этого места, вдруг оборвались все звуки ночи. Застыл сам воздух, и уже не качалась, не шуршала трава, прекратили свой бег в угрюмом молчании воды бурного прилива. Все застыло даже для моего внутреннего чувства — еще столь нового для меня, что я мгновенно замечал все подвластные ему перемены. Словно сами духи земли, воздуха и воды затаили дыхание перед каким-то редким происшествием. Что там: окинув глазами морскую гладь, я заметил, что и лунная дорожка уже не подернута рябью, а лежит широкой блистающей полосой.

Казалось, живой на всем свете была только Гормала, которая следила за мной из-под опущенных век, не дыша, с непреклонной и нескончаемой строгостью.

Тут словно остановилось само мое сердце, слившись с угрюмым молчанием затаившихся стихий мира. Я не испугался — даже не изумился. Все настолько отвечало господствующему требованию мгновения, что я не почувствовал ни толики удивления.

По крутой тропинке поднималась безмолвная процессия призрачных фигур со столь туманными очертаниями, что за этими серо-зелеными фантомами проглядывали скалы и лунное море и даже бархатная чернота скальных теней не теряла своей глубины. И все же фигуры виделись так четко, что можно было разобрать каждую черточку лица, каждый предмет одежды или снаряжения. Сам блеск их глаз в той мрачной пелене призрачной серости напоминал лучистые блики фосфорного света на пене воды, рассекаемой носом быстрой лодки. Мне не пришлось догадываться об их природе по виду их одежды или к чему-то прислушиваться — я сердцем знал, что это привидения всех тех, кто утонул в водах у Круденских Скейрс.

Эти мгновения, пока они шли — и много, много их было в той веренице пугающей длины, — преподали мне урок о масштабе человеческой истории. Сперва шли облаченные в шкуры дика-

ри с косматыми и спутанными волосами; затем — другие, в грубых и примитивных одеяниях. И далее в историческом порядке мужчины и — да, тут и там — женщины, из разных краев, в платьях всевозможного покроя и материалов. Рыжие викинги и черноволосые кельты с финикийцами, светловолосые саксы и смуглые мавры в колышущихся балахонах. Поначалу этих фигур варваров было не так уж много; но по мере движения печальной процессии я видел, что каждый новый год нес свою растущую летопись утрат и бедствий, обильнее и проворнее пополнял угрюмый урожай моря. Прошло уже огромное число фантомов, прежде чем мое внимание вдруг привлек один большой отряд. Все как на подбор были смуглы и гордо держались в кирасах и кольчуге либо в форме военных моряков. Испанцы, понял я по их платьям; причем испанцы, бывшие здесь три века назад. На миг сердце екнуло: то были воины Великой армады, поднявшиеся с какого-то затонувшего галеона или паташа, чтобы вновь повидать проблеск луны. Вида они были благородного, с крупными орлиными чертами лица и надменными взглядами. Проходя мимо, один оглянулся на меня. Когда его глаза вспыхнули, я увидел в них чувство, ибо они были полны жиз-

ни, переживания, ненависти и страха.

До сих пор я чувствовал потрясение, благоговение перед равнодушием скользящих мимо призраков. Они смотрели в никуда, лишь шли своей дорогой спокойным, неслышным, размеренным шагом. Но когда этот испанец оглянулся, меня пробрало до самого нутра от взгляда из мира духов.

Но миновал и он. Я стоял в начале петляющей тропинки, все еще держа на плечах мертвеца и глядя с упавшим сердцем на несчастных жертв Круденских Скейрс. Я заметил, что теперь большинство составляли моряки, хоть тут и там встречались береговые работники и изредка — женщины. Рыбаков много было, и все без исключения — в высоких сапогах. Так я сколько мог терпеливо ждал конца.

Наконец показался крупный тусклый силуэт с обвисшими руками. Кровь из раны на челе стекла на его золотую бороду, золотые глаза смотрели прочь. С содроганием я понял, что это призрак того, чье тело, уже остывающее, лежит на моих плечах; и теперь знал безо всяких сомнений, что Лохлейн Маклауд мертв. С облегчением я видел, что он даже не взглянул на меня; хотя, когда я последовал за процессией, шел рядом, останав-

ливаясь и снова трогаясь с места одновременно со мною.

Тишина смерти опустилась на деревушку Уиннифолд. Там не было ни единого признака жизни; ни один пес не гавкнул, пока угрюмая процессия шествовала по крутой дороге или переходила бегущий ручей, направляясь по тропинке к Крудену. Гормала по-прежнему пристально наблюдала за мной; и, пока одна минута сменяла другую, я наконец вернулся к реальному окружению, поскольку видел по ее лицу, что она пытается угадать по моему, что я вижу. Вот она забормотала догадки горячим шепотом, видимо надеясь что-нибудь понять по моему согласию или отрицанию. Ее живой голос рассек призрачное молчание подобно грубому пению коростеля; рассек ночную тишь зазубренным лезвием.

Возможно, это и к лучшему: оглядываясь на тот страшный опыт, я знаю, что никому не передать, что переживает разум, когда идешь один в окружении Мертвых. О том, как нервы во мне натянулись, свидетельствует уж то, что я не чувствовал тяжкого груза на плечах. Я от природы одарен большой силой, а спортивная подготовка времен юности немало ее развила. Но вес и обычного человека нелегко удерживать даже недолгое

время, а я нес подлинного великана.

Путь через перешеек мыса, на конце которого и находится Скейрс, плоский, тут и там попадаются глубокие расщелины — как миниатюрные овраги, где во время половодья в море бежит вода с нагорий. Сейчас все ручьи бежали в полную силу, но я не слышал ни шума воды, ни падения белеющих брызг с края утеса на скалы внизу. Призрачная процессия не задерживалась у ручьев, а бесстрастно переходила в том направлении, где тропинка спускается на пески Круден-Бей. Гормала проследила за моим взглядом, окинувшим долгую вереницу, чтобы увидеть всех сразу.

По ее словам стало ясно, что она о чем-то догадывалась:

— Так их великое множество; его глаза окинули их вширь!

Я вздрогнул, и она поняла, что не ошиблась. И словно всего одна догадка сказала ей все, что только можно знать; она, очевидно, что-то понимала о мире духов, хоть и не могла видеть все его тайны.

Следующие ее слова просветили меня:

— Это духи людей; они идут по тропинке, протоптанной людьми!

И в самом деле. Процессия не парила над полем или песком, а мучительно верно следовала зигзагу утеса и каменистой тропинке мимо валунов. Когда первые из них ступили на песок, то двинулись вдоль гряды тем же путем, которым каждый воскресный вечер возвращались к своим лодкам в Питерхеде рыбаки Уиннифолда и Коллистона.

Поход по пескам был долгим и изнуряющим. Хоть я часто бывал здесь в дождь или шторм, когда ветер сбивал меня с ног, а песок с покрытых травой дюн едва не резал щеки и уши, никогда я не чувствовал, чтобы эта тропинка была такой долгой или тяжелой. Я не заметил этого сразу, но теперь начинал сказываться груз мертвеца. На другой стороне залива я видел редкие огни деревни Порт-Эрролл, сколько в этот час ночи можно было разглядеть; а далеко над водой поднимался холодный серый свет, что есть скорее первый признак окончания ночи, чем наступления утра.

Когда мы вышли к Хоуклоу, голова процессии свернула через дюны в сторону суши. Гормала, следя за моими глазами, это увидела, и в ней произошла удивительная перемена. На миг ее словно громом поразило, и она вросла в землю.

Затем изумленно всплеснула руками и произнесла почтительным шепотом:

— Священный колодец! Они идут к Колодцу святого Олафа! Потоп Ламмаса сослужит им добрую службу.

Поддавшись инстинкту любопытства, я поспешил опередить процессию. На ухабистой тропинке среди дюн я почувствовал, что бремя давит на плечи все тяжелее и тяжелее, а ноги волочатся, словно в кошмаре. На ходу я машинально оглянулся и увидел, что тень Лохлейна Маклауда уже не догоняет меня, а осталась на своем месте в процессии. Гормала не спускала с меня своего дурного глаза, но дьявольской смекалкой разгадала, почему я обернулся. Она шла рядом — не со мной в шаг, а прежней походкой, словно ей нравилось или хотелось оставаться противовесом тени мертвеца, исполнять какое-то свое назначение.

Я спешил, а тени вокруг меня всё тускнели и тускнели; наконец я не мог разглядеть ничего, кроме марева или дымки. У Колодца святого Олафа — не более чем пруда у подножия высокогорья, поднимавшегося от Хоуклоу, — призрачный туман уходил в воду. Я с трудом остановился рядом: вес на плечах уже был невыносим. Я едва стоял на ногах, но решительно настроился выдержать, сколько смогу, и досмотреть, что случится даль-

ше. А мертвец остывал с каждой секундой! Я не знал, то ли причиной было развеивание теней, то ли отдаление от духа Маклауда; возможно, и то и другое, потому что, как только немая печальная процессия нагнала меня, я разглядел их лучше. А когда привидение испанца обернулось и взглянуло на меня, я вновь словно увидел живые глаза живого человека. Затем — томительное ожидание, пока остальные миновали меня и в пугающей тишине погружались на дно колодца. Вес на плечах давил все сильней. Наконец я не выдержал и, согнувшись, дал телу соскользнуть на землю, придерживая лишь за руки, чтобы смягчить падение. Гормала же стояла напротив и, увидев, что я сделал, подскочила ко мне с громким возгласом. На один тусклый миг призрак застыл над своей бренной оболочкой; а затем видение пропало.

В это мгновение, когда Гормала уже была готова коснуться мертвеца, раздалось громкое шипение и шум воды. Пруд взорвался высоким фонтаном, разбрызгивая далеко вокруг воду и песок. Я отпрянул; Гормала последовала моему примеру.

Затем вода унялась, и, когда я оглянулся, труп Лохлейна Маклауда уже пропал. Его проглотил Священный колодец.

Одоленный физической усталостью и странным ужасом перед увиденным, я пал на сырой песок. Все закружилось перед глазами… И дальше я ничего не помню.

Глава VI. Служители рока

Когда я наконец пришел в себя и огляделся, меня ничто не удивило — даже напряженное лицо Гормалы, чьи глаза, сияющие при свете полной луны, что-то искали на моем лице пытливей обычного. Я лежал на песке, а она склонилась так близко, что чуть ли не касалась носом моего. Даже не придя в себя до конца, я понял, что она прислушивается ко мне, чтобы не упустить и словечка шепотом.

Ведьма словно все еще пылала, но вместе с тем в ее лице проявилось утешившее меня разочарование. Я выждал несколько минут, пока прочистятся мысли, а тело отдохнет от невыносимого усилия, которое я терпел под ужасным бременем от самого Уиннифолда.

Когда я поднял взгляд вновь, Гормала заметила во мне перемену и тоже поменялась в лице. Злобный блеск в глазах потух, а слепая безрассудная ненависть и гнев обратились в пытливый интерес: наконец она больше не ожидала беспомощно лицом к лицу с бесчувственным; наконец появился хотя бы шанс что-то разузнать — и с

вновь пробудившимся жаром она заговорила:

— И вот ты вернулся к луне и ко мне. Где же ты побывал, пока лежал на песке. Назад ли ты отправился или вперед; с привидениями в Священный колодец и дале по их многотрудному пути — или же обратно к морю и всему, что оно может рассказать? О! *mon*[14], каково же мне, когда кто-то другой может вот так просто заглянуть в край духов, а мне приходится ждать здесь, в своем, заламывать руки да терзать сердце несбыточными надеждами!

На ее вопрос я ответил своим:

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что призраки уходят в колодец и дале?

Начала она сурово, но затем смягчилась:

— Так ты не знал, что потопы Ламмаса — носители Мертвых; что в ночь Ламмаса Мертвые могут добраться, куда хотят, — под землей, всюду, где течет вода. Они рады войти в Священный колодец и перейти в недра земли, куда так стремятся.

— А как и когда они оттуда возвращаются?

— То дело лишь Судьбы и Мертвых. Они совокупно могут уйти и вернуться; ни одни *een*,

---

[14] Примечания: 14
Человек, мужчина (*шотл.*).

ни людей, ни Ясновидцев, кроме твоих, еще не видали, как они уходят. Ничьи очи, даже твои, не увидят, как они крадутся в ночи, когда облюбованные ими могилы позволят им сбросить тяжесть земли.

Я почувствовал, что продолжать разговор не стоит, молча отвернулся и двинулся домой по овечьим тропам среди песчаных дюн. Время от времени я спотыкался о кроличьи норы и, падая, чувствовал, как лица касается сырая метлица.

Путь во тьме казался нескончаемым. Все это время мои мысли пребывали в смятении. Я ничего не помнил с отчетливостью, не мог думать последовательно; факты и вымысел проносились в голове сумбурным вихрем. Вернувшись домой, я быстро разделся и забрался в постель; должно быть, я мгновенно забылся крепким сном.

На другой день я прошел по берегу к Уиннифолду. В голове не укладывалось, что я вижу то же самое место, что и предыдущей ночью. Я сел на том же утесе, где сидел накануне, незаметно для себя успокоенный жарким августовским солнцем и прохладным бризом с моря. И все думал, думал… Так на мне сказались недосып и усталость от физических усилий — плечи по-прежнему ныли, — что я задремал.

Когда я проснулся, передо мной стояла Гормала.

После паузы она начала:

— Вижу, ты все помнишь, иначе расспросил бы меня. Неужели ты не расскажешь, что ты видал? С твоими очами Ясновидца и моими познаниями мы вместе проникнем в великий Секрет Моря.

Как никогда сильно я был убежден, что должен сохранять в ее присутствии бдительность. И потому я ничего не ответил и только выжидал, не узнаю ли что-либо сам — из ее слов или молчания. Она не выдержала первой. Я видел, как кровь приливает к ее лицу, она вся засияла багровой краской, посрамив и закат; и, наконец, в ее глазах вспыхнул гнев. Она заговорила угрожающим тоном, хоть сами слова были дружелюбны:

— В Секреты Моря надо проникнуть; и проникнуть в них дано тебе да мне. То, что было, — лишь предвестье того, что будет. Другие пытались веками, но не смогли; а если не сможем и мы из-за слабости воли или твоей неприязни ко мне, великая награда в свое время достанется другим. Ибо секреты есть, сокровища ждут. Путь откроется лишь тем, у кого есть Дар. Так не пускай на ветер милость Судеб. Хоть они и щедры, когда того пожелают, претить им трудно, а месть их верна!

Должен сознаться, ее слова поколебали мою решимость. В одном неопровержимая логика была на ее стороне. Такие способности достались мне явно неспроста. Так прав ли я был, отказываясь ими пользоваться? Если у моих способностей есть Назначение, нет ли и наказания за то, что я от него откажусь? Гормала со своей дьявольской смекалкой явно проследила за ходом моей мысли — ее лицо озарилось. Уж не знаю, как она догадалась, но знаю, что она не сводила взгляда с моих глаз. Похоже, очи людей, порой способных видеть запредельное, способны и наоборот, выражать скрытые мысли. Впрочем, я по-прежнему чувствовал себя в опасности.

Все инстинкты кричали, что, угодив во власть Гормалы, я об этом сильно пожалею, поэтому я ответил резко:

— Я не хочу иметь с тобой дела. Вчера, когда ты отказалась помочь раненому — за которым, напомню, следила неделями, надеясь на его кончину, — я увидел тебя во всей красе и теперь не желаю иметь с тобой ничего общего.

Вновь в ее глазах загорелся лютый гнев; но вновь она взяла себя в руки и заговорила с внешним спокойствием, пусть и достигнутым немалыми усилиями, судя по ее напряженному

лицу:

— Ты еще осуждаешь меня за то, что не помогла вернуть Мертвого к жизни! Я же знала, что Лохлейн мертв! Да! И ты это чувствовал не хуже моего. Уже когда ты поднял его на рифы из прилива, и Ясновидцем не нужно быть. А раз он мертв, почему бы им не воспользоваться? Или Мертвые против того, чтоб помогать живым, пока в них еще не остыла кровь? Или это ты против сил Мертвых? Ты, в чьих венах бежит сила видеть будущее; ты, кому отворились сами небеса, и земля, и воды под землей, когда дух Мертвого, что лежал на твоих плечах, пошел бок о бок с тобой к Колодцу святого Олафа. А я — чем я перед тобой провинилась? Я не хуже тебя видела, что песок в часах Лохлейна истек. В том мы с тобой одинаковы. Нам с тобой дано видеть — по знакам, ставшим за века священными, — что Судьба шепнула ему, пусть сам он и не слышал Глас. Мне-то дано замечать лишь, что Глас прозвучал. Но вот тебе явлено и как, и когда, и где наступит Рок, хоть ты — тот, кто читает будущее, как никто другой, — не можешь читать прошлое, а значит, не понял того, что угадал в былых временах менее одаренный. Я последовала за Роком; ты последовал за Роком. Я — благодаря своей смекал-

ке; ты — когда пробудился ото сна, следуя своим убеждениям; и вот мы встретились на смерть Лохлейна, во время потопа Ламмаса, под златой луной на златом море. С его помощью ты видел бледную череду привидений прошлой ночью — да-да, молодой человек, без помощи свежего покойника ни один Ясновидец на свете того бы не увидел. С его помощью пред тобой раскрылись чудеса небес и пучин, земли и воздуха. Так за что проклинать меня, коль я всего лишь увидала знак и последовала за ним? Коль виновна я, что говорить о тебе?

Не передать словами ее грубое, дикое, врожденное красноречие, с которым все это было сказано. Сухощавая старуха словно высилась надо мной в свете заката; когда она размахивала руками, их длинные тени простирались по зелени перед нами в рябь моря, словно могуче призывая в свидетельницы саму природу.

Меня это глубоко проняло, ведь она не сказала ни слова *лжи*. Гормала и в самом деле не сделала ничего, за что наказывает закон. Гибель Лохлейна — ни в коей мере не ее рук дело. Она лишь наблюдала; а раз он даже не знал о наблюдении, она ничем не могла подтолкнуть его к случившемуся. Что говорить обо мне! Ее слова представили

мне всё в новом свете. Зачем я встал посреди ночи и пришел на Уиннифолд? Чутье это было — или зов ведьмы, в таком случае обладающей надо мной некой гипнотической властью? Или же?..

Я ужаснулся неозвученной мысли. Неужели и правда силы Природы, явленные мне в страшный час, имеют не только разум, но и предназначение!

Отвечая, я сам почувствовал, каким примирительным стал мой тон.

— Я не хотел винить тебя в том, что ты сделала. Теперь я вижу, что твое единственное преступление — в бездействии.

Я сам видел шаткость своего довода, и презрение в ответе стало эхом моих собственных чувств.

— Мое преступление — в бездействии! Преступление! В каком таком преступлении я виновата, чтобы ты мне пенял? Чем я могла помочь, когда Лохлейн встретил свою смерть на рифах во время прилива? А почему ты сам стоял рядом со мной столбом и не помог, даже не пытался, если в тебе хватило сил донести его тело отсюда до Колодца святого Олафа; да потому что ты понял: в час Рока ни одна живая душа уже не поможет. Да! Голубчик, Судьбы слишком хорошо знают свою волю,

чтобы кто-то еще вмешивался в их планы! А ты думал, будто любым своим делом и словом или бездействием смутишь сам Рок? Ты еще молод, тебе многое предстоит узнать; так знай сейчас, пока можешь: что сказано Гласом, того уж не миновать. Да! Сколько ни собери Служителей Рока, с каких времен или далеких концов света их ни созови!

Я не мог тягаться с логикой и точностью Гормалы. Я чувствовал, что обязан ей чем-то отплатить, о чем и сказал. Она выслушала в своей обычной сумрачной манере, с благородством императрицы.

Но дальше этого ее благородство не зашло; стоило ей увидеть брешь в обороне, как она рьяно, по-женски, нанесла удар. Без колебаний и отлагательств она потребовала ответить, что я видел прошлой ночью. Прямота вопроса сослужила мне великую службу, потому как мое сердце само собой ожесточилось, а уста сомкнулись. Гормала увидела мой ответ раньше, чем я его произнес, и отвернулась, в сердцах махнув рукой, передавая все свое отчаяние. Она поняла, что ее последняя надежда пропала; последняя стрела потрачена втуне.

С ее уходом словно раскололась цепь, связыва-

ющая меня с прошлой ночью, и чем дальше по дороге уходила Гормала, тем тусклее становилось в памяти это странное происшествие.

Домой я шел по пескам Крудена, как во сне. Холод и напряжение предыдущей ночи давили все больше и больше с каждым часом. Усталый и сонный, я лег в постель и провалился в тяжелый летаргический сон.

Последнее, что я помнил, — звон гонга к ужину и смутную решимость не отвечать на его зов…

* * *

Только недели спустя, когда прошел жар, я поднялся с постели в «Килмарнок Армс».

Глава VII. Другие времена и дальние концы Земли

В последнюю неделю июня следующего, 1898 года я вновь оказался в Крудене. Строительство моего дома как раз было в самом разгаре. Я договорился с рабочими, что отделкой и всем тем, что в их ремесле зовется украшательствами, они займутся только в моем присутствии в следующем году, чтобы ничего не делалось без моего согласия. Каждый день я ходил на стройку ознакомиться со всем, прежде чем планировать отделку. Но особого удовольствия мокнуть на улице или потом подолгу оставаться в мокром не было, и потому большей частью я коротал время дома.

Среди первых дел я нанес визит в Питерхед, тогда охваченный бурной деятельностью, потому что вылов сельди в этом году удался, а разнообразная торговля шла бойко. На рынке, наполовину заставленном лотками, нашлось бы практически все, в чем нуждается или чего желает рыбак на борту корабля. В изобилии имелись фрукты и прочая всевозможная летняя роскошь. Поскольку

была суббота, суда вернулись пораньше, сети уже разложили на просушку, а мужчин отпустили по домам побриться и приодеться. Женщины тоже занялись приведением в порядок: сперва — улова, потом — себя.

Я недолго бесцельно побродил средь лотков, не находя себе места; это неспокойное чувство в последнее время служило прелюдией ко множеству манифестаций силы Второго Зрения. Я чувствовал, будто что-то во мне безуспешно ищет на ощупь нечто неизвестное, и удовлетворение приходило с пониманием цели поисков.

Наконец я увидел странствующего аукциониера, торговавшего с небольшой тележки всякой всячиной, собранной, очевидно, в разных краях. Торги он вел — или, как это называлось, «кричал» — «голландского» типа: каждому товару наобум назначалась заоблачная цена, которая уменьшалась до первого отозвавшегося. Языком он работал что надо; по его скороговорке можно было судить, как хорошо он понимает желания и мировоззрение класса, к которому обращается.

— А вот сочинения преподобного Роберта Уильяма Макалистера из Троттермэвериша в дюжине томов, с нехваткой первого и последних двух; три зачитаны до дыр, но еще способны удо-

влетворить духовные нужды тех, кто идет на дно. Проповедь на каждый день в году — на гэльском для тех, кто не знает по-английски, и на хорошем английском для тех, кто знает. Сколько за дюжину томов с нехваткой всего трех? Ни гроша меньше девяти шиллингов, ставки-ставки. Кто даст восемь шиллингов за все собрание? Семь, и не меньше. Идет за шесть. Пять шиллингов для вас, сэр. Кто даст четыре шиллинга! Ни гроша меньше трех шиллингов; полкроны. Кто даст два шиллинга? Уходит вам, сэр!

Все девять томов передали старику угрюмого вида, а аукционер исправно спрятал в карман два шиллинга, извлеченные из тяжелого холщового мешка.

Что бы он ни выкладывал, все находило своего покупателя; даже свод законов имел для кого-то привлекательность. Забавляли особенно курьезные лоты. Обойдя гавань и посмотрев разделку и укладку рыбы по бочкам, я снова вернулся на рынок к торговцу. Он, очевидно, времени даром не терял — телега почти опустела. Сейчас он предлагал последний лот своей программы — старый дубовый сундук, на котором до этой поры выставлял товар на обозрение. Меня всегда чаровали старые дубовые сундуки, а я как раз обставлял

дом. Я подошел, открыл крышку и заглянул: по дну были разбросаны какие-то бумаги. Я справился у торговца, идет ли содержимое вместе с сундуком, на самом деле желая разглядеть замок, с виду сделанный из очень старой стали, хоть и поврежденный и не имевший ключа.

В ответ на меня обрушился словесный поток, достойный лучших аукционеров:

— Да, добрый мастер. Забирайте все как есть. Дубовый рундук, сотни лет возрастом — а еще заслуживает места в доме любого, кому есть что прятать. По правде сказать, недостает ключа; зато сам замок справный и старый, ключ сделать нетрудно. К тому ж содержимое, какое ни есть, все ваше. Глядите! Старые письма на каком-то заморском языке — французском, видать. Пожелтевшие от старости и с выцветшими чернилами. Наверное, любовные. Налетай, молодые люди, вот ваш шанс! Если не умеете изливать душу на письме своим девицам, глядишь, чему-нибудь научитесь. Зуб даю, тут есть чему поучиться!

Я участвовал в торгах не в первый раз, поэтому изобразил безразличие, которого не чувствовал. В действительности я необъяснимо взбудоражился. Быть может, мои чувства и воспоминания растревожил пирс, где я впервые увидел Лохлей-

на Маклауда и ту кипящую жизнь, которая тогда его окружала. Я вновь ощутил действие того странного неуловимого влияния или склонности, что вошли в мою натуру в дни после гибели островитянина. Я словно почувствовал на себе тяжелый взор человека из призрачной процессии в канун Ламмастида. Очнулся я от голоса аукционера:

— Рундук и его содержимое уйдут за гинею, и ни грошом меньше.

— Беру! — выпалил я сгоряча. Аукционер, и в самых диких фантазиях не надеявшийся на такую цену, на миг лишился дара речи. Но быстро опомнился и ответил:

— Рундук ваш, добрый мастер; и на сегодня я откричался!

Я огляделся, гадая, кто мог мне напомнить человека из призрачной процессии. Но такого рядом не нашлось. А встретил я, как ни удивительно, жадный взгляд Гормалы Макнил.

Тем вечером в номере «Килмарнок Армс» я как мог изучал бумаги при свете лампы. Почерк был старомодным, с длинными хвостами и множеством завитушек, что лишь прибавило сложности. Язык оказался испанским, и его я не знал; но с помощью французского и того немного-

го из латыни, что еще помнилось, я разбирал тут и там отдельные слова. Даты охватывали время с 1598-го до 1610-го. Письма, каких числом было восемь, с виду не представляли важности: короткие послания, адресованные «Дону де Эскобану» и сообщавшие лишь о назначенных встречах. Затем — ряд печатных страниц из какого-то фолианта, возможно для ведения подсчетов или даже шифра: текст на них испещрялся точками. Довершала стопку тонкая и узкая полоска бумаги с цифрами — возможно, какой-то счет. Документы трехвековой давности имели некую ценность — хотя бы из-за почерка. И потому перед сном я бережно их запер с намерением когда-нибудь тщательно изучить. Появление Гормалы в тот самый миг, когда я ими завладел, словно неким таинственным образом связывало их с прошлыми странными событиями, в которых она сыграла столь заметную роль.

Той ночью я спал как обычно, хотя сны были разрозненными и бессвязными. Гнетущее присутствие Гормалы и все, что случилось днем, — особенно покупка сундука с таинственными бумагами, — а также все произошедшее со времени приезда в Круден смешивалось с вечно повторяющимися образами того момента, когда у

меня открылось Второе Зрение и погиб Лохлейн Маклауд. Снова, снова и снова я урывками видел перед собой того дюжего рыбака, стоящего в златом сиянии, и как он боролся с неподвижным златым морем, однообразие которого прерывалось лишь разбросанными грудами черных камней, и его бледный лик, залитый кровью. Снова, снова и снова из пучин поднималась крутой тропой призрачная процессия и медленно уходила в тишине в Колодец святого Олафа.

Слова Гормалы становились для меня истиной: некая сила подталкивала покончить со всем, что я сознавал, включая и меня самого. Тут я замер, вдруг охваченный мыслью, что Гормала и заставила меня думать в этом направлении; а ее слова, произнесенные наутро после смерти Лохлейна, когда мы стояли на мысе Уитсеннан, одновременно предостерегали и угрожали: «Что сказано Гласом, того уж не миновать. Да! Сколько ни собери Служителей Рока, с каких времен или дальних концов света их ни созови!»

Следующие дни выдались исключительными, жизнь казалась сплошным удовольствием. Вечером понедельника был закат, какой я не забуду никогда. Все небо пылало красными и золотыми красками; огромные массы облаков казались

широкими алыми балдахинами, расписанными золотом над солнцем, воссевшим на престоле западных гор. Я стоял на Хоуклоу, откуда открывался отменный вид; подле был пастух, чья отара покрыла крутой зеленый склон, словно снег.

Я обернулся к нему:

— Разве не славное зрелище?

— Да! Великолепное. Но, как любая краса мира, все угаснет и расточится в ничто: это только маска скорби.

— Однако, не самый оптимистичный взгляд на вещи.

Он неторопливо взял понюшку табака и ответил:

— Я не оптимист и не пессимист, ни то ни другое. Как по мне, оптимист и пессимист — два сапога пара: принимают часть за целое, а значит, повинны в логическом грехе a particulari ad universale[15]. Сплошная у них софистика; будто в ней что-то есть, кроме искажения факта. А мне хватает самого факта, и потому-то и говорю, что великолепие заката есть лишь маска скорби. Гляньте-ка! Облака сплошь золото да красота, аки полк уходит на войну. Но только дайте срок,

---

[15] Примечания: 15
От частного к общему (*лат.*).

когда солнце скроется не то что за горизонт, а за угол отражения. Что вы тогда увидаете? Все мрачно и серо, и пусто, угрюмство да скорбь; аки армия возвращается из битвы. Одни скажут, раз солнце красивым заходит вечером, то обязательно взойдет красивым поутру. Будто не думают, что до возвращения ему предстоит обойти другую сторону света; и что нужно поддерживать равновесие хорошего да плохого, света да темноты. Может статься, что пройдут быстро хорошие дни или что задержится плохая пора. Но в конце концов количества хорошего и плохого сойдутся в предписанной сумме. Тогда что толку не внимать фактам? Насколько могу судить, завтрашний факт будет отличаться от факта этой ночи. Не зря ж я встречал на рассветах мудрость и славу Господню, усваивая их уроки. *Mon*, говорю вам, все эти прелести помпы да празднества, вся пышная роскошь красок да великолепия есть лишь дурные знаки. Или вы не видите полос ветра в небе, с востока на запад? Или не знаете, что они предвещают? Говорю вам, не успеет солнце зайти завтра вечером, как по всей этой стороне Шотландии быть разрушению да несчастью. Начнется буря не здесь. Быть может, она уже бушует дальше на восток. Но придет она быстро, и верней всего

— с приливом; и тогда горе тем, кто не уберегся, пока мог. Прислушайтесь к тишине! — Он пастушьи не слышал, что всеохватную тишину природы нарушает непрестанное блеяние его овец на все голоса. — Думается мне, это только затишье перед бурей. Что ж, сэр, пойду я. Овечки говорят, пора бы нам уж и домой. И гляньте, колли! Так сердито на меня глядит, будто я совсем забыл про овец! Мое почтение, сэр!

— Доброй ночи, — отвечал я. — Надеюсь, еще свидимся.

— И я об том же думаю. Очень мне угодила наша приятная беседа. Надеюсь, еще посмеемся при встрече!

И на этом мой эгоцентричный философ двинулся домой, блаженно не замечая, что моим единственным вкладом в «приятную беседу» было замечание, что он не похож на оптимиста.

Все его подопечные размеренно двинулись домой, а колли неистово метался туда-сюда, направляя отару в нужную сторону. Уже скоро я наблюдал, как стадо потекло шумной пенистой речушкой через узкий мостик над Уотер-оф-Круден.

Следующее утро выдалось добрым, очень жарким и необычно тихим. В любое другое время

я бы радовался такой погоде, но вчерашнее предупреждение эрудита и философа меня насторожило. А хуже всего в этих пророчествах, что они усугубляют тревожность. Сегодняшний день задался хорошо — значит, приходилось ожидать, что кончится он плохо. Около полудня я прогулялся на Уиннифолд; я знал, что в субботу строители уйдут пораньше и дом будет в полном моем распоряжении, и хотел пройтись по нему в тишине и наконец выбрать цветовую палитру. Там я провел несколько часов, а затем, приняв решение, направился в гостиницу.

За эти несколько часов погода изменилась как по волшебству. Будучи в четырех стенах, весь в мыслях о другом, я и не заметил перемены — пусть и спорой, но все же наверняка постепенной. Жара нарастала, пока не стала гнетущей; но время от времени по воздуху словно пробегала холодная дрожь, от которой я чуть не морщился. Все было спокойно — так сверхъестественно спокойно, что редкие звуки резали слух. Почти сошел на нет крик чаек, шум бьющихся о камни и берег волн, противоречивший тишине над морем; овцы и скот затихли до того, что отдельное коровье «му» или овечье «бе» звучали удивительно одиноко. Глядя на море, я ощутил усиление

холодного ветра; или не столько ощутил, сколько знал, что он усиливался. Когда я сошел по тропинке на пляж, мне было послышался чей-то оклик — слабый и далекий. Вначале я не обратил на него внимания, поскольку знал, что меня звать некому; но, обнаружив, что он не умолкает, огляделся. В каждом из нас хватает любопытства, чтобы уж хотя бы оглядеться, когда зовут. Сперва я ничего не заметил; но потом на помощь слуху пришло зрение, и я увидел, что с рифа мне машут платками две женщины. Крики явственно доносились от них. Не к добру очутиться на рифе перед бурей; вдобавок я знал те рифы. И я поспешил со всех ног: путь до них был неблизкий.

У южного окончания Круден-Бей есть скопление скал, отходящих от берега, как шпора петуха. Дальше они идут разрозненно, многие невидимы во время прилива. Они образуют часть Скейрс, раскинувшуюся веером от мыса Уиннифолд. Среди тех скал приливы и отливы особенно сильны; не раз меня чуть не уносило, когда я там плавал. Что может случиться, когда тебя затянет в Скейрс, я слишком хорошо знал по участи Лохлейна Маклауда. Я стремглав несся по крутой тропинке и каменистому пляжу, пока не достиг Сэнди-

Крейгс[16]. На бегу я видел по приливу — слабому, но набирающему силу с каждой секундой, — что предсказанный пастухом шторм идет на нас на всех парах. В таких случаях каждый миг на счету. Больше того, от каждого мига зависела жизнь; и, задыхаясь, я полез через валуны. На отшибе за основной массой Сэнди-Крейгс торчат две скалы, чьи верхушки прилив не покрывает, но омывает с каждой волной. Ближайшая при низкой воде не отделена от основной массы, но соединяется с ней узким перешейком несколько футов длиной, который захлестывают первые же волны прилива, поскольку он находится на самом пути прибывающей воды. В девяноста — ста футах за этой скалой, через глубокий канал, есть внешний риф, в любое время представляющий собой остров. При низкой воде оттуда открывается лучший вид на множество скал Скейрс. Они поднимаются со всех сторон — гранит, как будто пожелтевший от волн на участке между линиями прилива и отлива; над второй уже не растут черные водоросли. Сей островок так укрыт за высокими скалами, что его не разглядеть из Круден-Бей или Порт-Эрролла; разве что с тропинки, поднимающейся на

[16] Примечания: 16
Песчаные камни.

Уиннифолд. Повезло, что там проходил я, иначе бы попытки несчастных привлечь внимание пропали втуне.

Достигнув Сэнди-Крейгс, я поспешил перебраться через них и скоро увидел ту отдельную скалу. К счастью, вода стояла низко. Прилив только-только разгонялся, волны начали быстрый бег между скал. Когда я поднялся на предпоследний валун, оказался ярдах в тридцати[17] и отчетливо разглядел двух женщин. Одна — коренастая и пожилая, вторая — молодая, высокая и необыкновенно красивая. Пожилая пребывала едва ли не в паническом состоянии, но молодая не выказывала испуга, хотя и смертельно побелела, — и по тому, как она тревожно озиралась, я видел, сколь далека она от спокойствия. На миг создался любопытный эффект, когда ее бледное лицо, обрамленное темными волосами, выделилось на фоне пены, взбивавшейся у дальних скал. Казалось, ее голова увенчана белыми цветами. Времени было в обрез, и я сбросил пальто с туфлями и приготовился к заплыву.

Перед этим я их окликнул:

— Что случилось с вашей лодкой?

---

[17] Примечания: 17

1 ярд ≈ 0,9 м.

В ответ раздался чистый молодой голос с явным американским акцентом:

— Ее унесло. Она пропала за скалами у мыса.

Миг я думал, что проще было бы найти ее, но один только взгляд на даль и состояние моря развеял все надежды. Волны поднимались так быстро, что уже лизали гребень скал. Женщин окатывало чуть ли не каждой волной. Без дальнейших отлагательств я прыгнул в море и поплыл. Девушка помогла взобраться на риф, и я встал рядом с ними: старушка крепко вцепилась в меня, а я держал девушку, пока волны омывали наши ноги. Несколько мгновений я оценивал положение, а затем спросил, умеют ли они плавать. Ответ был отрицательный.

— Значит, — сказал я решительно, — доверьтесь мне, и я переплыву с каждой из вас по очереди.

Старшая дама испуганно застонала. Я понял, что другого выхода нет и что, если не тянуть, будет нетрудно: расстояние небольшое, а волны еще не выросли. Чтобы поддержать дух женщин, я старался говорить так, словно все это — приятное приключение на отдыхе; но сам в то же время ужасно переживал. Преодолеть требовалось каких-то тридцать ярдов, но канал был глубоким,

а прилив — сильным. К тому же волны становились все больше, а нам еще предстояло забраться на скользкий, покрытый водорослями камень.

Но ничего не оставалось, кроме как поторопиться; и, обдумывая, как лучше переправить пожилую даму, я произнес:

— Какая жалость, что у нас нет даже веревки, чтобы перетянуть друг друга.

Девушка так и подскочила от этой мысли:

— На лодке ее было предостаточно, но той, понятно, уже нет. И все же здесь найдется короткий кусок. Я привязала носовой фалинь к камню, но по-женски забыла убедиться, закреплен ли второй конец, и, когда начался прилив, лодку унесло. Привязанный конец должен быть на месте.

Когда набежавшая волна укатилась, девушка указала на короткую веревку, охватившую скальный выступ; свободным концом играли волны. Я тут же подскочил туда, увидев возможный выход из наших затруднений: пусть веревка коротковата — но и расстояние невелико, и, если ее расплести, длины вполне могло хватить. Я как можно быстрее отвязал веревку. Дело оказалось непростое — волны подпускали не больше чем на пару секунд; и все же я наконец освободил ее и вытянул. Это был отрезок всего лишь футов трид-

цать в длину, но сердце мое радостно екнуло.

Девушка тоже все поняла и тут же сказала:

— Позвольте помочь.

Я вручил ей один конец веревки, и мы вместе принялись ее расплетать. Это было не так-то легко — трудиться, стоя на неровной поверхности рифа, когда по ногам бежала вода, а старушка рядом охала, ахала и просила поторопиться. По большей части она молила меня, словно я какой-то deus ex machina[18] и потому способней беспомощных женщин; но эти жалобы были обращены к молодой спутнице, которая даже тогда, среди переживаний и спешки, уделяла время, чтобы успокаивающе положить руку на плечо старушке и сказать:

— Тише! О, прошу, тише! Ни слова, дорогая. Вы только саму себя пугаете. Соберитесь с духом! — и прочие слова, полные тепла и ободрения. Один раз девушка осеклась, когда о ее ноги разбилась волна посильнее других. Пожилая дама, уцепившись за нее, попыталась приглушить свой вскрик до стона, снова и снова жалобно повторяя: «О, мисс Анита! О, мисс Анита!»

Наконец мы расплели веревку на четыре ча-

---

[18] Примечания: 18

Бог из машины (*лат.*) — театральное понятие, обозначающее чудесное спасение.

сти, и я принялся связывать их одну за другой. В результате получился трос достаточно длинный, чтобы перебраться со скалы на скалу, хоть местами весьма сомнительной прочности. С одного конца я связал большую петлю и пропустил через голову низкой дамы ей под мышки. Я предупредил обеих, чтобы они не подвергали веревку большому или внезапному напряжению. Пожилая дама возражала против того, чтобы идти первой, но девушка и слушать этого не желала, а ее желание было для меня законом. Я взял свободный конец и, нырнув, доплыл до второй скалы, насилу на нее взобравшись, поскольку волны, сами по себе еще не опасные, затрудняли любое движение. Я дал знак даме спускаться в море, что она весьма отважно проделала не без помощи девушки. В воде она захлебывалась и отплевывалась, вцепившись смертной хваткой в петлю; но я тянул не спеша, размеренно, не доверяя прочности веревки. В считаные секунды дама уже переправилась, а я помогал ей взобраться на камень. Когда леди твердо встала на ноги, я вручил ей свободный конец и сам поплыл обратно с петлей. Девушка не мешкала и не чинила неприятностей. Когда она помогала мне подняться, я не мог не заметить ее силу; она

держала мою мокрую руку крепко и уверенно, без трепета. Я догадался, что теперь, когда ее спутница оказалась в безопасности, собственная судьба ее не заботила. Я дал знак пожилой даме приготовиться; девушка скользнула в воду, я — за ней и поплыл рядом. Старушка потянула изо всех сил и увлеклась настолько, что не вняла моему предостерегающему оклику. Тянула так, словно это вопрос жизни и смерти; в результате уже на трети пути веревка порвалась, а старушка с размаха села на скалу. Девушка окунулась с головой и вынырнула, хватая ртом воздух. В судорожном порыве, объяснимом в такой момент, она так ухватилась за мою шею, что подвергла опасности нас обоих. Пока мы оба не пошли ко дну, я вырвался из хватки, хоть и с немалым трудом, так что, когда мы вынырнули, она оказалась на расстоянии руки.

Несколько секунд я ее поддерживал, чтобы она отдышалась; все это время слышал, как старушка надсадно кричит:

— Марджори! Марджори! Марджори!

С воздухом к девушке вернулось и здравомыслие, и она безропотно подчинилась мне. Пока я держал ее за плечо, нас подхватила волна, перехлестнувшая через скалу, и во внезапном

порыве не упустить девушку я разорвал платье у ее горла.

Очевидно, теперь она полностью отдавала себе отчет в происходящем и вдруг воскликнула:

— О, моя брошка! Моя брошка!

У нас не было времени ни на промедление, ни на расспросы. Когда приходится плыть за двоих в бурном море, причем твой спутник — одетая с ног до головы женщина, тратить силы нельзя. Поэтому я греб как мог и доставил-таки ее к валуну, где пожилая спутница помогла ей подняться на ноги. Только отдышавшись, я наконец спросил о брошке.

— Я бы отдала что угодно на свете, лишь бы ее не потерять, — отвечала она. — Это фамильное сокровище.

— Она золотая? — спросил я, желая знать, как брошка выглядит, чтобы за ней нырнуть.

— Да! — воскликнула она, и без лишних слов я снова окунулся в воду и поплыл к дальней скале, раз уж брошка потерялась ближе к ней. Дно между скалами песчаное, а значит, разглядеть золото было бы просто. Стоило мне отплыть, как девушка принялась говорить, чтобы я не переживал, да что она бы лучше потеряла брошку еще тысячу раз, чем подвергла меня опасности, и

тому подобное, весьма приятное слуху из таких уст. Сам я пребывал в приподнятом настроении. Мне удалось переправить обеих женщин без неприятностей, а море пока еще не представляло угрозы хорошему пловцу. Я нырнул со скалы и легко достиг дна всего в десяти — двенадцати футах; совсем скоро я увидел проблеск золота. Когда я всплыл и вернулся к скале, женщины втянули меня на нее совместными усилиями.

Я отдал брошь, юная леди прижала ее к губам и сказала со слезами на глазах:

— О, какой вы смелый! Какой добрый и смелый! Я бы отдала за нее все, что имею. Благодарю за спасение наших жизней — и за то, что спасли эту брошь.

И с девичьей порывистостью и безрассудностью она поцеловала меня.

Это был счастливейший миг в моей жизни.

Глава VIII. Бег по пляжу

Ее поцелуй был таким спонтанным и естественным, что не вызвал превратного впечатления. Это было выражение благодарности, и только. И все же мое сердце забилось чаще, а кровь в венах зазвенела от радости. Я уже не чувствовал нас незнакомцами и уже никогда не смог бы. Должно быть, та же мысль пришла в голову и девушке, потому что она покраснела и застенчиво отвернулась; но, гордо вскинув голову и притопнув ножкой по скале, оставила это мгновение позади. Ее пожилая спутница, хотя и испереживалась за себя и за девушку, бросила-таки на меня неодобрительный взгляд, словно я чем-то провинился: я понял, что юная леди не просто ей очень дорога, но и заслуживает необычайного уважения. Мне показалось удивительным, что дама озаботилась таким пустяком в сложившемся положении. Пускай смерть уже не дышала ей в спину, но она все же промокла и продрогла; скала под ее ногами была твердой и скользкой, а пена хлещущих волн и сейчас вихрилась у туфель.

Теперь она опасливо огляделась; все-таки она

еще не знала, не очутились ли мы на точно такой же обособленной скале. Я поспешил успокоить ее на этот счет, и мы как можно быстрее поспешили через скалы к берегу. Больше всего нас задерживала пожилая дама. Теперь, когда ветер задул так, что на камнях было трудно устоять, в каверзных местах я предлагал девушке руку. Поначалу она твердо отказывалась; но затем, явно сочтя это невоспитанным поведением, передумала и позволила ей помогать. Очевидно, у нее на уме еще был тот поцелуй.

Обе леди выдохнули свободнее, когда мы сошли на берег и отдалились от моря. И вид, когда мы оглянулись, в самом деле предстал пугающий. Всюду, куда ни глянь, накатывали огромные волны, увенчанные белым; разбиваясь о скалы, они вскидывали столбы брызг или со зловещим ревом поглощали плоский берег перед нами. Горе любому, кто остался бы на скале; его унесло бы и расшибло о камни. Увидев это, старушка застонала и вслух произнесла благодарственную молитву. Даже девушка на миг побелела; затем, к моей тайной радости, инстинктивно подалась ближе ко мне.

Я взял командование на себя и распорядился:

— Идем, ни к чему торчать здесь в мокрой одеж-

де. Поспешим в гостиницу и обсохнем. Иначе вы насмерть простудитесь. Нам всем нужно бежать! Или по меньшей мере поторопиться! — прибавил я, вспомнив о габаритах пожилой дамы.

— Мы оставили нашу бричку у гостиницы, — сказала молодая девушка, когда мы быстро двинулись в сторону Порт-Эрролла.

Тут мне вдруг пришло в голову, что эпизод спасения могла видеть Гормала. Сама мысль преисполнила таким отвращением, что у меня вырвался возглас. Я бы все отдал, чтобы она не омрачила это происшествие, слишком сокровенное — слишком радостное — слишком из ряда вон!

Потерявшись на две-три секунды в чувствах невыразимой нежности, я опомнился, только услышав голос приблизившейся девушки:

— Вы ранены? Пожалуйста, скажите, если да. Я умею оказывать первую помощь.

— Ранен? — спросил я в удивлении. — Вовсе нет. С чего вы это взяли?

— Я слышала ваш стон!

— Ах, это… — начал я с улыбкой. И тут прервался, потому что сердце снова окутал, словно сырой туман, гнетущий страх перед вмешательством Гормалы. Со страхом же, впрочем, пришла и

решимость: я не позволю сомнениям мучить меня. Окинув взглядом берег, когда мы сошли с камней на пляж, я не увидел ни единой живой души. В этой части дюны переходили в узкий пустырь, заросший метлицей, за которым склон поднимался к высокой равнине. Здесь бы никто не спрятался: даже залегшего в высокой траве можно было бы легко заметить сверху. Ни слова не говоря, я повернул налево, как можно быстрее пересек пляж и взбежал по крутому склону песчаного плато. Там, с некоторой опаской и с сердцем, колотящимся, как молот, — я и правда не на шутку разволновался, — я огляделся. Только тогда я позволил себе выдохнуть свободно: сколько я видел, нигде не было ни следа человека. Ветер, теперь с силой задувший с моря, прижимал траву к земле, обнажая бледную зелень обратной стороны травинок; а ее характерный сине-зеленый металлический оттенок, который так трудно воспроизвести художникам, скрылся под этим яростным натиском.

Я бегом вернулся к женщинам. Пожилая упорно шла по берегу, оставляя за собой на песке полусырые следы; но молодая задержалась и подалась мне навстречу.

— Надеюсь, ничего не случилось? — задала она

естественный вопрос.

— Нет, — ответил я, не задумываясь, поскольку отчего-то уже казалось, что мы с ней давние друзья, и говорил я с ней в этом духе. — Все хорошо. Ее здесь нет!

— Кого? — спросила она, как и я, без задней мысли.

— Гормалы! — ответил я.

— А кто такая Гормала?

Пару минут я шел молча, раздумывая над ответом. Я понимал, как трудно будет объяснить, насколько странно Ясновидица сплелась с моей жизнью; и все же этой девушке рассказать хотелось. Я боялся, что она рассмеется; примет меня за шута; будет презирать меня; или даже сочтет полоумным! С другой стороны, Гормала сама могла бы искать с ней встречи и при случае наговорить обо мне что в голову взбредет. Кто знает, что у нее на уме. Она могла настичь нас в любой момент; она могла быть неподалеку прямо сейчас! Ее бесконечная слежка начала на мне сказываться; меня угнетало уже само ее существование. Я тревожно огляделся и выдохнул. Ни следа Гормалы. Наконец мой взгляд остановился на лице девушки… Ее красивые темные глаза следили за мной с интересом и удивлением.

— Что ж! — сказала она после паузы. — Вряд ли меня можно назвать любопытнее других людей, но мне все же захотелось узнать здесь и сейчас, что с вами происходит. Вы так озирались, словно за вами гонятся! Почему вы сорвались с места и осматривались, будто в вас стреляли, а вы хотели найти откуда? Почему вы так переживали, а теперь вернулись напевая? И кто такая Гормала и почему вы так рады, что не увидели ее? Почему не ответили, когда я о ней спросила? Почему шли, закинув голову, с неподвижным взглядом, словно вас посетили видения? И почему… — Тут она прервалась, и густая краска залила ее лицо и даже шею. — Ой, — продолжила она тихо и пылко. — Прошу прощения! Я забылась. Я не вправе задавать столько вопросов, тем более незнакомцу! — Она осеклась так же неожиданно, как начала.

— Право, не извиняйтесь! — сказал я. — Знаю, что грубо тянуть с ответом о Гормале; но правда в том, что ее окружает слишком много странностей и что на самом деле я переживал, не примете ли вы меня за дурачка или полоумного, если я их перескажу. И вы точно не поймете, почему я не хотел ее видеть, если я откажусь рассказывать. Да и если не откажусь, — прибавил я.

Смущение соскользнуло с девушки, словно плащ; к румянцу прибавилась улыбка, когда она обернулась ко мне и сказала:

— Это ужасно интересно. О, прошу, расскажите, если можете.

— С радостью, — ответил я от всего сердца. — Гормала… — начал я; но в этот самый момент приземистая дама перед нами, оторвавшаяся на приличное расстояние, обернулась и окликнула нас. Я расслышал только «мисс Анита», но девушка, очевидно, поняла все, потому что ответила: «Хорошо! Мы идем!» — и поспешила вперед. Отрадно было слышать, что она сказала «мы», а не «я»: замечательно было занимать место в ее мыслях.

На ходу она обернулась и добавила:

— Обязательно расскажите все; мне не будет покоя, пока я не услышу историю целиком, какой бы она ни была. Это так волнующе и замечательно! Сегодня утром, выходя спросонья из гостиницы, я и не представляла, сколько нам готовит день.

Собравшись с духом, я ответил:

— Отужинайте в гостинице со мной. Вы пропустили обед и наверняка проголодались, поэтому стоит сесть за стол раньше. Для меня это будет истинным удовольствием; а после я расскажу

вам все, если мы улучим минутку наедине.

Она помолчала, и я нервно ожидал решения. Затем она ответила с греющей душу улыбкой:

— Все будет так, как скажет миссис Джек. Но мы поглядим!

И пока что я довольствовался этим.

Когда мы догнали миссис Джек, та принялась громко сокрушаться:

— О, мисс Анита, не знаю, что и делать. Песок такой тяжелый, да одежда так давит от сырости, да туфли так хлюпают — я уж думаю, что никогда не согреюсь и не высохну, хотя в каком-то смысле согрелась даже чересчур.

При этом она пошла по-медвежьи, вразвалку, так что захлюпало в промокших туфлях. Я бы рассмеялся, хоть и жалел бедняжку, но одернул себя, увидев тревогу, написанную на лице мисс Аниты. Она ласково принялась помогать пожилой даме и всячески ее утешать, просительно взглянув на меня.

— Боже, — сказала она. — Неудивительно, что вам трудно идти: вы промокли до нитки. — И присела на мокрый песок, чтобы выжать ее платье. Я огляделся и поискал, чем бы помочь. Напротив нас скальный выступ, на котором покоится Хоуклоу, отрастил в песке, под заросшими

пригорками, гранитную косу. Я показал на нее, мы отвели туда старушку и усадили на плоский камень. Затем принялись выжимать ее одежду под ее просьбы не утруждаться. Мы стянули с нее сапоги с боковой застежкой, вылили из них воду и с немалым трудом надели обратно. Потом мы с девушкой взяли ее под руки и поспешили по берегу: мы все прекрасно понимали, что по-настоящему отдохнуть можно будет только в гостинице. На ходу пожилая леди осыпала нас благодарностями, роняя слова на каждом шагу: «О, дорогие мои, вы так добры».

И снова меня порадовало обращение во множественном числе. Впрочем, на сей раз подействовало это не на сердце, а на голову: такое объединение с мисс Анитой дарило как удовольствие, так и надежду.

Мне определенно вскружило голову.

Добравшись до Крудена, мы подняли в гостинице переполох; все забегали, спеша скорее обсушить дам. Мы не объясняли в подробностях, как промокли, только дали понять, что их застал прилив. Раскрывать детали я не спешил. Я и так ясно видел, что, хотя пожилую даму распирало от благодарностей мне, молодая не только хранит молчание, но и время от времени одергивает

спутницу предостерегающим взглядом. Незачем и говорить, что я предпочел дать всему идти своим чередом; к тому же мой общий с новой знакомой секрет доставлял слишком большое удовольствие, чтобы его раскрывать, подвергать угрозе такое блаженство. Их отвели в спальни переодеваться, а я попросил подать мне в номер ужин на троих. Не теряя времени, я переоделся и дожидался прибытия гостий. Пока накрывали стол, я разузнал, что дамы прибыли в гостиницу рано утром на двуколке и правила ею юная леди. Они ни о чем не просили, только поставить лошадь в стойло и заботиться о ней хорошенько.

Вскоре появились и дамы. Миссис Джек рассыпалась в благодарностях. Я старательно отнекивался: хотя меня и тронула ее искренность, мне стало неловко, словно меня хвалили незаслуженно. Помощь, которую я им смог оказать, хоть и была важной для них, самому мне далась без труда, и что-то сверх простого «спасибо» казалось излишним. В конце концов, я всего-навсего промок ради двух дам, угодивших в неприятное положение. Я был хорошим пловцом и на протяжении всего происшествия не подвергался настоящей опасности, хотя, разумеется, застигни нас шторм, дела пошли бы совсем по-другому.

Тут я содрогнулся, когда мое воображение услужливо представило картину двух беспомощных женщин на угрюмых скалах посреди бушующего моря — во время того самого прилива, что принес смерть несчастному Лохлейну Маклауду. Словно в ответ на мои страхи по дому с ужасающей силой пронесся порыв ветра. Он сотряс окна и двери, а в небе раздался смутный и рокочущий грохот, что, пожалуй, даже лучше передает разгул природных стихий, чем конкретное выражение их свирепости. Заново осознав близость шторма, я понял и обоснованность, и искренность благодарности дам; а заодно понял, какая трагедия могла бы разыграться, если бы в тот час никто не спускался по тропинке с Уиннифолда.

В себя меня привел озабоченный возглас миссис Джек:

— Смотрите, как он побледнел. Надеюсь, он не пострадал.

Я машинально ответил:

— Пострадал! Да я никогда в жизни не чувствовал себя лучше. — И тут же ощутил, как уходит бледность и как я краснею от удовольствия, услышав слова мисс Аниты:

— Ах! Я понимаю. Он не боялся за себя, но теперь понял, как страшно было нам.

Полное понимание со стороны этой красавицы, ее совершенное и беспромедлительное сочувствие, точность догадки о том, что творится у меня в голове, принесли невыразимую радость.

Когда я сказал миссис Джек, что взял на себя смелость залучить их к себе в гости и надеялся, что они удостоят меня честью отужинать с ними, я заметил, что она, как и раньше, вопросительно взглянула на свою спутницу. Лица молодой дамы, отвернувшейся от меня, я не видел, но ее одобрение было невозможно ни с чем спутать; она с радостью согласилась. Тогда я выразил надежду, что они позволят вызвать им экипаж и доставить их домой в любое время, чтобы они могли остаться здесь для восстановления сил, сколько пожелают. Я добавил, что, возможно, это пойдет на пользу мисс Аните. Миссис Джек чуть приподняла брови, и в ее голосе послышалось отчуждение, словно она не одобряла, что я назвал ее спутницу по имени.

— Мисс Анита! — сказала она и инстинктивно выпрямилась, как делают люди настороже.

Я почувствовал себя неловко, словно позволил себе лишнего. Молодая леди заметила мое затруднение и с улыбкой поспешила на помощь.

— О, миссис Джек, — произнесла она. — Я и

забыла, что мы толком не представились, но, конечно, он слышал, как вы обращаетесь ко мне по имени. Наше знакомство прошло весьма поспешно, не правда ли? Нужно это немедленно исправить. — И добавила с кротким видом: — Дорогая миссис Джек, вы не могли бы представить мисс Аните мистера… — И она вопросительно посмотрела на меня.

— Арчибальда Хантера, — ответил я, и дуэнья представила нас официально. Затем мисс Анита ответила и на мой вопрос об экипаже:

— Благодарю за щедрое предложение, мистер Арчибальд Хантер… — Тут мне показалось, что она нарочно задержалась на моем имени. — …Но мы вернемся так же, как приехали. На суше шторм не так страшен, а поскольку дождя нет, в двуколке нам ничего не грозит; у нас хватает накидок. Фонари светят ярко, дорогу я знаю — запоминала по пути сюда. Верно я говорю? — добавила она, повернувшись к спутнице.

— Совершенно верно, дорогая моя! Делай, как тебе угодно.

На том мы и договорились.

Затем подали ужин — замечательные домашние блюда. Всякий раз, как ревел ветер, взвивалось пламя, и, когда шторм преждевре-

менно принес с собой ночную тьму, номер приобрел приятный и уютный вид. После ужина мы расселись у огня и, полагаю, обрели душевное спокойствие. Я был как во сне. Сидеть так близко к прекрасной незнакомке, думать о романтическом начале нашей дружбы — удовольствие, которого не передать словами. Я не смел взглянуть на нее, но готов был подождать. Для себя я уже все решил твердо.

Через некоторое время мы замолчали. Миссис Джек задремала в кресле, а мы, молодые, инстинктивно объединились ввиду своего превосходства над сном и усталостью. Я сидел неподвижно: было в этой дружелюбной тишине что-то нежное, что совершенно меня очаровало. Тут не требовался и предостерегающий взгляд мисс Аниты, чтобы хранить молчание: что-то в ее лице, некое свойство, говорило красноречивее любых слов. Я задумался об этом, и тогда о себе заявила моя привычка погружаться в себя, уже вошедшая в натуру. В какой же мере это свойство было в ее лице, а в какой — существовало лишь в моем восприятии и разуме?

Из мыслей меня вырвал шепот:

— На миг мне показалось, что и вы сейчас уснете. Тс-с! — Она приложила палец к губам, потом

на цыпочках прокралась к дивану, чтобы подложить мягкую подушку под голову миссис Джек, уже завалившуюся набок, на подлокотник. Потом снова села рядом со мной и, наклонившись, тихо произнесла: — Пока она спит, не были бы вы так добры проводить меня на берег? Я хочу поглядеть на волны. Они сейчас, должно быть, высокие; я отсюда слышу, как они ревут.

— Провожу с радостью, — сказал я. — Только оденьтесь теплее. Негоже рисковать простудой.

— Как скажете, о мудрец! Слушаю и повинуюсь, царь Соломон! Пусть моя одежда сохнет, пока я не вернусь, а сейчас, если можно, одолжите ваше пальто.

Я выбрал свое самое новое пальто, и мы отправились по дюнам к пляжу.

Люто задувал ветер. Он не утихал ни на минуту — куда там: порой налетали шквалы такой силы, что трудно было устоять на ногах. Тогда мы хватались друг за друга, и само уже осознание своей силы, позволявшей хоть сколько-то защищать ее от ярости шторма, усиливало мое чувство любви — я уже не мог скрывать его от себя. Что-то передалось и мисс Аните, какой-то тонкий намек, не знаю уж, как проявившийся, ведь я-то старался себя не выдавать. На блаженный миг

— возможно, забывшись, — она прильнула ко мне, как слабые льнут к сильным в мгновение капитуляции, равно приятное как слабым, так и сильным, как женщине, так и мужчине. Но тут же резко отстранилась.

Это невозможно было истолковать превратно: движение было намеренным и осознанным, а его мотивом — ее женская загадка. Я плохо разбирался в женщинах, но тут ошибиться не мог. Сделав в мудрости своей мужчин и женщин разными, Провидение позаботилось и о том, чтобы в критические моменты каждый из нас пользовался своими сильными сторонами, дабы защищаться или наступать. Тогда, на пике нашей далекой от природы цивилизации, подает голос инстинкт. Мы уже утратили нужду в раннем предупреждении о появлении дичи, хищников или врагов, и наши инстинкты адаптировались к окружению. Многие поступки, что впоследствии кажутся плодом долгих размышлений, по рассмотрении оказываются лишь плодом мимолетного порыва, слепой покорности опыту наших пращуров, приобретенному на ошибках. Какому-то защитному или воинственному инстинкту, чье нынешнее проявление — лишь новая вариация его первобытной работы. На миг мужчина и женщина

стали противниками. Женщина отстранилась — следовательно, в интересах мужчины наступать; и сразу же во мне заговорил мужчина, отринув многолетнюю застенчивость и сдержанность.

— Почему вы отстранились? Я сделал что-то не так?

— О нет!

— Тогда почему?

Жаркий румянец залил ее лицо и шею. Будь она англичанкой, я бы, наверное, никогда не дождался прямого ответа; она бы перевела разговор на более спокойную тему или после недолгих прений вовсе запретила обсуждать подобное. У этой девушки, впрочем, воспитание было совсем иным. Учеба на равных с мальчиками в школе и колледже показала ей, сколь тщетно избегать вопроса от мужчины, а природные смелость и твердость — та стать, что присуща американским женщинам от рождения, — пробудили в ней гордость. Ответила она, все еще краснея, но уже с чувством собственного достоинства. Знай она себя лучше, узри себя со стороны — и поняла бы, что с такой гордостью и достоинством могла себе позволить обсуждать любую тему по своему желанию.

— Вы ни в чем не виноваты. Виновата только я

— вернее, была виновата.

— Имеете в виду, когда я вернул вам брошку?

Румянец мучительно усилился. Тихо, почти шепотом, она ответила:

— Да!

Это был мой шанс, и я начал со всей искренностью:

— Позвольте кое-что сказать. Если попросите, я больше никогда об этом не заговорю. Я не увидел в вашем нежном выражении благодарности чего-то большего. Прошу поверить, я джентльмен. Увы, у меня нет сестры, но если бы была, то я бы не возражал, чтобы она поцеловала незнакомца в подобных обстоятельствах. Это нежный и женственный поступок, и из-за него я вас уважаю и… ценю еще больше. Я бы, конечно, ни на что его не променял и никогда уже не забуду. Но поверьте, что из-за него я никогда не забудусь и сам. Иначе я был бы попросту мерзавцем и волокитой; и… это все.

Пока я говорил, ее лицо вновь просветлело, и она с облегчением вздохнула. Румянец почти погас, на лице появилась скромная улыбка.

С серьезным выражением сияющих глаз она протянула руку и сказала:

— Вы хороший человек, и я благодарю вас от

всего сердца.

Пробиваясь через завывавший шторм по дюнам к морю, я чувствовал себя так, словно шел по воздуху. А когда заметил, что она идет со мной в ногу, восторг окончательно вскружил мне голову.

Глава IX. Секреты и тайнопись

Берег стал чудом, сплетенным из бешеной воды и белой пены. Когда ветер задувает в Круден-Бей, нет конца и предела буйству волн, словно набирающих силу всякий раз, как мчатся на плоский берег. Сейчас вода поднялась только наполовину, и, как правило, в это время между дюнами и кромкой моря пролегала широкая полоса голого песка. Однако сегодня противоестественный прилив захватывал берег с избыточной яростью. Рев стоял неумолчный, и нас на берегу раз за разом окутывала пелена парящей пены. Лютые шквалы налетали с такой силой, что было физически невозможно встречать их не отворачиваясь. Вскоре мы укрылись за одной из деревянных пляжных кабинок, закрепленных под дюнами. Здесь, защищенные от ярости бури, мы как будто слушали рев ветра и волн издалека, находясь в затишье. В убежище было ощущение уюта, и мы инстинктивно прижались ближе друг к другу. Я был бы счастлив остаться там навечно, но боялся, что мгновение вот-вот прервется. А потому с радостью услышал голос мисс Аниты

— повышенный из-за того, что творилось вокруг.

— Теперь, когда мы одни, вы расскажете о Гормале и странных происшествиях?

Я попытался заговорить, но гроза не давала вести рассказ. Тогда я предложил удалиться за дюну. Так мы и сделали, устроив себе гнездышко в глубокой лощине позади дальней от моря гряды. Здесь, присев среди высокой метлицы, хлеставшей под дикими порывами ветра, как кнуты, и под бесконечной бомбардировкой мелкого песка с верхушек дюн, я рассказал о своем знакомстве с Гормалой и Вторым Зрением.

Слушала Анита жадно. Временами я не видел ее лица, поскольку сгущались сумерки и тучи неслись над головой и громоздились махинами над западным горизонтом, затмевая остатки дня. Но когда я все же, в просветах между летящим песком и брызгами, мог разглядеть ее как следует, то видел, что ее лицо светится живым умом. Рассказ трогал ее до глубины души, и она понемногу придвигалась ко мне, как, например, когда я повествовал о погибшем ребенке и о страшной борьбе Лохлейна Маклауда за жизнь с волнами у Скейрс. Ее вопросы порой позволяли взглянуть на произошедшее с новой стороны, поскольку стремительная женская интуиция схватывала

возможности, каких сторонилась моя строгая логика. Прежде всего ее заинтересовала процессия привидений в канун Ламмаса. Лишь раз за время рассказа она прервала меня — не намеренно перебивая, а искренне добавив собственное замечание. А именно — когда я рассказал о том, как мимо прошли вооруженные люди, она выдохнула:

— Испанцы! Я так и знала! С какого-то затонувшего корабля Армады!

Когда же я рассказал, что один обернулся и взглянул на меня, как живой, она выпрямилась и расправила плечи, а затем, настороженно оглядевшись, словно выискивая спрятавшегося врага, сцепила руки и сжала губы. Ее большие темные глаза как будто сверкнули, но она вмиг овладела собой.

Когда я закончил, сколько-то она сидела молча, вперившись взглядом перед собой, словно погруженная в глубокие размышления. Вдруг она произнесла:

— У него был какой-то секрет, и он боялся, что вы его раскроете. Я все так ярко представляю! Он, поднявшись из могилы, видел своими мертвыми глазами то, что вы видите живыми. Нет, больше: возможно, он видел не только то, что вы видели

— и что именно видели, — но и куда вас приведут эти знания. В том и есть цель Гормалы — завладеть Секретом Моря! — Ненадолго замолчав, она продолжала, вскочив и меряя шагами нашу лощину, кулаки сжаты, глаза сверкают: — А если Секреты Моря есть, почему бы ими не завладеть? И если они принадлежат Испании и испанцам, то тем более почему бы не завладеть ими? Если у испанца был секрет, то уж не сомневайтесь, что в нем нет ничего хорошего для нашей расы. Да… — Она взволнованно придвинулась: — Да, становится невероятно интересно. Если его мертвые глаза стали живыми на миг, почему бы перемене не продлиться дольше? Вдруг он и вовсе материализуется. — Внезапно она замолчала и сказала: — Ну вот! Как обычно, размечталась. Нужно хорошенько все обдумать. Это слишком чудесно и волнующе. Вы же позволите расспросить вас еще, когда мы встретимся снова?

Когда мы встретимся снова! А значит, мы встретимся; одна эта мысль меня согрела, и ответил я лишь через несколько секунд полного восторга:

— Я расскажу вам все, что знаю, все. Вы поможете мне разгадать Тайну; быть может, вдвоем мы добудем Секрет Моря.

— Как захватывающе! — не сдержалась она и

тут же замолчала, словно опомнившись. После паузы она добавила спокойнее: — Боюсь, нам пора возвращаться. Путь домой неблизкий, и час уже поздний.

По дороге я спросил, не проводить ли ее и миссис Джек домой. Я мог бы взять коня в гостинице и поехать с ними. Отвечая, она легко рассмеялась:

— Вы и в самом деле очень добры. Но нам никто не нужен! Я хороший кучер, наша лошадь послушна, фонари яркие. У вас здесь не бывает засад, как у нас, на Западе, и я вне сферы влияния Гормалы, а потому не думаю, что нам нужно чего-то бояться! — И после паузы добавила: — Кстати говоря, с тех пор вы не встречали Гормалу?

Со странным чувством, которое тогда я не разобрал, но позже определил, что в нем содержалась некая доля экзальтации, я ответил:

— О да! Видел ее два дня тому… — Тут я прервался, вновь ощутив, как переплетаются события.

Мисс Анита заметила на моем лице удивление и, придвинувшись, попросила:

— Расскажите!

И я рассказал об аукционе в Питерхеде, о сундуке и бумагах с таинственными отметинами, о том, что считал их какими-то расчетами — или, добавил я, взвешивая новую мысль, «тайнопи-

сью». Не успел я прибавить еще и слова, как она решительно ответила:

— Нисколько не сомневаюсь, что так и есть. Вы обязаны разобраться. О, просто обязаны, обязаны!

— И разберусь, — ответил я, — если таково ваше желание.

Она ничего не ответила, но по ее лицу растекся румянец. Затем она снова двинулась к гостинице.

Шли мы молча, вернее, двигались перебежками, спотыкаясь, — так подгонял в спину свирепый ветер. Пригорки и спуски под ногами прятались за дымкой песка, что летел из-под метлицы на верхушках дюн. Я бы и хотел помочь мисс Аните, но меня удерживал благоразумный страх показаться чересчур навязчивым и тем самым утратить часть ее расположения. Я почувствовал, что расплачиваюсь за тот поцелуй воздержанием. Молчание меж тем уже казалось нелепым, и, чтобы с ним покончить, я сказал, найдя в памяти тему, которая не повредила бы ее мнению обо мне:

— Судя по всему, вам не нравятся испанцы?

— Нет, — с ходу ответила она. — Ненавижу! Мерзкие, жестокие, коварные мерзавцы! Только

взгляните, что они вытворяют на Кубе! Вспомните «Мэн»[19]! — И тут она добавила вдруг: — Но как вы догадались?

— Подсказал ваш голос, когда вы рассуждали вслух после моего рассказа о привидениях и о матросе с живыми глазами.

— Верно, — задумалась она. — Так и было. Мне нужно лучше держать себя в руках и не позволять чувствам брать над собой верх. Я так легко выдаю все, что у меня на душе.

Я мог бы на это кое-что заметить, но побоялся. Тот поцелуй казался предостережением, мечом, повисшим над моей головой на волоске.

Уже скоро я узнал ценность своего молчания. Убедившись в моей деликатности, мисс Анита заговорила уже по собственному почину. Говорила

---

[19] Примечания: 19

Броненосный крейсер «Мэн» был выслан в Гавану в 1898 году из-за восстания кубинцев против Испании. Через пару недель после прибытия затонул ночью от загадочного взрыва, причина которого не установлена точно до сих пор. Одна из самых правдоподобных версий — случайное столкновение с морской миной, которые расставляли испанцы. Гибель корабля и большей части экипажа (266 человек) стали важной темой на заре желтой прессы. Считается, что поднятая в газетах шумиха и обвинения испанцев в атаке послужили одной из причин начала Испано-американской войны 1898 года, во время которой и происходит действие романа. Символом тех времен можно считать ставший в США крылатым газетный призыв «Помните „Мэн“», а также апокрифическую фразу Уильяма Херста, газетного магната: «Обеспечьте рисунки, а я обеспечу войну» (точных источников не существует).

она о процессии привидений; впрочем, внезапно прервавшись, словно что-то вспомнила, она спросила:

— Но почему вы так переживали, чтобы Гормала не увидела, как вы спасаете нас с рифа?

— Потому что не хочу, — ответил я, — чтобы она имела к этому какое-то отношение.

— Что вы имеете в виду под «этим»? — Меня насторожил ее тон. Нотка неискренняя — не та естественная интонация, что присуща вопросам без двойного дна. Скорее это была интонация человека, который отлично знает ответ еще до того, как его услышит. Я уже говорил, что плохо разбирался в женщинах, но кокетство — каким бы ни было оно нежным, изобретательным, очаровательным — ни с чем не спутает ни один мужчина, что чего-то стоит! Втайне я радовался, чувствуя, что получил преимущество в борьбе полов. Это знание уняло мой пыл и призвало мозг на помощь сердцу. Ничто не было мне желаннее, чем простереться — как фигурально, так и буквально — у ее ног. Но разум настроился завоевать ее, он искал лучшие средства для этой цели.

Отвечая на ее вопрос, я сам заметил свою лаконичность:

— Под «этим» я имею в виду встречу с вами.

— И с миссис Джек, — не дала она договорить.

— И с миссис Джек, конечно, — продолжил я, радуясь возможности сказать то, на что сам бы не решился. — Или, пожалуй, лучше выразиться так: встречу с миссис Джек и ее подругой. Знакомство с миссис Джек было совершенно замечательным, и могу честно сказать, что этот день — самый счастливый в моей жизни.

— Вы не думаете, что нам лучше поторопиться? Миссис Джек уже заждалась! — сказала она, но без малейшего намека на упрек.

— Хорошо, — ответил я и, взбежав по крутой дюне, протянул руку.

Отпустил я ее ладонь, только когда мы сбежали по противоположному склону и преодолели следующий пригорок, выйдя на плоский песчаный пустырь перед дорогой, над которым плыло призрачное облако песка.

Прежде чем сойти с песка, я откровенно признался:

— Присутствие Гормалы всегда влечет мрак и горе, плач и скорбь, страх и смерть. Я бы не хотел, чтобы все это вас коснулось. Вот почему я благодарил Бога тогда и благодарю Его сейчас, что Гормала не сыграла роли в нашей встрече!

Под влиянием порыва она протянула мне руку.

В миг, когда ее нежная ладонь легла в мою, ее сильные пальцы сжали мои, я почувствовал, что между нами возникла связь, благодаря которой однажды я смогу уберечь ее от вреда.

Когда миссис Джек и «ее подруга» уезжали из гостиницы, я вышел на порог проводить их. Пока я раскланивался, Анита тихо сказала:

— Смею предположить, мы скоро увидимся. Я знаю, что миссис Джек еще собирается сюда приехать. Благодарю за вашу заботу. Доброй ночи!

Она тряхнула поводьями, зацокали копыта по дороге, заметались лучи света от фонаря, двуколка покачнулась от рывка породистой лошади и двинулась по крутому подъему прочь от моря. Последней я видел темную закутанную фигуру в тэм-о-шентере[20], спроецированную подвижным светом фонаря на туман.

Наутро я был немного не в себе. Полночи я лежал без сна, в раздумьях; вторую половину видел сны. Видения во сне и наяву смешались — от яркой надежды до леденящих кровь предчувствий расплывчатого, неопределенного страха.

Видения во сне отличались от снов наяву тем, что ненадолго возможности становились дей-

[20] Примечания: 20

Широкий шерстяной берет с помпоном на макушке, традиционный шотландский головной убор.

ствительностью — как хорошие, так и дурные; удовольствие или боль умножали радости или страдания. И сквозь все это проходила красной нитью надежда на грани веры: я еще увижу мисс Аниту — Марджори.

Во второй половине дня я получил письмо, надписанное незнакомым почерком, тонким и уверенным, с броскими отличительными чертами и разборчивыми буквами — но достаточно неровными, чтобы меня успокоить. Меня смущают люди, чей почерк неизменен от буквы к букве, от слова к слову, от строки к строке. Как много можно сказать по почерку, думал я, глядя на письмо, лежащее у моего подноса. Почерк без свойств — это почерк человека поверхностного; почерк слишком характерный и разнообразный — сбивающий с толку и ненадежный. Но тут всем моим премудростям пришел конец, потому что я открыл конверт и, не узнав почерка, сразу посмотрел на подпись: «Марджори Анита».

Я надеялся, что за столом никто не обратил на меня внимания, поскольку чувствовал, как то краснею, то бледнею. Отложив письмо, причем чистой стороной вверх, я как можно небрежнее продолжил есть рыбу. Затем убрал его в карман и дождался, пока не вернусь в номер, защищенный

от помех.

Нет ничего необычного в том, чтобы целовать письмо, особенно если оно — первое от твоей любимой.

На нем не было ни даты, ни адреса. Чутье тут же подсказало, что дату она не указала, не желая раскрывать адрес: отсутствие сразу и того, и другого меньше бросалось в глаза, чем умышленное сокрытие одного. Я в письме именовался «дорогим мистером Хантером». Хотя она, конечно, знала мое имя, ведь я же его и назвал, оно указывалось на конверте. В самом тексте говорилось, что миссис Джек просит передать горячую благодарность за мое великое одолжение; к этому она осмеливается прибавить и собственную признательность. Но в спешке и растерянности, неизбежных в той внезапной ситуации, они обе напрочь позабыли о взятой напрокат и затем потерянной лодке. Ее хозяин наверняка будет волноваться, и они обе были бы рады, если бы я с ним увиделся — он проживал в коттедже близ гавани Порт-Эрролла — и узнал стоимость лодки, дабы миссис Джек возместила утрату достаточной суммой для приобретения новой и покрытия его убытков на то время, что он остается без судна. Миссис Джек, дескать, уже доставила много хлопот, но мистер

Хантер так добр, что она нашла в себе смелость еще раз прибегнуть к его великодушию. И — «искренне ваша, Марджори Анита». Конечно, был и постскриптум — это ведь женское письмо! Там говорилось следующее:

> «Вы расшифровали те бумаги? Я много думала о них и обо всем прочем и уверена, что там кроется какая-то тайна. Обязательно расскажите о них, когда мы увидимся во вторник.
>
> ***М.»***

Боюсь, логика, как ее понимают в книгах, не имела отношения к моему поцелую: тут действовало мышление высшего уровня, где коренится счастье мужчины и женщины на этом свете и на том. В постскриптуме не было ничего, что не дарило бы мне радость — радость беспримесную и невыразимую; и чем больше я о нем думал и чем чаще перечитывал, тем сильнее он утолял какую-то ноющую бездну у меня в сердце. «Вы расшифровали те бумаги?» — бумаги, о чьем существовании известно только мне и ей! Как замечательно иметь общий секрет. Она «много думала о них» — и обо всем прочем! «Все прочее!» — и я тоже думал обо всем прочем, думал так

часто, что каждый пустяк или происшествие запечатлелись не только в памяти, но и словно в самой душе. И было среди «всего прочего» одно!..

Увидеть ее вновь; услышать ее голос; заглянуть в глаза; увидеть, как движутся губы, и наблюдать за разными выражениями на очаровательном лице, вызванными нашими общими мыслями; коснуться ее руки…

Какое-то время я сидел, будто в том восторженном сне, когда видишь, как все сердечные надежды воплощаются во всей полноте и бесповоротности. Причем так и будет в следующий вторник — всего через шесть дней!..

Подчиняясь порыву, я подскочил к дубовому сундуку в углу моей комнаты, чтобы достать бумаги.

Внимательно их проглядев, я засел за подробное изучение. Я чувствовал, что мне дан прямой приказ: понять, есть ли в них тайнопись. Письма я отложил — по крайней мере, пока что. Они-то были прозрачно просты и написаны летящим почерком, не допускавшим скрупулезного истолкования. В тайнописи я немного разбирался, поскольку в детстве она была моим любимым развлечением. Однажды я надолго занемог и взял из отцовской библиотеки книгу епископа Уилкинса,

зятя Оливера Кромвеля, под названием «Меркурий, или Тайный и быстрый посланник»[21]. В ней приводились многочисленные старинные методы тайных сообщений, шифров, цветных нитей с узелками, скрытых смыслов и разнообразных механических устройств, применявшихся во времена, когда только так и осуществлялась корреспонденция послов, шпионов и тайных агентов. После нее я и заинтересовался тайнописью и с тех пор, натыкаясь в ходе разнообразного чтения на что угодно касаемо этой темы, обращал внимание. Теперь я просмотрел бумаги в поисках признаков какого-либо знакомого метода; уже скоро меня посетила идея.

Идея была зачаточная — догадка, возможность, и все же попробовать стоило. Особенно гордиться здесь нечем, поскольку это было скорее следствие готового вывода, нежели логичной цепочки рассуждений, происходившей от проницательного наблюдения. Даты писем давали мне временной период — конец XVI века, когда был изобретен один из лучших шифров того времени, двухбук-

[21] Примечания: 21

Джон Уилкинс (1614–1672) — британский священник и ученый, основатель Лондонского Королевского общества, один из немногих, кто руководил колледжами и Оксфордского, и Кембриджского университетов.

венный шифр Фрэнсиса Бэкона. О нем я узнал благодаря работе Джона Уилкинса и исследовал его с большим тщанием. Будучи знакомым с принципом и методом шифра, я смог определить признаки его использования, и сразу появилась надежда подобрать к нему ключ. Одно из главных преимуществ двухбуквенного шифра — его можно применить в любом тексте, а его формы и методы попросту бесконечны. Требуется только обозначение букв, условленное между автором и читателем. В столе лежал печатный экземпляр монографии на тему двухбуквенного шифра, в которой я предположил, что его можно доработать, чтобы обойтись меньшим числом символов, чем пятью, как у Бэкона. Ненадолго отложив все дела, я достал монографию; перечитав ее, я рассчитывал наткнуться на какую-нибудь подсказку себе в помощь. Уже посещавшая меня мысль или уже достигнутый вывод могли провести по этому новому лабиринту цифр, слов и символов[22].

После того как я внимательно прочитал работу, сверяясь с бумагами перед собой, я сел и написал мисс Аните, что по ее предложению немедленно приступил к делу и сделал вывод:

---

[22] Примечания: 22
См. Приложение А. — *Примеч. авт.*

метод тайнописи, если она есть, — скорее всего, какая-то вариация двухбуквенного шифра. Посему я отправляю ей свою монографию на данную тему, чтобы, если таково будет ее желание, она могла ее проштудировать и подготовиться к нашей следующей встрече. Я старательно избегал всего, что могло бы ее отпугнуть или воздвигнуть между нами стену: я слишком ясно видел свое положение, чтобы позволять себе избыточные ожидания. Только вложив письмо с монографией в конверт и надписав имя Марджори — мисс Аниты, — я вспомнил, что не знаю ее адреса. Тогда я убрал послание в карман до нашей встречи во вторник.

Вернувшись к работе, я взялся за два оставшихся документа. Первый — стопка из тридцати страниц, вырванная из старопечатного свода законов. В ней примечательным было только то, что каждую страницу покрывали точки — сотни, если не тысячи. Второй отличался во всем: узкая полоска бумаги чуть длиннее половины страницы современного блокнота, сплошь покрытая цифрами в ровных рядах, аккуратным и убористым почерком. Полоска была размером с закладку в обычном томике формата «кварто»; о том, что в таком качестве ею и пользовались,

говорила посеревшая часть, по всей видимости торчавшая наружу. По счастью, сторона с цифрами во время долгого покоя на книжной полке была повернута вниз, и они, хоть и запыленные и выцветшие на свету и воздухе, еще поддавались расшифровке. Этот клочок я тщательно изучил под микроскопом, но не увидел признаков тайнописи, не считая того, что могло скрывать расположение цифр. Я достал страницу формата «фулскэп» и переписал их покрупнее, оставляя побольше места между рядами и самими цифрами.

Затем положил рядом свою копию и первую страницу с точками и пригляделся.

Вначале я главным образом сосредоточил внимание на цифрах, поскольку мне казалось, что эта система должна быть проще, раз в ней символы самодостаточны. В буквах с точками могло скрываться несколько элементов, поскольку их расположение бесконечно варьировалось, к тому же и сама необычность метода, непривычного для глаз, усложняла первые подступы к дешифровке. Впрочем, я не сомневался, что в конце концов найду точечный шифр более простым, стоит лишь раскрыть его секрет и привыкнуть к виду. Уже сам объем текста предполагал, что

в действительности шифр прост, иначе перевод стал бы нескончаемой задачей.

Снова, снова и снова я перечитывал цифры. Из начала в конец и из конца в начало; вертикально; вверх и вниз, поскольку все столбцы и строчки были ровны и заполнены. Но не бросалось в глаза, с чего бы начать.

Конечно, тут и там попадались одинаковые комбинации цифр — то два, то три, то четыре символа вместе, но большие комбинации встречались реже и не выдавали ни намека на ключ!

Тогда от теории я перешел к практике и остаток рабочего времени в тот день посвятил созданию — при помощи микроскопа — увеличенной копии первой из печатных страниц, упростив заодно шрифт.

Затем как можно точнее воспроизвел и точки. Это и в самом деле было трудоемкое занятие. Закончив страницу, я, уже полуслепой, надел шляпу и прошелся вдоль берега к Уиннифолду. Влекло меня на Сэнди-Крейгс, но даже себе в мыслях я указал Уиннифолд — более дальнюю цель.

«Мужчины — род неверный»[23], — пел Бальтазар в пьесе: порой они обманывают даже себя.

---

[23] Примечания: 23

Уильям Шекспир «Много шума из ничего» (пер. Т. Щепкиной-Куперник).

Или лишь притворяются — что есть новая и более запутанная форма все того же обмана.

Глава X. Чистый горизонт

Если настигнет хандра и захочется отвлечься от вечных раздумий о своей скуке, позвольте рекомендовать в качестве увлечения расшифровку тайнописи. На первых порах, возможно, человек отнесется к этому несерьезно и лишь улыбнется этакому пустяку. Но немного погодя, если достанет упорства или даже упрямства, которое есть и должно быть неотъемлемой частью мужского характера, он обнаружит, что это занятие захватит его, не оставляя времени почти ни на что иное. Что ни делай, сколько ни принимай твердых решений оставить это, как ни старайся найти тему увлекательней, а все равно от ускользающей загадки невозможно оторваться. Я, со своей стороны, могу честно сказать, что в течение всех дней и ночей от начала работы до возвращения мисс Аниты в Круден-Бей жил, питался и дышал тайнописью, видел о ней сны. Дни напролет меня не отпускала эта скрытая тайна; где бы я ни находился — в номере, предаваясь отдыху или самоистязанию, гулял ли по пляжу, на мысу, где ветер пел в ушах и волны бились у ног. До сих

пор меня преследовала лишь Гормала, но даже те переживания уступили вечно окрыляющему, вечно обескураживающему опыту расшифровки криптограмм. А худшим чувством, только усугублявшим положение, было не только твердое убеждение, что криптограмма в этих бумагах есть, но и что мой разум уже напал на след. Время от времени, будь передо мной рукопись или ее копия, либо когда я выходил на улицу и вовсе о них не думал, меня охватывало вдохновение, приносило некую основополагающую мысль, чью важность я не мог охватить целиком.

Облегчение наступило только во вторник, когда в полдень я увидел, как в ворота въезжает двуколка и встает напротив почтового отделения.

Не теряя времени, я бросился туда и помог дамам сойти. Марджори протянула обе руки и спрыгнула легко, но пожилой даме потребовалось немало усилий. И вот так всегда, с каждым молодым человеком: любая женщина, молодая или старая, самозабвенно желает, чтобы ее носили на руках — кроме той одной, кого ему носить хотелось бы.

Когда миссис Джек и «ее подруга» вошли в гостиную, последняя сказала:

— Надеюсь, вы простите нас за доставленные хлопоты.

— Ничего страшного, — ответил я, и как же мягко это было сказано! — Мне это только в удовольствие.

— Благодарю, — продолжила она серьезно, — это очень любезно. Мы хотели бы снова прибегнуть к вашей доброте и попросить, чтобы вы сопроводили нас на ту скалу. Я еще не закончила свой набросок, а я не люблю, когда меня прерывают.

— Не закончила набросок, дорогая моя? — повторила миссис Джек голосом, явно выдававшим, что для нее это новость. — О чем ты, Марджори: его же смыло в море раньше, чем мистер Хантер пришел на помощь!

Щеки девушки тут же окрасил легкий румянец, показывая, что она понимает, в какое неудобное положение ее поставило неуместное замечание старшей, но она отважно продолжала:

— О да, я знаю! Я имела в виду, что, раз решив сделать набросок, я закончу его любой ценой, пусть даже первая попытка не удалась. Если, конечно, дорогая миссис Джек, вы не против снова туда отправиться.

— О, дорогая, — произнесла пожилая дама, —

ну разумеется, я сделаю все, о чем вы попросите. Но, надеюсь, будет довольно и того, что я посижу на камешке рядом? После нашего приключения я предпочитаю твердую почву любому месту, откуда того гляди придется спасаться вплавь.

Отвечая ей, Марджори улыбнулась мне.

— Это совершенно замечательно. И заодно сможете держать у себя корзинку с ланчем и присматривать за мной и приливом.

Итак, я послал в Уиннифолд указание готовить лодку к нашему прибытию. Пока дамы собирались на прогулку, я вернулся в номер и положил в карман бумаги из сундука и свои копии. А заодно письмо, которое не смог отправить.

Добравшись до Уиннифолда, мы с мисс Анитой спустились по крутому зигзагу на пляж за одним из мальчишек Джона Хэя, а второй повел миссис Джек к Сэнди-Крейгс через перешеек.

На крутой тропе ко мне вернулся образ призрачной процессии, размеренно поднимавшейся в канун Ламмаса; я машинально оглянулся проверить, не следит ли за нами Гормала. Увидев, что ее нет, я вздохнул свободнее.

Мне всей душой хотелось повезти мисс Аниту на лодке одному, но я боялся, что это небезопасно. Идти на веслах среди рифов Скейрс — дело нешу-

точное, а теперь я оберегал слишком дорогое сокровище, чтобы так рисковать. Поэтому мы с юным Хэем налегали на весла, причем юнец находился на носу и правил. Такое положение дел совершенно меня устраивало, ведь я находился вблизи от своей спутницы и лицом к ней. Вид ее в любое время доставлял мне удовольствие, и меня поймет каждый мужчина, но сегодня лучившиеся на ее лице рвение и радость приводили меня в особенный восторг. День выдался лучше не бывает: ясный, яркий, лишь легкая рябь на воде, прогревшейся на июльском солнце. На поверхности моря дрожали блики, словно оно усыпано алмазами, и на одни только линии течения, вившиеся на дне между скалами, можно было смотреть бесконечно. Мы шли медленно, как оно надежнее в этих водах, особенно сейчас, когда подходил к концу отлив. Мальчишка как будто знал каждый из множества камней, торчащих из воды, и чутьем замечал и те, что скрывались ниже, а потому вел нас хитрым курсом. Я попросил обойти внешние скалы, откуда при нашем приближении взмыли с криками тысячи чаек; когда мы крались под самой крупной скалой, нас охватило таинственное ощущение, будто мы недостойны здесь находиться, — так

бывает на глубокой воде в тени рифов. Я видел, что Марджори засомневалась — или почувствовала опасность — и вцепилась в планшири так, что побелели костяшки. Когда мы обошли Рейви-о-Пиркаппис и увидели, как среди острых скал бурлит вода, она так побледнела, что я было заволновался. Хотелось ее спросить, но поскольку мне по опыту была известна ее смелость и я знал, что она бы предпочла, чтобы я смолчал, я притворился, будто ничего не заметил. Впрочем, в женском обществе мужское притворство ничего не стоит. Она сразу увидела меня насквозь и со слабой улыбкой, озарившей ее бледность, словно солнечные лучи, упавшие на снег, сказала тихим шепотом, чтобы не расслышал мальчишка-рыбак:

— Я подумала, что в тот день нам бы пришел конец, если бы не вы.

— Был рад помочь… — ответил я столь же тихо, — миссис Джек и ее подруге.

— Миссис Джек — и ее подруга — премного вам обязаны, — весело подхватила она уже обычным голосом и тоном. Я видел, что она целиком вернула самообладание и убрала руки от бортов. Теперь мы отошли от рифов на глубину и уже скоро увидели Сэнди-Крейгс. Заметив, что миссис

Джек и ее провожатый идут прогулочным шагом по песку, и не желая ее торопить, я с согласия своей спутницы попросил юного Хэя держаться самого внешнего края Сэнди-Крейгс, сплошь серо-белых от чаек. При нашем приближении все чайки взлетели и закружили с воплями; как отрадно было видеть изумление и восхищение в следящих за дугой пернатого облака глазах девушки.

Мы держались у большой заостренной скалы, пока не увидели, как в нашу сторону между валунов опасливо пробирается миссис Джек. Тогда мы погребли к береговому камню и поставили корзинку для пикника в безопасное место. Затем, разложив коврики и подушки, приготовили для миссис Джек уютное гнездышко. Мисс Анита сама выбрала место. Должен сказать, я бы, пожалуй, сделал иначе, а мисс Анита постаралась усадить подругу спиной к той скале, откуда ее спасли. Несомненно, участливая девушка не желала лишний раз тревожить компаньонку неприятными воспоминаниями.

Позаботившись о ней, мы наконец отпустили мальчишек до времени середины прилива. Миссис Джек порядком утомилась, пройдясь по песку, и клевала носом, уже когда мы уходили. Затем

мисс Анита достала свой маленький мольберт, а я установил его так, как она велела; разложив стул и приготовив палитру, я сел у ее ног на камень и любовался ею, а она приступила к работе.

Какое-то время она писала в тишине, затем, повернувшись ко мне, вдруг спросила:

— Что же с теми бумагами? Вы что-нибудь узнали?

Только тогда мне вспомнилось письмо в кармане. Не говоря ни слова, я протянул его Марджори. Приняла она его и с улыбкой, и с легким румянцем на лице.

Но, стоило ей увидеть дату, как у нее невольно вырвалось:

— Почему я не получила его раньше?

— Потому что у меня нет вашего адреса и я не знал, как вас найти.

— Понимаю… — ответила она рассеянно, уже приступив к чтению. Закончив, она вернула страницы и сказала: — Теперь прочитайте вслух вы, пока я рисую; и позвольте задавать вопросы, чтобы лучше разобраться.

И я читал, а она время от времени что-то уточняла. Два-три раза мне пришлось перечитывать места из монографии о шифрах, но с каждым разом она схватывала все лучше и лучше, пока

наконец не спросила с интересом:

— Вы сами когда-нибудь придумывали такие сокращения для шифра?

— Еще нет, но мог бы. Я был так занят расшифровкой тайнописи, что руки не дошли попробовать написать что-либо самому.

— И вы преуспели?

— Нет! — отвечал я. — Увы, пока не добился ничего определенного, но должен сказать, что уверен: шифр есть.

— Вы пробовали прочитать и цифры, и точки?

— Да, — ответил я. — Но мне все еще не за что уцепиться.

— Вы правда считаете, судя по своим исследованиям, что шифр — двухбуквенный или основан на двухбуквенном?

— Да! Не могу сказать, как именно пришел к этому выводу, но я в нем уверен.

— Там есть комбинации из пяти символов?

— Нет.

— Комбинации меньше чем из пяти?

— Могут быть. Должны.

— Тогда почему же вы не попробуете свести двухбуквенный шифр к самой короткой комбинации? Вдруг прольете свет, двинувшись с другой стороны.

Тут меня осенило, и я решил, что моей задачей — как только гостьи уедут из Крудена — будет сократить бэконовский шифр.

Мисс Аните я отвечал с искренним восхищением:

— Ваша женская интуиция быстрее моей мужской рациональности. Я буду слушаться вас во всем!

Какое-то время она не отвлекалась от рисования. Я смотрел на нее — украдкой, но неотрывно, — и вдруг меня посетил проблеск странного воспоминания; я заговорил не задумавшись:

— При нашей первой встрече, когда вы с миссис Джек стояли на скале, обрамленные пеной, мне почудилось, словно ваша голова украшена цветами.

Ответила она не сразу:

— Какими цветами?

И вновь — не в первый раз за наше недолгое знакомство — я насторожился. Что-то в ее голосе остановило меня. У меня закружилась голова, но в то же время я расслышал и нотку предупреждения. Знает Бог, в тот момент я не хотел случайного разлада. Я влюбился без памяти и боялся все испортить. А я бы ни за что на свете не отказался от надежд, переполнявших меня

горячечным волнением. И почувствовал некое удовлетворение, давая ответ:

— Белыми!

— О! — воскликнула она и, покраснев, продолжила, рисуя с нажимом: — Их возлагают на мертвых! Ясно!

Это был суровый парирующий удар. Смолчать было невозможно, и я добавил:

— Есть еще один повод, когда нужны белые цветы. К тому же их не возлагают на голову покойников.

— Тогда о ком вы? — И снова в ее кротком голосе прозвучало предупреждение. Но я не внял ему. Больше не хотел внимать. И ответил:

— О невестах!

Она не ответила — словами. Только подняла глаза и пронзила меня взглядом, после чего как ни в чем не бывало вернулась к рисунку. В некоторой степени этот взгляд поощрял; но в гораздо большей он был угрожающим, исполненным предостережения. Хотя у меня шла кругом голова, я все же взял себя в руки и со всей возможной кротостью позволил ей сменить тему.

Мы снова вернулись к шифру. Она забрасывала меня вопросами, и я пообещал показать тайнопись по возвращении в гостиницу.

Тут она сразила меня наповал:

— Мы заказали в гостинице ужин, и вы приглашены.

Пытаясь унять дрожь, я ответил:

— Буду рад.

— А теперь, — сказала она, — если отобедать мы хотим здесь, пора разбудить миссис Джек. Смотрите! Все время, сколько мы говорим, вода поднималась. Пора!

Миссис Джек удивилась, когда мы ее разбудили, но тоже не отказалась от обеда. Трапеза на свежем воздухе доставила нам огромное удовольствие.

На середине прилива пришли мальчишки Хэй. Мисс Анита решила поручить им обоим отнести корзину и помочь миссис Джек вернуться к карете.

— Вы же сможете грести и один, правда? — спросила она, повернувшись ко мне. — Теперь вы знаете путь. С вами мне не страшно!

Мы отплыли от скалы и видели, как фигурки миссис Джек и мальчишек удаляются с каждым шагом; я набрался духу и безрассудности и заговорил:

— Когда человек из-за чего-то переживает и боится, что от одного умолчания об этом может

потерять то, за что отдал бы все на свете, как… как вы считаете, должен ли он хранить молчание?

Я видел, что и она заметила ту нотку предупреждения. Когда она ответила, в ее голосе слышались чопорность и желание вернуться к обычному положению:

— Говорят, молчание — золото.

Отвечая, я не мог не рассмеяться с оттенком горечи:

— Тогда в этом мире золото истинного счастья достается лишь немым!

Она промолчала — глубоко уйдя в себя, смотрела на миллион сверкающих алмазов моря; я греб что было силы, радуясь, что хоть чем-то могу себя занять.

Наконец она обернулась ко мне и со всей лучезарностью, проявившейся в лице, сказала так нежно, что меня будто окатило теплой волной:

— Вы не слишком ли налегаете на весла? Вы чересчур рветесь в Уиннифолд. Я боюсь, мы окажемся там очень рано. Торопиться незачем; мы встретимся с остальными, когда надо. Лучше держитесь подальше от опасных скал. На всем горизонте не видно ни паруса, ни одного, поэтому вам можно не бояться столкновения. Но помните: я не прошу вовсе бросать грести; ведь, в конце

концов, если стоять неподвижно, унесет течением. Только гребите полегче — и в свое время мы достигнем безопасной гавани!

От ее речи меня захлестнуло чувство, не имеющее названия. То была не любовь; то было не уважение; то было не почитание; то была не благодарность. Но все вместе взятое и сразу. В последнее время я так жадно изучал тайнопись, что теперь во всем видел секретный смысл. Но, о! как скудны письменные слова перед изящным богатством речи! Ни один мужчина, имеющий сердце, чтобы чувствовать, и мозг, чтобы понимать, не истолковал бы ее слова превратно. Она давала предупреждение, и надежду, и смелость, и совет; все, что может жена дать мужу или друг — другу. Я лишь взглянул на нее и, не говоря ни слова, протянул руку. Она искренне вложила в нее свою; на короткий блаженный миг моя душа была едина с сиянием моря и неба.

На том самом месте, где я видел, как под воду ушел Лохлейн Маклауд, моя жизнь приобрела новый смысл.

Глава XI. В сумерках

Не без дурных предчувствий я поднимался по крутому зигзагу тропинки на Уиннифолд и с каждым поворотом ожидал встретить незваный лик Гормалы. Не верилось, что все может идти хорошо и при этом меня не потревожит ее присутствие. Мисс Анита, думаю, разглядела мое беспокойство и угадала его причину: я видел, как она следила за моим взглядом, а потом тоже стала держать дозор. Впрочем, мы поднялись и сели в поджидающий экипаж без происшествий. В гостинице она попросила снести вниз документы с тайнописью. Шепотом она пояснила, что мы будем наедине, поскольку миссис Джек всегда старается вздремнуть перед ужином.

Долго и мучительно она ломала голову над бумагами и моей увеличенной копией. Наконец покачала головой и на время сдалась. Тогда я рассказал о своих главных предположениях, в чем может выражаться двухбуквенный шифр, если он есть. Какие-то признаки должны были быть налицо, но какие, того я еще не разгадал.

Когда я исчерпал свои догадки, она сказала:

— Теперь я как никогда уверена, что вам следует начать с сокращения комбинаций двухбуквенного шифра. Как об этом ни задумаюсь, мне кажется очевидным, что Бэкон или любой другой, кто пользовался бы подобной системой, усовершенствовал бы ее именно так. А пока давайте выкинем это из головы. Уверена, вам уже хочется передохнуть от шифра — мне так точно. Ужин готов; после него, если вы не против, я бы хотела еще раз сходить к пляжу.

«Еще раз» сходить к пляжу! Значит, прежний раз стал для нее важной точкой отсчета. У меня распирало грудь от решимости действовать, пусть даже неблагоразумно.

После ужина мы направились по дюнам и вдоль берега к Хоуклоу, придерживаясь линии прилива на песке.

Солнце зашло, уже смеркалось. В северных широтах сумерки долгие и поначалу слабо отличаются от дня. Надо всем разливается мягкий свет, все серо на земле, в море и в воздухе. Впрочем, сперва света в избытке. Таинственность сумерек, какую знают южане, наступает уже потом, когда из-за моря подкрадывается ночь и тени расширяются до всеохватного мрака. И все же сумерки при любой скорости есть сумерки;

и атмосфера их одинакова по всему миру. Это особое время: между напряжением и опасениями дня — и немым забвением ночи. Это час, когда все живое, как звери, так и люди, погружается в свои мысли. Отчасти разомлев, все словно понемногу ослабляют защиту; душа тянется к душе, а разум — к разуму, как и тело — к телу в мгновения более полной близости. Как двойные тени сливаются в одну после заката, когда земля освещена уже не крошечным диском солнца, а всеми широкими небесами, так же в сумерках сливаются в единое целое два родственных характера. Между дневным сиянием и тьмой, когда умирают один за другим множество звуков жизни — щебет птиц, мычание скота, блеяние овец, лай собак, — пробуждаются с новой силой природные звуки вроде шелеста деревьев, плеска воды или грохота бьющихся волн и кажутся слуху имеющими сознание и цель. Словно во всем большом круговороте природы не бывает поры застоя, мгновения покоя, не считая того, когда духи природы провозглашают неестественную тишь, словно Земля останавливается, как «луна Иисуса Навина над долиною Аиалонской»[24].

---

[24] Примечания: 24

Альфред Теннисон «Локсли-холл» (пер. С. Карпова), стихотворение 1835 года.

Мой дух и дух моей спутницы поддались безмолвному воздействию наступающей ночи. Сами того не замечая, мы шли всё ближе друг к другу и в ногу, и молчали, очарованные красотой вокруг. Для меня это был нежный восторг. Остаться с ней наедине так, в таком месте, — словно сошлось вместе все хорошее на земле и на небесах. И долгие минуты мы медленно шагали по пустынному песку, слушая музыку поющего моря и вторящего ему берега.

Но даже в Раю случился мятеж. Похоже, разум не согласен останавливаться ни на Земле, ни на Небесах. Ему бы вечно покорять высоты. Из моего же счастья и покоя вновь родилось страстное желание покорить новые высоты, сделать нынешнюю, уже достигнутую, лишь ступенью перед чем-то большим. В мыслях все доводы словно сговорились доказать, что я вправе просить сейчас Марджори стать моей женой. И другие мужчины просили руки женщин, кого знали совсем короткое время; и со счастливым итогом. Было очевидно, что я ей по меньшей мере не противен. Я джентльмен из хорошего рода и зажиточный; и я мог предложить ей все свое сердце без остатка. Она, с виду лишь спутница богатой дамы, не оскорбилась бы предложением всего, что может

дать мужчина. Я уже раз затронул эту тему, и она меня не отвадила, лишь ответила ласковым и искусным намеком, разжигающим надежду. А дни, часы и мгновения пролетают, не успеешь оглянуться. И я не знал ни ее адреса, ни когда увижу ее вновь, если увижу. Эта последняя мысль стала решающей. Сегодня вечером я заговорю откровенно.

О, в интуиции мужчины не ровня женщинам. Эта девушка вроде бы смотрела на море — и в то же время словно видела меня насквозь неким двойным зрением, присущим только женщинам, и о чем-то догадалась по изменившемуся выражению моего лица.

Должно быть, моя решимость испугала ее или насторожила, поскольку она вдруг сказала:

— Не пора ли нам повернуть домой?

— Еще рано! — взмолился я, на миг пробудившись от своих мечтаний. — Еще несколько минут — и повернем.

— Ну хорошо, — сказала она с улыбкой и кротко добавила: — Только недолго.

Я почувствовал, что время пришло, и порывисто выпалил:

— Марджори, ты будешь моей женой?

Сказав это, я замер. Сердце колотилось так

сильно, что я больше не мог вымолвить ни слова. Несколько секунд, казавшихся мне вечностью, мы оба молчали. Смею предположить, что она готовилась к чему-то в этом духе; судя по тому, что мне известно сейчас, она намеревалась избегать любых затруднений. Но внезапность и смелость вопроса застали ее врасплох, и она онемела от смущения. Она остановилась, и я видел, что она тяжело дышит — как и я.

Затем с немалым усилием, потребовавшим сделать глубокий вдох, расправив и опустив плечи, она сказала:

— Но ты обо мне ничего не знаешь!

— Я знаю о тебе все, что хочу знать! — Подобный истинно ирландский ответ позабавил Марджори, несмотря на ее прилив чувств и неловкость, если можно таким словом описать выражение столь многих прелестных черт характера. Я увидел улыбку — и мы словно оба почувствовали себя легче.

— Это звучит очень грубо, — сказала она, — но я понимаю, что ты имеешь в виду.

Передо мной словно раскрылась брешь, и я не преминул воспользоваться шансом. Она слушала, с виду не возмущенная моими словами и в целом довольная, что может собраться с мыслями

перед ответом.

— Я знаю, что ты прекрасна; самая прекрасная и изящная девушка, что я видел. Я знаю, что ты смела, добра, нежна и заботлива. Я знаю, что ты умна, находчива и тактична. Я знаю, что ты хороший друг; что ты художница с душой поэта. Я знаю, что для меня ты одна-единственная во всем белом свете, что после встречи с тобой уже никто не займет твое место в моем сердце. Я знаю, что лучше умру в твоих объятьях, чем буду жить королем с любой королевой!

— Но ты видел меня всего дважды. Как ты можешь знать обо мне столько хорошего? Мне бы самой хотелось, чтобы все это было правдой! Я обычная девушка, и, должна сказать, мне приятно это слышать, будь то правда или нет. Но допустим, все это правда — как ты можешь это знать?

Надежда разгоралась все сильней. Я продолжал:

— Чтобы это знать, не требовалось и второй встречи. Сегодня — лишь повторение моей радости, подтверждение моего мнения, моей привязанности!

Отвечая, она, вопреки себе, улыбнулась:

— Ты лишаешь меня дара речи. Как ответить

или возразить такому пылу. — Она мягко положила ладонь мне на руку и продолжила: — О, я понимаю, о чем ты, друг мой. Я принимаю все за чистую монету и, поверь, слушаю это с гордостью, хотя и считаю, что недостойна такой веры в мои добродетели. Но ты должен принять в расчет и кое-что еще. Справедливости ко мне ради, даже обязан.

Она замолчала, и у меня похолодело сердце.

— Что же? — спросил я. Я пытался говорить естественно, но сам слышал, как охрип у меня голос. Ответ прозвучал медленно и обратил меня всего в лед:

— Я не знаю тебя!

Жалость в ее глазах принесла толику утешения, но не больше: мужчине, чья душа плачет о любви, не нужна жалость. Любовь — великолепное самоотречение; сплошь порыв; сплошь радость, сплошь удовлетворение, в ней нет места сомнениям и предусмотрительности. Жалость же — сознательный акт разума, и в ней заключена уверенность в своем положении. Они соединяются не лучше, чем масло с водой.

Я был ошеломлен, но тут же собрался с мыслями. Я чувствовал, что сейчас как никогда обязан быть джентльменом. Мой долг, как и моя приви-

легия, — охранить эту женщину от непрошеных боли и унижений. А я хорошо понимал, что ей больно давать мне такой ответ, и боль эту причинил мой эгоистичный порыв. Ранее она уже меня предупреждала, но я презрел предупреждение. Теперь мой поступок поставил ее в неудобное положение, и это мне полагается смягчить удар, насколько возможно. Мне пришла смутная идея, что лучше всего было бы обнять Марджори и поцеловать. Будь мы оба старше, я бы, возможно, так и поступил, но моя любовь была другой. Моя страсть мешалась с уважением, и потому мне был открыт иной путь — признать ее пожелания и подчиниться им. Кроме того, в мыслях промелькнуло, что она может подумать, будто я неправильно понял ее поцелуй в порыве чувств — тогда, на скале.

И я сказал настолько тактично, насколько умел:

— Сейчас на это ответить невозможно. Остается только надеяться, что время будет мне другом. Но… — добавил я, и у меня перехватило дыхание, — но верь, верь, что я совершенно серьезен, что на кону вся моя жизнь; и что я буду ждать, и ждать преданно, со всевозможным терпением, покоряясь твоей воле. Мои чувства, мои поже-

лания и… и мой вопрос не изменятся до самой моей смерти!

Она не сказала ни слова, но на ее прекрасные глаза навернулись слезы и сбежали по покрасневшим щекам, когда она протянула мне руку. Марджори не возражала, когда я поднял ее руку к губам и поцеловал, вложив в поцелуй всю душу!

Мы машинально повернули и направились домой. Я был подавлен, но не сломлен. Вначале песок словно не желал отпускать мои ноги, но немного погодя, заметив, что спутница идет необычным для нее пружинистым шагом, я и сам сделался веселей. В гостиницу мы вернулись почти в том же настроении, в каком покинули ее.

Мы застали миссис Джек одетой, не считая ее накидки, и готовой к дороге. Она ушла с Марджори, чтобы завершить туалет, но вернулась раньше молодой спутницы.

Когда мы остались одни, она сказала мне после долгих экивоков, обиняков и прочей подготовки:

— О, мистер Хантер, Марджори говорит, что хочет поехать на велосипеде в Абердин из Бремора, куда мы собираемся в пятницу. Сама я поеду из Бремора в экипаже в Баллатер, а потом поездом, и прибуду раньше, хотя выеду позже. Но мне боязно, что молодая девушка отправится в

такой путь совсем одна. Здесь у нас нет знакомых джентльменов, и было бы замечательно, если бы вы, оказавшись там поблизости, присмотрели за ней. Я знаю, что могу вам доверять: вы уже позаботились и о ней, и обо мне.

У меня екнуло сердце. Вот и неожиданный шанс. Время уже показало себя моим другом.

— Заверяю, — ответил я как можно спокойнее, — что буду рад услужить в любой мелочи. И это действительно сходится с моими планами, потому что я и сам надеялся в ближайшее время съездить в Бремор на велосипеде и могу подстроиться под вас. Но, разумеется, вы понимаете, я не могу поехать, если только этого не пожелает мисс Анита. Я не могу ей навязываться.

— О, не переживайте! — ответила она быстро — так быстро, что я понял: она уже поразмыслила над этим и довольна решением. — Марджори не будет возражать.

Тут как раз вошла молодая дама, и миссис Джек повернулась к ней:

— Дорогая, я просила мистера Хантера сопроводить тебя из Бремора, он говорит, это сходится с его планами и он будет рад, если ты его пригласишь.

Марджори ответила, улыбнувшись:

— О, раз вы уже попросили и он согласен, нет нужды просить и мне, но мне очень радостно это слышать!

Я поклонился. Когда миссис Джек вышла, Марджори повернулась ко мне и спросила:

— Когда ты собирался в Бремор?

— Собрался, когда миссис Джек сказала, что ты едешь, — смело ответил я.

— Ах! Я не это имела в виду, — ответила она, чуть покраснев, — а когда тебе надо там быть.

На что я ответил:

— Когда тебе будет удобно. Напишешь и дашь мне знать?

Она разгадала мою уловку, желание вступить с ней в переписку, и с улыбкой предостерегающе подняла палец.

Когда мы прогуливались по дороге, ожидая, пока подадут двуколку, она сказала:

— Сейчас ты можешь быть мне добрым другом, я знаю; ты и сам говорил, что я среди прочего — добрый друг. Так оно и есть, и между Бремором и Абердином мы тоже должны оставаться добрыми друзьями. Не больше! Что бы ни случилось позже, к добру или к худу, случится уже позже.

— Согласен! — сказал я с тайной радостью. Мы встретили миссис Джек, и перед отъездом Мар-

джори произнесла:

— Миссис Джек, я тоже просила мистера Хантера поехать со мной из Бремора. Я решила, ему будет приятно, если попросим мы обе, раз уж он такой застенчивый и неспонтанный!

С улыбкой она попрощалась и взмахнула кнутом.

Глава XII. Шифр

Я сразу вернулся в номер и взялся за двухбуквенный шифр. Теперь я как никогда верил, что разгадка тайнописи — первый шаг к осуществлению моих мечтаний о Марджори. А потому было бы странно, если бы первым делом я не испытал предложенный ею метод — сокращение бэконовского шифра до самых малых элементов.

Я трудился долгими часами и наконец, сумев ужать пять бэконовских символов до трех, понял, что достиг всего, что возможно и необходимо[25].

Придя к результату и испытав его точность на практике, я почувствовал в себе силы с новым знанием поэкспериментировать над старым цифровым шифром. Сначала я записал свой метод сокращения в виде приложения к письму, которое готовил для Марджори. Затем придумал ключ для шифровки и ключ для дешифровки[26]. К этому времени ночь уже подходила к концу, по краям занавесок просачивался серый свет

---

[25] Примечания: 25
См. Приложение B. — *Примеч. авт.*

[26] Примечания: 26
См. Приложение C. — *Примеч. авт.*

утра; впрочем, в сон меня не клонило: я слишком взволновался, чтобы даже думать о сне, когда разгадка была почти у меня в руках. До того взбудораженный, что чуть сам себя не испугался, я положил перед собой цифровой шифр и свой новоиспеченный ключ. С напряжением, потребовавшим едва ли не всей силы воли, я старательно писал нужную букву под каждой комбинацией, ни разу не задерживаясь и даже мельком не окидывая всю последовательность взглядом, поскольку знал: если в ключе и есть ошибка даже в нескольких буквах, шанс узнать правильные буквы возрастет, когда я увижу текст целиком.

Затем я оценил результат и обнаружил, что многие символы в самом деле дают буквы. Дальше оставалась только черная работа. После нескольких проб я скорректировал ключ с учетом некоторых комбинаций шифра.

Однако я обнаружил, что буквы получились не везде; как ни старайся, символы между ними разгадать не получалось. Наконец мне пришло в голову, что здесь мог применяться не один шифр, а два и больше. Потянув за ниточку, я понял, что в шифре разбросано немало «лишних» цифр. Возможно, их записали, только чтобы сбить со следа, — мне это и самому приходило в голову

во время разработки шифра, — а может, они обладали неким смыслом. Так или иначе, сейчас они мешали, и я вычеркивал их по ходу дела. Так продолжалось, пока я не исчерпал все цифры в тексте.

Оценив переведенные буквы, я, к своей невыразимой радости, обнаружил, что уже проглядывают правильная последовательность и смысл. Перевод выглядел так:

> «Дабы прочесть историю Поручения, воспользуйся шифром Фр. Бэкона. Смысл и цифры сто́ят меньше Троицы Б. де Э.».

Еще один этап — и дело сделано. На новой странице я расставил вычеркнутые цифры в ряд и с удовольствием увидел, что они образуют внутренний текст, читавшийся с тем же ключом. «Погребенные» слова, пользуясь термином самого Бэкона, были следующими:

> «Утес Пещеры Сокровищ в одном градусе с половиной к северо-востоку от внешней скалы».

Тогда, и только тогда, меня свалила усталость. Солнце уже давно встало, но я рухнул в постель и

мгновенно уснул.

Когда я проснулся, звенел гонг к завтраку. После еды я вернулся к следующей задаче: разработать свою вариацию цифрового ключа, но для букв с точками — раз я уж начал не расшифровывать, а разрабатывать. Поломав голову, я наконец получил соответствующий шифр[27].

Затем я применил новый ключ к копии шифра с печатных страниц.

Я работал без остановок и закончил первую страницу, выписывая ответы только на те комбинации, которые подходили к моей схеме, и оставляя сомнительные места пустыми. Затем отложил получившийся ключ и с бьющимся сердцем окинул взглядом весь результат.

Он меня более чем удовлетворил, поскольку, несмотря на множество пропусков, складывалась связная история. Тогда я перешел к пропускам, меняя ключ под план их автора, пока мало-помалу не овладел секретом шифра.

Впредь с этого часа и до расшифровки последней буквы я не знал покоя. Время от времени все-таки приходилось есть и улучать по нескольку часов сна, перевод оказался слишком трудоем-

---

[27] Примечания: 27
См. Приложение D. — *Примеч. авт.*

ким, медленным и утомительным для глаз, чтобы продолжать без перерыва, однако с каждым часом я набивал руку. Впрочем, труд был закончен только к вечеру четвертого дня. Тогда я целиком понял замысел автора.

Все это время я не получал вестей от Марджори, и одно это превращало работу в необходимое успокоительное. Не будь у меня долгого и тяжелого занятия, чтобы отвлечься от нескончаемого разочарования, сам не знаю, куда бы я себя дел. В тот вечер я с полным правом ожидал письма последней почтой. Я знал, что Марджори проживает где-то в пределах графства; местные письма приходили именно под вечер. Однако ничего не пришло, так что ночью я переписывал перевод набело.

Первая его часть представляла собой письмо и выглядела следующим образом:

> «Мой дорогой сын, я пишу тебе из городка Абердина, что в Шотландии, где слег с болезнью прежде, чем отправился на исполнение своего Поручения. За время долгой немощи я записал полную историю всего происшедшего, чтобы ты знал ее так, как если бы слышал собственными

ушами и видел собственными глазами. Пишу я одного ради: чтобы ты, мой старший сын, и остальные мои дети в случае моей неудачи — а я уж слишком слаб телом — исполнили Поручение, которому я дал слово посвятить как себя, так и тебя; чтобы, покамест Поручение не будет исполнено, ни ты, ни я, никто другой не был свободен для всего, что претить нашему устремлению способно. Но чтобы моя клятва не угнетала моих детей, а буде потребуется — их детей и детей их детей, достаточно, чтобы исполнить Поручение клялся всегда только один. Для того отныне и впредь я поручаю старшему сыну в каждом колене присягать на верность Поручению, ежели только его обязанность иной прямой наследник не переймет. Коли же этого не случится либо Поручение достигнуто не будет, долг перелагается далее, покамест не найдется ближайший по первостепенности наследия, ежели только его обязанность не переймет иной прямой наследник. И помните все, кому выпадет священный долг: секретность превыше всего.

Изначально сие великое Поручение мне великодушно вверили Его Святейшество Папа Римский Сикст V и мой добрый соотечественник, испанский кардинал, в силу того, что древняя честь нашей дорогой Испании столь прочно занимает место в моем сердце, что самому времени не изгладить ни ее, ни ее продолжения в сердцах моих детей. Посему Его Святейшество наделил меня широчайшими полномочиями для преодоления всяких обстоятельств, что на пути к успеху возникнуть могут. Посему Его Святейшество издал сообразно с Поручением Освобождение, что очистит любого от грехов на пути к исполнению долга, буде потребуется. Но поскольку Поручение тайно, а несвоевременное оглашение Освобождения может привлечь взоры любопытствующих к его существованию, Документ сей хранится в тайном архиве Ватикана, где, возникни таковая потребность, будет найден Святым Отцом, взошедшим в дальнейшем на Престол святого Петра, по обращению от имени любого, кто преступит закон или правила

детей Христовых. И я поручаю тебе, о сын мой, помнить: пусть в повествовании повстречается странное, в моих глазах все это — истина до самого последнего слова, хоть тебе и может показаться, что она не сообразуется с рассказами моих современников.

И, о сын мой и дети мои, примите сие мое последнее благословение, а с ним — мое напутствие не сходить со стези Веры и Праведности, Чести и Добросовестности, преданно храня долг прежде всего перед Святой Церковью и Королем. Прощайте! Да охранят вас и порадеют в исполнении долга Господь Бог, Дева Мария, святые и ангелы.

С любовью, ваш отец
Бернардино де Эскобан»

«Это принесут надежные руки, ибо боюсь я, как бы оно не угодило в руки английской королевы или ее еретической свиты. Коль случится так, что вы не преуспеете тотчас в скором воплощении Поручения, — что вполне возможно, коль скоро силы нашей Армады ограни-

чены, — Поручение может потребовать поселиться на сих берегах, дабы оберегать цель и выжидать, когда возникнет удобная оказия. Но будь настороже, сын мой, ведь исполнитель Поручения будет вечно окружен врагами, безбожными и безжалостными, чья алчность, коль пробудится, пагубна для всего, чем мы дорожим. Dixi[28]».

Далее шло следующее:

«Повесть Бернардино де Эскобана, рыцаря Креста Святого Престола, испанского гранда».

Далее излагалась полная история[29] великого Сокровища, предназначенного папой Сикстом V для покорения Англии и доверенного автору повести, который на свои деньги построил и возглавил корабль Армады «Сан-Кристобаль» — флагман флотилии кастильских галеонов. Папа, утомленный требованиями Филиппа Испанского,

---

[28] Примечания: 28
«Я сказал» (*лат.*), применяется в завершении послания.

[29] Примечания: 29
См. Приложение Е. — *Примеч. авт.*

оскорбленный его желанием назначать епископов и еще более уязвленный неосторожной дерзостью графа де Оливареса, испанского посла в Риме, задумал секретное Поручение и по совету испанского кардинала выбрал для его исполнения дона Бернардино де Эскобана. Ради своего замысла он выслал для нового галеона носовую фигуру, отлитую Бенвенуто Челлини из золота и серебра для его собственного галеаса. Также он втайне подарил дону Бернардино на память брошь в виде носовой фигуры работы того же мастера. Дон Бернардино рассказывал о разгроме Армады и о том, как пострадал его корабль, после чего, опасаясь за вверенные сокровища, он укрыл и их, и драгоценную носовую фигуру в подводной пещере возле мыса в заливе Абердинского побережья. Для пущей сохранности он взорвал вход в пещеру. В повести встречались любопытные фразы — к примеру, когда папа говорит: «Во исполнение чего вверяю тебе сокровища такой величины, какой еще ни одна страна не знала». Их следовало расходовать только во имя Истинной веры, а в случае провала всего предприятия — передать в руки тому королю, что взойдет на трон после смерти Сикста V. И снова: «Пещера та великая, на южной стороне Залива, о многих про-

ходах и глухих тупиках… Свет лампы отражали черный камень ошую и красный одесную».

Затем — заметки о дальнейшей истории Поручения:

«Я привел в настоящий вид повесть моего отца, славного и добродетельного дона Бернардино де Эскобана, для сохранения его тайны. Поскольку упомянутую им карту мне сыскать не удалось, хотя все остальные документы и карты пребывают на месте, может потребоваться, чтобы ветвь нашего дома проживала в этой стране согласно условию Поручения и знала английский язык как свой родной. Когда писал отец, я был лишь юнцом, и многие годы от его кончины принесли многие изменения, а того, кто должен был передать мне послание и все бумаги, уж нет — он лежит, как считается, бок о бок с моим отцом под волнами Скейрс. И потому мне оставалось руководствоваться лишь короткой запиской о содержимом дубового сундука, где я их нашел, хоть и не все. Уста, что могли бы разгадать загадку, уже замолкли навсегда.

Франциско де Эскобан
23 октября 1599 года»

«Здесь повесть моего деда вместе с за-

писной моего отца, которые я преданно англицизировал и перевел в секретный вид для того, кто последует за мной и кому придется провести жизнь в сем суровом краю, покамест не будет исполнено священное Поручение, доверенное нам папой Сикстом V. Когда после смерти старшего брата я, будучи вторым сыном, отправился к отцу в Абердин, я серьезно подготовился, дабы не уронить честь и бремя, возложенное на нас Поручением, и до того вышколил английский язык, что теперь он мне как родной. Затем отец, завершив возведение своего замка, пустился на поиски пещеры, чей секрет был утрачен, и в итоге, как и мой дед, сгинул в водах Круденских Скейрс. Тот, кто последует за мной, пусть должным образом ознакомится с тайнописью, задуманной к замешательству любопытствующих и сохранению нашего секрета. Никогда не забывай, что не все так, как видится на поверхности даже простых слов. У шифра моего деда, изобретенного Фр. Бэконом, ныне канцлером Англии, много уст, и всем есть что сказать.

Бернардино де Эскобан
4 июля 1620 года»

Вдобавок к повести я нашел отдельную шифровку в примечаниях на первых печатных страницах. Переведя ее, я прочитал следующее:

«Вход в пещеру — к северу от внешней скалы, полтора градуса к северо-востоку. Риф отстоит от берега на 0,35 градуса на юго-юго-восток».

Глава XIII. Поездка через горы

Я снова и снова перечитывал повесть дона Эскобана, пока не запечатлел в памяти каждый пустяк; затем заучивал ключ цифрового шифра, пока не запомнил его назубок. Что-то подсказывало, что это еще послужит мне подспорьем и защитой сейчас или в будущем. Пока что меня осаждали новые сомнения. В сущности, я узнал государственную тайну, имеющую последствия, которые даже по истечении трех веков могли оказаться далекоидущими и опасными. Речь шла о сокровище столь большом, с целью столь однозначно определенной, столь ревностно охраняемом от времени и случая, что рассчитывать на то, что о нем забыли, не приходилось. Совесть меня нисколько не беспокоила. Сокровища собраны и предназначены на погибель Англии, и меня не заботили те, кто их приготовил и выслал. То, что враги Британии укрыли здесь сокровища во время войны, лишало тех законного права на их возвращение. Что говорили об этом законы, я не знал, да и не задумывался. Кто найдет, тот и хозяин, и если бы я нашел сокровища первым,

то считал бы себя в полном праве распоряжаться ими по своему усмотрению. И все же я наметил почитать закон о найденных кладах, о котором имел самое смутное представление. Не это волновало меня в первую голову. Действительно, эти вопросы остаются второстепенными, покуда сокровище не найдено — вот тогда они выйдут на первый план. Но я считал, что прочтение шифра было первым моим шагом к руке и сердцу Марджори Аниты. Это исполнено; и заодно раскрыт такой секрет, что озолотит меня сверх всяких мечтаний и позволит просить руки любой девушки на свете. Я уже считал сокровища своими, словно извлек их из недр земли.

Рано поутру я направился на мыс Уиннифолд, прихватив с собой карманный компас для поиска точного места, где запечатали вход в пещеру. Я, конечно, знал, что даже гранитные скалы не выстоят невредимыми три века под натиском бурного моря, триста лет при разрушительной погоде, тысячи ночей сильного мороза и дней палящего солнца, что минули с тех пор, как пещеру потряс жестокий взрыв. И все же, признаюсь, я оказался не готов к тому, насколько стерлись все следы ее местонахождения. Раз за разом море впивалось в сушу; и теперь обрушение скал,

ползучая зелень и кочующий песок изменили побережье до неузнаваемости.

Однако я сделал что мог, пытаясь найти место по описанию дона Эскобана, и прогулялся по верхушке утеса, начиная от самого края мыса Уитсеннан, покуда не вышел на место, где торчит южная внешняя скала Скейрс.

А затем, к своему удивлению, обнаружил, что это место рядом с моим домом. Более того, заглянув в чертеж, подготовленный для меня здешним геодезистом, я увидел, что северная стена близка к южному окончанию главной скалы Скейрс. Поскольку было видно, что передняя часть скалы обрушилась, после чего обломки частично расчистили, оставалась надежда, что пещера находится прямо под моим участком, если не под самым домом. Это придало предприятию новый оборот. Если моя догадка верна, торопиться вовсе ни к чему; самый надежный курс действий — незаметно проделать проход из собственного дома в пещеру и затем исследовать ее в свое удовольствие. Казалось, этому ничто не препятствует. Рабочие, построившие дом, уже ушли, а дату прихода декораторов еще не назначили. Следовательно, дом находился в моем полном распоряжении. На обратном пути в гостиницу я распланировал,

как заказать из Глазго или Абердина нужные инструменты, чтобы пробить скалу под домом; хорошо бы, чтобы они пришли в ящиках и никто не заподозрил о моей затее. И работать, если я желал сохранить секретность, предстояло в одиночку. Теперь у меня накопилось столько всего, чтобы рассказать Марджори при новой встрече, что я и не знал, с чего начать, а деловая сторона моего ума строила планы, как все исполнить в должном порядке и как можно успешнее.

Вернувшись в гостиницу, я обнаружил, что меня ждет письмо от Марджори, пришедшее с последней почтой. Я забрал его в номер и заперся перед тем, как вскрыть. На нем не стояло ни даты, ни адреса, а содержание было характерным для Марджори:

> Дорогой сэр!
>
> Миссис Джек просила написать за нее, что мы покинем Бремор во вторник. Мы остановимся в гостинице «Файф Армс», и она будет счастлива, если вы позавтракаете с нами в девять часов утра в номере 16. Все это, разумеется, на тот случай, если вы пожелаете приехать в Абердин. Так рано мы завтракаем, поскольку путь

предстоит долгий — шестьдесят миль — и миссис Джек считает, что мне нужно остановиться и передохнуть хотя бы дважды. Полагаю, дорогу вы знаете, и миссис Джек будет рада, если вы любезно выберете нам места остановок. Миссис Джек покинет Бремор около трех часов и поедет в Баллатер на поезд к половине шестого. Она просила передать, что надеется, вы простите ее за хлопоты, и напомнить, что если вы не приедете или вам что-то помешает, то она все поймет по телеграмме с одним словом «сожалею». К слову, вы ее премного обяжете, если любезно согласитесь не упоминать ее имени или фамилии перед незнакомцами или работниками гостиницы, в Бреморе или в пути — или в течение дня.

Искренне ваша,
Марджори Анита

P. S. — Что с шифром: вы сократили комбинации, придумали что-нибудь еще?

P. P. S. — Что-то мне подсказывает, что вашему приезду ничто не помешает, разве только возникнет нечто действи-

тельно серьезное. Миссис Джек очень ждет моей велосипедной поездки.

P. P. P. S. — Вы больше не видели Вторым Зрением какие-нибудь корабли? Или новые белые цветы — для Мертвых?

Еще долго сидел я с письмом в руке, перечитывая и перечитывая его без конца. С каждым разом его цель прояснялась все более. Возможно, во мне лишь поднимала голову давняя привычка искать во всем тайные послания. Я думал и думал; и моя привычка докапываться до сути помогала даже в разгар полетов фантазии. «Может ли быть, — думал я, — что у Второго Зрения есть более слабые формы: грезы, вызванные какой-либо истиной. В нашем мире есть проявления жизни как в высших, так и в низших формах; но всему присущ некий принцип, разделяющий мертвых и живых. Тайным голосам разума не всегда нужно греметь громом; внутренний Живописец Снов не всегда нуждается в широком полотне, чтобы показать свое мастерство».

Утром вторника в девять — минута в минуту — я, войдя в «Файф Армс» в Бреморе, застал Марджори одну. Она подошла с ослепительной искренней улыбкой и пожала мне руку.

— Очень рада тебя видеть, — вот и все ее приветствие. Затем она добавила: — Миссис Джек будет с минуты на минуту. До того нам нужно условиться, что отсюда до Абердина, на протяжении всего дня, мы с тобой только друзья.

— Да! — сказал я и добавил: — Временно!

Она продемонстрировала в улыбке жемчужные зубки и ответила:

— Хорошо. Временно! Да будет так!

Затем вошла миссис Джек и тепло меня приветствовала, после чего мы уселись за завтрак. Покончив с ним, Марджори набрала немалый сверток сэндвичей и перевязала в дорогу. Его она вручила мне со словами:

— Будьте добры, повезите вы. Лучше устроить обед на открытом воздухе, нежели в гостинице, — вы так не считаете?

Незачем говорить, что я всецело согласился. Оба наших велосипеда уже поджидали у двери, и мы, не теряя времени, отправились в дорогу. Более того, моей спутнице так не терпелось выехать, словно она не желала никому попадаться на глаза.

День стоял великолепный. Ярко светило солнце; на бирюзовом небе тут и там были разбросаны пушистые облака. В спину подталкивал восточ-

ный ветерок, словно мы шли под парусом. Было прохладно, дорога ложилась под колеса гладко, как асфальт, но с пружинистостью утрамбованного гравия. Мы попросту летели, почти не прикладывая усилий. Я видел восторг на лице спутницы так же ясно, как чувствовал его в себе. Все было сплошь наслаждением — наверху, внизу, вокруг нас; и сомневаюсь, что где-то под солнцем нашлись бы еще два таких радостных сердца, как у нас с Марджори.

Пока мы летели, по обе стороны бесконечными панорамами простирались живописные пейзажи. Высокие горы в полянках вереска, лежащего в это время года заплатами тут и там; высящиеся над нами деревья, чьи ветви со скрипом покачивались на ветру, рассыпая у нас на пути калейдоскопические узоры света и теней; бурая речка, подпитываясь несметными ручьями, бежала по руслу из камней, местами поднимавших темные головы из пены на коричнево-белой воде; зеленые поля, уходившие от реки или круто выбиравшиеся у нас из-под ног к высоко расположенным соснам или черным горам за ними; бесконечные лесные проходы, где сквозь мрачную тень бурых стволов, что росли из бурой массы устилающих землю опавших иголок, и

сквозь листья падало солнце с такой невыносимой яркостью! И снова на опушку, где солнце сидело в небе как влитое и даже сама мысль о тени казалась невероятной. С крутых холмов, когда земля словно сама скользила назад под летящими колесами, и на небольшие пригорки, преодолевавшиеся без труда благодаря ветру в спину и высокой скорости.

Уже скоро горы перед нами, вначале казавшиеся непрерывной шеренгой хмурых великанов, преграждавших дорогу, словно расступились. Мы сворачивали то налево, то направо, поворот за поворотом открывая пред собой новые виды, пока наконец не попали в низину между холмами у Баллатера. Здесь, ввиду возможной опасности, мы осторожно поползли по крутому склону вниз, к городу. Миссис Джек предлагала сделать первую остановку в Баллатере. Но когда у подножия холма мы вновь набрали скорость, Марджори сказала:

— О, не будем останавливаться в городе. Я не вынесу его после такой замечательной поездки через горы.

— Согласен! — откликнулся я. — Поднажмем! Эти двадцать миль пролетели как один миг. За Камбус-о-Мэем на северной стороне есть озеро:

можно проехать вокруг него и снова вернуться на дорогу в Диннете. Если хочешь, пообедаем там на красивой опушке леса.

— Очаровательно! — ответила она, и счастливая девичья свежесть ее голоса прозвенела, словно подходившая к сцене музыка. Миновав Баллатер и забравшись на холм по дороге к железнодорожному мосту, мы задержались и оглянулись, и в беспримесной радости она взяла меня за руку и придвинулась ближе. Ничего удивительного, что она была так тронута, ведь во всем мире не много мест могли бы потягаться красотой с этим. Справа над нами и на противоположной стороне долины высились горы насыщенно-коричневого цвета, покрытые розовыми полянками и зелеными линиями, а прямо перед нами, в центре этого амфитеатра, два круглых холма, растущих из тонкой дымки, служили входом в долину, что поднималась выше. Дорога в Бремор предстала нам натуральной дорогой тайн под стражей зачарованных врат. Со вздохом мы повернулись спиной к этой красоте и, проехав реку, помчали мимо Камбус-о-Мэя между сосновыми лесами, обнаруживая новые прелестные виды. На востоке находились бок могучего холма и болото, окруженные со всех сторон великими

горами, уходившими в туманную бледно-голубую даль. Далеко внизу под нашими ногами лежали два широких озера сапфирового оттенка, тут и там окаймленные лесами и усеянные островками, где деревья гнулись к кромке воды. Какое-то время Марджори не могла отвести взгляд, дыша полной грудью и стоя с сияющим лицом.

Наконец она повернулась ко мне, ее прекрасные глаза светились от непролитых слез, когда она сказала:

— О, есть ли на свете что-то прекраснее этой страны! И есть ли что-то изысканней нашей сегодняшней поездки!

Может ли мужчина любить женщину сильнее, чем когда она поддается красоте и переживает во всей их полноте и простоте чувства, что не даны мужскому полу? Я верил, что нет, когда мы с Марджори неслись по крутой дороге и миновали хрустальные озера Кендр и Даван по пути к лесу, где наметили себе обед на свежем воздухе. Здесь, в лесном безветрии, на солнцепеке, нам показалось слишком жарко, чтобы комфортно сидеть под открытым небом; и мы были рады тени деревьев.

Когда мы сели и я принялся доставать сэндвичи, Марджори сказала:

— А теперь расскажи об успехах в разгадывании шифра.

Я так долго не отзывался, что она подняла голову и бросила на меня взгляд, полный удивления.

Очарованный ею, я напрочь забыл и о шифре, и о том, что он означал.

Глава XIV. Секрет раскрыт

— Мне столько надо поведать, — произнес я, — что, право, и не знаю, с чего начать. Пожалуй, лучше рассказать все здесь же, когда мы одни и нас никто не потревожит. Мы управились с дорогой так быстро, что времени еще много и нужды торопиться нет. Когда перекусишь, я расскажу тебе все.

— О, прошу, не томи, — сказала она, — я сгораю от нетерпения. Расскажи сразу.

— Юная леди, — ответил я строго, — а ведь вы неискренни! Ты же сама знаешь, что ужасно проголодалась, чего и следует ожидать после двадцатимильной поездки, и ты говоришь согласно представлениям об условностях, а не велениям сердца. Традиции ни к чему, во всем этом нет ни капли традиционного. А теперь угощайся тем, что заботливо приготовила одна очень красивая и очаровательная девушка!

Она предупредительно подняла палец:

— Помни. Друзья. Временно.

— Хорошо, — ответил я. — Так и будет. Но если леди пожелает призвать меня к ответу в суде за

клевету, я готов повторить свои слова, где, когда и как ей угодно. Я повторю, что сказал, и понесу любое наказание.

Она принялась за сэндвичи — как мне показалось, не без удовольствия.

Когда мы оба доели, она повернулась ко мне и сказала:

— Сейчас же!

Я достал из кармана переписанную повесть дона Бернардино де Эскобана и вручил ей. Она просмотрела ее, бегло пролистнув страницы. Потом вернулась к началу и после первых же строк сказала с блеском в глазах:

— Неужели это и правда перевод тайнописи? О, как я рада, что у тебя получилось. Ты умница! — Она достала свои часы и, взглянув на них, продолжила: — Времени предостаточно. Почитаешь мне? Так будет намного интереснее! И позволь задавать вопросы.

— С радостью! — ответил я. — Но не лучше ли будет, если я сперва прочитаю, а потом ты задашь вопросы? А еще лучше — прочитай сама, а потом спрашивай.

Это я предложил неспроста. Если бы читал я, мои глаза были бы заняты, но если бы читала она, я бы ни за что не отвел их от ее лица. Мне не

терпелось увидеть сменяющиеся выражения, с которыми она будет следить за каждой строчкой этой странной истории. Прежде чем ответить, она задумалась на пару секунд, посмотрев мне прямо в глаза. Думаю, она разгадала мой секрет — по крайней мере, ничем другим не объяснить было нежный румянец, разлившийся по ее лицу.

Затем она довольно робко ответила:

— Я прочитаю сама, если ты думаешь, что так будет лучше!

Никогда не забуду те минуты. Ее лицо, такое живое, было для меня открытой книгой. К тому времени я уже достаточно ознакомился с повестью де Эскобана, с бесконечным терпением извлекая ее буква за буквой из шифра, где она была погребена столько лет. Притом что после я еще переписал ее дважды, нет ничего удивительного, что я знал текст так хорошо. Когда Марджори читала, я мог угадать вплоть до предложения, на каком месте она находится. Однажды она машинально вскинула руку к горлу и нащупала брошку, но тут же опустила, украдкой покосившись на меня из-под ресниц. Увидев, что я это заметил, она с улыбкой покачала головой и продолжила чтение.

Закончив, она сделала долгий вздох, а потом

протянула мне руку со словами:

— Браво! Поздравляю от всей души!

Я так и вздрогнул от ее прикосновения: она вся горела, а на ее лице было целеустремленное выражение сильнее простого удовольствия, какое мог принести один лишь мой успех.

Это настолько меня удивило, что у меня вырвался вопрос:

— Чему ты так рада?

Она ответила в порыве чувств, без раздумий:

— Тому, что ты спасешь его от испанцев! — И, вздрогнув, насилу заставила себя не договаривать.

Меня это несколько задело. Мне хотелось бы думать, что ее чувства личные, а не политические. Что прежде национальной ненависти является радость за друга, пусть даже «временного», как я. Взглянув на меня, она словно прочитала мои мысли и сказала, «руки белые с мольбою протянула пред собою»[30]:

— О, прости! Я не хотела тебя обидеть. Я еще не могу всего объяснить; не сегодня, когда мы только товарищи. Да, временно, — заметила она мой взгляд и ответила на него, — но однажды ты

---

[30] Примечания: 30

Элизабет Баррет Браунинг «Сватовство лэди Джеральдин» (пер. М. Трубецкой).

поймешь.

Она так стыдилась и терзалась из-за необъяснимой для меня сдержанности по отношению ко мне — к человеку, что с ней так открыт, — что я почувствовал своим долгом немедля ее успокоить. Я попытался заверить, что понимаю: у нее имеется уважительная причина, и я вполне готов подождать.

Но прежде чем закончить, я не удержался и добавил:

— В конце концов, это мелочь, когда я жду чего-то намного важнее.

И вновь ответом был предостерегающий палец, вновь — та улыбка.

Затем мы вновь прошли по повести: на сей раз я читал, а она прерывала вопросами. Спрашивать было почти не о чем; история была такой простой, что процесс не отнял много времени. Затем она попросила рассказать, как я расшифровал криптограмму. Я достал блокнот и написал ключ к шифру, попутно объясняя его принцип.

— Мне он кажется совершенно законченным и может применяться бесконечным числом способов. Для него можно использовать любую форму, где есть два объекта с пятью вариациями каждый.

Здесь она меня прервала. Объясняя, я поднял перед собой ладони и в естественном жесте раздвинул пальцы. Она мигом заметила то, что ускользало от меня, и, сцепив руки, порывисто выпалила:

— Прямо как твои руки! Как интересно! Две руки и пять пальцев на каждой. Это словно жестовый язык, которого не поймет никто, кроме нас!

Ее слова отозвались во мне. Теперь мы разделяли еще один секрет, еще одну тайну, которой только мы знаем, как воспользоваться в стремлении к общей цели. Я хотел было заговорить, когда она остановила меня жестом.

— Прости! — воскликнула она. — Продолжай, объясняй дальше! О вариациях успеем подумать потом!

И тогда я продолжил:

— Если у нас будут подходящие средства, остается только перевести послание в двухбуквенный шифр — и мы, знающие его, сможем понять. Так мы получаем двойную секретность. Есть люди, способные переводить незнакомые символы в знакомые, но с этим методом мы получаем преграду невежества или секретности между известным и неизвестным. Есть и еще одно преимущество: ключ шифра, основанного на

научном методе или некоем порядке, легко воспроизвести. Как видишь, я могу найти ключ без всякой помощи. Двухбуквенный шифр Бэкона научно точен. А следовательно, его легко воспроизвести; метод исключений тоже совершенно рационален, так что запомнить его не представляет труда. Если два человека потрудились запомнить символы двухбуквенного шифра, оставленные после исключений и примененные в этом варианте, они смогут писать или читать без особого умения. Тут и в самом деле точь-в-точь подходит твое сравнение с жестовым языком. Это проще простого! Надо только решить, большой палец или мизинец будут означать единицу или двойку, а затем воспроизвести пальцами правой или левой руки пять символов дополненного двухбуквенного шифра — и ты сможешь общаться так же просто, как глухие!

И снова у нее вырвалось:

— Так давай запомним символы нашего шифра наизусть, и тогда нам с тобой даже не понадобится ключ. Мы сможем общаться в окружении людей — и никто не поймет, о чем мы говорим.

Все это было мне очень приятно. Когда мужчина влюблен, как был влюблен я, все, что связывает его с дамой сердца, и только с ней одной, обретает

неописуемое очарование. И вот представлялась прочная связь, если мы над ней потрудимся — и если к нам будут благосклонны Судьбы.

«Судьбы!» С этой мыслью вернулись слова Гормалы, сказанные мне в самом начале. Она говорила — и я почему-то всегда в это верил, — что Судьбы стремятся к своей цели своим путем. В их действии не играют роли доброта или недоброта, в источнике их интересов нет места состраданию — не больше, чем сожалению в конце. Возможно ли, что в замысле Судьбы, где нашлось место мне, Гормале и Лохлейну Маклауду, есть место и для Марджори? Ведьма сказала, что Судьбы осуществляют свою волю, призывая элементы из прошлых столетий и со всех концов земли. Шифр дона де Эскобана пролежал сокрытым три века, только чтобы выйти на свет в свое время. Марджори приехала из страны, при жизни дона не существовавшей вовсе, из места, что в его времена было далекой родиной краснокожего, волка, бизона и медведя.

Но что тогда объединяло Марджори с доном де Эскобаном и его секретом? Размышляя, я увидел, как Марджори, отвернувшись от меня, что-то незаметно снимает с шеи и прячет в карман. Вот и подсказка.

Брошь! Выловив ее со дна у Сэнди-Крейгс, я вернул ее, даже толком не взглянув; и, хоть часто видел впоследствии, почти не придавал значения, не подозревая ни о какой загадке. Теперь в голову ворвалась мысль, что брошка эта подходит к описанию подарка папы римского дону де Эскобану. Я заметил только большую фигуру и малую; но кем же им быть, как не святым Христофором. Хотелось тут же узнать об этом у Марджори, но она уже отсрочила все объяснения, да и этот ее поступок, о котором мне не полагалось знать — спрятать брошь, — остановил меня от расспросов. Впрочем, чем больше я думал, тем больше в голове теснилось мыслей касательно броши.

Цепочка сомкнулась — единственным слабым звеном оставалась связь между Марджори и брошью со святым Христофором. И даже здесь, судя по тому, как она укрыла ее из виду, имелась своя загадка, что еще может объясниться, когда придет время.

С последней мыслью дела приняли в моих глазах такой серьезный оборот, что я решил хоть что-то поправить, попытавшись разузнать о прошлом Марджори.

Задавать прямые вопросы она мне запретила, и все-таки упускать шанс, даже не попытавшись,

мне не улыбалось, и я сказал:

— Сегодня мы многое узнали, верно?

— И в самом деле. Неужели возможно, что всего за один день может произойти такая перемена!

— Надо думать, новые знания представляют в новом свете и установленные факты? — спросил я застенчиво и увидел, что нарочитое изменение интонации привлекло ее внимание. Похоже, она поняла мою цель, потому как ответила решительно:

— Если под «новым светом» ты имеешь в виду какие-либо изменения заключенного на сегодня договора — и да, я помню, «временного», — то наше новое знание никак не влияет на старое. Попрошу вас не забывать, сэр, что этот день — особый, и ничему, кроме очень весомой причины, непозволительно изменить то, о чем мы уже условились.

— Тогда, — сказал я, — давай хотя бы запомним шифр — наш, как ты его метко назвала.

— Ого! Правда? — Это она сказала залившись румянцем.

— Разумеется, и я сам этому рад!

— Осторожней! — напомнила она серьезно, потом добавила: — Хорошо! Тогда он будет нашим. Но на самом деле я не имею права на это

открытие; чувствую себя самозванкой, когда ты так об этом говоришь.

— Не беспокойся, — ответил я. — Ты помогла мне больше, чем я могу передать. Это же ты предложила сократить комбинации шифра, и именно так я его разгадал. Но, так или иначе, называя его «нашим», я рад иметь в виду под словом «наш». — Я не мог удержаться от этого слова, столько оно приносило удовольствия; не огорчало и ее, хотя и заставляло краснеть. — Не открытие, а обладание!

— Ну хорошо, — сказала она. — Это мило с твоей стороны. Не могу с тобой спорить. Поправка принимается! Теперь давай вернемся на велосипеды. Ключ нашего шифра — у тебя в голове; перескажешь мне символы по порядку в пути.

И вот так, пока мы огибали озеро Даван, подгоняемые ветром до самой большой дороги в Диннете, я повторял символы сокращенного шифра. Мы, как говорят школьники, зубрили и зубрили их снова и снова до тех пор, когда уже не могли поставить друг друга в тупик ни одним вопросом.

О, но как замечательно нам ехалось! Между нами возникло некое осознанное равенство, которое, видел я, мой товарищ чувствует не хуже

меня. Под горку мы ускорились почти без усилий, колеса словно парили в воздухе. У моста над железной дорогой через Эбойн, где под высоким берегом из сланца и камня бежит река с севера, мы спешились и оглянулись. Отсюда можно было в последний раз насладиться видами ущелья над Баллатером, где стояли, как вереи, два круглых холма и где облака, висящие наверху и по сторонам, напускали таинственность, полную приятного очарования и не менее приятные воспоминания. Затем мы со вздохом отвернулись.

Перед нами меж смыкающихся сосен лежала темная тропинка, не менее таинственная, однако с виду мрачная и угрюмая.

Глава XV. Любопытный ужин

Мы не остановились в Эбойне, а ехали до самого Кинкардин-о-Нила, устроив второй привал ближе к мосту через Потарх, где чаевничали в маленькой гостинице на правом берегу реки. Затем какое-то время мы, перегнувшись через парапет, смотрели, как далеко внизу быстро бежит вода там, где река сужает свое галечное русло в каменное ущелье, над которым висит мост. Есть что-то успокаивающее в неустанном беге воды — даже, пожалуй, гипнотическое. Она незаметно увлекает за собой мысли человека, и вот уже настоящее забывается, а разум тянет к фантазиям, в края неведомого. Взглянув на Марджори — предвечернее солнце падало на ее изящную фигурку и лакировало точеный профиль, похожий на камею, — я не мог не поразиться столь заметно явленному в ней единству мягкости и независимости. И я без колебаний сказал, что у меня на уме. Такова привилегия тех, кто понимает друг друга или очень молод: озвучивать итог рассуждений, не считая нужным показать слушателю, как к этому пришел. Во мне ежечасно

укреплялось чувство, что, пусть я не до конца понимаю Марджори, она понимает меня.

— ...Но ведь все вы, американки, такие независимые!

Ее словно ничуть не удивил этот огрызок речи; она, очевидно, думала о чем-то своем, но по чудесному совпадению мои слова сошлись с ее мыслями.

Не оборачиваясь, вперившись взглядом в излучину в низине, что выгибалась направо между одетыми в сосны холмами, она ответила:

— Да! Нас, как правило, воспитывают независимыми. Кажется, это часть того, что у нас зовется духом страны. К тому же для многих — как женщин, так и мужчин — это своего рода необходимость. Наша страна так велика и растет так быстро, что семьи раскалываются почти повсеместно. Все дети одного поколения становятся главами семей следующего. Почему-то так вышло, что бóльшая часть нашей молодежи по-прежнему стремится за заходящим солнцем; а в новой ситуации, что настает у каждого, будь то в полях, или в городе, или при покорении природы, жизнь выносима только благодаря независимости, она же другое название самодостаточности. Вот что помогает превозмогать голод, жажду и все

опасности, грозящие первопроходцам; в городах это помогает выдержать одинокую жизнь старикам и молодым; помогает трудиться и учиться с прилежанием; наделяет самоотверженностью, и находчивостью, и долгостойкостью. Вот как получается народ патриотов, чьи голоса нарастают в хоре, пока великий голос нации, призывающий к какому-нибудь благому делу, не раскатится по всему миру!

Она говорила все истовей, все воодушевленней, пока не задрожал голос и не раскраснелось лицо. В конце она обернулась ко мне, и ее глаза наполнились особым светом. Видимо, я смотрел на нее со зримыми любовью и уважением, потому что она потупила взор, а румянец поугас.

Тогда она вновь отвернулась к воде и немного погодя продолжила:

— Это светлая сторона нашей независимости, и, за неимением лучшего, она служит свою службу — на первый взгляд. Но, о! какой же дорогой ценой она дается. День за днем мелкие досады нарастают в массу, что перевешивает куда более грозные с виду беды, если наваливаются разом. Никто не знает, никто не узнает, как тихая, глухая боль приучает сердце женщины к одинокой жизни. Я-то еще не видела того, чего натерпелись

некоторые; моя жизнь проходила в комфорте, и только в небольших превратностях я прочувствовала то, что вынуждены выносить другие девушки. Как много это значит — иметь вокруг себя знакомые лица нашего детства, встречать на каждом шагу сочувствие, знать, что тебя всегда поймут. Нам, женщинам, ради счастья в жизни приходится с чем-то расставаться. Самые упрямые из нас, как мы их зовем, пеняют из-за такого уклада на Творца — или уж не знаю, на кого или что они пеняют; но остальные, кому хватает мудрости смириться с тем, чего нельзя изменить, стараются делать что могут. Все мы хотим кого-то или что-то любить, пусть даже только кошку или собаку. Сама я, сколько себя помню, мечтала о брате или сестре, но, думаю, втайне — все же о брате. Конечно, приняв действительность, я из этого выросла, но однажды эта тоска вернулась ко мне с новой силой. Мы останавливались на несколько дней в английском особняке, где проживала большая семья с сыновьями и дочерьми. Там была одна очень милая девушка приблизительно моих лет, которую все братья чуть ли не носили на руках. Когда мы приехали, они готовились к вечерним молитвам. Через старый витраж пышного бального зала падали

последние солнечные лучи, озаряя всю семью. Девушка сидела между младшими братьями — такими ражими молодцами, словно это семья воинов. В молитве каждый взял ее за руку, а когда пришло время преклонить колена, она обняла их за шеи. Я не могла не прочувствовать — глубоко, до самой глубины души, — как же им хорошо вместе. Я бы отдала все, что имею или что буду иметь, чтобы самой вырасти так же. Только представь, как через многие годы это отзовется тем братьям в час испытаний, или боли, или успеха, или страсти, когда бы ни подверглось испытанию их мужество, или честь, или достоинство: они мигом вспомнят слова, что им говорили тогда, в окружении понимания и любви. В грядущие годы не однажды и не дважды те мальчики будут благословлять такие мгновения, и сам Господь бы возрадовался, сколь нежно претворяется в жизнь Его воля. И ведь то же самое происходит в тысяче английских домов! — Она замолкла и повернулась ко мне, и сердечное чувство обнаружилось в немых слезах, побежавших по ее щекам. Вновь она обратила взор к бегущей воде и смотрела еще долго, прежде чем заговорить вновь. И тогда, глядя на меня, продолжила: — И их сестрица — как хорошо было и ей! Что за лекарство от эгоизма!

Сколько самоконтроля, сопереживания, любви, терпимости зародилось и выпестовалось в те мгновения, когда выражались ее сокровенные чувства! Разве может найтись место себялюбивой корысти или печали в сердце женщины, обученной сочувствовать и помогать другим? Как хорошо! хорошо! хорошо! И я молюсь о том, чтобы все это еще появилось в будущем моей страны. Скоро, скоро экспансия замедлится, а тогда место вечной независимости должна занять какая-то другая господствующая идея. Мы, я верю, не утратим ни толики национального чувства личной ответственности, но знаю, что тогда наш народ, а в особенности наших женщин ждет более счастливая и здоровая жизнь.

Эта сторона Марджори была для меня внове — такая свежая и завораживающая. С каждым часом в ее характере проявлялось больше достоинств и красот, интеллектуальных даров, бесконечного богатства сердца.

Когда она замолчала, я взял ее руку в свою — она не возражала — и поцеловал. Я молвил лишь одно слово: «Марджори!» — но его было довольно. Я видел это в ее глазах, и мое сердце запело.

Затем в нас обоих словно пробудилась новая жизнь. Мы вместе пошли к велосипедам и молча

сели. Через несколько минут быстрой поездки под уклон мы снова весело заговорили. Лично я пребывал в восторженном расположении духа. Даже самый мнительный любящий ни с чем бы не спутал такой взгляд в глазах своего возлюбленного человека. Если любовь когда-либо говорила в красноречивом молчании, то в тот момент, и все сомнения в моем сердце растаяли, как ночные тени бледнеют перед рассветом. Теперь я был готов ждать сколько угодно. Она тоже выглядела счастливой и безоговорочно радовалась всем приятным пустякам, что дарило наше путешествие. А пустяков тех было в достатке. Пока мы спускались по долине реки Ди, мимо проносились горы, а по ним, как будто языками пламени, взбегал темный сосновый бор, выделяясь на фоне их угрюмости сиянием травы и вереска, что пробивались между скал, и каждый поворот открывал новый пейзаж умиротворенной красоты. Из-под сени величественных лесов замка Крейтс мы видели, как далеко на востоке синей лентой бежит река, а по обе стороны от нее расстилаются поля, сады и леса. Мы всё мчались, упиваясь каждым мгновением, пока наконец после миль темных лесов не прибыли к большому каменному мосту и не окончили нашу прогулку

на гранитной брусчатке Абердина.

Мы успели незадолго до прибытия поезда, поэтому, оставив велосипеды в гостинице «Пэлас», отправились встречать миссис Джек на платформе.

В назначенный час мы встретили ее и проводили в гостиницу. На лестнице Марджори, отстав от своей компаньонки на половину пролета, прошептала мне:

— Сегодня ты был хорошим мальчиком, очень хорошим, и уже скоро тебя ждет награда.

Когда она протянула мне руку, я прошептал:

— Теперь я готов ждать, Марджори; дорогая Марджори!

Она запунцовела, и улыбнулась, и сбежала наверх, приложив к губам все тот же предостерегающий палец.

Мы договорились, что я поужинаю с миссис Джек и «ее подругой», поэтому я поднялся в свой номер переодеться. Выждав, как мне казалось, приличествующее время, я спустился, нашел отведенную нам приватную гостиную и постучался. Ответа не было, и я постучал вновь; так ничего и не дождавшись, я решил, что дамы еще не спустились, и вошел.

В комнате было пусто, но на столе, накрытом

к ужину на троих, ждала записка почерком Марджори, адресованная мне. С упавшим сердцем я открыл ее и стоял несколько минут в изумлении. Начинаясь без обращения, она сообщала следующее:

> «Нам пришлось неожиданно уехать, но миссис Джек просит вас сделать одолжение и не обижаться. Останьтесь, а когда подадут ужин, поужинайте один. Прошу, прошу, не сердитесь на просьбу миссис Джек и обязательно выполните ее. На это есть своя причина, о которой вы очень скоро узнаете. От того, что вы сделаете, как просит миссис Джек [*„просит миссис Джек“ было написано поверх „прошу я“*], зависит больше, чем вы можете подумать. Уверена, к этому времени вы уже знаете, что можете мне доверять.
>
> ***Марджори»***

Положение было как разочаровывающим, так и унизительным, постыдным. Оставаться гостем на таких условиях попросту смехотворно, и в обычных обстоятельствах я бы отказался. Но потом я вспомнил последний взгляд Марджори на мосту через Потарх! Без лишних слов или воз-

мущений я сел за ужин, который как раз вносил в дверь официант.

Мне уже было ясно, что мое пребывание в этой комнате служит некой необходимой отсрочке, и потому, прежде чем уйти, я задержался за вином и двумя сигарами.

Глава XVI. Откровения

В коридоре я повстречал двух хороших знакомых. Первый — Адамс из американского посольства в Лондоне; второй — Каткарт из британского посольства в Вашингтоне, ныне в отпуске. Обоих я не видел уже два года, и мы приветствовали друг друга с взаимным удовольствием.

После рукопожатий и пары стаканов по неизбежному требованию американца Адамс хлопнул меня по плечу и задушевно сказал:

— Что ж, старина, я тебя поздравляю; я же правильно понял, что тебя можно поздравить?

— О чем это ты? — спросил я с робким стыдом.

— Полно, приятель! — сказал он. — Эк тебя бросило в краску. Вижу, еще ни до чего не дошло!

В одиночку мужчина, застигнутый в неловком положении, обречен. Сдержи я язык за зубами, может, еще не выставил бы себя посмешищем, но, все еще не зная, чего именно от меня хотела Марджори, я не нашелся и не изобразил непонимание. Я только нелепо повторил:

— До чего не дошло? Да о чем ты?

И снова он хлопнул меня по спине, панибрат-

ски ответив:

— Мой дорогой мальчик, я видел, как вы проезжали по мосту. По состоянию велосипедов я понял, что вы проделали долгий путь, и должен сказать, с виду вы отлично ладили друг с другом!

Мы зашли на опасную территорию, и я попытался увильнуть.

— Ах, — сказал я, — так ты о моей поездке с мисс Анитой…

Он прервал меня, присвистнув.

— Ах, — произнес он, идеально передразнивая меня. — «Так ты о мисс Аните»! Значит, до этого уже дошло! Так или иначе от всей души тебя поздравляю, и неважно, до чего дошло, может дойти или еще дойдет.

— Не понимаю, что такого особенного в поездке мужчины со знакомой молодой девушкой, — ответил я с беспомощным ощущением загнанного в угол.

— Не переживай ты так, старина! — сказал он с улыбкой. — В поездке мужчины с молодой девушкой и нет ничего особенного, зато в поездке любого мужчины с этой конкретной девушкой особенного предостаточно. Друг ты мой, да неужто ты не знаешь, что во всей Америке или за ее пределами нет того, кто не отдал бы глаз, лишь

бы занять твое место? Прокатиться наедине с Марджори Дрейк…

— С кем? — вырвалось у меня; и поздно было прикусывать язык. Адамс замолчал, и молчал так долго, что я уже не находил себе места. Он посерьезнел, а потом по его лицу расплылось нечто среднее между хитростью и превосходством — его официальная маска. Затем он заговорил, но в его словах уже не звучала прежняя беспечность, а только явная осторожность и некая дистанция.

— Послушай-ка, Арчи Хантер! Неужели ты сам не знаешь, с кем был? Ну ладно! Я, конечно, понимаю, что ты близко с ней знаком… — Он увидел, что я готов возразить. — Об этом говорит уже сам факт, что ты с ней и знаешь то имя, которым она пользуется редко; и можешь мне поверить, уж ей-то моя помощь в секретности не требуется. Но как так вышло, что ты тесно с ней общаешься, но при этом не знаешь ее фамилии?

На целую минуту между нами повисла тишина. Каткарт по-прежнему не произнес ни слова, а Адамс выглядел задумчивым. Я же барахтался в море множества вопросов; куда бы я ни глянул, всюду встречал новую трудность. Не годилось оставлять у приятелей впечатление, будто в моей дружбе с Марджори есть что-то необычное:

я слишком радел о ее добром имени, чтобы это допустить. Но и рассказать, как мы стали такими добрыми друзьями, я не мог. Маленьких секретов набиралось уже многовато; этим вечером она и миссис Джек таинственным образом исчезли, оставив меня в дурацком положении гостя без хозяев. Объяснить все это было непросто; обойти — невозможно.

И в разгар этого панического вихря мыслей Адамс снова заговорил:

— Думаю, пока мне лучше замолчать. В конце концов, если мисс Дрейк хочет хранить — или создавать — секрет, не мне выдавать его или ее. Она знает, что делает. Уж прости меня, старина, но раз это пожелание дамы, пожалуй, лучше всего я могу ей услужить, придержав язык.

— Любое пожелание этой дамы, — сказал я и почувствовал, как вдруг высокопарно заговорил, — встретит от меня лишь самую преданную поддержку.

Воцарилась неловкая пауза, от которой нас спас Каткарт:

— Поднимайся ко мне, Арчи, я хочу кое-что тебе рассказать. Ты же к нам присоединишься, Сэм, будешь другом?

— Хорошо, Билли, — сказал Адамс. — Буду через

несколько минут. Хочу распорядиться насчет лошади на завтрашний день.

В номере Каткарт закрыл за нами дверь и сказал мне с самой искренней благожелательностью:

— Мне не хотелось говорить внизу, старина, но я видел, что тебе пришлось непросто. Конечно, я понимаю, что у вас с ней все в порядке, но разве ты не имеешь права знать кое-что о даме? На любого другого, кроме нас с Сэмом, ты мог бы произвести превратное впечатление. Согласись, ты лучше убережешь ее честь, зная, как избежать всего, что ее очернит!

Все это звучало вполне здраво. Миг я выбирал между правдой о Марджори и ее возможным пожеланием сохранить свое имя в тайне. Впрочем, оглядываясь назад, я видел ее желание скорее в положительном свете, нежели в дурном. Первоначальную ошибку совершил я сам — она просто не стала меня поправлять. Все равно это, скорее всего, была мимолетная прихоть умной и энергичной девушки; принимать это всерьез или раздувать из мухи слона могло быть во вред. Сочти я это чем-то важным, даже эти люди могли бы заподозрить намеренный обман с ее стороны.

Так, уверившись в мудрости предложения Каткарта, я ответил:

— Ты совершенно прав! И я буду премного обязан, если ты… если ты меня просветишь.

Он поклонился, улыбнулся и искренне продолжил:

— Ты зовешь ее мисс Анитой и в этом не ошибаешься. Ее и правда зовут Анита, но это только второе ее имя. Миру она известна как мисс Марджори Дрейк из Чикаго.

«Известна миру»? Это лишь фигура речи — или факт? Я спросил прямо:

— Чем она известна миру? Ты имеешь в виду, что имя известно в ее кругу? Неужели… неужели есть причина, почему ее должен знать весь мир?

Он улыбнулся и по-братски положил руку мне на плечо:

— Да, дружище. Причина есть, и уважительная. Вижу, ты все еще блуждаешь в потемках, поэтому лучше расскажу тебе все, что знаю. Марджори Анита Дрейк — наследница большого состояния, очень большого, возможно крупнейшего в Америке, а то и за ее пределами. Ее отец, скончавшийся, когда она еще была младенцем, оставил огромную сумму, а ее поверенные за годы умножили эту сумму во много раз.

Он помолчал, и тогда заговорил я, чтобы заполнить тишину:

— Но одного наследства мало, чтобы девушку знал весь мир.

— Вполне достаточно. Большинству иного и не надо. Но в ее случае дело в другом. Она — девушка, которая подарила американскому правительству линкор!

— Подарила линкор! Ничего не понимаю.

— Вот как все было. В то время ходили слухи об испанских зверствах в reconcentrados[31]; в Соединенных Штатах росло общественное возмущение, и девушка загорелась желанием освободить Кубу. Для этого она купила корабль, который Крамп построил на своей верфи для Японии. Вооружила его пушкой Круппа, закупленной через друзей в Италии, и прочесала Восточное побережье, набирая команду из матросов и рыбаков. А затем передала все на блюдечке правительству, чтобы подстегнуть его к решительным действиям[32].

---

[31] Примечания: 31

Концентрационный лагерь (*исп.*). Лагеря создавались испанцами на Кубе во время Войны за независимость (1895–1898). В ходе этой войны погибло больше 300 тысяч местных мирных жителей — больше 10 процентов населения.

[32] Примечания: 32

На тот момент добровольное участие американцев в войне сыграло большую роль. Один только испанский гарнизон на Кубе превышал размерами все военные силы США, но среди прочего благодаря пропагандистской кампании в армию США пришло множество добровольцев.

Судно укомплектовали офицерами из Морской академии в Аннаполисе, и, я слышал, во всей команде не найдется ни одного человека, от юнги до капитана, кто не отдал бы за нее жизнь по первому слову.

— Браво! — не сдержался я. — Такой девушкой должна гордиться вся страна!

— Все так! — воодушевленно подхватил Катткарт. — Теперь ты понимаешь, почему тебя поздравлял Адамс — и почему так удивился, когда понял, что ты не знаешь, кто она.

Я ненадолго задумался, и покров тайны рассеялся, и стало ясно, с какой целью Марджори скрывала свое имя. Так вот почему она не стала исправлять мою ошибку: она не планировала заранее сохранять инкогнито; случай решил за нее, а она просто им воспользовалась. Несомненно, устав от дифирамбов, публичности и известности во всех их выражениях, она с радостью на какое-то время спряталась. Удача свела ее с человеком, не подозревавшим даже о ее существовании, и теперь ей в удовольствие играть с ним в кошки-мышки!

Можно сказать, это была осовремененная версия переодетой принцессы, а я был тем несведущим молодым человеком, с кем она играла.

Тут меня охватили ужасные сомнения. И другие принцессы тоже играли в кошки-мышки, а наигравшись, бесследно исчезали — оставляя за собой отчаяние и разбитое сердце. Возможно ли, что и она из их числа; что и она все это время только играет со мной; что, при всей своей любезности, неспроста старается скрыть свое местонахождение? А я-то предлагал ей руку и сердце, и притом даже не знал, где и когда свижусь с ней снова — и свижусь ли вообще. Мне в это не верилось. Я же смотрел в ее глаза и видел правду. Она не ветреница, забавляющаяся с чужими сердцами. Я был готов поставить на это свою жизнь!

Похоже, я впал в некий транс. Вернул меня к действительности Каткарт, который, увидев, как я погрузился в себя, подошел к камину и встал ко мне спиной, набивая трубку у каминной полки:

— Кажется, я уже слышу Адамса. Прости, старина, но, хоть он наверняка догадывается, что я рассказал тебе о мисс Дрейк, и нарочно задержался, чтобы предоставить нам эту возможность; он хочет делать вид, будто ничего не знает. Дипломат до мозга костей. Помни: он из американского посольства, а мисс Дрейк, американская гражданка в чужой стране, теоретически находится под его опекой. Давай говорить о чем-нибудь другом,

когда он войдет!

Сэм шел по коридору, тихо насвистывая «Янки Дудл». Каткарт кивнул мне и шепнул:

— А я что говорил! Старается не застать нас врасплох.

Когда он вошел, мы уже обсуждали осеннюю рыбалку на Ди.

Раскланявшись с Каткартом после сигары, я, довольно утомившийся после долгой поездки, сразу же пошел к себе. Адамс проводил меня до дверей.

Я уже готовился ко сну, как услышал тихий стук в дверь. Открыв, я обнаружил на пороге Адамса.

Он поднял руку, призывая соблюдать тишину, и шепотом произнес:

— Позволь войти? Нужно кое-что обсудить наедине.

Еще более удивленный — теперь мне все подряд казалось загадкой, — я впустил его. Он вошел, и я тихо закрыл и запер за ним дверь.

Глава XVII. Задание Сэма Адамса

Начал Адамс с места в карьер:

— Арчи, я хочу кое-что тебе рассказать, но на условиях строжайшей секретности. Пообещай мне, что не передашь никому — повторяю, никому — ни то, что тебе скажу, ни даже то, что я с тобой об этом заговорил.

Я ненадолго задумался. В голову пришло, что его слова могут касаться Марджори, и потому я ответил:

— Боюсь, я не могу дать такое обещание, если речь зайдет о ком-то, кроме меня самого.

На его лице промелькнуло раздражение:

— Что ж, так и будет, но, право, ты должен мне верить. Приятель, я бы ни за что на свете не попросил тебя о дурном.

— Это я знаю, — сказал я, — и знаю очень хорошо; но пойми и ты: это может касаться того, с кем у меня особые отношения — и еще не вполне определенные. Может так случиться, что придется сказать правду. Возможно, не сейчас, но позже. — Я двигался на ощупь и поэтому решил искать убежище в фактах: — Ответь, это касается

мисс Дрейк?

— Да; но я думал, раз ты ее друг, ты готов ей услужить.

— Ну конечно, — ответил я. — Я сделаю для нее все, что в моих силах.

— Но только не придержишь язык за зубами! — бросил он с необычной для него горечью. Я видел: хоть я и взволнован, он взволнован еще больше, и потому я взял себя в руки и постарался не усугублять дело язвительным ответом. Я сказал:

— Да, старина, даже придержу язык. Если бы я знал, что помогу ей, придержав язык или отрезав его вовсе, я бы так и сделал. В чем я вынужден отказать, так это обещать, что смолчу. Брось, дружище, не ставь меня в неудобное положение. Ты не знаешь всего, что знаю я, что со мной происходит. Почему ты мне не веришь? Я готов обещать, что не заговорю, если не придется, и в любом случае не раскрою, что узнал что-либо от тебя.

Он тут же просиял:

— Ладно, тогда мы можем продолжить. Как я понимаю, с нашей последней встречи… — Она состоялась пару минут назад, но он все-таки был прежде всего дипломатом. — С нашей последней встречи ты больше узнал о мисс Дрейк — или, вернее, о ее истории, положении и значимости?

— Да, — ответил я, не сдержав улыбки.

— Тогда в это можно не углубляться. Принимаем факты как есть. Что ж, ее славный поступок — ты знаешь, о чем речь, — навлек на нее неприятности, или еще может навлечь. В Испании есть — или был — кое-кто, Щитомордники[33], кто считает ее воплощением американской вражды к их стране. Это низкие люди; не подумай — хоть мы с ними и воюем, для меня хороший испанец остается хорошим человеком. До властей в Вашингтоне дошли слухи, что существует заговор, цель которого — причинить ей вред. Секретная служба подвела и не добыла всех сведений, ведь, вполне естественно, в таких вопросах испанцы не доверяют никому, кроме себя. Впрочем, нам известно достаточно, чтобы опасаться за нее, и за ней было установлено тайное наблюдение, чтобы пресечь любой вред на корню. Задачу поручили достойным людям, но тут, к нашему удивлению и немалому смятению, юная леди как сквозь землю провалилась. Мы, конечно, знали, что она уехала по своей воле, она оставила весточку, чтобы о ней

[33] Примечания: 33

Щитомордники (*англ.* Copperheads) — название (в честь ядовитой змеи) противников войны среди северян во время Гражданской войны в Америке. По всей видимости, Адамс пользуется этим термином для названия любых противников США.

не волновались. Но беда в том, что сама она не знала о нависшей над ней угрозе, а раз наши люди не представляли, где она, мы ничего не могли предпринять, чтобы защитить ее или предупредить. Очевидно, наша дама устала от салютов и славы Жанны д'Арк, вот и сбежала. Наверху сочли нужным пока что держать рот на замке. Но в лондонском посольстве нам сообщили, что заговор уже приведен в действие и чтобы мы не сидели сложа руки, если она находится в Англии. Эту задачу доверили мне, и с тех пор я в сплошных разъездах, но о ней не было ни слуху ни духу. Два дня назад нам пришла шифровка, что, судя по полученным данным и прочему, она в Англии или, возможно, в Шотландии; и появились новые свидетельства в пользу того, что заговорщики готовы действовать. Увы, подробностей у нас так и нет, как нет и малейших зацепок. Поэтому я здесь. Чтобы скрыть свою истинную задачу, я приехал с Каткартом, который, кстати, направился на север. В последние дни я места себе не нахожу. Марджори Дрейк слишком важна, чтобы не сделать ради ее спасения все, что в силах сделать американец. Можешь представить мою радость, когда этим вечером я увидел ее с тобой; теперь, найдя ее, я могу по необходимости за ней

приглядеть. Вы так быстро укатили, что я потерял вас после моста, но догадался, что рано или поздно вы окажетесь здесь. И вот поспешил сюда как можно быстрее и видел, как вы с пожилой леди выходите с вокзала. Сегодня вечером я не застал мисс Дрейк, но ожидаю найти ее рано с утра.

Новая загвоздка. Мне показалось более вероятным, что Марджори, заметив Адамса и зная о его дипломатическом статусе, заподозрила, что он хочет как-то ограничить ее свободу, и в тот же миг улизнула. Так вот в чем, выходит, причина, почему она просила меня остаться и поужинать одному: я прикрывал ее побег и обеспечивал ей фору длиной в ночь. А значит, я не мог сказать правду о ее передвижениях даже Адамсу. Меня не прельщало его обманывать, и я обошел эту тему.

Взамен я спросил:

— Но скажи мне, старина, как и когда в твою историю вступаю я? Зачем ты мне это рассказываешь?

Ответил он с крайне серьезным видом:

— Потому что мне нужна твоя помощь. Мисс Дрейк грозит — или может грозить — нешуточная опасность. Наше правительство поручило дело моему начальнику, а он отрядил меня. Это вопрос такого деликатного и конфиденциального

свойства, что довериться я осмелюсь немногим, да и сам не привык доверяться кому-то, кроме джентльмена. К тому же мисс Дрейк — девушка с норовом. Она совершенно независима, себе на уме и отважней многих. Узнай она о заговоре, велика вероятность, что она бы только поощрила его из чистой безрассудности, еще и предприняла бы ответные меры в одиночку. О чем ее врагам хорошо известно — и они воспользуются любой оказией или любой ее оплошностью, а значит, она сама может навлечь на себя несчастье. Этого допустить никак нельзя; и я вполне уверен, что и ты, ее друг, в этом со мной согласен. Итак, если желаешь знать, чем именно можешь мне помочь, я тебе расскажу; и, уверен, ты меня простишь, если я открою слишком много или слишком мало. Знай она сама, что вопрос ее безопасности имеет государственное значение, ни за что бы не согласилась с нами сотрудничать. Но если бы об этом заговорил… э-э, друг, кого она… кого она ценит, она бы наверняка поступила иначе. Все-таки она женщина сердцем и душой. Если обращаться с ней правильно, ее можно вести за собой на ниточке, но силой — не потащишь и на канате. Судя по увиденному вчера, я склонен думать, что ты имеешь на нее гораздо больше

влияния, чем любой другой, кого бы я ни нашел.

На это я не мог ничего ответить, ни в подтверждение, ни в опровержение, и потому промолчал.

Он продолжил:

— Есть и другая причина, почему я прошу тебя о помощи, но, поверь, она вторична, и об этом я говорю только вдобавок к первой. Я прошу тебя, как старого друга, помочь в деле огромной важности для моей дипломатической карьеры, даже если оно и не касается тебя. Его поручили именно мне, и я не имею права на ошибку. В случае успеха на многое рассчитывать не приходится — разве что моим непосредственным начальникам, не мне, — но в случае провала все обернется против меня. Если от заговора испанцев пострадает Марджори Дрейк — та, кто подняла, можно сказать, свой народ на войну, — меня официально и бесповоротно ждет крах. От Мэна до Калифорнии, от Озер до Залива не найдется никого, кто не посмотрит на меня как на кретина или того хуже!

Он говорил, а я все пытался понять, как же быть мне. Разумеется, я не мог рассказать о наших с Марджори зарождающихся отношениях. Я не был еще готов сообщить и о сокровищах папы. Не мог предать доверие Марджори, просившей

скрыть ее побег, — пусть даже просьба была только подразумеваемой. И все же признание Адамса требовало в какой-то мере ответной откровенности. Его воззвание ко мне как к старому другу, способному помочь ему в важном деле, которое в случае неудачи может запятнать его репутацию, прямо-таки обязывало пойти навстречу в чем только возможно.

И тогда я сказал:

— Сэм, я сделаю все, что смогу, но не поступлюсь честью. И поэтому вынужден просить тебя немного подождать и довериться мне. Дело в том, что в настоящий момент я не вправе решать за себя. Я уже связал себя некоторыми обещаниями до нашей с тобой встречи, прежде чем узнал о том, что ты рассказал. Более того, мне неизвестно многое, чего ты и вовсе не представляешь. Я немедля постараюсь сделать все, чтобы иметь возможность говорить с тобой свободно. Твой рассказ, старина, растревожил меня куда больше, чем я могу высказать, и я от всей души благодарен и тебе, и твоему правительству за присмотр за мисс Анитой… мисс Дрейк. Я могу сказать одно: по крайней мере до завтрашнего дня я ничем тебе не поспособствую. Если я что-то предприму до определенного момента, это скорее повредит

твоему делу, чем поможет. Поэтому прошу, пойми и ты меня и терпеливо жди.

Он ответил с непривычным сарказмом:

— Понять тебя! Я и пытался, пока у меня голова кругом не пошла. И будь я проклят, если понял хоть слово. Ты накрутил больше узлов, чем фокусник. Какого черта все это значит? Тебя послушать — ты как будто ничего не можешь поделать, даже когда на кону жизнь такой девушки, как Марджори Дрейк. Пресвятые небеса, Хантер, надеюсь, я в тебе не ошибаюсь!

— Не ошибаешься, Сэм, — сказал я тихо, потому что не мог не почувствовать, что его разочарование и даже гнев вполне оправданны. — Как только я буду вправе, расскажу все, что смогу; и тогда ты поймешь, что я поступаю, как в подобных обстоятельствах поступил бы и ты сам. Поверь, друг!

Несколько секунд он молча смотрел на меня, но потом его взгляд смягчился.

— Клянусь Богом, я тебе верю! — сказал он и протянул руку.

— Теперь расскажи, — попросил я, — как не потерять с тобой связь. Завтра утром мне надо обратно в Круден. Это важно. — Так я ответил на его вопросительный взгляд. — Это первый шаг

к тому, о чем ты сам же и просишь. — Я знал, что если Марджори и пошлет за мной, то в Круден. — Но ответь, как и куда писать, чтобы нам не потерять друг друга.

Для ответа он извлек из кармана пачку бланков срочных телеграмм на адрес посольства США в Лондоне.

— Бери и распоряжайся по своему разумению. Я всегда на связи с посольством, там знают, как меня найти. А как мне найти тебя?

— Пиши до востребования в почтовое отделение Круден-Бей, — ответил я. — Я сообщу, где меня искать.

На этом мы и распрощались.

— Увидимся утром, — сказал он, уходя.

Глава XVIII. Салюты и Жанна д’Арк

Какое-то время сон не шел. Все происходило так быстро, возникало столько новых событий, фактов и опасностей, что у меня голова шла кругом. Конечно, первое место занимала Марджори, и главное — ее безопасность. Что это за испанский заговор, в чем состоит его суть или цель? Сначала, когда Адамс о нем рассказал, я не переживал: заговор казался слишком далеким, слишком невероятным, и, боюсь, я не придал ему должного значения. Не подумал сразу, что две страны вступили в войну и что как во время войны, так и до нее уже творились отчаянные и вероломные поступки, память о которых не могли стереть даже доблесть и рыцарство более благородных врагов Америки. «Помните „Мэн“!» все еще оставалось лозунгом и боевым кличем. В мире хватало негодяев, особенно поднимающих голову в военное время, от которых жди чего угодно — смертоносного, жестокого, опасного. Возможно, эти злодеи уже действуют! Я вскочил с постели. В этот миг осознания угрозы для Мар-

джори я понял в полной мере, как опасно мое незнание о том, где и в каком положении она находится. Это бессилие просто-таки сводило с ума; теперь я разделял раздражение Адамса от подобного бессилия перед лицом того, что с виду казалось моим упрямством. Однако, как я ни ломал голову, я не мог ничего поделать, пока не увижу Марджори или не получу от нее весточку. С этой мыслью — в данных обстоятельствах снедающей меня еще более, чем можно выразить словами, — я снова лег.

Разбудил меня стук Адамса, который в ответ на мое «войдите» проскользнул в номер и закрыл за собой дверь.

— Пропали!

— Кто? — машинально спросил я, хотя уже хорошо знал.

— Мисс Дрейк и ее спутница. Уехали вчера ночью, сразу после того, как вы вернулись с вокзала. Я-то думал, ты с ними отужинал? — спросил он пытливо и с ноткой подозрительности.

— Я должен был с ними ужинать, — ответил я, — но они не явились.

Он сделал долгую паузу.

— Не понимаю! — воскликнул он наконец.

Я решил, раз мое молчание более не требуется

для прикрытия, можно рассказать все; мне хотелось любой ценой избежать стычки с Адамсом и не показаться ему обманщиком. И я начал:

— Теперь я могу рассказать, Сэм. Миссис Джек и мисс Анита — мисс Дрейк — пригласили меня ужинать. Спустившись, я нашел письмо о том, что им пришлось срочно отбыть, с особой просьбой отужинать одному, словно они со мной. Меня просили не говорить ни слова об их отъезде. Прошу, пойми, мой дорогой друг, — и я вынужден просить тебя смириться с этим намеком и не расспрашивать дале: тому, что я вслепую помог мисс Дрейк, есть свои причины. Вчера вечером я говорил, что мои руки связаны; вот одна из веревок. Сегодня я волен кое-что прояснить. Вчера я не мог ничего поделать. Ни предпринять что-либо сам, ни помочь тебе — по той простой причине, что я не знаю, где находится мисс Дрейк. Я знаю, что она проживала — по крайней мере, до недавнего времени — где-то на востоке графства Абердин; но где именно — не имею ни малейшего представления. Впрочем, ожидаю узнать уже скоро и тогда сразу же сообщу тебе — если мне не запретят. Со временем ты поймешь, что я говорю чистую правду, пусть сейчас тебе и трудно понять мои слова. Я как никто другой хочу

уберечь Марджори. Когда ты ушел от меня вчера, я осознал смертельную серьезность этого дела и сам себя измучил.

Он просиял.

— Ну что ж, — сказал он, — мы с тобой хотя бы заодно, это уже что-то. Я уж опасался, что ты работаешь или станешь работать против меня. Послушай: я тут пораскинул мозгами и, смею предположить, понял твое положение лучше, чем ты думаешь. Не хочу тебя ограничивать или мешать тебе помогать мисс Дрейк по-своему, но скажу вот что. Я найду ее — по-своему. Меня-то ничто не сдерживает, кроме понятной секретности. За этим исключением я свободен в действиях. И буду сообщать о своих шагах тебе в Круден.

Перед тем как я оделся, меня навестил еще один гость. На сей раз это был Каткарт, предложивший мне помощь со смущением, характерным для англичанина, который хочет сделать доброе дело, но в то же время боится навязываться. Я попытался успокоить его прочувствованной благодарностью.

И тогда он прибавил:

— Судя по тому, что счел нужным рассказать Адамс, — поверь, соблюдая конфиденциальность, — я понял, что ты беспокоишься за близко-

го человека. Коли так — а я от всего сердца хотел бы ошибаться, — надеюсь, ты помнишь, что я твой друг и не имею привязанностей. Я практически один на белом свете, то есть не имею семьи, и меня никто не остановит. Что там, в расчете на наследство кое-кто был бы только рад видеть меня в могиле. Надеюсь, когда заварится каша, ты об этом не забудешь, старина.

И он ушел — как обычно, с лихим и бесшабашным видом. Вот так просто этот галантный джентльмен предложил мне свою жизнь. Меня это тронуло больше, чем я смог бы передать словами.

Я выехал в Круден следующим же поездом и договорился с почтмейстером, чтобы он немедленно за мной послал, если придет телеграмма, о чем я говорил с Адамсом.

Ближе к вечеру мне принесли письмо. Оно было написано почерком Марджори, а на вопрос, как оно пришло, мне ответили, что его передал конный, который, сделав дело, только сказал: «Ответа не требуется» — и тут же ускакал.

Мечась от надежды к радости, от радости к опасениям, я его открыл. И все эти чувства были подтверждены всего парой слов:

«Встретимся завтра в одиннадцать в Пиркапписе».

Я кое-как вытерпел ночь и встал рано. В десять я взял легкую лодку и сам погреб из Порт-Эрролла через залив. У Скейрс я остановился, делая вид, что рыбачу, а на самом деле высматривая Марджори; отсюда открывался хороший обзор на всю дорогу до Уиннифолда и тропинку у пляжа. Незадолго до одиннадцати я увидел девушку, ехавшую на велосипеде по уиннифолдскому проселку. Собрав удочки, я тихо и без особой спешки — поскольку не знал, кто нас может заметить, — погреб в бухточку за торчащей скалой. Марджори прибыла одновременно со мной, и я с радостью увидел, что ее лик не омрачен тревогой. Пока ничего не стряслось. Мы всего лишь пожали руки, но от ее взгляда у меня екнуло сердце. Последние тридцать шесть часов все мои мысли заслоняла тревога о ней. Я не думал о себе, а значит, и о своей любви к ней; но теперь этот эгоистичный инстинкт пробудился вновь в полную силу. В ее присутствии, в ликовании моего сердца, страх во всех обличьях казался таким же невозможным, как и то, чтобы пылающее над нами солнце вдруг скрылось за снегопадом. С таинственным же-

стом, призывающим к молчанию, она указала на уходившую в море скалу, увенчанную высокой травой. Мы вместе забрались на утес и пересекли узкий перешеек над ее вершиной. За скалой мы нашли уютное гнездышко. Тут мы были совершенно отделены от мира; нас бы никто не услышал и не увидел, разве что со стороны полного рифов моря. Марджори кротко разделила мою радость:

— Хорошее место, верно? Я нашла его вчера!

На миг я почувствовал себя так, будто она меня ударила. Подумать только: вчера она была здесь, когда я ждал ее всего-то на другом конце залива и не находил себе места. Но без толку оглядываться назад. Теперь она со мной, и мы наедине. Восторг смел все остальные чувства. Премило устроившись поудобнее, словно готовясь к долгому разговору, она начала:

— Полагаю, теперь ты знаешь обо мне больше?

— Что ты имеешь в виду?

— Право, не увиливай. Я видела в Абердине Адамса, и он, конечно же, рассказал обо мне все.

Я перебил:

— Вовсе нет.

Ее рассмешил мой тон. С улыбкой она сказала:

— Значит, кто-нибудь другой да рассказал. От-

веть на пару вопросов. Как меня зовут?

— Марджори Анита Дрейк.

— Я бедна?

— Если говорить о деньгах, то нет.

— Верно! Почему я уехала из Америки?

— Чтобы сбежать от салютов и славы Жанны д'Арк.

— И снова верно, но это уж очень похоже на Сэма Адамса. Ну да ничего, теперь мы можем начать. Я хочу рассказать то, чего ты еще не знаешь.

Она замолчала. А я, испытывая и радость, и страх из-за ее серьезного вида, приготовился слушать.

Глава XIX. О смене имени

Марджори начала с улыбкой:

— Ты уверен, что я уехала из-за салютов и славы Жанны д'Арк?

— О да!

— И что это единственная и определяющая причина?

— Ну конечно!

— Тогда ты ошибаешься!

Я взглянул на нее с удивлением и с тайной озабоченностью. Если я ошибался в этом, то почему бы и не в чем-то еще? Если Адамс заблуждался, а я заблуждался, принимая его слова на веру, что за новый секрет сейчас раскроется? До сих пор все так замечательно складывалось для моих устремлений, что любые помехи были нежелательны. Марджори, глядя из-под полуопущенных ресниц, успела меня разгадать. Строгое выражение, что всегда возникало на ее лице, когда она хмурилась в размышлении, растаяло и превратилось в улыбку — отчасти счастливую, отчасти лукавую и целиком девичью.

— Не тревожься раньше времени, Арчи, — ска-

зала она, и о! как же дрогнуло мое сердце, когда она впервые обратилась ко мне по имени. — Не о чем переживать. Я все расскажу, если хочешь.

— Разумеется, хочу, если ты сама не против.

И она продолжила:

— Я не возражала против салюта; вернее сказать, и возражала, и наслаждалась им. Между нами говоря, салютов должно быть ну очень много, чтобы надоесть. Пусть люди говорят что хотят, но только те, кто не вкусил славы, заявляют, что она им не нравится. Не знаю, что чувствовала Жанна д'Арк, но подозреваю, что она не отличалась от других девушек. Если ей нравилось, как ее хвалят и возвеличивают, не меньше, чем мне, неудивительно, что она продолжала игру, сколько могла. А меня замучили посыпавшиеся предложения замужества! Одно дело — предложения от тех, кого знаешь, к кому не испытываешь неприязни. Но когда от предложений каждое утро переполняется бельевая корзина, когда на тебя пялятся сомнительные типы, когда под дверью поджидают самодовольные молодые люди в фетровых шляпах и без подбородков, чтобы зачитать свои стихи, когда твою карету останавливают неопрятные болваны, чтобы припасть на колено на глазах твоих слуг, это уже слишком. Конечно,

письма можно сжечь, хотя и среди них хватало добрых и слишком честных, чтобы не относиться к их авторам с уважением. Но старики и эгоисты, мытари и грешники, повесы, что клубятся кругом, как скверные миазмы, их было слишком много, всех видов и пород, их было слишком трудно выносить. Я чувствовала, как начинаю верить, что девушка — или, по меньшей мере, ее характер — ничего не значит, тогда как деньги или слава, пусть даже дурная, значат так много, что я уже вовсе не могла видеть незнакомцев. Грабители, привидения, тигры, змеи и прочее — это чепуха; но уж поверь, ухажеры — это натуральный кошмар. Что там, в конце концов я перестала доверять людям. Среди моих знакомых не осталось неженатого мужчины, кого бы я не заподозрила в каких-нибудь замыслах, а самое смешное, что если они не оправдывали подозрения, то я обижалась. Страшно несправедливо, правда? Но я ничего не могла с собой поделать. Интересно, нет ли какой-то моральной желтухи, от которой начинаешь видеть цвета неправильно? Если есть, то ее я подхватила; и уехала, чтобы попытаться излечиться. Ты и представить себе не можешь, насколько легко я вздохнула, когда за мной перестали гоняться. Конечно, и здесь

есть свое разочарование; боюсь, люди слишком быстро привыкают к хорошему! Но в общем и целом было замечательно. Со мной поехала миссис Джек, и я замела следы дома, чтобы никто не волновался. Мы сбежали в Канаду, в Монреале сели на пароход до Ливерпуля. Впрочем, на сушу сошли в Мовилле. Мы взяли вымышленные имена, чтобы нас нельзя было выследить.

Она замолчала, и на ее лице проступила застенчивость. Я ждал, мне казалось, что я только смущу ее, если буду забрасывать вопросами вместо того, чтобы дать рассказать обо всем своим чередом. Застенчивость переросла в розоватый румянец, за которым сквозила та божественная истина, что порою нет-нет да просияет в девичьих глазах.

Теперь Марджори заговорила совсем иначе, нежели раньше, с ласковой просьбой, но и с серьезностью:

— Вот почему я не развеяла твоих заблуждений касательно моего имени. Я бы не выдержала, если бы и ты, так любезно со мной обходившийся, в самом начале нашей… наших отношений разоблачил бы мою ложь. А позже, когда мы лучше узнали друг друга, когда ты доверил мне столько тайн — о Втором Зрении, Гормале и Сокровище, — я уже так угрызалась совестью, что

стыдилась признаться.

Она замолкла, и я рискнул взять ее за руку. Затем сказал как можно утешительней:

— Но, дорогая моя, это не обман — по крайней мере, для меня. Ты взяла чужое имя, чтобы избежать неприятностей, задолго до нашей встречи — так как я могу обижаться? К тому же, — добавил я, осмелев, потому что она не забрала руку, — уж мне-то меньше всех на свете подобает возражать против того, чтобы ты сменила имя!

— Почему? — спросила она, поднимая глаза навстречу моим и пронзая меня взглядом.

Чистое кокетство: она не хуже меня знала, что я имею в виду. И все же я ответил:

— Потому что я тоже хочу, чтобы ты его сменила!

Она не сказала ни слова, но потупила взгляд.

Теперь я почувствовал себя увереннее и, не тратя времени на слова, наклонился и поцеловал ее. Она не отстранилась. Ее руки обхватили меня; и вот так я в мгновение ока вознесся на небеса.

Наконец она слегка отодвинулась и сказала:

— Была и другая причина, почему я все это время не признавалась. Теперь я могу сказать.

— Прошу прощения, — перебил я, — но сначала скажи, правильно ли я понял, что это… что сей-

час произошло между нами, — утвердительный ответ на мой вопрос?

Отвечая, она сверкнула и улыбкой, и глазами:

— А ты сомневаешься? В моем ответе было что-то непонятно? Если так, лучше понимать его как «нет».

Мой ответ был не словесным, но зато весьма приятным для меня. Затем она продолжила:

— У тебя еще остались сомнения?

— Да, — сказал я, — много, очень много, сотни, тысячи, миллионы, и все требуют немедленного разрешения!

Она ответила очень тихо и кротко, в то же время предостерегающе подняв руку в уже очень хорошо знакомом мне жесте — я не мог не чувствовать, что он будет играть важную роль в моей жизни, хотя и, несомненно, всегда хорошую.

— Если их так много, значит, не стоит и пытаться ответить на все сейчас.

— Ну хорошо, — сказал я, — займемся ими в свое время и по порядку.

Она ничего не ответила, но выглядела счастливой. Я и сам был так счастлив, что даже воздух вокруг нас, и солнечный свет, и море словно радостно пели. Музыка слышалась даже в криках множества чаек над головой, в шуме накаты-

вающих и отступающих волн у наших ног. Я не сводил глаз с Марджори.

Она заговорила:

— О, какая это радость — признаться тебе сейчас, как мне было приятно понимать, что ты, не зная ничего ни обо мне, ни о деньгах, ни о корабле, ни о салютах и славе Жанны д'Арк — мне уже никогда не забыть этой фразы, — увлекся мной из-за меня самой. Как не продлить такое удовольствие. Хотя я без стеснения назвала бы свое настоящее имя, я оттягивала этот момент как можно дольше, чтобы, пока мы не раскроем друг другу самое сокровенное, упиваться знанием о личном чувстве.

Я был так счастлив, что решился перебить.

— Как уклончиво сказано! — воскликнул я. — Правильно ли я понимаю, что ты, хоть и любила меня самую капельку — когда я уже показал, что люблю тебя всей душой, — все равно предпочла водить меня за нос, чтобы мое незнание внешних обстоятельств сдобрило твое удовольствие от моей преданности?

— Тебя послушать — ты как книга с позолоченным обрезом! — сказала она с довольной улыбкой. — А теперь ты наверняка хочешь знать больше о моем окружении, нашем положении и

дальнейших планах.

Она словно окатила меня ушатом холодной воды. В приливе счастья я на время позабыл о тревогах за ее сохранность. Мигом нахлынули вопросы, не дававшие мне покоя последние полтора дня. Она заметила эту перемену и поэтически выразила свою тревогу в живописном образе:

— Арчи, что тебя тревожит? Твое лицо стало как пшеничное поле под набежавшей тучей!

— Я волнуюсь за тебя, — ответил я. — От совершенного счастья, что ты мне подарила, я совсем забыл о том, что меня тяготит.

С бесконечной мягкостью — и той нежной лаской, в которой проявляет себя сочувствующая любовь, — она положила свою ладонь на мою и сказала:

— Ответь же, что тебя тревожит. Теперь я имею право знать, правда?

Прежде ответа я поднял руку Марджори и поцеловал; не выпуская ее, я продолжил:

— Вместе с тем, как узнать о тебе, я узнал и кое-что еще, что не дает мне покоя. Ты поможешь развеять тревоги?

— Я сделаю все, что ты пожелаешь. Теперь я вся твоя!

— Спасибо, любимая, спасибо! — Вот и все, что я

мог ответить: меня ошеломила ее нежная самоотверженность. — Но я объяснюсь позже; а сейчас расскажи о себе, ведь этого я жду больше всего.

И она заговорила:

— Мы — миссис Джек и я — живем в старом замке в нескольких милях отсюда. Начать с того, что миссис Джек — моя старая няня. Ее муж работал у моего отца в дни освоения Запада. Когда папа заработал себе состояние, он позаботился и о Джеке — звали его Джек Демпси, но мы всегда называли его просто Джек, поэтому его супруга была миссис Джек — и только так я теперь ее и зову. Когда скончалась моя мать, обо мне заботилась миссис Джек, потерявшая мужа незадолго до этого. Затем, когда умер и отец, она взяла на себя все, и с тех пор была мне как мать. Полагаю, ты заметил, что она так и не избавилась от почтительности, привычной ей в пору бедности. Но миссис Джек богатая женщина; если бы кое-кто из моих ухажеров представлял, сколько у нее денег, они бы не оставили ее в покое. Думаю, она перепугалась от того, как со мной стали носиться, и втайне заподозрила, что станет следующей жертвой. Без этого вряд ли бы удалось втянуть ее в безумный план сбежать под вымышленными именами, даже при всей ее любви ко мне. В Лон-

доне мы встретились кое с кем в банке «Морган»; и джентльмен, ведущий наши дела, дал слово, что будет хранить молчание. Это славный пожилой человек, и я рассказала ему о нашем положении достаточно, чтобы он увидел достойную причину скрыться из виду. Я решила, что Шотландия — подходящее место, чтобы пропасть на время, и земельные агенты подобрали для нас дом, где нас не стали бы искать. Предлагали много, но наконец рассказали о поместье между Эллоном и Питерхедом, в стороне от дороги. Мы нашли его в низине среди множества холмов, где и не заподозришь дом, особенно в таком густом лесу. На деле это старинный замок, возведенный два-три века назад. Его владельцы — по фамилии Барнард, как рассказал нам агент, — давно уехали и много лет пытались сдать дом, но никто им не интересовался. Похоже, о хозяевах агенту известно немногое — он общался только с их поверенным, — но, по его словам, они еще могут приехать и попросить показать им дом. Это любопытное старинное местечко, хоть и ужасно мрачное. Тут тебе и кованые ворота-решетки, и большие дубовые двери, обитые сталью, что грохочут, словно гром, когда их закрываешь. Тут тебе и сводчатые потолки, и окна в толщах стен — такие, что на их подокон-

никах можно сидеть, но снаружи видны только щелочки. О! Просто-таки чудная старина, иначе не скажешь. Обязательно приезжай! Я тебе все покажу, вернее, все, что могу, поскольку часть комнат заперта.

— Но когда? — спросил я.

— Что ж, я как раз думала, — ответила она, — как было бы замечательно, если бы ты прокатился со мной на велосипеде сегодня же.

— Готов в любой момент! Кстати говоря, как он называется?

— Замок Кром. По названию маленькой деревушки, хоть до нее оттуда и пара миль.

Перед ответом я недолго поразмышлял. Затем, решившись, заявил:

— До поездки мне бы хотелось потолковать о том, что, хоть может показаться тебе незначительным, меня изрядно тревожит. Но позволь сперва просить, чтобы ты не выпытывала у меня имя моего осведомителя или что угодно, кроме того, что я сам сочту нужным рассказать.

Посерьезнев, она сказала:

— Ты меня пугаешь! Но, Арчи, дорогой, я тебе верю. Я тебе верю, и ты можешь говорить без обиняков. Я все пойму.

Глава XX. Товарищество

— Мне нужно, чтобы ты обещала, что не будешь скрываться там, где я тебя не найду. На то у меня есть весомая причина. Еще мне нужно, чтобы о твоем местонахождении, если ты не против, знал кое-кто еще.

Поначалу в выражении ее лица — в движении губ, в том, как раздулись ноздри, — чувствовалось возмущение. Затем ее лоб нахмурился в размышлениях; все это немало говорило о ее характере, чего я не преминул заметить. Однако внутренняя война шла недолго: разум какими бы то ни было средствами возобладал над порывом. И я видел логику, что привела к озвученному выводу:

— Ты хочешь докладывать обо мне Дяде Сэму.

— Почти! — ответил я и поспешил объясниться прежде, чем настрою ее против. — Помни, моя дорогая: твоя страна вступила в войну, и, хоть в настоящий момент ты в безопасности — в стране, дружественной к обеим сторонам, — везде хватает злоумышленников, которые воспользуются чем угодно необычным к своей выгоде. Благодаря изумительному подарку родине ты стала

всенародной любимицей и завоевала миллионы друзей — и предложений, — но обрела и сонмы врагов. Ведь ты подарила не больничный корабль или карету скорой помощи. Твой дар относится непосредственно к военным действиям и разжигает ненависть; вне всяких сомнений, некие люди уже сплотились, чтобы причинить тебе вред. Этого допустить нельзя. Твои друзья, твоя страна в целом предпримут что угодно, лишь бы этому помешать, но они будут бессильны, если ты скроешься там, где они тебя не найдут.

Пока я говорил, Марджори пристально наблюдала за мной — без враждебности, а с искренним интересом. Когда я закончил, она тихо сказала:

— Все это очень хорошо; но теперь ответь, милый… — И как меня взбудоражило это слово! Впервые она назвала меня так. — Это Сэм Адамс внушил тебе все эти доводы — или они твои собственные? Не подумай, что я придираюсь; я хочу понимать, что происходит. Поверь, я готова на все, что ты пожелаешь, если этого желаешь ты, и я благодарна за заботу. Но не хочу, чтобы ты только пересказывал слова политиков моей родины.

— Что ты имеешь в виду?

— Дорогой мой, откуда тебе знать об американской политике, чтобы понимать, что кое-кто не

погнушается использовать любое преимущество. Все, к чему проявляет интерес общественность, может послужить орудием в их беспринципных руках. Что ж, если б приспешники партии войны желали устроить настоящее представление, они могли бы собрать моих ухажеров в новый батальон.

— Но ты же не считаешь таким все свое правительство поголовно? — возразил я.

В ответ она улыбнулась.

— О нем я мало знаю. Партии всюду одинаковы. Но, конечно, в Вашингтоне люди не действуют так же, как мелкие политики. И еще одно. Не подумай, будто я причисляю Сэма Адамса к их братии. Он служит стране и следует указаниям своего начальника. Как он или кто угодно в его положении может знать изнанку ситуации, не считая того, что он узнаёт из весточек с родины или подмечает в происходящем, если достает смекалки?

Мне показалось, она склоняет меня не доверяться американскому посольству, поэтому я прервал ее раньше, чем она закончила. Раз я был не вправе раскрыть Марджори свой источник информации, приходилось убеждать ее другими аргументами:

— Дражайшая моя, оставь в покое политику, хоть американскую, хоть любую другую. При чем тут политика?

Она удивленно распахнула глаза, она соображала лучше меня.

— Конечно же, при всем! — с уверенным видом заявила она. — Если мне и желают зла, то из-за политики. Не верю, что в мире найдется человек, желающий мне вреда по личным причинам. О, дорогой, не хочу об этом говорить, даже с тобой, но я всю жизнь старалась помогать людям незаметно. Мои опекуны расскажут, сколько денег я просила у них для благотворительности; я и лично делала все, что в силах женщины. Я побывала в самых разных больницах и богадельнях; в моем собственном доме проводятся уроки для девочек, чтобы они росли счастливыми и грамотными. Арчи, не подумай обо мне плохо, словно я хвастаюсь, но я не перенесу, если ты решишь, будто я не чувствую ответственности за свое богатство. Я всегда считала его своей миссией и надеюсь, дорогой мой, со временем это бремя и доверие разделишь и ты!

До сих пор я думал, что не могу полюбить ее еще больше. Но, услышав ее слова, распознав за ними высокую цель, увидев, с каким нежным

смущением она это рассказывает, я понял, как ошибался.

Она с любовью посмотрела на меня и, взяв мою руку в свои, продолжила:

— А значит, кто может желать мне зла, как не политики? Я бы поняла, если бы мне хотели отомстить испанцы, — ведь я сделала, что могла, чтобы помешать им губить и пытать своих жертв. И я бы поняла, если бы наши бессовестные политики пытались воспользоваться моим именем в своих целях, хотя и не навредить. Я хочу держаться подальше от политики и честно тебе говорю, что так и будет, если у меня получится.

— Но, дорогая Марджори, я считаю, что могут быть — что есть — испанцы, желающие тебе зла. Будь ты в Америке, тебе бы ничего не грозило, ведь во время войны там каждый иностранец взят на заметку. Здесь же, на нейтральной земле, иностранцы свободны в действиях; за ними не следят, ни в чем не подозревают. Если бы такие злодеи были — а мне сказали, что они есть, — они бы могли причинить тебе вред раньше, чем кто-нибудь раскроет их замысел или успеет их остановить.

В ответе Марджори во всей красе предстала врожденная независимость ее народа и харак-

тера:

— Мой дорогой Арчи, я происхожу из рода людей, которые сами куют свою судьбу от колыбели до могилы. Мой отец, мой дед и мой прадед были первопоселенцами в Иллинойсе, в Кентукки, в Скалистых горах и в Калифорнии. Они каждый час своей жизни знали, что рядом рыщут коварные враги, но ничего не боялись. И я не боюсь. В моих жилах бежит их кровь и громко дает о себе знать, когда заходит речь о страхе. Они оберегали свои жизни собственной смекалкой, собственными руками; моя смекалка ничем не хуже. Я не боюсь никаких врагов, тайных или явных. Больше того: при мысли о тайном враге во мне пробуждается азарт моего народа — и я хочу дать бой. А тайный бой в наш век доступен для женщин. Если враги плетут заговор, я сплету контрзаговор; если они следят за каждым моим шагом, чтобы застать врасплох, я всегда буду настороже. В наши дни женщина, за редким исключением, не может сражаться открыто, как

Жанна д'Арк или Агустина из Сарагосы[34], но может сражаться по-своему, согласно духу времени. Не понимаю почему, если мне что-то угрожает, я не должна сражаться, как сражались мои предки. Да! Дай я скажу то, что откладывала на потом. Ты знаешь, из какого рода я происхожу? Говорит ли тебе что-нибудь мое имя? Если нет, то скажет это! — Она сняла с шеи скрытое за кружевным воротником золотое украшение — то самое, что я спас со дна. Пока я рассматривал его, взяв в руку, она продолжала: — Это досталось мне от отца, ему — от его отца, ему — от его, и так до тех пор, пока наша история — пусть и только устная, поскольку документов не сохранилось, — не теряется в легенде о том, что это сокровище Армады, которое привезли в Америку два кузена, оба — выходцы из семейства великого сэра Фрэнсиса Дрейка. До недавнего времени ни я, ни кто-либо из моей родни не знал, когда в нашей семье появились владельцы броши или как они заполучили такое сокровище. Но ты дал ответ своим переводом

[34] Примечания: 34

Агустина де Арагон (1786–1857) — испанская героиня войны за независимость в период оккупации Испании Наполеоном. Прославилась доблестью во время осады Сарагосы (поэтому также известна как Агустина из Сарагосы). В дальнейшем стала предводительницей одного из партизанских отрядов. Пережила войну и умерла в возрасте семидесяти одного года.

повести дона де Эскобана. Это миниатюрная копия носовой фигуры галеаса папы, и обе создал Бенвенуто Челлини. Папа вручил ее Бернардино де Эскобану, а тот передал адмиралу Педро де Вальдесу. С той нашей встречи я копалась в истории и разузнала, что адмирала де Вальдеса взял в плен в бою с Армадой сэр Фрэнсис Дрейк и держал в заложниках дома у Ричарда Дрейка, родственника сэра Фрэнсиса. Как брошь перешла семье Дрейков, я не знаю, но, во всяком случае, не верю, что ее украли. В мирной жизни они добрые люди — все, кого я знала, хотя в бою всегда бились как черти. А старые испанские доны были щедры на подарки, и, думаю, когда Педро де Вальдеса выкупили, он сделал лучший подарок, какой мог, тем, кто любезно с ним обращался. Так я это себе представляю.

Она говорила, а у меня в голове теснились мысли. Действительно, вот недостающее звено в цепочке, объединяющей Марджори и спрятанный клад; и вот начало исполнения пророчества Гормалы, как я его понимал. Мойры уже взялись за нас. Клото пряла нить, связавшую меня и Марджори со старым пророчеством о Тайне Моря и его итогом.

И вновь меня охватило бессилие. Все мы были

словно бадминтонные воланчики: мотались туда-сюда, неспособные изменить свой курс. С этой мыслью пришла и доля смирения — вечного лекарства от отчаяния.

Словно в цепенящем трансе я внимал голосу Марджори:

— А потому, мой дорогой Арчи, я надеюсь, что ты мне поможешь. Наша дружба не ослабнет никогда, как бы ни казалось, что ее затмевают другие узы, теснее и дороже.

Я не мог ответить на эту речь; разве что прижать Марджори к груди и поцеловать. Я понимал, как и она, что мои поцелуи означают капитуляцию перед ее пожеланиями.

Чуть позже я сказал:

— Но одно я сделать должен. Долг чести велит мне сообщить моему осведомителю, что я не могу передать твой адрес американскому посольству и участвовать в чем угодно, на что ты не дала согласия. Но ах! — дорогая, боюсь, мы идем по тонкому льду. Мы умышленно остаемся в потемках, когда есть свет, и весь этот свет нам еще понадобится. — Затем меня осенило, и я добавил: — Кстати, полагаю, я вправе сообщать что угодно, если это не будет компрометировать или касаться тебя?

Перед ответом она надолго задумалась. Я видел,

что она взвешивает все за и против, рассматривает ситуацию со всех сторон.

Затем она, вложив свои руки в мои, ответила:

— Я знаю, Арчи, что в этом, как и во всем, могу довериться тебе. Нас слишком многое связывает, чтобы я переживала о такой мелочи!

Глава XXI. Старый и Новый Дальний Запад

Наконец Марджори вскочила:

— А теперь бери велосипед и едем в Кром. Я сгораю от нетерпения показать тебе все!

Мы преодолели небольшой перешеек и поднялись по скалам над Рейви-о-Пиркаппис. Выбравшись на крутую тропинку, я едва не сверзился вниз от изумления.

Там восседала Гормала Макнил — твердо и неподвижно, будто изваяние из камня. И с таким беспечным видом, что я тут же что-то заподозрил. Сперва она нас будто не заметила, но я видел, что она подглядывает за нами исподлобья. Меня подмывало узнать, давно ли она уже тут, и я заговорил, обратившись к старухе по имени, чтобы Марджори поняла, кто перед нами:

— Надо же! Гормала, где ты пропадала? Я было думал, ты уехала обратно к себе на острова. Мы давненько тебя не видели.

Ответила она, как обычно, без обиняков:

— Не сомневаюсь, что, не видя меня, ты уж решил, что я далеко. Да! Да! Немало воды утекло,

но я могла подождать. Я могла подождать!

— И чего же вы ждали? — Голос Марджори словно принадлежал существу из другого мира. Такой юный, такой истинный, такой независимый, он противоречил Гормале и всему ее существованию. Я, мужчина между двумя женщинами, почувствовал себя больше зрителем, чем участником, и казалось мне, что Новый Свет заговорил со Старым.

Гормала, судя по ее виду, совершенно смешалась. Она уставилась как оглушенная на девушку, поднявшись на ноги по привитой веками привычке — как нижестоящий перед вышестоящим. Затем провела рукой по лбу, словно прочищая мысли, и ответила:

— Чего я ждала? А я скажу, коль хочешь знать. Я ждала исполнения Рока. Голоса сказали свое слово, а как они сказали, так и будет. Всегда будут те, кто встает на пути Судьбы, чтоб помешать неизбежному. Но ничего у них не выйдет, ничегошеньки! Они могут помешать реке времени не больше, чем остановить наводнение *bairn* игрушкой.

И снова раздался пытливый голос Марджори — словно необузданная юность дерзко рвалась развеять таинственность; и в самом деле ка-

залось, будто никакие тайны Старого Света не выстоят перед натиском откровенных, прямых расспросов:

— Кстати говоря, что там рассказывает Рок? Его поймет простая американка?

Гормала воззрилась на нее в явственном изумлении. Ей, выросшей на Старом Дальнем Западе, это дитя Нового Дальнего Запада виделось пришельцем из другого мира. Будь манеры Марджори не столь обходительны, будь она не столь красива, не столь благородна, не столь серьезна — и старуха бы наверняка тут же ощетинилась. Но в тот день мне казалось невозможным, чтобы на Марджори затаила зло даже ведьма. Такая нежная, добрая и счастливая, такая светлая и исполненная радости — она словно была воплощением девичьего идеала, обезоруживала любую критику, и никакой враждебности было не пробиться через зачарованный круг ее лучезарного присутствия. Но я не мог понять ее отношения к Гормале. Марджори о ней знала, ведь я рассказывал, кто и что такое Ясновидица, о ее пророчествах и предостережениях; и все же по поведению девушки могло показаться, будто она не знает ничего. Марджори не говорила успокаивающе, как говорят молодые, желающие угодить

старикам или подольститься к ним. Не говорила враждебно, как человек, твердо настроившийся на противостояние. В ней не чувствовалось жесткости, легкомысленности или склочности. И все же я видел, что у нее есть какая-то осознанная цель; и уже скоро мне стало очевидно, что знает об этом — или хотя бы подозревает — и старуха, хотя та и не могла ни понять этой цели, ни обнаружить ее.

Гормала раскрыла рот раз, другой, но колебалась; наконец она с усилием заговорила:

— Глас Рока не говорит словами, какие могут слышать смертные. Он говорит для внутреннего уха. К чему слова, когда внемлющее ухо понимает все!

— Но, — сказала Марджори, — если невозможно пересказать слова или если слов вовсе не было, не могли бы вы переложить в свои слова, что донесли вам те звуки?

Любому, кроме Ясновидицы, эта просьба показалась бы рассудительной, но духовидцы с их особым восприятием, которые сами не понимают, как видят будущее, едва ли могут перевести смутный и неопределенный замысел Неведомого в скудную и нескладную человеческую речь. Гормала задумчиво нахмурилась, затем на ее лице

промелькнуло разочарование.

Она обернулась ко мне и рассерженно спросила:

— Что за юница без понимания расспрашивает о ниспосланной мне истине Гласа? Забери ее, пока она не посмеялась надо мной — а со мной и надо всем Роком!

Но Марджори ответила за себя:

— Прошу, не принимайте мои вопросы за праздный интерес; я хотела бы знать в точности, что было сказано. Слишком легко понять смысл превратно, когда разбрасываешься словами бездумно. Разве вы так не считаете?

Не думаю, чтобы у Гормалы Макнил было чувство юмора; если же и имелось, мне его видеть не доводилось. Иначе оно спасло бы ее от гнева — так уж приятно изложила Марджори свой вопрос, словно обращалась к человеку своего круга, к единомышленнику. Гормале это не угодило. Если в ее разуме на месте юмора находилась пустота, она наверняка хорошо об этом знала. Она не понимала девушку и недолго искала убежища в молчании, проистекавшем в равной степени из угрюмости и чувства собственного достоинства. Но Марджори не довольствовалась молчанием, продолжала как можно вежливей, но при этом

как можно прозаичней, пока я не увидел, что Ведьма кипит внутри. Стоило вмешаться, ведь я не хотел неприятной сцены с участием Марджори, но я чувствовал, что девушка упорствует неспроста. Дай Гормале малейшее послабление — и она, чувствовал я, ушла бы и выжидала бы дальше, но натиск Марджори не позволял ей отступить, разве что — признав свое поражение. Гормала то и дело озиралась, как озирается загнанный человек или зверь, но все же с усилием сдерживалась. Наконец ее норов дал о себе знать: она побагровела, на лбу вздулись вены. Глаза вспыхнули, лицо пошло белыми пятнами, особенно возле носа. По блеску в глазах Марджори я видел, что этого-то она и добивалась. Она понизила голос, так что манера ее речи приобрела ледяную серьезность, но расспросов не прекращала.

И вот Гормала взорвалась и подалась к девушке в такой ярости, что на секунду я испугался, как бы в ход не пошли кулаки. Я приготовился отбиваться, если придется. Сперва от возмущения старуха даже зачастила на гэльском — слепая, раскаленная добела ярость мешала выбрать язык. В ней заговорила дикарка — на языке, что был ей лучше известен. Конечно, мы ничего не поняли

и ответили только улыбками. Марджори улыбалась нарочито, словно хотела разозлить Гормалу; я улыбался, потому что улыбалась Марджори. Наконец, уняв порыв чувств, Гормала сообразила, что мы не понимаем ни слова, и с усилием, от которого ее трясло, перешла на английский. С ним пришла и сдержанность, какой требовал этот язык. Теперь старуха не просто бранилась, а оглашала живописное полупророчество, замешанное на ненависти. Суть ее обвинений сводилась к тому, что Марджори насмехается над Роком, Судьбой и Гласом. Мне, не понаслышке знакомому с тем, о чем она говорила, было страшно это слышать. Такое обвинение граничило с кощунством, и оно меня больно задело, меня разгневало, что ему подверглась Марджори. Я уже хотел вмешаться, но Марджори невидимым для Ведьмы жестом велела мне молчать.

Девушка прервала тираду разгневанной старухи тихо, язвительно и подчеркнуто вежливо:

— Вы несправедливы: я нисколько не насмехалась. Я не насмехаюсь над чужой религией, как и над своей. Я только задала несколько вопросов о том, что, судя по всему, касается моего друга.

Странно, но сильнее всего на Гормалу подействовали слова о религии.

— Кто ты такая, бесовка, что смеешь срамить меня, ту, кто была доброй христианкой всю жизнь? Что у тебя за религия, если ты позоришь мою?

Марджори говорила с напором, но не теряя внешних приличий:

— Но я не знала, что в христианской вере есть такие вещи, как Рок, Глас и Судьба!

Старуха расправила плечи — на миг она стала истинной Ясновидицей и Пророчицей. Ее слова отдались во мне — и я видел, что отдались они и в Марджори. Хотя держалась Гормала гордо, губы ее побелели:

— Так знай, что в Божьем мире есть силы и малые, и великие, а пути Его полны чудес. Смейся, ведь я всего лишь старуха, но мне даны Видения, в моих ушах звучит Глас. Гордись своим невежеством перед чужими познаниями. Кривись из-за истин, накопленных за века опыта, и прячься под покровом невежества от любых тайн. Но попомни мои слова! Настанет день — и уж скоро, — когда ты заломишь руки да взмолишься всей силой и скорбью своей души, чтобы тебе указал путь свет, какого ты еще не знаешь!

Она замолчала, словно в трансе, остолбенев, как гончая при виде добычи. Затем высоко воз-

дела руку над головой, словно вытягивая свое сухощавое тело до бесконечной длины, и заговорила отрешенным, торжественным голосом:

— Вижу тебя в темной ночи, в бешеном приливе меж скал, посреди мятущихся волн. И — чу! — саван парит по-над взбитой пеной!

Гормала стихла и несколько секунд приходила в себя. Тем временем Марджори, побелев как смерть, хоть по-прежнему держась гордо, слепо нашарила и сжала мою руку. Ни на миг она не отрывала глаз от старухи.

Вновь овладев собой, Гормала молча развернулась и пошла прочь своей чопорной, величественной походкой — уверен, чувствуя, как и мы, что одержала победу. Марджори проводила ее взглядом, пока та не перевалила за вершину холма.

И вдруг вмиг сомлела; не держи я ее за руку, чтобы сразу подхватить, она бы упала на землю. Марджори удивительно быстро пришла в чувство и с большим усилием встала на ноги, хоть ей и пришлось опереться на мою руку. Окончательно оправившись, она сказала:

— Наверное, ты гадаешь, почему я так на нее накинулась. О да, именно накинулась, этого я и хотела. — Она явно заметила вопрос в моих

глазах. — Все оттого, как враждебна она была с тобой. Какое она имеет право принуждать тебя к чему бы то ни было? Она желает тебе зла, Арчи. Я знаю! Знаю! Знаю! И я не хотела, чтобы все вышло по ее желанию. К тому же… — Это уже с застенчивым и любящим взглядом, обращенным ко мне. — …Если она твой враг, то и мой враг тоже. Я хочу во всем быть с тобой, все переживать с тобой, даже если речь о любви и ненависти. Вот что значит быть едиными — и если мы хотим сражаться вместе, я разделю твою участь!

Я обнял ее, и несколько божественных мгновений наши сердца бились в унисон.

Тогда-то я и решился насчет пожеланий Адамса. Разве мог я отказаться сражаться за девушку так, как она этого желает, если она столь преданно разделяет мое бремя?

Затем мы договорились, что я вернусь домой за велосипедом и встречу ее у моста рядом с приходской церковью.

Глава XXII. Замок Кром

Воссоединившись, мы поехали по большой дороге, а затем свернули на проселок, скакавший по неисчислимым пригоркам, обычным для этой части Абердина. С высоты весь край кажется голым и открытым, но здесь хватает холмов и низин немереного разнообразия. На перекрестке мы сделали поворот, затем еще один и еще, пока я окончательно не потерялся.

В этой части графства царило эдакое запустение земледелия: бесконечные холмы, покрытые полями пшеницы и ячменя, — и ни единого дома на виду, не считая редкого коттеджа где-то в отдалении или фермы лэрда[35] на вершине. Наконец мы въехали в открытые ворота с ветхими столбами, еще сохранявшими остатки украшения в виде щита. К ним вела дорожка с высокими деревьями по бокам, за которыми были широкие полосы подлеска. Эта дорожка все петляла и петляла в бесконечной череде изгибов. От ворот же начиналась густая чаща почти четверть мили

[35] Примечания: 35

Лэрд — помещик, представитель нетитулованного дворянства в Шотландии.

шириной. Здесь деревья росли так тесно, а их ветки сплетались в такой густой полог, что под ними царил полумрак.

Дорога продолжала петлять, отчего невозможно было увидеть, что ждет впереди. Я даже заметил вслух, пока мы ехали:

— Неудивительно, что ты решила спрятаться здесь: это место будто создано для укрытия. Настоящее убежище Розамунды![36]

Из леса мы выехали на открытую местность с пригорком посередине высотой футов в двадцать. На нем был возведен из гранита замок с зубчатым парапетом. Не самый высокий, но широко растянутый квадратом, с низкими сводчатыми воротами, въезжать в которые следовало с осторожностью. Проем закрывался двумя воротами: сначала — тяжелым переплетением стальных прутьев, с виду чужеземной работы, потом — большими дубовыми створками, укрепленными стальными полосами.

Перед тем как въехать, Марджори провела меня вокруг замка, и я увидел, что он отовсюду

---

[36] Примечания: 36

Розамунда де Клиффорд — любовница Генриха II. По легенде, он спрятал ее в замке, окруженном садом-лабиринтом, пройти через который можно было только с помощью серебряной нити. Жена короля все-таки отыскала дорогу и отравила Розамунду.

одинаков. Его расположили с учетом сторон света, но ворота находились только с одной стороны. Более привычным входом была современная дверь в южной стене. Из замка, куда ни глянь, виднелся только лес. Даже с построенной для обороны каменной крыши, куда меня отвела Марджори, только местами через кроны проглядывали округлые верхушки холмов, желтых от зреющих злаков, или увенчанные редкими рощами сосен, открытых всем ветрам. В общем, самое мрачное место, что мне доводилось видеть. И целиком отрезанное от внешнего мира: в нем можно было прожить незамеченным всю жизнь.

Внутри было еще мрачнее, если такое возможно. Почти все комнатки маленькие, не считая зала и покоев на верхнем этаже, выходящих на южную сторону, — под крышей и обшитых старым дубом. Здесь хватало окон, какие описывала Марджори: все они, широкие с внутренней стороны, сужались до щелок с внешней. В замках и особняках, построенных, как этот, для защиты, не допускались бреши, делавшие их уязвимыми для вражеских снарядов.

Миссис Джек и Марджори устроили под крышей гостиную, и здесь выставлялись все их красивые сокровища и безделушки, собранные

в путешествиях. Пожилая дама тепло меня приняла. Марджори отвела ее в сторонку и что-то шепотом рассказала. Я мог только догадываться что, но все сомнения развеялись, когда та подошла, поцеловала меня и произнесла:

— Поздравляю от всего сердца. Вам досталась лучшая, самая нежная, самая драгоценная девушка из всех, что когда-либо ступали по земле. Я провела с ней всю жизнь и до сих пор не нашла ни изъяна. И я рада, что она выбрала вас. Почему-то этого я ей и желала с первой же нашей встречи. Молю Господа Бога, чтобы вы оба были счастливы! И знаю, что будете, ибо вы честны, а Марджори обладает золотым сердцем.

«Золотое сердце»! Ее речь доставила мне больше чем просто удовольствие, но последние слова оборвали мою радость. Меня пробил холодный озноб. О златом муже говорилось в пророчестве Тайны Моря, а Гормала только что узрела в видении, как Марджори сражается с приливом и над водой парит саван.

Думаю, Марджори ощутила нечто схожее, потому что, слегка побледнев, бросила на меня тревожный взгляд. Впрочем, она ничего не сказала, и я решил, что лучше не касаться этой темы. Хотя Марджори слышала слова Ведьмы и

хотя я рассказывал ей о древнем стихотворном пророчестве, речь о нем шла задолго до того, как я сам или эта загадка приобрели для нее особое значение. Быть может, Марджори не запомнила подробностей; хотелось в это верить.

Однако в тот день мы оба не могли долго предаваться печали. Наша радость была слишком свежей, чтобы ее туманили мысли о роке, разве что мимолетно, как туманит зеркало случайный выдох.

Чаепитие в старой, обшитой дубом комнате, куда косые лучи солнца проникали сквозь узкие оконца, ложась полосами поперек пола, было истинным удовольствием. Марджори заварила чай и подала мне; всякий раз, когда я брал что-либо из ее рук, наши пальцы встречались — отныне она, как и я, вовсе не избегала прикосновений. Затем, оставив пожилую даму наверху, она повела меня по комнатам, в своей прелестной порывистой манере рассказывая мне все романтичные истории о замке, что успела сплести в воображении. Потом она проводила меня до ворот, и с ее поцелуем на устах я вернулся в сумрачный лес, ощущая себя гордым и доблестным, как рыцарь былых времен.

Я добрался до Эллона и далее поехал поездом

в Абердин, потому что считал себя обязанным немедленно увидеться с Адамсом. Было невозможно сообщить в письме все, что я имел сказать, и к тому же хотелось сохранить его доверие и договориться о помощи, если он согласится на обновленные условия.

Я нашел его в номере, погруженным в работу. Видимо, он писал что-то важное, потому что перед нашим разговором аккуратно убрал документ и запер портфель. Конечно, на поверку это могло оказаться и простой привычкой дипломата, но вид у него был серьезный. Я тут же перешел к нашему делу, желая скорее покончить с неприятной материей и затем уже перейти к уступкам и изменениям.

— Прости, Сэм, но я не смогу помочь тебе сведениями о мисс Дрейк.

— Почему? Вы так и не встретились?

— Дело не в этом; я не волен сделать так, как ты просишь.

Адамс долго не спускал с меня глаз. Затем тихо сказал:

— Понимаю. У тебя тоже есть приказы! Что ж, жаль, это может навлечь на нее большую беду — а теперь, смею предположить, и на тебя. Скажи, старина, это окончательное твое решение? А то

дело серьезнее, чем я думал в нашу последнюю встречу. Мы раздобыли новую информацию, и Вашингтон требует принять все меры предосторожности. Брось, неужели ты не поможешь мне — не поможешь ей?

— Не могу — не на твоих условиях. Сэм Адамс, ты знаешь, что для тебя я бы сделал что угодно, но в этом случае я уже дал слово. Мне поручили секрет, и я должен с честью сохранить его любой ценой. Но послушай, я волнуюсь не меньше тебя. Можешь довериться мне и предупредить, кого остерегаться? Я тебя не выдам и смогу исполнить твое главное пожелание — защитить ее, только по-своему.

Он улыбнулся, пусть и с горькой иронией. Я же был рад любой улыбке, ведь мы старые, испытанные друзья и я не хотел с ним порывать. Кроме того, мне требовалась его помощь: его знания — сейчас, ресурсы — позже, если потребуется. Он официальное лицо, а это — официальный вопрос, и, хотя он посвятил ему себя, его чувства и честь оставались не затронуты.

— Ну и ну, — сказал он, — хватает же нахальства! Наотрез отказываешься хотя бы чуточку пойти навстречу, как я ни упрашиваю, — что официально, для Америки, что лично, как ответ-

ственный за это задание, и даже ради твоей же девицы, — а сам ждешь, чтобы я выложил все, что знаю. Тогда давай рассудим так: я буду рассказывать все, что тебе пригодится, как только узнаю, если и ты будешь сообщать о своем точном местонахождении, чтобы… чтобы я мог тебя найти, коли понадобится.

Я с готовностью обещал сообщать о своих передвижениях. Затем, раз больше ничего не оставалось, мы распрощались — рад доложить, с прежними чувствами.

Перед уходом я сказал:

— Сэм, ты знаешь, как меня найти, если решишь что-то рассказать.

На что он ответил:

— Хорошо, Арчи, поглядим. Но пойми: раз я расхлебываю эту кашу один, мне и действовать приходится по-своему, иначе у нас будут неприятности. Но если я чем-то смогу тебе помочь — помогу. Ты знаешь, куда писать. Если пошлешь за мной, я поспешу в любое время дня и ночи. И между прочим, старина, являюсь во всеоружии! — Он показал на карман с пистолетом. — Мой тебе совет: не тянуть и сейчас же обзавестись таким же!

Я послушался и перед возвращением в Круден

купил в Абердине два лучших револьвера, какие мог достать. Один был дамским, второй я с того дня всегда носил при себе.

Глава XXIII. Секретная служба

На следующее утро после завтрака я покатил в Кром, прихватив в велосипедной сумке револьвер и патроны для Марджори. В лесу, окружающем дом, я не мог не изводить себя мыслями о ее безопасности. Здесь понадобится целый полк, чтобы защитить ее от залетного убийцы. За себя я не боялся, но во мне все росло и росло — до мучительной степени — чувство, что я буду бессилен предотвратить то, что может случиться с Марджори. В доме мои опасения поутихли. Все-таки это укрепленное место, и его не взять ничем меньше пушки и слабее динамита.

Марджори приняла подарок очень любезно, и по тому, как она обращалась с револьвером, я понял, что учить ее нечему. Видимо, ей пришло в голову, что я могу счесть странным тот факт, что она так хорошо знакома со смертельным оружием, потому что она повернулась ко мне и произнесла тоном, которым обычно заканчивают разговор, а не начинают:

— Папа всегда хотел, чтобы я владела пистолетом. Не думаю, что он сам хоть раз расставался

со своим сызмальства, даже в постели. Он говаривал: «Готовность стрелять первым никогда не повредит!» У меня в туалетном столике хранится красотка, которую он заказал специально для меня. Теперь я вооружена вдвойне.

Я остался на обед, но сразу после этого уехал, желая поскорее узнать, не писал ли мне Адамс. Перед отъездом я попросил Марджори не бывать в лесу вокруг дома одной хотя бы несколько дней. Сперва она колебалась, но наконец согласилась не выходить до моего приезда вовсе — «чтобы угодить тебе», прибавила она. Я ответил, что, поскольку я приеду на завтрак следующим же утром, заточение не продлится долго.

Спросив о телеграммах на почте, находившейся в здании гостиницы, я узнал, что в кофейной комнате меня ожидает джентльмен. Я сразу вошел туда и застал Сэма Адамса за чтением вчерашней газеты. Увидев меня, он вскочил и тут же заговорил:

— Я поспешил сюда, чтобы сообщить о новых сведениях. Сегодня ничего определенного еще нет, но в Вашингтоне надеются узнать подробности к завтрашнему вечеру. Будь начеку, старина!

Я поблагодарил его, хотя и не удержался от мысли, что ради этого не стоило утруждаться и

приезжать — можно было просто послать телеграмму. Впрочем, вслух я этого не сказал: мои сомнения могли подождать.

Сэм пил со мной чай, потом мы выкурили по сигаре на небольшой террасе перед гостиницей. У стены через дорогу, как заведено в этот час, сидели и стояли рыбаки и рабочие, еще трое слонялись рядом — по всей видимости путешественники, дожидавшиеся подачи чая. Стоило нам пройти мимо них, как они тут же зашли в кофейную комнату. Все трое были внимательными и настороженными, и я мельком удивился: что это они делают в Крудене без сумок для гольфа? Сэм не стал задерживаться и сел на поезд до Абердина, отбывающий в восемнадцать десять.

Не могу сказать, что той ночью спалось легко. Я ворочался, воображая все новые опасности для Марджори, а когда наконец уснул, видел их во сне. Встал я рано и после скорой поездки на велосипеде явился в Кром к завтраку.

До полудня времени оставалось еще много, и Марджори показала мне дом. Тот представлял немалый интерес, поскольку хранил отпечатки последних дней правления королевы Елизаветы в той части страны, где всегда приходилось быть готовым к войнам и распрям. Замок приготовили

к осаде, вплоть до источника воды — огромной глубины колодца в подземелье под той частью замка, которая называлась главной башней. Впрочем, в обыденной жизни им не пользовались, поскольку имелся другой. В подземелье были цепи, оковы и даже пыточные инструменты, покрытые ржавью веков. Мы надеялись, их никогда не применяли по назначению. Марджори утешала себя мыслью, что во время постройки их привезли в качестве обязательной обстановки средневекового замка. Особый интерес представляла одна комната — библиотека. Строили ее не для хранения книг, поскольку здесь не было освещения, — должно быть, ее приспособили к этой цели вскоре после возведения замка. Отделка из резного дуба была начала XVII века. У меня не хватило времени ознакомиться с книгами, и нигде не нашлось каталога, но судя по тому, что я успел увидеть, библиотеку наверняка собирал ученый или энтузиаст.

В ходе экскурсии Марджори показала и заколоченные, и запертые комнаты. У нее они вызывали неутолимое любопытство. Комнат и так было вдесятеро больше, чем ей могло понадобиться, но эти казались неведомыми и запретными. Все-таки она женщина, так что для нее они были

и Древом Познания, и комнатой Синей Бороды — два в одном. Ее так переполняло любопытство, что я спросил, не может ли она добиться у агента разрешения обойти закрытые части, чтобы удовлетворить свой интерес. Она ответила, что уже спрашивала об этом, прямо в день приезда, и услышала, что это невозможно без разрешения владельца, но, поскольку его скоро ожидают в Шотландии, ему направят просьбу и мгновенно передадут ответ ей. Как раз пока мы обсуждали эту тему, миссис Джек пришла телеграмма от агента с сообщением о том, что владелец уже приехал и с удовольствием дает необходимое разрешение, а также будет премного обязан, если жилицы любезно позволят ему однажды наведаться в дом, которого он не видел уже много лет. Мы тут же написали ответную телеграмму от имени миссис Джек, поблагодарив его и приглашая в любое удобное ему время.

Мне не терпелось узнать новости от Адамса. Мы распрощались у ворот, и я поехал обратно на велосипеде. Перед тем как покинуть замок, я попросил Марджори продлить ее обещание не выходить одной, и она уступила: «Но только чтобы угодить тебе», — сказала она на сей раз.

Я обнаружил, что Адамс писал мне в шесть

часов: «Важные новости. Приезжай немедленно». Если поспешить, еще можно было успеть на поезд, поэтому я вскочил на велосипед и приехал на вокзал как раз вовремя.

Адамса я нашел в его номере в «Пэласе», где он метался от стены к стене, как пантера в клетке. Стоило мне появиться, как он бросился ко мне и затараторил, вручая записку:

— Читай — это перевод шифрованной телеграммы. Я уж думал, ты не приедешь!

Я взял телеграмму с упавшим сердцем: никакие срочные новости не могли быть хорошими, а плохие неизбежно касались бы Марджори. Я дважды перечитал телеграмму, прежде чем уловил ее смысл. Она гласила:

> «Секретная служба считает, что заговорщики планируют похищение Дрейк с целью выкупа. Это банда, похитив-

шая тело Стюарта[37]. Пользуются, как марионетками, испанцами и другими иностранцами. Главы заговора — в Европе: в Испании, Англии, Голландии. Ждите новых подробностей. Примите все меры предосторожности».

— Что думаешь? — спросил Адамс, когда я оторвал взгляд от бумаги.

— Пока не знаю. А ты что думаешь? У тебя было больше времени это осмыслить, чем у меня.

— То же, что думал всегда. Дело нешуточное, совсем нешуточное! В чем-то телеграмма принесла и облегчение. Если за этим стоит банда похитителей, дело уже не в политической мести, а только в выкупе — значит, внезапное покушение на жизнь ей не грозит. Банда сделает все, чтобы не убивать курицу, несущую золотые яйца. Но политические сорвиголовы, которые отважи-

---

[37] Примечания: 37

По всей видимости, имеется в виду дело 1878 года о похищении в Нью-Йорке тела Александра Стюарта. Александр Стюарт до сих пор остается седьмым по состоятельности американцем в истории; его тело было похищено из могилы вместе с серебряной табличкой на гробе. Газеты подняли большую шумиху, но похитители не предъявили никаких требований, и дело так и не было раскрыто. По прошествии лет в газетах напечатали, что пожилая вдова втайне заплатила выкуп неким похитителям и заново захоронила тело (могила существует и по сей день), но подтверждений этой истории нет — возможно, ее придумали для сохранения репутации семьи.

лись бы на такое предприятие, — люди жесткие; если на их стороне сила или хотя бы численное превосходство, отбиться от них будет непросто. Возможно и то, что они все же ведут свою игру, но пользуются похитителями в своих целях. Я тебе говорил, старина, положение опасное — и действовать следует весьма осмотрительно. Все так переменчиво, шаг в сторону — и победят не те. К слову, как я понимаю, ты не изменил своего мнения о пожеланиях мисс Дрейк.

— Никогда! Но, как можешь догадаться, мне не терпится знать все, что поможет ее защитить.

К некоторому моему удивлению, он добродушно ответил:

— Хорошо, старина, конечно, я расскажу, но я рассчитываю, что и ты сообщишь все, что вправе сообщить, чтобы помочь в моем деле.

— Разумеется! И кстати, — добавил я, — надеюсь, ты не против, что я не сказал тебе ее адрес.

— Ничуть! Просто придется выяснить его самому, только и всего.

В его голосе слышалось удовлетворение, если не торжество, и я призадумался.

— Так, значит, ты уже его знаешь? — спросил я.

— Еще нет, но надеюсь узнать до конца дня.

— У тебя есть подсказка?

Он рассмеялся.

— Подсказка? Сотни. О чем ты, мы же с тобой не вчера родились. На божьем свете нет того, что не послужит подсказкой, если воспользоваться этим с умом. Ты и сам подсказка, если на то пошло.

В один миг я понял все. Адамс приезжал в Круден, чтобы показать меня своим сыщикам. Вот кем были те настороженные люди. Разумеется, они проследили за мной, и секрет Марджори уже не являлся секретом. Какое-то время я молчал, сперва разозлившись, что Адамс использовал меня. Затем во мне столкнулись два чувства: опасение, что мое невольное предательство повредит мне в глазах Марджори, и облегчение, что теперь она в какой-то мере защищена силами своей великой страны. Все же мне было спокойнее на душе при мысли о том, что за ней приглядывают те внимательные, настороженные люди. Да и Адамс не сделал ничего такого, в чем я мог бы его упрекнуть. Никаких сомнений, что я сам поступил бы так же. Меня, впрочем, уязвило, с какой детской легкостью ему это удалось. Мне и в голову не приходила такая возможность. А если я не смог лучше строить планы и заметать следы, плохой из меня выйдет союзник Марджо-

ри в борьбе с неведомым врагом, на которую она добровольно пошла.

Перед уходом я сказал Адамсу, что вернусь завтра вечером. Я лег пораньше в «Пэласе», рассчитывая успеть на первый поезд в Круден.

Глава XXIV. Хитрый план

Теперь я всерьез задумался, как поговорить с Марджори, при этом ничего не испортив и не предав доверия Адамса. В ходе размышлений у меня крепло убеждение, что лучше просто быть честным и спросить ее же совета. Соответственно, встретившись с ней в Кроме в полдень, я заговорил об этом, хотя, признаюсь, не без трепета. Когда я сказал, что хочу спросить совета, она вся обратилась в слух.

Нервничая, я начал:

— Марджори, когда человек в затруднении, ему лучше посовещаться с лучшим другом, верно же?

— Разумеется!

— А ты мой лучший друг, верно?

— Надеюсь! Очень хотелось бы так думать.

— Тогда послушай, дорогая, я попал в такой переплет, что не вижу никакого выхода, и прошу тебя о помощи.

Должно быть, она отчасти угадала причину моего «переплета», потому что во время ответа на ее лице мелькнула слабая улыбка.

— Все те же неприятности? Дипломатия Сэма Адамса, да?

— Совершенно верно. Я хочу спросить, как, по-твоему, мне поступить, чтобы причинить как можно меньше боли очень дорогому мне другу и в то же время исполнить важнейший долг. Вдруг ты увидишь выход, какого не вижу я.

— Продолжай, дорогой, я слушаю.

— С нашей прошлой встречи я получил очень тревожные известия из источника, который не вправе называть. Я могу их тебе рассказать, только не спрашивай, откуда мне все это известно. Но сперва кое-что еще. Я уверен, хотя и не наверняка, что твой секрет раскрыт: детективы знают, где ты проживаешь.

Она тут же выпрямилась.

— Что?!

Я быстро продолжил:

— И жаль признаваться, но если он раскрыт, то из-за меня — хотя, разумеется, не по моей воле или умыслу.

Она накрыла мою ладонь своей и успокоила:

— Если в этом участвовал ты, я смогу взглянуть на дело иначе. Можно узнать, как тебя впутали?

— Конечно! Здесь я не связан словом. А причина простейшая и прозрачнейшая. Нас с тобой

видели вместе. Потеряв твой след, они не знали, где тебя искать, зато знали меня и следили за мной. Вуаля!

Ответила она только:

— И в самом деле просто! — И через некоторое время спросила: — Тебе известно, как далеко они зашли в своих поисках?

— Нет. Я только знаю, что они ожидали найти твое укрытие еще два дня назад. Полагаю, к этому времени им это удалось.

— Слишком уж Сэм Адамс умен. Того гляди назначат президентом, олдерменом[38] или еще кем почище, если не поостережется. Но знаешь ли ты, почему они так из-за меня утруждаются?

— Я могу рассказать, — ответил я, — но только ты не говори никому, чтобы больше никого не подвергать опасности. Тебя планирует похитить преступная банда ради выкупа.

Она подскочила от возбуждения и захлопала в ладоши.

— О, очаровательно! — воскликнула она. — Расскажи все, что знаешь. Вдруг удастся поводить их за нос. Вот будет потеха!

Я никак не мог разделить ее веселья: дело было

---

[38] Примечания: 38

Олдермен (буквально в переводе с англ. «старейшина») — член местного управляющего учреждения во многих округах США.

слишком серьезное. Она заметила выражение моего лица и замолчала. Задумалась на минуту-другую, наморщив лоб, и затем сказала:

— Арчи, ты не преувеличиваешь угрозы?

— Дорогая, в заговоре негодяев всегда кроется угроза. Мы должны их бояться, потому что не знаем, сколько их и на что они способны. Не представляем их метода, где и когда ожидать удара. Все это тайна, покрытая мраком. Атака произойдет только с одной стороны, но мы-то должны защититься со всех.

— Но послушай: это всего лишь угроза.

— Угроза тебе, — угрожай они мне, я бы и сам посмеялся. Но, милая моя, помни: мой страх рожден из любви к тебе. Будь ты мне никем, я бы, пожалуй, пережил это легче. Позволив мужчине любить себя, Марджори, ты взяла на себя новую ответственность. Перед тобой его сердце, поэтому ступай осторожней.

— Я же могу на него не наступать? — развила она метафору. — Если мое чутье и говорит об угрозах, то об угрозе твоему сердцу!

— Ах, милая моя, но оно не стоит на месте. Оно следует за тобой, куда бы ты ни шла; скачет вперед-назад и из стороны в сторону. Как ни берегись, рано или поздно ты на него наступишь, в

темноте или средь бела дня.

— Я и не представляла, — сказала она, — что приняла на свои плечи такую ношу, когда сказала, что выйду за тебя.

— Беда не в замужестве, — отвечал я, — а в любви!

— Ясно! — Она ненадолго замолкла. Потом повернулась ко мне и нежно произнесла: — Арчи, как бы мы ни решили поступить, я рада, что ты пришел за советом ко мне и честно признался в своем затруднении. Делай так всегда, любовь моя. Так лучше для тебя и так лучше для меня — знать, что ты мне доверяешь. Сегодня ты подарил мне неописуемое удовольствие.

Потом мы поговорили о другом и наконец условились дождаться следующего дня, прежде чем разработать план действий. Перед моим уходом, расчувствовавшись из-за расставания, она сказала (и я видел, что это давно уже у нее на уме):

— Арчи, мы с тобой будем жить вместе, как муж и жена. Ведь правда? Думаю, нам обоим хочется сблизиться так, как только могут мужчина и женщина — плоть от плоти, кость от кости, душа от души. Не думаешь ли ты, что мы станем еще ближе, если встанем вместе против всех бед? Мы знаем друг друга совсем недолго, но увидели друг

в друге достаточно, чтобы держаться вместе до конца жизни. Однако, дорогой мой, покуда это было только желание — теперь должна последовать борьба за это. Будь же един со мной в этой борьбе. Моя борьба, похоже, началась даже раньше, чем я тебя узнала. Когда придет время твоей борьбы — а я вижу, она тебя уже ждет, и имею в виду сокровище, — ты можешь рассчитывать на меня. Возможно, мне так только кажется, но дружба первопроходцев Америки, когда мужчины и женщины сражались плечом к плечу против общего врага, у меня в крови! Так дай мне почувствовать, прежде чем я отдамся без остатка тебе, а ты — мне, что между нами та же дружба; от этого любовь станет вдвое дороже!

Что на это сказать влюбленному? Мне это казалось самой сутью супружеской любви и оттого было вдвое дороже для меня. Мы скрепили клятву поцелуями, и я ушел, чувствуя, что на самом деле оставляю позади жену.

Вернувшись в Круден, в ожидании весточки от Адамса я взялся за загадку сокровищ. В гуще событий последних дней она практически вылетела у меня из головы. Я снова перечитал бумаги, чтобы освежить факты в памяти; проверил шифр, чтобы не растерять навык. Пока я возился с ним, мне

вспомнилась нежность Марджори в тот день поездки из Бремора, и, читая, я поймал себя на том, что машинально выстукиваю пальцами на столе символы по шифру Марджори. Дочитав, я сидел задумавшись, и передо мной вставали все новые его вариации в виде последовательной цепочки — когда разум свободно витает в облаках и одна идея тянет за собой другую. Я не был спокоен, потому как теперь жил в ожидании какого-нибудь письма или телеграммы тревожного свойства; переживания стали для моего действующего воображения привычным фактором. Перед глазами плыли самые разные возможности, по большей части — в связи с Марджори. Радовало хотя бы то, что мы придумали общий метод тайной коммуникации; я решил, что, когда отправлюсь в Кром на следующий день, привезу бумаги с собой, чтобы возобновить с Марджори нашу учебу и практиковаться, пока мы не заучим шифр.

Тут мне сообщили, что меня хочет видеть некий джентльмен, и я велел служанке пригласить его. Не думаю, что особенно удивился, увидев перед собой одного из той троицы, которую уже замечал в Крудене. Джентльмен молча вручил мне письмо — как оказалось, от Адамса. Я прочитал его с упавшим сердцем. В нем говорилось, что

им удалось подтвердить прибытие в Англию двоих из банды похитителей. Видели, как они высадились в Дувре, но затем их след затерялся между Дувром и Лондоном. Адамс советовал не терять бдительности. Как я понял, он уже сам предпринял некие шаги. Посланец, увидев, что я дочитал письмо, спросил, не будет ли ответа. Я сказал: «Только благодарность» — и он ушел. Лишь потом я сообразил, что мог бы спросить о внешности подозреваемых, чтобы узнать их при встрече. И снова я упал в своих глазах как компетентный сыщик.

Тем временем ничего другого мне не оставалось: из-за последней просьбы Марджори я не мог принять никаких мер без ее ведома. Она явно рвалась в схватку с похитителями и хотела, чтобы я поддержал ее сердцем и душой. Хоть меня и прельщало это единство целей, наша самодостаточность порождала и опасность — бесконечную вереницу опасностей. Осложнения разрастались такими темпами, что невдолге нам нельзя будет ступить и шагу. За Марджори будут следить всеми силами и со всей целеустремленностью американской Секретной службы. Было очевидно, что уже скоро Марджори об этом неминуемо узнает и предпримет побег любой ценой. Если ей

удастся вырваться из-под тайного наблюдения, она сыграет на руку врагам, а значит, навлечет новую опасность. Я бился над тем, как лучше угодить ее пожеланиям. Если нам предстояло сражаться вместе и без внешней помощи, нужно сделать все для победы.

Я все думал, и думал, и думал, пока голова не пошла кругом, и тут меня посетила мысль. Да такая простая и согласная с моими собственными пожеланиями, такая замечательная, что я чуть не вскрикнул от удовольствия.

Не теряя ни минуты, я собрал вещи и сел на поезд через Абердин в Лондон.

Я не тратил времени даром. Уже на следующее утро я встретился в Лондоне со своим стряпчим в юридической коллегии «Докторс-Коммонз». Там я получил лицензию архиепископа Кентерберийского на свадьбу Арчибальда Хантера и Марджори Аниты Дрейк в любом месте Англии — в Шотландии такая лицензия не действовала. Я тут же вернулся, по дороге задержавшись в Карлайле, чтобы договориться с местным священником о свадьбе в восемь часов следующего утра.

Глава XXV. Индуктивное умозаключение

Думаю, Марджори заподозрила, что у меня на уме что-то странное, потому что стоило мне утром войти в комнату — и она, уже привычно для меня, приподняла брови и наморщила лоб, как делала всегда, когда раздумывала. Она положила обе руки так, чтобы их не видела миссис Джек, и подняла пальцы в следующей последовательности: левый указательный палец, правый средний, левый мизинец, правый мизинец, левый большой, правый безымянный, правый указательный, левый большой, правый указательный — таким образом сказав «подожди»[39] в своей вариации двухбуквенного шифра. Я понял намек, и мы принялись болтать о пустяках. Наконец она отвела меня наверх, в длинную обшитую дубом комнату. Здесь мы остались наедине; со своего места на подоконнике, в конце комнаты, противоположном от входа, мы бы издалека завидели посторонних. Так мы были уверены, что

[39] Примечания: 39
Wait (*англ.*).

нас не подслушивают.

Марджори устроилась поудобнее в гнезде из подушек.

— А теперь, — произнесла она, — рассказывай!

— О чем? — спросил я, шутя с ней.

— О новостях, которые тебе не терпится передать. Погоди! Я сама угадаю. Ты в приподнятом настроении, значит, это не плохие новости; но раз это новости и они не плохие, значит, они хорошие — по крайней мере, с твоей точки зрения. Ты ликуешь, а значит, это касается чего-то личного — для этого ты достаточный эгоист. Уверена, ты бы так не сиял из-за любых финансовых или официальных дел вроде поимки похитителей. А значит, раз это личное и у тебя больше обычного гордый вид… Дай подумаю… А! — Она в замешательстве осеклась, и ее лицо и шею залило румянцем. Я ждал. Меня слегка пугала безошибочная точность, с которой она меня раскусила; зато она быстро и действенно подготовила почву для моего предложения. После паузы она добавила тихим голосом: — Арчи, покажи, что у тебя в кармане жилета.

Настал мой черед слегка покраснеть. Я достал шкатулочку, где лежало золотое кольцо, и протянул ей. Она приняла ее с восхитительной

нежностью и раскрыла. Должно быть, она ожидала кольцо с камнем, какое дарят на помолвку, но при виде гладкого золотого, предназначенного для венчания, у нее вырвалось восклицание, и она закрыла шкатулку и зажала ее в руке, покраснев, как закат. Я почувствовал, что время пришло.

— Сказать? — спросил я, заключив ее в объятья.

— Да! Если желаешь, — ответила она тихо. — Но я слишком удивлена, чтобы думать. Что все это значит? Я думала, это… это последует только потом, когда мы назначим время… для… этого!

— Зачем откладывать, дорогая Марджори!

Поскольку она промолчала, хотя и смотрела на меня с томлением, я продолжил:

— Я составил план и думаю, ты его одобришь. Я имею в виду — в целом, даже если тебе не угодят частности. Что скажешь о побеге от слежки и от полиции, и от всех остальных? Ты уже пряталась раньше — так почему бы не спрятаться снова, когда собьешь их со следа? И я спланировал небольшой маневр, чтобы хотя бы попробовать улизнуть от этих господ.

— Хорошо! — сказала она заинтересованно.

— Итак, первым делом, — продолжил я, занерв-

ничав, когда подошел непосредственно к самой теме, — ты не думаешь, что стоит предотвратить пересуды о нас?

— Боюсь, я не совсем понимаю!

— Что ж, суди сама, Марджори. Что бы ни случилось, мы встретим это вместе; если мы решимся на побег, вокруг до него будет много внимательных глаз, а после — развязанных языков, расспросы и проверки на каждом шагу. Нам придется уехать вдвоем, нередко бывать наедине или в странных обстоятельствах. С тайной нельзя сражаться в открытую, сама понимаешь; и невозможно обескуражить обученных сыщиков, уже взявших тебя под колпак, попросту дерзко от них скрывшись.

— Это так, но, чтобы это понять, незачем ломать голову.

— Что ж, я предлагаю немедленно пожениться. И тогда уже никто не сможет раздуть скандал, что бы мы ни делали и куда бы ни пошли!

Я бросил жребий и почувствовал, как меня покидает смелость. Я ждал ее ответа. Некоторое время она молчала, потом тихо промолвила:

— Не бойся, Арчи, я лишь обдумываю твое предложение. Я обязана подумать: оно чересчур серьезное и чересчур внезапное, чтобы решать

сгоряча. Но я рада, что ты проявил твердость характера и направил обстоятельства в угодное тебе русло. Это хороший знак!

— Ты иронизируешь!

— Только слегка. Или ты не согласен, что у меня есть повод?

Она еще не пришла к решению, чему, конечно, не следовало удивляться. Последние сутки я нескончаемо обдумывал этот вопрос и не упустил никаких контраргументов; тому порукой был мой страх перед отказом. Но теперь, чуть ли не ожидая отрицательного ответа, я небезосновательно ощутил тень тревоги. Но я так упорно стремился к своей цели, что был готов развеять все ее сомнения. Поскольку было очевидно, что она — вполне ожидаемо — сочла, будто я делаю предложение в порыве страсти, я попытался показать сколько мог свое уважение к ее пожеланиям. Во всяком случае, я почему-то всегда считал убедительную речь своей сильной стороной — пожалуй, это чувствовала и она.

— Я думаю не только о себе, дорогая Марджори — или, по крайней мере, стараюсь. Я думаю и о тебе, и, чтобы это доказать, позволь предложить только формальную церемонию. Позже — тогда, и только тогда, когда ты решишь сама, — мы

можем устроить настоящую свадьбу, где и как пожелаешь: с цветами, с подружками невесты, со свадебным тортом и всем прочим. Мы можем по-прежнему оставаться друзьями, даже если нас обвенчают в церкви; и преданно обещаю, что, пока ты не будешь готова, я не стану требовать от тебя доказательств любви — не больше, чем сейчас. А значит, я немногого прошу.

Моя дорогая Марджори согласилась сразу же. Возможно, ей и самой понравилась мысль о безотлагательной свадьбе — ведь она любила меня, а надежды всех возлюбленных отмечены печатью одержимости: «Время тащится на костылях, пока любовь не исполнит всех своих обрядов»[40].

Но так или иначе, а она мне доверилась. Прильнув ко мне и вложив обе ладони в мои, она сказала с кроткой застенчивостью, в которой таилась нежность:

— Пусть будет по-твоему, Арчи! Сердцем я уже твоя, и я готова отправиться в церковь, когда пожелаешь.

— Помни, дорогая, — возразил я, — лишь ради тебя и стараясь следовать твоим желаниям, я предложил оставаться пока только друзьями. Что

---

[40] Примечания: 40

Уильям Шекспир «Много шума из ничего» (пер. Т. Щепкиной-Куперник).

касается меня, я бы рад пойти к алтарю — по-настоящему — хоть сейчас.

Вновь поднялся ее предостерегающий палец, и она ласково сказала:

— Все это я знаю, дорогой, и не забуду, когда придет время. Но как нам готовиться к… свадьбе? Она пройдет в церкви или в канцелярии? Пожалуй, в наших обстоятельствах это и неважно — если настоящая свадьба ждет потом. Когда ты желаешь ее устроить и где?

— Завтра!

Она слегка вздрогнула, пробормотав:

— Так скоро! Я и не думала, что так скоро.

— Чем скорее — тем лучше, если мы хотим воплотить наши планы, — ответил я. — Все уже готово, видишь?

Я протянул ей лицензию, которую она прочла с радостным блеском в глазах и нежным румянцем.

Когда она дочитала, я сказал:

— Я договорился со священником церкви Святой Хильды в Карлайле — он ждет нас к восьми часам завтрашнего утра.

Сперва она сидела в молчании, затем спросила:

— И как ты предлагаешь мне добраться туда

незаметно для сыщиков?

— Это и будет наш экспериментальный побег. Я предлагаю улизнуть в маскировке. Конечно, тебе надо попросить миссис Джек и хотя бы одного слугу притвориться, будто ты все еще дома. Почему бы не сделать вид, что ты не выходишь из комнаты из-за мигрени? Тогда еду бы тебе приносили в постель, а домашняя жизнь продолжалась своим чередом.

— И что за маскировку ты задумал?

— Пожалуй, лучше всего тебе одеться мужчиной.

— О, какая потеха! — воскликнула она, но тут же опечалилась: — Только где взять мужское платье? Времени совсем нет, если нужно быть в Карлайле уже завтрашним утром.

— Об этом не переживай, дорогая. Мужской наряд уже идет к тебе почтой. Скоро он будет здесь. Боюсь, придется рискнуть и одеться без примерки. Впрочем, ткань плотная, поэтому сесть должно хорошо.

— Что за наряд?

— Слуги, лакея. Я подумал, так проще всего избежать подозрений.

— Подойдет! О, как волнующе! — Она вдруг замолчала, а потом сказала: — А как же миссис

Джек?

— Она сегодня поедет в Карлайл — в небольшую гостиницу в стороне от дороги. Я снял комнаты поблизости от вокзала. Поначалу я боялся, что ей с нами нельзя, но, хорошенько все обдумав, пришел к выводу, что без нее ты можешь не согласиться. А кроме того, тебе захочется быть рядом с ней сегодня ночью, в незнакомом месте.

— Но как мне еще раз переодеться? Не могу же я выходить замуж лакеем — и не могу войти в незнакомую гостиницу лакеем, а выйти уже девушкой.

— Все продумано. Выехав, ты встретишь меня с велосипедом в лесу по дороге к Эллону. Отправляться тебе придется в половине шестого. Никто не обратит внимания, что у тебя дамский велосипед. Ты приедешь в Уиннифолд, где найдешь платье, куртку и кепку. Это лучшее, что я смог раздобыть. Мы вместе поедем в Абердин, тем самым сократив шансы быть замеченными. Там сядем на восьмичасовой поезд в Карлайл, куда прибудем без четверти два. Миссис Джек уже будет наготове с платьем, которое ты выберешь на завтра.

— О, как же все это смутит и озадачит бедняжку! Повезло, что ты ей нравишься и она тебя одобри-

ла, иначе, боюсь, она никогда бы не согласилась на такое безрассудство. Но погоди-ка! Не покажется ли нашим друзьям снаружи странным, если из замка уедет лакей и так и не вернется?

— Ты вернешься завтра, поздно вечером. Миссис Джек к тому времени уже будет дома — она займет слуг чем-нибудь в другой части замка, и ты войдешь незамеченной. К тому же сыщики наверняка держат дозор посменно — на посту уже будут другие. Так или иначе, если они не сочтут отъезд лакея достаточно важным, чтобы проследить за ним, то не всполошатся и из-за его возвращения.

Все это казалось Марджори разумным; мы еще раз обсудили план и продумали сотню деталей. Их она записала для миссис Джек и в помощь своей памяти, когда придется исполнять план самостоятельно.

Уговорить миссис Джек оказалось посложнее, но оттаяла и она. Почти до самого конца нашей беседы она настаивала, что не видит нужды ни в спешке, ни в таинственности. Убедила ее только Марджори, сказав:

— А вы хотите, чтобы снова поднялась суматоха, как в Чикаго? Вы же одобряете мой брак с Арчи? Что ж, я так устала от предложений и всего

с ними связанного, что если не выйду замуж сейчас, то не выйду вовсе. Дорогая моя, я хочу выйти за Арчи; вы же знаете, что мы любим друг друга.

— Ах, это-то я знаю, дорогие мои!

— Ну так помогите нам — и потерпи́те секретность недолго.

— Я готова, дитя мое, — сказала она, утирая слезы в уголках глаз.

На том и порешили.

Глава XXVI. Весь свадебный день

Удача была на нашей стороне. Миссис Джек, взяв только платяной чемодан и пару свертков, в тот же день отправилась поездом из Эллона в Абердин. Перед этим она во всеуслышание посетовала, что ехать приходится одной, поскольку мисс Марджори не может выйти из комнаты. Около пяти часов я ждал в лесу, как и было условлено; приблизительно через полчаса ко мне присоединилась Марджори в ливрее лакея. Ливрею мы сменили на фланелевую куртку из моей сумки и спрятали в лесу. Так мы стали менее заметны. На Уиннифолде мы были чуть позже шести, и Марджори переоделась в приготовленный наряд у меня дома. Долго ее ждать не пришлось, и вот мы уже летели в Абердин. Прибыв незадолго до восьми, мы успели на почтовый поезд и добрались в Карлайл в десять минут второго. В гостинице нас уже поджидала, вся изведясь, миссис Джек.

Рано утром мы были готовы, и в восемь часов вместе отправились в церковь Святой Хильды, где, как мы и договорились, нас ждал священник. Покончив со всеми формальностями, мы с Мар-

джори стали мужем и женой. Как же прелестна она была в простом белом платье! Как нежно и торжественно держалась! Мне это все виделось сном о бесконечном счастье, и я каждое мгновение боялся проснуться и обнаружить вместо сна мрачную действительность, полную боли, или ужаса, или невыразимой заурядности.

Вернувшись в гостиницу к завтраку, мы не стали притворяться, будто это свадебный пир. У нас с Марджори были свои роли, и мы — по крайней мере, я — хотели сыграть их как следует. Марджори старательно учила миссис Джек, как ей полагается себя вести, и, хоть порой она окидывала нас романтичным взглядом, рот держала на замке.

Сделав кое-какие покупки, мы сели на поезд в 12:53 и прибыли в Абердин к 18:20. Миссис Джек осталась ждать семичасовой в Эллон, где ее встречал экипаж. Мы с моей женой поехали на велосипедах к Уиннифолду через Ньюборо и Кирктон, чтобы избежать чужих глаз. Когда Марджори переоделась в нашем доме, мы направились в Кром. В лесу она снова натянула ливрею и оставила велосипед.

Перед расставанием она одарила меня такими поцелуями и объятьями, что во мне все запело.

— Ты хорошо себя вел, — сказала она, — но на сегодня роль мужа окончена!

И вновь она предостерегающе подняла палец — уже столь хорошо мне знакомый жест — и ускользнула. Дальше она в одиночку возвращалась в замок, а я тревожно ждал сигнала свистка, которым она бы позвала на помощь. Затем я поехал домой, чувствуя себя как во сне.

Оставив велосипед в гостинице, после легкого ужина я прошелся по пескам к Уиннифолду, задерживаясь у каждого места, что ассоциировалось с моей женой. Моя жена! Голова шла кругом: мне все еще не верилось, что это правда. Сев на Сэнди-Крейгс, я чуть вновь не вообразил себе фигурку Марджори на той одинокой скале. Казалось, это было очень давно, ведь с тех пор случилось так много всего.

Но с нашей первой встречи прошло всего каких-то несколько дней. События и в самом деле неслись стремглав. У нас не было передышки, не было времени на передышку. И вот я женат. Марджори — моя жена в горе и в радости, пока смерть не разлучит нас. Обстоятельства нас так сблизили, что мы казались не свежеиспеченной парой, не женихом и невестой, а давними друзьями.

И все же… Марджори находилась в Кроме, обло-

женная со всех сторон неведомыми опасностями, а я, ее муж, страдал совсем в другом месте, не имея даже возможности полюбоваться ее красотой или услышать ее голос. Да уж, далеко не свадебный день и не медовый месяц. Другие мужья могут остаться с женами, свободно уходить и приходить, когда пожелают, любить друг друга без ограничений. Почему же…

Я резко взял себя в руки. Уже ворчу, уже таю обиду. Я-то — сам и предложивший такое положение Марджори, своей жене. И она была моей — моей против всего мира. К ней моя любовь, перед ней мой долг. Мои сердце и душа в ее руках, и я верил ей во всем. Сегодня и в самом деле не свадебный день в обычном смысле этого слова. И не медовый месяц. Их время еще придет, когда наш восторг не будут сковывать обстоятельства. К тому же у меня достаточно поводов для радости. Марджори уже назвала меня мужем, поцеловала как мужа — нежность ее поцелуя еще ощущалась на моих губах. Если сидение сиднем, сентиментальные размышления и мрачные раздумья приносят что угодно, кроме любви и доверия, то чем раньше я займусь делом, тем лучше!..

Я тут же вскочил и по мысу дошел до дома, где разобрал ящик с инструментами, присланными

из Абердина, а затем приступил к раскопкам пещеры.

Для первой попытки я по многочисленным причинам избрал подвал. Во-первых, он уже находился на определенной глубине, поэтому и работы предстояло меньше, во-вторых, так мой труд сохранился бы в тайне. Готовя котлован под дом, рабочие дошли до скалы. В самом конце мыса Уитсеннан находилась низина в форме чаши, где тонкий слой почвы был глубже других мест. Здесь и вырыли подвал, не утруждаясь тем, чтобы взрывать или долбить скалу. Я разбил кайлом и снял немалый кусок бетона посреди подвала и уже в скором времени выгребал землю и песок между полом и скальным основанием. Я работал, пока не расчистил четыре-пять квадратных футов скалы, и тогда принялся за нее. Трудился я не покладая рук. Мне требовалась деятельность, бурная деятельность, чтобы утомить мышцы и удержать мысли от пучин сумрака и тлена.

Я не сразу наловчился в работе с инструментами. Легко воображать, как пленник выбирается из тюрьмы или крепости с помощью одной ложки. Но попробуй так в жизни — даже при самых благоприятных обстоятельствах и с лучшими орудиями придешь к выводу, что фантазиро-

вать — не камни колоть. У меня были новейшие американские устройства, в том числе бур, на который можно было опереться и сверлить не сутулясь, и запатентованная бриллиантовая дрель, прогрызавшая скалу с невероятной скоростью, не идущая ни в какое сравнение с неказистыми орудиями старины. Мой участок располагался на гнейсовой половине геологического раздела. Будь он на гранитной — моя скорость была бы совсем другой.

Я потел час за часом, усталость приходила и уходила. В сон не тянуло — во мне загорелось рвение, не дававшее покоя. Когда я останавливался, чтобы расслабить натруженные мускулы, тут же возвращались мысли о том, что ночь могла пройти совсем иначе… И я снова яростно бросался на скалу. Наконец я потерял счет пролетающим часам; о времени напомнило мерцание гаснущего фонаря. Распрямившись, я в досаде увидел, сколь малого добился. Снят слой скалы толщиной в несколько дюймов — и только.

Поднявшись по лестнице из подвала и заперев за собой дверь, я заметил, что в окна сочится серое сияние рассвета. Где-то в деревне закукарекал петух. Когда я ступил за порог, чтобы вернуться в гостиницу, восток оживал от красок грядущего

дня. Вот так прошла моя брачная ночь.

Когда я возвращался в Круден через пески, сердце щемило от беспримесной любви к далекой супруге, и первая красная полоса зари над морем осветила на моем лице лишь надежду.

Вернувшись в номер, я обессиленно упал в постель. В тот же миг я заснул и видел сны о своей жене, обо всем, что было, и обо всем, что будет.

Марджори придумала, как устроить, чтобы по меньшей мере всю следующую неделю наезжать с миссис Джек в Круден и обедать в гостинице: моя жена решила учиться плавать. В учителя назначался я, и я горел желанием приступить к делу. Она была способной ученицей, к тому же сильной и изящной, не чуждой физическим упражнениям, и нам обоим пришлось легко. Имевшаяся подготовка только упростила дело. Не прошло и недели, а она уже справлялась так хорошо, что требовалось лишь больше практики, чтобы превратить ее в хорошую пловчиху. Все это время на публике мы общались как знакомые — и не больше; мы со всевозможной тщательностью следили, чтобы никто не заметил ни намека на близость между нами. Оставаясь наедине, что случалось редко и ненадолго, мы, как прежде, были хорошими друзьями, и я ни в коем случае

не навязывал ей своих чувств. Поначалу трудно было удержаться, ведь я влюбился в жену без памяти, но я держал себя в руках согласно данному мною слову. Скоро меня осенило, что это самое послушание и есть лучший путь к цели, добиться которой я мечтал. Марджори так ко мне привыкла, что вела себя свободней прежнего, вознаграждая стократно против того, что я ожидал. К тому же я с невыразимой радостью видел, как день ото дня растет ее любовь: прежняя осторожная дружба — «временная»! — сходила на нет.

Всю эту неделю, когда Марджори не было рядом, я трудился в подвале на мысе Уиннифолд. Наловчившись обращаться с инструментами, я добился большего, и отверстие в скале уже приобрело внушительный вид. Однажды, выйдя после дня работы на свежий воздух, я обнаружил, что на камне, привалившись к углу дома, сидит Гормала. Она пристально посмотрела на меня и сказала:

— Копаешь могилу?

Вопрос меня потряс. Я и не знал, что кто-то подозревает, что я чем-то занят в доме, — и даже о частых визитах сюда. Не говоря уже о том, чтобы кто-то догадывался о моих раскопках.

Прежде чем ответить, я на миг задумался.

— Что ты имеешь в виду?

— Ха! Да думаю, ты и сам отменно знаешь. Мне не так легко задурить голову, как кажется. Слишком уж часто я слыхала звон по камню, несмотря на стены. А я-то дивилась, на кой ты возвращаешься в этот жуткий дом, отослав свою голубку. Да, она голубка, хоть и больно жестока к старости. Ну что ж! Судьбы делают свое дело, каким бы оно ни было. А я буду держать дозор, чтоб быть поблизости, когда придет конец!

Спорить с ней было бесполезно, а кроме того, что бы я ни сказал, я бы лишь усилил ее подозрения. А мне только подозрений и не хватало.

На следующее утро Гормала бродила по мысу, и на следующее, и на послеследующее. Днем я никогда ее не видел, но вечером ее, как правило, можно было найти на утесе над Рейви-о-Пиркаппис. Я радовался одному: она, похоже, не догадывалась, над чем я работаю.

Однажды я спросил, чего она дожидается. Она ответила, даже не взглянув на меня:

— Быть борьбе с приливом во тьме да савану, парящему в воздухе! Когда будет следующая смерть, и луна, и прилив, я узрю Тайну Моря!

Услышав это, я весь похолодел. То же она предсказывала Марджори — и теперь ждала, когда ее

пророчество сбудется.

Глава XXVII. Вход в пещеру

Однажды ночью, заметно углубившись в толщу земли, я взялся за кайло, чтобы расшатать просверленный камень. Звук после удара оказался более гулким, чем раньше. Я замер с колотящимся сердцем. Затем ударил сильнее — звук отдался еще гулче. Та или не та, но в скале подо мной находилась пещера. Будь со мной помощник, я бы тут же снова вгрызся в камень, но в одиночестве мне приходилось думать о безопасности. Сейчас я, очевидно, стоял на тонком слое над пространством, размеры которого не представлял и приблизительно. Рухни свод — что было вполне возможно под моим неустанным натиском, — и я бы провалился в собственный склеп. Сама секретность, в которой я трудился, гарантировала гибель. Следовательно, требовалось предусмотреть подобный случай.

Итак, я опоясался короткой веревкой, закрепив конец на прочной скобе в стене. Пускай теперь скала проваливается — падение прервется через фут-другой. Приняв меры предосторожности, я начал трудиться пуще прежнего. Я бил большим

молотом по дну своей шахты, раз за разом, со всей силы. Затем услышал гулкий рокот — подо мной затрещал свод пещеры. Я удвоил усилия — и вмиг кусок скалы провалился под молотом и пропал в черной расщелине, откуда тянуло холодным воздухом. Боясь задохнуться, я схватился за веревку, чтобы выбраться, но, когда я почуял соленую воду, страх оставил меня. Теперь я знал, что попал в морскую пещеру. Я продолжал работу, пока не проделал неровное отверстие размером около трех квадратных футов. Затем поднялся отдохнуть и подумать. Я спустил в отверстие веревку с камнем на конце и узнал, что глубина составляет около тридцати футов. Перед тем как лечь на дно, камень опустился в воду. Я услышал «плюх», когда он коснулся поверхности. Решив не лезть туда в одиночку на случай, если какая-либо опасность помешает возвращению, оставшиеся до вечера часы я сооружал шкив на потолке над дырой, чтобы спуститься, когда придет время. Затем отправился в гостиницу: слишком уж боялся поддаться искушению любопытства.

После завтрака я поехал в Кром и, оставшись с Марджори наедине, рассказал о своем открытии. Она места себе не находила от любопытства, и я возрадовался, что это новое удовольствие сбли-

зило нас еще сильнее. Мы договорились, что она приедет мне помочь: ни к чему было посвящать в тайну посторонних, а она не желала и слышать, чтобы я совершал спуск в пещеру один. Мы решили, что ей следует прийти поздно вечером, чтобы избежать слухов. Поскольку в пещере стояла тьма, не было, конечно, большой разницы, ночью или днем назначать этот эксперимент.

Я не удержался и сказал:

— Теперь ты видишь, как мудро мы поступили, поженившись. Можем пойти, куда захотим, а если о нас и узнают, ничем не смогут попрекнуть!

Она промолчала: о чем тут было говорить? Мы решили, что ей лучше улизнуть, как раньше, в платье лакея. Я занялся приготовлениями к ее приезду: доставил в дом еду на ужин и в достатке свечей, спичек, ламп и веревок — ведь мы не знали, сколько часов займет исследование.

Незадолго до девяти я встретил ее в лесу, как и раньше. Она переоделась из ливреи во фланелевую куртку, и мы поехали на Уиннифолд. В дом мы попали никем не замеченные.

Когда я привел Марджори в подвал и направил в отверстие отражатель мощного фонаря, она прильнула ко мне с легкой дрожью. Проход в самом деле внушал страх: черный камень был

скользким от морской влаги, лучи света терялись в сумраке далеко внизу. Я сказал ей, что надо делать, чтобы опустить меня, и объяснил устройство своего примитивного механизма. Я видел, как ее беспокоит возложенная ответственность и как внимательно она слушает, чтобы не ошибиться по неведению.

Опоясавшись веревкой и приготовившись к спуску, я удостоился как никогда ласкового поцелуя — она прижалась ко мне, словно не желала расставаться. Погружаясь в отверстие, я поднял над головой керосиновый велосипедный фонарь, который решил взять с собой, и увидел, как морщины тревоги избороздили ее прелестный лоб, когда она полностью сосредоточилась на задаче травить веревку. Даже тогда меня восхитили ее осанка и легкость красивой фигуры, заметной в мужской одежде, которую она не стала менять, поскольку та подходила для предстоящей работы.

Спустившись футов на двадцать, я направил фонарь вниз и увидел тут и там под гладью воды на дне разрозненные камни; одна плита торчала стоймя — очевидно, упав со свода под моим молотом. Было видно, что — по крайней мере, в этой части пещеры — вода слишком мелкая,

чтобы чего-то опасаться. Я окликнул Марджори, попросив опускать меня медленнее, и уже через несколько секунд стоял в пещере примерно по колено в воде. Там я сдвинул упавшую плиту в сторону, чтобы она не мешала при спуске. Затем отвязал от себя прочную веревку и привязал тонкую, которую взял с собой неспроста. Она должна была послужить путеводной нитью, когда это понадобится, и обеспечивать связь с Марджори, дабы избавить ее от тревог: держа трос, она будет знать, что со мной все хорошо. Я прошел вперед, прощупывая дорогу прихваченным с собой длинным посохом.

Немного удалившись, я услышал разнесшийся по пещере зов Марджори:

— Берегись осьминогов!

Она воображала всевозможные опасности. Лично мне и в голову не приходила мысль об осьминогах. Нежелательная добавка к моим собственным опасениям — но делать уже было нечего. Не собирался же я бросать начатое из-за страхов — и потому продолжал путь.

В глубине пещеры была ступенька, и я попал в угловатое пространство, которое, в действительности широкое, выглядело небольшим в сравнении с широкой и высокой каверной, где я

начал. Немного погодя скала под ногами снова опустилась, и над водой остался лишь низкий туннель высотой четыре фута. Я шел дальше, аккуратно нащупывая путь, и обнаружил, что пещера кончается узкой расщелиной.

Все это время я думал, что внешний вид этой части пещеры не сочетался с описанием из повести де Эскобана. Там не говорилось ни слова о подобных трудностях, а без них не обошлось бы, когда несколько человек несли груз значительного объема и веса.

Тогда я вернулся по своим следам, чтобы посмотреть, нет ли других ответвлений от туннеля ближе к морю. Я держал веревку натянутой, чтобы Марджори не беспокоилась. Думаю, я обрадовался не меньше ее, увидев льющийся в отверстие свет и черный круг головы там, где Марджори, склонившись, с нетерпением всматривалась вниз. Не поднимаясь, я доложил о своем приключении, а затем повернул к морю, чтобы обойти пещеру полностью. Здесь пол был ровнее, словно сглаженный волной и бесконечным перекатыванием гальки. Вода нигде не поднималась выше нескольких дюймов. Я водил фонарем из стороны в сторону, пристально выглядывая какое-либо отверстие. От места моего спуска до

утеса было не очень далеко, но все же расстояние на открытой местности сильно отличается от расстояния в незнакомой пещере. Наконец я вышел к месту с полом, усеянным камнями, которые увеличивались в размерах с каждым моим шагом до тех пор, пока не пришлось карабкаться по груде валунов. Они оказались скользкими из-за какой-то слизи или жижи, затруднявшей путь. Забравшись до середины, я заметил, что слева груда камней куда-то опускается. Я подобрался и, подняв фонарь, к невыразимой радости, нашел-таки отверстие в скале. Вблизи я увидел, что, хоть его почти целиком завалило камнями, между ними оставался достаточно крупный лаз. С неменьшим удовольствием я отметил и то, что камни невелики. Без особого труда я сдвинул несколько и отправил вниз, расчистив путь. Грохот, очевидно, напугал Марджори — я услышал, как она окликает меня. Я поспешил обратно под отверстие — теперь, когда я ориентировался в пещере, добраться назад было несложно — и рассказал о своей находке.

Затем я вернулся и слез по наваленным камням — очевидно, это были те обломки, что остались после взрыва, который закупорил вход в пещеру. Правее начинался новый проход, идущий пер-

пендикулярно пещере. Свернув влево, какое-то время он почти полностью вел прямо, а значит, насколько я мог судить, тянулся почти параллельно первой пещере. Его вид не вызывал опасений. Пол здесь казался ровнее. В самом глубоком месте вода поднималась на пару футов, но не больше — здесь было бы нетрудно пронести сокровище. Через двести футов туннель разветвлялся: один проход уходил слегка левее, другой — направо. Я попробовал первый и уперся в крутой спуск, какой уже видел раньше. Соответственно, я вернулся и испытал второй. Не пройдя и нескольких шагов, я обнаружил, что веревка кончается, — тогда я отправился назад и попросил Марджори сбросить мне второй конец. Теперь я был так уверен в маршруте, что не нуждался в путеводной нити. Сперва она сомневалась, но я ее уговорил; первый конец я закрепил уже в туннеле перед развилкой. Затем снова углубился во второй проход с бухтой веревки в руках.

Это ответвление шло криво, с неожиданными углами и резкими поворотами. Тут и там по одну, а то и по обе руки стены раздавались, образуя странные камеры или ниши, либо сужались, оставляя проход всего в несколько футов шириной. Свод тоже местами опускался и поднимался

— то и дело приходилось склонять голову, а порой и пригибаться, тогда как в другие моменты я стоял под высоким куполом. Из-за зигзагообразного маршрута я потерял чувство направления, но в целом понимал, что туннель уходит в глубь суши. Странно, что пол везде оставался ровным. Здесь тоже сделали свое дело века приливов и гальки. Веревка опять вся вышла, и мне пришлось отвязать и снова закрепить дальний конец — не хотелось уходить далеко, не оставив вех обратного пути. Через некоторое время пещера стала ниже и у́же — пришлось сложиться в три погибели, чтобы пройти, почти касаясь лицом воды, лишь бы не задеть поверхность фонарем и не ткнуться головой в каменный потолок. Такая перемена меня очень раздосадовала: я с самого начала возомнил, будто я на верном пути и до сокровища рукой подать. Впрочем, ничего не оставалось, кроме как идти дальше.

Еще несколько футов — и потолок пошел вверх: сперва — очень полого, а потом — отвесно. Расправив спину и вскинув голову, я огляделся. Поднял фонарь повыше, описывая полный круг.

Я стоял у стены большой и высокой пещеры затейливых очертаний: тут и там из гладких стен зловеще выдавались массивные красные жилы.

Эти нависающие махины смотрелись угрожающе — того и гляди обрушатся на меня. Затем, когда глаза привыкли к лучшему освещению, я заметил, что передо мной просто продолжение скалы. Вся пещера, сколько я видел, состояла из красного гранита: она возникла внутри большой скалы в результате того же древнего катаклизма, что скинул в море Скейрс.

Глава XXVIII. Голоса в темноте

Я осмотрелся со смешанными чувствами. Сама пещера, это чудо природы, внушала восхищение, но охотник за сокровищами остался разочарован: она вовсе не соответствовала описаниям дона де Эскобана. Однако я не отчаивался: здесь хватало проходов, и один из них еще мог привести меня к нужному месту. Я встал посередине и огляделся. И тут на миг сердце сжал страх: несколько отверстий выглядели так похоже, что только благодаря веревке я понимал, откуда пришел. Урок этого потрясения не прошел зря: я решил сделать пометку, чтобы отличить свой проход. Куда бы ни вели остальные, только этот, сколько я мог судить, вернул бы меня к безопасности. Я колотил тяжелым булыжником по правому углу проема, пока не сколол кусок. Теперь я нашел бы это место даже на ощупь. Затем я обошел пещеру кругом, заглядывая в ответвления. Здесь я и заметил недостаток слабого фонаря: требовался источник света такой силы, чтобы увидеть всю пещеру целиком. По кружку тусклого света от велосипедного фонаря, бегущему по скалистым

стенам, нельзя было составить представление о размерах места. Я чувствовал, что все это время Марджори беспокоится обо мне — беспокоится тем более, что не знает, куда я подевался. Итак, я решил немедленно вернуться и отложить подробную разведку до того времени, когда раздобуду соответствующее снаряжение. И я отправился туда, где меня с нетерпением ожидала Марджори.

Встретила она меня радостно и нежно. Причем так естественно, что и не заметишь, какой жар она в это вложила. Поскольку голова моя была переполнена разными мыслями, я, наверное, не ответил на ее ласку с тем пылом, которого она заслуживала. Теперь, когда я был уверен в ее любви и уже называл ее своей женой, я освободился от тревоги. Такая уверенность и отличает чувства супруга от чувств влюбленного: сомнение есть элемент страсти, но не истинной супружеской любви. Лишь потом, оставшись один, без очаровательного общества Марджори, я увидел через линзы памяти и воображения, как приветствовала меня жена, радуясь, что я цел и невредим. Хватило нескольких мгновений, чтобы рассказать ей о моем приключении и прийти к согласию отложить дальнейшие поиски. Она всем сердцем меня поддержала, и затем мы решили, что ей

будет благоразумней вернуться на ночь в Кром. Позже, все подготовив, мы выберем время, чтобы продолжить исследование пещеры.

Переодевшись в сухое, я отправился с ней в Кром. Мы шли с велосипедами мимо Уиннифолда, радуясь уникальной особенности этой деревни — отсутствию собак. Мы не включали фонари до самой дороги на Питерхед, затем снова погасили их, как только добрались до сплетения перекрестков у Крома. В лесу Марджори снова надела ливрею, и мы двинулись к замку. По пути мы согласились, что лучше зайти с другой стороны, где меньше шансов встретить незнакомцев: там была лишь заросшая мхом лесная тропинка у старой часовни. В последние дни мы с Марджори искали возле замка новые тропинки и уже обнаружили несколько таких, где могли пройти без забот даже в потемках. Это стало необходимостью, когда мы заметили свежие следы наблюдателей у главных ворот, через которые привык ходить весь замок.

Путь, который мы выбрали сегодня ночью, требовал долгого обхода через лес, поскольку вел к противоположной от ворот стороне. Это была всего-навсего узкая травянистая тропинка, берущая начало меж двух больших деревьев, которые

стояли близко друг к другу неподалеку от одного из пригорков, что подступали к замку. Тропинка вилась меж стволов, пока наконец не упиралась в задний фасад старой часовни, которая высилась на скале, скрытой в лесу где-то в трех сотнях футов от западной стены замка. Часовня была очень древней, уже полуразрушенной: ее построили на много веков раньше нынешнего замка, еще как часть предыдущего. Возможно, ею пользовались в начале XVI века, но давно не восстанавливали и даже не накрыли крышей — в трещины попали семена, пустили корни, и проросшие деревья уже поднялись в полный рост. Был там один старый дуб, судя по ширине и заскорузлой коре насчитывавший не меньше двух веков. Не только корни, но и сам его ствол и ветки разворотили большие камни, из которых складывались длинные низкие окна довольно необычного вида. Окна представляли собой всего лишь горизонтальные прорези в стене — по сути, искусственные щели меж каменных масс. Всего три по сторонам часовни, каждое около двух футов в высоту и шести футов в длину; посредине щель прерывалась косо уложенной каменной опорой. Среди слуг касательно этого места имелось суеверие. Никто из них ни при каких обстоятельствах не прибли-

жался к часовне ночью, да и, собственно, днем.

Перед часовней тропинка расширялась. Когда-то здесь проходила дорога через лес, но века забвения сделали свое дело. Из упавшей сосновой шишки, букового ореха да желудя тут и там проросли деревья, ныне превратившие некогда просторную аллею во множество завивающихся тропинок меж широких стволов. Одна из причин, почему мы избрали этот путь, — его бесшумность. Трава, мох и ржавые охапки сосновых игл не выдавали поступи — ежели постараться, здесь можно было пройти неуслышанными. Пробравшись незамеченной через лес, Марджори могла прокрасться к дверям в тени замка и спокойно войти.

Мы медленно и опасливо шли рука об руку, едва смея вдохнуть, и как будто спустя вечность наконец достигли часовни. Затем на цыпочках прокрались вдоль южной стены. Минуя первое окно, Марджори, шедшая впереди, остановилась и так сжала мою руку, что я понял: ее волнению есть серьезная причина. Она подалась назад, чтобы мы оба отодвинулись от оконного проема, тусклые очертания которого в гранитной стене едва-едва виднелись — черный провал в заросшем лишайником камне.

Приложив губы к моему уху, она прошептала:

— Там люди. Я слышу речь!

В жилах застыла кровь. Вмиг в голову хлынули все опасности, грозившие Марджори. В последнее время мы чувствовали себя неуязвимыми, неизвестная опасность казалась отдаленной, но теперь время и место, сама репутация старой часовни обрушили поток жутких образов, мучивших меня с того самого момента, как я узнал о заговоре против Марджори. Первым порывом было прижать к себе и крепко обнять жену. Даже в такой ситуации я почувствовал радость от того, с какой готовностью она подалась навстречу. Несколько мгновений мы стояли молча — лишь бились вместе наши сердца.

Затем она снова зашептала:

— Нужно подслушать. Быть может, мы узнаем, кто они и что замыслили.

Так мы снова приблизились к проему. Марджори встала под ним, а я — рядом, обнаружив, что так слышу лучше: когда я нагибался, в ушах шумела кровь. Голос, раздавшийся первым, был могучим — даже шепотом он звучал гулко, хрипло и раскатисто:

— Значит, решено: ждем весточки от Виски-Томми. И сколько придется ждать?

Отвечавший голос тоже шептал, плавный и елейный, но отчетливый:

— Как знать. Ему надо договориться с Голландцем, а с его братией это не так-то просто. В хорошем настроении они народ набожный, но господи! В дурном — чистый ужас. Тот еще тип. Но он умен — это я признаю, и он сам это знает. Теперь я почти жалею, что мы приняли его, хоть он и умен. Впрочем, ему лучше поостеречься, ведь никто из нас большой любви к нему не питает, и коль он предаст или подведет… — Голос затих, завершив фразу щелчком, в котором я узнал раскрывшуюся пружину ножа боуи.

— И правильно. Если потребуется, я в деле!

Раздался еще один щелчок. Этот первый голос звучал сильно и решительно, но почему-то, несмотря на зловещие речи, не так безжалостно, как второй. Я посмотрел на Марджори и увидел, как пылают ее глаза в темноте. У меня снова екнуло сердце: в ней пробудился старый дух первопоселенца, и вот уже мой страх стал не тот, что прежде.

Она прижалась ко мне и, как прежде, зашептала:

— Будь готов спрятаться за деревьями: я слышу, как они встают.

Очевидно, она не ошиблась: теперь голоса стали отчетливей благодаря тому, что уста говоривших оказались на одном уровне с окном.

Вступил третий голос:

— Пора сматывать удочки. Скоро пойдут в обход парни Мака.

Марджори ловко поднырнула под окном и снова зашептала:

— Встанем за деревьями перед дверью. Оттуда мы сможем увидеть их, когда они выйдут, — нам не помешает знать их в лицо.

Знаком предложив ей идти вдоль стены, у которой мы находились, сам я обошел часовню позади и, пригибаясь под окнами, наконец зашел за неохватные дубы перед фасадом, к северу от бывшей здесь когда-то росчисти. Со своего места я видел Марджори за стволом напротив. Так мимо нас никто бы не проскользнул, поскольку мы видели и окна с каждой стороны, и разрушенный дверной проем. Мы ждали, и ждали, и ждали, боясь шевельнуть рукой или ногой, чтобы не насторожить врага. Время тянулось бесконечно, но никто не выходил, а мы всё стояли, затаив дыхание.

Наконец я заметил два силуэта, крадущихся между деревьями к часовне. Я скользнул за свой

ствол и, бросив тревожный взгляд в сторону Марджори, с облегчением увидел, что она сделала то же. Все ближе и ближе подходили те фигуры. От них не исходило ни малейшего звука. Подойдя к проему с обеих сторон, они заглянули внутрь, прислушались, а затем прокрались во тьму меж деревьев, обрамлявших вход. Я рискнул подобраться еще, скрываясь за огромным стволом; Марджори последовала моему примеру. Изнутри послышались перешептывания. Отчего-то я ожидал услышать пистолетный выстрел или увидеть, как из зазубренного пролома бросятся врассыпную люди. Но ничего не происходило. Затем внутри чиркнули спичкой. Благодаря вспышке я успел разглядеть лицо того, кто ее зажег, — остроглазого посланца Сэма Адамса. Он поднял огонь, и мы, к нашему удивлению, увидели, что, не считая ныне вошедшей двоицы, в часовне пусто.

Марджори мигом порхнула ко мне и зашептала:

— Не бойся. Те, кто так зажигает огонь, не найдут нас, если мы сами себя не обнаружим.

И она была права. Двое сыщиков, увидев, что внутри никого нет, отбросили осторожность. Они вышли, почти не прислушиваясь, обогнули

часовню, двинулись по узкой тропинке в лес — и были таковы.

Марджори прошептала:

— Теперь мой шанс попасть домой, пока они не вернулись. Можешь дойти со мной до опушки. Но, когда я зайду, дорогой, спеши к себе во весь дух. Ты, должно быть, устал и хочешь отдохнуть. Приходи завтра как можно раньше. С такой загадкой мы еще не сталкивались. Без толку идти в часовню сейчас — нужно время, чтобы все обдумать!

Мы перешептывались на ходу, все еще сторожко держась в тени деревьев. Перед самым последним Марджори поцеловала меня, по своему почину, и я машинально крепко стиснул ее, а она прильнула к моей груди, как будто там и было ее место. После взаимного прощания и тихого благословения она растворилась в тени. Я видел, как она скрылась за дверью.

В Круден я вернулся в вихре мыслей и эмоций. Первым среди них была любовь — со всей той невыразимой радостью, что сопровождает любовь взаимную.

Теперь я чувствовал себя в полном праве называть Марджори своей. Словно опасности, надежды и симпатия выковали узы прочнее тех,

что соединили нас в церкви Карлайла.

Глава XXIX. Монумент

Весь остаток той ночи — и когда я сломя голову несся домой на велосипеде, и когда отправлялся в постель, и когда лежал без сна, и даже когда спал — я бился над таинственным исчезновением говоривших в старой часовне. Можно с полным правом сказать, что с этой мыслью я заснул и с нею же встал. Она не оставила меня даже после завтрака, когда я ехал в Кром. Очевидно, в часовне крылась какая-то секретная крипта или убежище, а то и целый подземный проход. Если так, то куда он ведет? Куда же, как не в замок — этот вывод напрашивался сам собой. От самой мысли у меня холодела кровь, и ничего удивительного, что тревога разрасталась, пока не вытеснила из разума все прочее. В таком случае враги Марджори и вправду опасны, ведь они всегда имеют к ней тайный доступ: внутри замка причинить ей зло проще простого.

Тем утром я решил провести самостоятельную разведку. Я оставил велосипед в лесу и сделал широкий круг, по возможности держась в тени чащи, прежде чем наконец добрался до

противоположного конца холма, или отрога, подходившего к старой часовне ближе всех. На его склонах, после волнообразного края леса, начинался голый пояс — скала, окаймленная зеленой травой. Вершина, как и у большинства холмов и курганов кругом замка, заросла деревьями — соснами, стоящими так тесно, что они создавали сумерки даже в полдень.

Я поднялся с обратного склона и прошел через рощу, бдительно оглядываясь по сторонам, опасаясь присутствия тех или иных шпионов. На самой верхушке я вышел на немалого размера каменный круг, низкий, сложенный из массивных камней, полностью заросших ярко-зеленым лишайником. Круг был футов пятнадцать в диаметре, а его верхушка посередине выгибалась, словно образуя крышу. Подойдя, я услышал снизу слабое журчание — очевидно, это был источник воды для замка.

Я обошел его, внимательно осмотрев: теперь все, имеющее касательство к замку, могло представлять наивысшую важность. Я нигде не видел изъяна или бреши, а по непрерывному покрову лишайника понял, что его не трогали много лет.

Сев на краю каменной кладки, я долго обдумывал разные вероятности. Если подо мной, как

уже можно сказать без сомнения, находится колодец замка, он построен одновременно с самим Кромом — а то и с древним замком, на руинах которого Кром возвели. По всей видимости, его питают ключи в скале в основании холма, и, если к нему не попасть снаружи, должен быть какой-то способ выйти к воде изнутри Крома. Возможно, в пещеру с водой ведет какой-то другой проход с вершины холма или от его подножия. Тогда я направился напрямую к замку и шел, пока не спустился с холма, поскольку знал, что для водопровода всегда выбирается прямой маршрут. По пути я внимательно разглядывал почву — не только поверхность, единообразно покрытую толстым ковром бурых сосновых игл, но и общее строение. Где прокладывали канал, какой-либо след да останется. Даже если в прошлом рабочие зарыли его без изъяна, со временем дождь выявил бы изменения на мягкой перекопанной земле. Однако здесь не было ни следа — почву, насколько можно было судить, никогда не разрывали. Деревья росли неравномерно, без промежутков, которые неминуемо возникли бы, если бы их когда-то вырубали. Тут и там, как и везде, из ковра сосновых игл торчали валуны. Если проход и существовал, то не на прямой линии

между водохранилищем и замком.

Я вновь поднялся к источнику и поискал какие-либо проемы или их признаки, взяв его в качестве ориентира. Я ходил кругами во всех направлениях, как ретривер, когда тот ищет подбитую куропатку в сухой траве, если ее запах убит жарой.

Наконец я на что-то наткнулся, хотя и не сразу смог понять, это ли я ищу. То был некий грубый монумент — валун, поставленный стоймя на скальную плиту, вытесанную в виде квадратного постамента. Все это находилось внутри нескольких колец камней, на самом краю крутого утеса. Камни были грубо обработаны и сложены без известки — или, если известка либо цемент когда-то и были, их уже смыли время и погода. В одном это сооружение радикально отличалось от камней над водохранилищем: на нем не было ни следа лишайника или мха. Деревья близко обступали монумент; с одной стороны его скрывали ветки кривых сосен, зависших на узких скальных карнизах под нами. Встав на краю, я не мог разглядеть прямо под собой ничего; впрочем, с трудом спустившись на карниз несколькими футами ниже, я увидел задний фасад старой часовни, хотя и частично закрытый стволами

и ветвями. Я осмотрел памятник со всех сторон в поисках надписей, но ничего не нашел. Затем встал на постамент, чтобы взглянуть на верхнюю грань камня. Так, глядя поверх него, я увидел сквозь естественный просвет между верхушками деревьев один угол замка, дальний от старой часовни. Тут меня осенила светлая мысль. Отсюда можно сообщаться с замком, оставаясь незамеченным. Я решил, что мы с Марджори придумаем какой-либо метод сигнализации.

Почему-то это место меня не отпускало — возможно, оттого, что оно единственное на вершине холма, кроме водохранилища, было сделано с некой целью. А где есть труд и зримое предназначение, должна быть и связь. Я скрупулезно обшарил все вокруг, карабкаясь по скалистым склонам, но всегда держась начеку на случай шпионов. Единственное, что я заметил, — следы тропинки через лес. Недостаточно явной, чтобы с уверенностью назвать ее тропинкой, но что-то в ней выдавало хоженность, отличавшую ее от девственно чистой округи. Я не нашел конца или начала тропинки. Она словно вырастала из монумента, но там под ногами были камень да гравий: на крутом склоне ветер уносил опавшие иглы под укрытие деревьев. Через сотню ярдов

пропадал даже намек на путь: тропинка терялась в проходах между сосен, росших со всех сторон. На открытом месте потребности в тропинке не было. Я раз или два все обошел, прежде чем мне пришла в голову мысль, что здесь может быть какой-то секретный проход или тайник, но, как я ни искал, не смог найти ни малейшего следа. В конце концов пришлось смириться, что это сооружение — просто какой-то памятник или веха, чье предназначение, видимо, затерялось во времени.

В итоге уже в разгар дня, по-прежнему скрываясь от наблюдателей, я вернулся туда, где спрятал велосипед. Выехав на дорогу, я, как обычно, направился в старые разрушенные ворота и по длинной дороге — к замку.

Марджори встретила меня со следами тревоги на лице и, ласково сжав мою руку, сказала:

— О, как ты поздно! Я нервничала все утро: вдруг с тобой что-то случилось!

Миссис Джек после приветствия тактично оставила нас наедине, и я рассказал жене обо всем, что надумал с нашего расставания, и о том, что видел на верхушке холма. Ее обрадовала идея языка сигналов, и она предложила немедленно подняться на крышу для дальнейшего исследова-

ния и планирования.

Мы выяснили, что указанное мной место прекрасно подходит для нашей цели. Один из нас мог сидеть на каменной крыше, поодаль от стены, и видеть между зубцами верхушку монумента средь крон, при этом оставаясь незамеченным. Зубцы скрывались за другими холмами или пригорками со всех сторон. Поскольку мы уже разработали свой код, надо было только придумать, как подавать сигналы «a» и «b». Для этого мы решили, что днем «a» будет обозначаться красным, «b» — белым, а ночью «a» — красным и «b» — зеленым. Таким образом при свете дня годились красный и белые платки или цветы — хватило бы и бумажки, и листка или цветка. Мы остановили выбор именно на цветовых сигналах, поскольку расстояние требовало простоты. Ночью можно было пользоваться обычным велосипедным фонарем, прикрывая или оставляя на виду красные и зеленые огни. Мы решили, что тем же днем, покинув замок, я украдкой вернусь к монументу и мы испытаем нашу систему.

Затем мы обсудили остальное. В одиночестве на крыше мы могли говорить свободно, и мгновения в прелестной компании летели незаметно. Пусть темы нашей беседы были мрачными и касались

угроз и интриг, тайных проходов и зловещих врагов, шпионов и возможного вреда кому-то из нас или обоим — общность неприятностей делала даже их приятными. Мы оба дорого ценили, что разделяем и это. Я не мог не видеть растущей любви Марджори, и, хоть мне приходилось порою сдерживаться, чтобы немедленно не обвить ее руками, не прижать к себе ее красивое тело и не осыпать лицо поцелуями, я был вознагражден, когда, пока мы спускались обратно, она вложила обе ладони в мои и сказала:

— О, Арчи! Как ты ко мне добр! И… и… как я тебя люблю! — А затем пала в мои объятья, и наши уста встретились в долгом и страстном поцелуе.

Решив, что в старой часовне не может не быть скрытого прохода, мы условились поискать его на следующий день. Я должен был прийти после рассвета — в этот час, по нашему предположению, шпионы обеих сторон меньше всего ожидают передвижений возле замка. Я должен был прийти заросшей тропинкой между деревьев в старую часовню, где Марджори меня встретила бы и мы вместе приступили бы к поискам.

После чая я ушел. Марджори, провожая, вышла со мной на ступени. Прощаясь, она сказала вслух на случай, если кто-то подслушивает:

— Не забывай, приходи завтра к чаю и принеси мне книгу. Сгораю от нетерпения узнать, чем она заканчивается. Отчего же библиотекарь не может послать нам все тома сразу!

Вернувшись на дорогу, я спрятал велосипед в прежнем укрытии и тайком проследовал к памятнику. Марджори захватила мысль о возможной тропинке, и она сразу же, по-женски, пришла к решению. Она предложила проверить, ходит ли там кто-нибудь, и для этого дала мне катушку тончайшей нити, чтобы растянуть над тропой. Перед уходом я должен был привязать нить в нескольких местах между стволами. Если в следующий раз я найду ее разорванной, можно сделать вывод, что там кто-то был.

Затем я подал сигнал с вершины валуна и немедленно получил ответ. Мой сигнал был просто выражением моих сокровенных чувств:

«Я люблю тебя, жена моя!»

Ответ последовал быстро и преисполнил меня радостью:

«Я люблю тебя, муж мой! Не забывай меня! Думай обо мне!»

Глава XXX. Тайный проход

Та ночь была ночью отдыха. Я физически вымотался и, послав несколько писем торговцам в Абердин с распоряжениями немедленно отправить кое-что в Уиннифолд, упал в постель и проспал до раннего утра. Встав с первыми лучами, после утреннего заплыва я поехал в Кром. Там я снова оставил велосипед в лесу и пустился кругом к основанию холма, а затем — на вершину, к монументу за колодцем. Стоял час, в городах еще считающийся ранним, хотя солнце уже поднялось высоко. Я двигался с чрезвычайной опаской, перебежками от дерева к дереву, поскольку ничего не знал о расположении дозорных в это время дня. Я не видел никаких следов. Наконец поднявшись к рудиментарной тропинке, я внимательно осмотрел место, где протянул первую нить. Затем тут же выпрямился, настороженно озираясь. Нить была порвана, хотя два конца так и остались там, где я их привязал!

С бьющимся сердцем я осмотрел остальные — результат тот же. Вполне очевидно, кто-то — или что-то — прошел по тропе. Вопреки тревоге, я

был рад, что мне удалось пролить свет на что-то новое. Все указывало на то, что поблизости кто-то проложил себе маршрут. В связи с этим я заново подготовил свои ловушки, на сей раз в разных направлениях и на разном расстоянии — как вдоль тропинки, так и вокруг монумента. Таким образом я бы определил точный путь того, кто их потревожит. Закончив — а это заняло сколько-то времени, — я вернулся в лес и оттуда поехал в замок.

Марджори с нетерпением ждала вестей, но меня взволновало, что не только вести служили причиной ее нетерпения: час за часом росла ее любовь ко мне. Когда я поведал о порванных нитях, она радостно захлопала в ладоши: потомственный охотник в ней был удовлетворен. Она предположила, что уже на следующее утро я смогу найти вход в туннель, если он есть. Тут она прервалась на полуслове — ее глаза вспыхнули ярким огнем, а лоб нахмурился.

— Боже, — сказала она, — до чего же я глупая. Мне и в голову не приходило поступить так же самой. Вчера, когда ты ушел, я провела целый час в старой часовне и облазила каждый дюйм, но я и не думала сделать то же, что ты сделал у монумента. Иначе уже этим утром я бы раскрыла

тайну исчезновения похитителей. Нужно будет заняться этим вечером.

Пока она говорила, во мне рос страх, что, оказавшись одна в развалинах, она подарит врагам тот самый шанс, которого они ждали. Она увидела мою тревогу и женской интуицией угадала ее причину.

Нежнейшим движением она положила ладонь на мою и, не сжимая руки, но удерживая ее на месте, сказала:

— Не бойся за меня, дорогой. Мы столкнулись с мастерами своего дела. Они не перейдут к действию не подготовившись. Им же не хочется захватить меня на пять минут, чтобы потом их поймали с поличным «люди Мака» — так они зовут агентов Секретной службы моей страны без должного уважения к президенту Мак-Кинли. Пока что они только строят планы. Быть может, потом у нас появится причина волноваться, но сейчас все хорошо. Так или иначе, дорогой, чтобы унять твои переживания, когда ты слишком далеко, и чтобы защитить меня, мы развесим нитки вместе. Ну вот! Разве я не хорошая жена?

Я дал понять по-своему — не смог удержаться, — как же она хороша! А она оставила мой порыв без упрека. Даже любимым, пусть и не в

статусе настоящего мужа, нужно время от времени давать поблажку.

Мы обсудили все возможности, приходившие в голову, касательно тайного прохода между замком и памятником. Было ясно, что в прошлом он мог представлять собой наивысшую важность, и казалось весьма вероятным, что он еще цел. У нас уже хватало причин верить в существование некоего пути между развалинами часовни и колодцем на вершине холма, и мы твердо знали об укрытии в самой часовне. Чего мы еще не выяснили — и что выяснить требовалось превыше всего, — так это как замок сообщается с часовней.

После чая мы отправились вместе и, как решили перед выходом, во время прогулки обошли замок по множеству заросших просек в лесу. Затем, на случай если нас кто-то слушал, я произнес:

— Идем в старую часовню. Сколько я сюда приезжал, а ее толком не видел!

И мы вошли в часовню, чтобы устроить свои ловушки. Конечно, мы не могли уберечься от слежки. Вдруг враги наблюдали с помощью какой-нибудь секретной щелочки или глазка? Тут ничего не оставалось, кроме как испытать

удачу, но в надежде, что нас только слышат без возможности видеть, мы маскировали свои передвижения притворным разговором об истории и искусстве. Марджори ловко растягивала прозрачную нить от места к месту, чтобы любой вошедший оставил тут следы. Закончили мы у дверей, прекратив и свою безыскусную невинную археологическую беседу. Мы вернулись к замку прогулочным шагом, уверенные, что если в руинах есть тайное укрытие, то мы найдем вход в него первым же делом с утра.

Во второй половине дня я отправился в дом на Уиннифолде. Почти все, что я заказывал, уже прибыло, и, перенеся внутрь всевозможные ящики и свертки, я принялся за дело.

В первую очередь я соорудил над входом в пещеру настоящую лебедку так, чтобы с нею было легко и безопасно работать наверху. Снизу ею также можно было управлять при помощи цепи на оси. Затем я сколол края отверстия, чтобы уберечь веревку от трения, и установил в разных местах свечи и лампы, чтобы с легкостью осветить пещеру. Затем разложил в подвале ковры и подушки, принес одежду для переодевания Марджори. Ей она обязательно понадобится, когда придется после поиска сокровищ возвращаться

домой. У меня уже имелись кое-какие консервы, и я договорился в гостинице, чтобы миссис Хэй доставляла мне припасы каждое утро на порог, поскольку порой мне необходимо работать дома (я считался писателем). Когда я закончил, уже смеркалось, и ночевать я отправился в гостиницу. Я условился с Марджори, что прибуду рано утром. Проснулся я еще до свету, сразу же вскочил и направился к Крому, поскольку опыт предыдущего дня показал: кто бы ни пользовался тропинкой у памятника, он ходил по ней в утренних сумерках. Как обычно, я спрятал велосипед и осторожно двинулся к валуну. К этому времени солнце уже встало, небо сияло; на траве лежала роса, и, подойдя, я с легкостью различил нити по сиянию капель на них, словно по нанизанным алмазам.

И снова нити были порваны. Сердце с силой забилось, когда я пошел по следу прочь от замка, в сторону монумента. Путь вел прямо к нему, а затем обрывался. Остальные нити вокруг памятника остались непотревоженными. Узнав так много, я первым делом замел собственные следы. Для этого я аккуратно снял все нитки — как целые, так и порванные. Затем приступил к скрупулезному изучению самого монумента. Было очевидно, что порвавший нити шел прямо

от него, а значит, здесь и быть проходу. Скала под ним выглядела монолитной, каменная кладка лежала на самой скале. Методом исключения я пришел к выводу, что подвижным может быть сам памятник.

Тогда я начал экспериментировать. И надавливал на него с разных сторон. И пытался сдвинуть так и эдак, толкая и сверху, и снизу; все тщетно. Тогда я попробовал повернуть его вокруг своей оси. Поначалу он не поддавался, не отзывался ни на какие усилия, но вдруг мне показалось, что я ощутил легкое движение. Я пробовал снова и снова, надавливая в том же направлении, но безрезультатно. Тогда я решил повернуть монумент, взявшись обеими руками за углы внизу и постепенно перемещаясь выше и выше, — снова напрасно. И все же я чувствовал, что я на верном пути, и перешел к более эксцентричным способам. Вдруг, когда я давил левой рукой внизу, а правой — с противоположного конца наверху, тяжелый камень медленно и легко подался. Я навалился — и он лениво отъехал в сторону, раскрыв у меня под ногами темное отверстие овальной формы, три фута поперек в самом широком месте. Отчего-то я не удивился — и обрадовался, что не теряю головы. Подчиняясь мысли,

рожденной осмотрительностью, я, дабы не обнаружить свое присутствие, сдвинул камень в противоположную сторону — он медленно встал на прежнее место. Так я подвигал его несколько раз, чтобы свыкнуться с методом.

Некоторое время я колебался, разумно ли исследовать проход без промедления, но пришел к выводу, что с этим лучше не затягивать. Тогда я вернулся к велосипеду и взял фонарь. Со спичками и револьвером, с которым уже не расставался, я чувствовал, что мне любая опасность по плечу. Думаю, окончательно на мое решение заглянуть в проход без отлагательств повлияло то, что я вспомнил слова Марджори: похитители ничего не предпримут без должной подготовки. Значит, они больше меня боялись разоблачения — с надеждой на это я без колебаний сошел в узкий проем. Там я с радостью обнаружил, что сдвинуть камень на место снизу не составляет труда: для этого в него были вделаны две железные скобы.

Не могу сказать, что был совершенно спокоен, зато я был настроен решительно и, помолясь, двинулся вперед с мыслями о Марджори.

Проход, несомненно, был природного происхождения, поскольку стыки пород напоминали те, что на побережье, где встречались страты

разных геологических формаций. Однако человеческая рука чудесно усовершенствовала это место. Где потолок опускался низко, его сбили — обломки до сих пор лежали неподалеку там, где проход расширялся. В крутом склоне врезали грубые ступени. Спускаясь, я на каждом повороте следил за стрелкой компаса, чтобы составить приблизительное представление, в каком направлении двигаюсь. В основном путь, с уравновешивающими друг друга изгибами и поворотами, вел прямо вниз.

Когда я прошел, по моим расчетам, полпути, делая скидку на то, как восприятие времени чудесным образом меняется даже в недолгой прогулке под землей, проход раздвоился; левый туннель — круче и ниже того, где я только что шел, почти не тронутый рукой человека, — уходил под крутым углом вверх. Пройдя по нему несколько футов, я услышал шум бегущей воды.

Очевидно, это и был путь к колодцу.

Глава XXXI. Приключение Марджори

Я чувствовал, что туннель недолго будет полностью в моем распоряжении, и потому вернулся к основному проходу, ведущему вниз. Туннель был очень крутой и низкий; в скале под ногами проделали грубые ступени; поскольку я нес фонарь перед собой, пришлось опустить его так низко, что я даже чуял запах горячего металла, когда пламя нагревало стенку. Путь был в самом деле непростой, не для людей моего роста. Скоро я почувствовал, как рассеиваются первые страхи. Поначалу я боялся нехватки воздуха и воображал всевозможные ужасы, поджидающие в неизвестных пещерах. В памяти всплыли книги об экспедиции Бельцони в пирамиды, когда терялись люди или целым группам приходилось останавливаться, потому что идущий в авангарде застревал в узком лазе и полз на животе. Здесь же, хоть местами потолок и нависал так, что приходилось беречь голову, места вполне хватало, воздух поступал приятный и прохладный. У человека, непривычного к глубоким норам, хоть

природным, хоть искусственным, под землей возникает особый страх. Здесь ты отрезан от света и воздуха, всегда в одном шаге от погребения заживо со всеми его потенциальными ужасами. Однако меня обнадеживали неожиданная понятность и легкость пути, и я спускался по крутому туннелю со спокойной душой. Незнакомому с подземельями любые расстояния в них кажутся невероятно длинными, и мне пройденная глубина уже представлялась физически невозможной, когда пол передо мной снова выровнялся. В то же время поднялся потолок, и я снова смог встать во весь рост. Тогда я предположил, что нахожусь у основания холма, неподалеку от старой часовни, и далее следовал с осторожностью, готовый закрыть фонарь рукой. На ровной земле я мог несколько ускорить шаг, а зная, что от подножия холма до часовни всего около двухсот футов, не удивился, когда уже через каких-то восемьдесят шагов туннель закончился комнатой, грубо вырубленной в скале. Перпендикулярно моему проему находилась полноценная лестница наверх — отчасти вырезанная в скале, отчасти достроенная. Прежде чем подняться, я внимательно огляделся и обратил внимание на то, что стены сложены из огромных валунов. Оставив

дальнейшие исследования на будущее, я с колотящимся сердцем приступил к подъему.

Лестница была винтовой; я насчитал тридцать ступеней, прежде чем увидел, что путь преграждает большой камень. На несколько секунд меня охватил страх, что препятствие непреодолимо; затем я внимательно поискал способы сдвинуть камень. Я предположил, что, вероятно, на обоих концах туннеля применялся один и тот же метод.

В тот день удача явно была на моей стороне! Тут же нашлись и две железные скобы, прямо как те, что позволили вернуть монумент на место. Я крепко взялся за них и поэкспериментировал с направлением движения. Камень содрогнулся при первых же усилиях, тронувшись с места от малейшего давления. Я увидел расширяющуюся щель, откуда на меня падал тусклый свет. Удерживая камень одной рукой, я прикрыл фонарь и продолжил открывать проход. Помаленьку-помаленьку камень откатился с дороги, и я смог пробраться, согнувшись вдвое. Со своего места я видел часть стены с длинными низкими окнами меж массивных валунов — так я и понял, что наконец прибыл в старую часовню. Меня охватило радостное чувство: после неведомых опасностей

пещерного прохода я наконец-таки достиг безопасности. Пригнувшись, я протиснулся через узкий проем. Камень был добрых четыре фута в обхвате, поэтому, чтобы выбраться, мне требовались по меньшей мере два шага. Я сделал один и уже занес было ногу для второго, когда услышал отчетливый и твердый шепот:

— Руки вверх! Только двинься — и ты мертвец!

Я, разумеется, остановился и, подняв глаза — поскольку распрямиться еще не успел, — обнаружил перед собой дуло револьвера. Мгновение я смотрел на него; револьвер был неподвижен, как камень вокруг, и я понял, что ничего не попишешь, придется подчиниться. Затем я заглянул за него, на державшую его руку и направлявшие его глаза. Взор их тоже был неколебим, но какая же радость меня охватила, когда я понял, что и рука, и глаза принадлежат Марджори! Я бы выскочил ей навстречу, если бы не зловещее колечко стали перед носом. Я выждал несколько секунд, потому что казалось странным, что она не опустила револьвер, увидев, кто перед ней.

Поскольку дуло по-прежнему нелюбезно смотрело на меня, я произнес:

— Марджори!

И вмиг ее рука упала. Я восхитился ее самообла-

данием и решимостью, ведь пистолет не выпал. С возгласом радости она подскочила ко мне, отчего у меня защемило сердце — так много было в этом движении любви и порыва. Она положила левую руку мне на плечо, и, глядя ей в глаза, я ощутил ее радостную дрожь.

Несколько секунд она просто стояла, а потом промолвила со вздохом и ноткой самоупрека:

— А я не узнала тебя!

Меня словно залило светом от того, как она произнесла «я» и «тебя»! Если бы я не знал ее раньше, она полностью открылась бы мне в тот миг.

Мы оба, очевидно, были исключительно практичными людьми, ведь даже пребывая в восторге от нашей встречи — а для меня было не меньше чем восторгом выйти наружу после столь сумрачного путешествия по тайному подземному проходу, — мы не потеряли голову. Думаю, она первая вспомнила о нашем окружении, поскольку, едва я открыл рот, она уже предостерегающе вскинула палец.

— Тс-с! Вдруг кто-нибудь придет. Впрочем, думаю, никого поблизости нет. Погоди, дорогой, я посмотрю! — Она беззвучно выпорхнула из часовни, и я увидел, как она скрывается среди деревьев. Через несколько минут она вернулась,

осторожно держа в руках плетеную корзину.

Открывая ее, пояснила:

— Если тебя увидят в таком состоянии, могут что-то заподозрить.

Из корзины она извлекла небольшой кувшин с водой, мыло, полотенце и щетку для одежды. Пока я умывал лицо и руки, она меня обмахивала. В короткий срок мой туалет на скорую руку был закончен. Она аккуратно вылила воду в трещину в стене и, отправив все вещи обратно в корзину и прихватив заодно и мой фонарь, сказала:

— Идем! Вернемся в замок, пока никто ничего не прознал. Они решат, будто мы повстречались в лесу.

Мы отправились в замок, стараясь не привлекать внимания, и вошли, я думаю, незамеченными. Я тщательно привел себя в порядок перед тем, как попасться кому-нибудь на глаза: наш секрет был слишком велик, чтобы навлекать на себя подозрения. Засвидетельствовав почтение миссис Джек, я последовал за Марджори в ее будуар наверху, где мы и сели, держась за руки, и я пересказал свое приключение во всех подробностях. Я чувствовал, какое действие на нее это оказывает: во время эпизодов, представляющих для нее особый интерес, она крепче сжимала

мою руку. Она, не боявшаяся за себя, поддалась страху за меня!

Затем мы все обсудили. Теперь мы представляли себе передвижения похитителей; мы сочли, что с должной подготовкой выясним часы их появления и выследим одного за другим. К обеду мы определились с планом действий. Идея пришла из старых «Сказаний джинна»[41], где верный визирь привел чужого правителя в пещеру и попросил перерезать натянутую перед ним веревку, которая, как выяснилось, держала большой валун, накрывавший особый павильон, построенный самим визирем на виду с расчетом прельстить захватчика, чтобы тот его занял. Мы могли привязать тонкую нить к верхушке монумента и тайком протянуть в замок, и тогда ее разрыв предупредит Марджори об открывшемся проходе; так она и узнает час, когда похитители сходятся в часовне. Изобрели мы и другой механизм, в котором вторая нить, закрепленная на камне в часовне, оборвется движением камня и тем самым уронит книгу на постель Марджори, разбудив ее, если она уснет. Большую часть дня

[41] Примечания: 41

«Сказания джинна» Джеймса Ридли — выдававшийся за подлинный сборник подражаний восточным сказкам в духе «Тысячи и одной ночи».

заняло воплощение этих идей, поскольку действовали мы медленно и скрупулезно. Затем я отправился домой.

Рано поутру я уже был у монумента. Зайдя за камень, я дал сигнал на случай, если Марджори уже меня ждет на крыше замка, но ответа не последовало. Тогда я присел и стал ждать приличного времени, чтобы явиться в Кром на ранний завтрак.

В это время мне послышался какой-то звук, то ли совсем близкий и приглушенный, то ли далекий — я не сумел различить. Если бы меня обнаружили, дело приняло бы крутой оборот, и я вынул револьвер. Сердце колотилось так, что временами я принимал его за внешний шум. Я выжидал, весь превратившись в слух.

Все было, как я и подозревал: звук доносился из туннеля подо мной. Я не знал, остаться или уйти. Если бы остался, увидел бы, кто выйдет из туннеля, но, с другой стороны, тут же станет известно, что секрет раскрыт. Камень мог сдвинуться в любую секунду, и требовалось выбрать — уйти или остаться. Я решил попытать удачу и остаться ради немедленного разоблачения. Поймав похитителя или хотя бы раскрыв целиком или частично его личность, я бы способствовал

безопасности Марджори. Поэтому я нацелил револьвер и, отойдя, чтобы не сразу броситься в глаза, стал ждать.

Никого не было, но я по-прежнему слышал тихий звук. Переполняясь растущим беспокойством, я решил сделать первый шаг и сам двинулся к камню. На моих глазах он задрожал, а потом начал медленно отодвигаться. Пока он тихо откатывался, я держался за ним, чтобы меня не заметили, и ждал с револьвером наготове и последними каплями терпения.

Последовала мертвая тишина, а затем на краю отверстия показалась рука с револьвером.

Я знал эту руку, знал револьвер и знал прыткость их обоих. Потому не издал ни звука, когда Марджори чуть ли не выскочила из проема и крутанулась с пистолетом в руке, словно ожидая врагов со всех сторон.

Марджори была вся в пыли, с белыми, как снег, щеками, так что грязные кляксы лежали на них копотью, с расширенными зрачками после долгого пути в темноте. Несколько секунд она меня будто не узнавала, но, узнав, радостно бросилась в мои объятья.

— О! Арчи, я так рада тебя видеть. В потемках было ужасно и одиноко. Я уже было испугалась,

что никогда не найду выход!

В потемках! Заволновавшись, я спросил:

— Но, дорогая моя, как же ты пришла? И зачем? Разве тебе нечем было посветить? Не могла же ты пойти в пещеру неподготовленной!

И тогда она на одном дыхании выложила всю историю. Как перед рассветом ее разбудила упавшая книга, как она поспешила на крышу замка, чтобы взглянуть на камень. Скоро в подзорную трубу она увидела, как тот сдвигается. Тем самым удостоверившись, что наблюдатели ушли, она решилась на собственное приключение.

— Я надела серое твидовое платье и, прихватив револьвер и велосипедный фонарь, прокралась из замка к старой часовне. Запалив фонарь, я откатила камень и отправилась в туннель. Там проследовала по твоим описаниям до развилки и решила исследовать ответвление, ведущее к водоему. Нашла я его с легкостью — глубокий и темный, вырезанный в скале и, похоже, питающийся источниками, которые бьют в мелком песке — те, что годами стесывали камень. Когда я попыталась заглянуть в глубину, подняв велосипедный фонарь и посветив вниз, я заметила на дне что-то белое. Как только фонарь в перевернутом положении начал чадить, я, бросив

последний взгляд в кристально чистую воду, узнала в белом предмете череп. От внезапного потрясения я выронила фонарь, и тот скрылся под водой, шипя и булькая.

Когда она это рассказывала, я взял ее за руку, опасаясь, что воспоминание о таком страшном мгновении ее растревожит, но, к моему удивлению, ее выдержка была не хуже моей. Руку она не высвободила, но, очевидно, поняла ход моих мыслей, потому как добавила:

— О! Все уже прошло, Арчи. Пожалуй, на миг-другой я и впрямь пришла в ужас. Можешь посмеяться надо мной, если хочешь! Но потом на выручку пришел здравый смысл. Я оказалась в опасном положении, и, чтобы выбраться, потребовалась бы вся моя смекалка. Я как можно спокойнее подумала, и, представь себе, если постараться, то спокойствие как будто растет само собой! Я была в темноте, глубоко под землей, в пещере, проход куда никому не известен; у меня не было способа получить свет даже на миг, ведь, хоть я и прихватила восковые спички, все они лежали в фонаре. Оставалось лишь одно: выбираться на ощупь. Я запомнила путь, которым пришла, но стоило двинуться к выходу из пещеры с колодцем, и я по себе узнала, как мало стоят

умозрительные воспоминания, когда каждую секунду находишь новую деталь. Открыла я для себя и поразительную разницу между зрением и осязанием: запомнила я глазами, а не пальцами. Пришлось беречься со всех сторон: голову, ноги, бока. Уму непостижимо, сколько ошибок и расчетов я умудрилась вместить всего в несколько ярдов. Кажется, к развилке я шла ужасно долго. Там я взвесила, вернуться ли к старой часовне или подняться по другому проходу к памятнику, о котором ты рассказывал. Почему-то последнее представилось более достижимым. Должно быть, тебе я верила больше, чем себе. Ты не побоялся войти в этот проход, а я бы не побоялась из него выйти.

Я с силой сжал ее руки — я уже держал обе. Она покрылась легким румянцем, с любовью посмотрела на меня и продолжила:

— Отчего-то подъем внушал больше надежд, чем спуск. Я словно всплывала к воздуху и свету и уже скоро уперлась в тупик, потому что не могла нащупать вокруг ничего, кроме твердого камня. На миг у меня снова упало сердце, но я взяла себя в руки. Я знала, что выход должен быть, и нашла железные скобы, о которых ты рассказывал. И тогда — слава Богу за Его милость! Когда камень

сдвинулся, я увидела свет и вновь вдохнула свежий воздух. Они словно вернули мне смелость и осторожность. До сих пор я не волновалась о похитителях — голова была забита тем, как бы пройти по туннелю. Но теперь я пришла в себя и решила не рисковать. Как же я обрадовалась, увидев, что это ты целишься в меня!

Глава XXXII. Потерянное послание

Всё взвесив, мы решили, что лучше будет вернуться туннелем в старую часовню. Час был очень ранний — такой ранний, что, вероятнее всего, в доме еще никто не проснулся; если Марджори попадет к себе незамеченной, она не возбудит любопытства, а то уж очень пыльный и всклокоченный у нее был вид. Ее тяжелый путь во тьме по длинному коридору не обошелся без множества трудностей. Платье порвалось в нескольких местах, от шляпки почти ничего не осталось, даже волосы растрепались, отчего их приходилось вновь и вновь убирать пыльными пальцами.

Она заметила мою улыбку — и думаю, это слегка ее уязвило, поскольку она вдруг заявила:

— Идем же скорей! Ужасно стоять среди бела дня в таком премерзком состоянии. В темноте и то лучше!

Без дальнейших промедлений я зажег свою лампу, и мы — закрыв, конечно, за собой проем — вернулись в пещеру.

Поначалу прогулка по туннелю не казалась долгой или трудной. Возможно, ее упростило предварительное знакомство: уж точно сгладились все местные ужасы. А возможно, страх и тяготы развеялись из-за того, что мы были вместе.

Так или иначе, мы даже удивились, как быстро очутились в грубо вырубленной камере, ступени из которой вели в старую часовню. Прежде чем покинуть ее, мы бегло осмотрелись, освещая лампой стены, пол и потолок, поскольку меня не покидало ощущение, что проход из замка — а я был уверен, что его не может не быть, — ведет сюда. Однако мы не нашли внешних признаков прохода: стены были сложены без раствора, из массивных валунов и выглядели незыблемыми, как сама скала.

Поднявшись в часовню, мы порадовались предусмотрительности Марджори. В углу дожидалась ее корзинка с мылом, полотенцем, кувшином и щеткой; вместе мы вернули облику Марджори видимость приличия. Затем она отправилась в замок и вошла незамеченной, насколько я видел из своего убежища среди деревьев. Я же вернулся через туннель, а затем направился в лес, где был спрятан мой велосипед.

Я вымыл руки в ручье и, улегшись в густых зарослях орешника, проспал до завтрака. Подъехав к замку, я нашел Марджори на прогулке с кодаком — она снимала виды с разных сторон.

Утро выдалось ужасно жарким, а уж здесь, в низине посреди леса, воздух стоял спертый и солнце нещадно пекло. Мы накрыли стол под сенью деревьев и позавтракали на природе.

Затем, оставшись с Марджори наедине в ее будуаре, мы договорись о попытке поискать сокровище в полночь, когда начнется отлив. Для подготовки мы спустились в библиотеку, чтобы перечитать повесть дона де Эскобана, подмечая каждое слово и каждый знак тайнописи в надежде, что мы наткнемся на новый секрет или скрытое послание.

За этим занятием нас застал слуга, искавший миссис Джек, которой незнакомец доставил письмо. Марджори объяснила, где ее можно найти, и какое-то время мы продолжали свою работу.

Вдруг дверь открылась и появилась миссис Джек, разговаривая через плечо с темноволосым мужчиной благородного вида, вошедшим следом. Увидев нас, она остановилась и сказала, обращаясь к Марджори:

— О! Дорогая моя, я и не знала, что ты здесь. Я

думала, ты в женской комнате.

Так они обычно звали между собой покои наверху замка. При виде незнакомца мы оба встали: я — поскольку что-то в его лице насторожило меня; что до Марджори, то я не мог не заметить, как она выпрямилась в полный рост и держалась с напряжением и вызовом, которые порой выдавали ее боевой дух и породу. Причин для этого вроде бы не было, поэтому я отвлекся от незнакомца, присматриваясь к Марджори.

Миссис Джек заметила некоторую неловкость и торопливо заговорила:

— Это тот господин, дорогая, о котором писал агент: он хотел осмотреть дом, и я решила сопроводить его сама.

Незнакомец, видимо заметив ее извиняющийся тон, подхватил:

— Надеюсь, я не потревожил сеньору — иначе прошу прощения! Я пришел лишь освежить память о месте, которое было дорого мне в юности и по прошествии времени досталось мне в наследство.

Марджори улыбнулась и сделала книксен, ответив все еще отчужденно:

— Так, значит, это вы владелец замка, сэр. Надеюсь, мы вам не мешаем. Если вам угодно остаться

одному, мы с радостью удалимся и подождем сколько потребуется.

Вскинув руку в красноречивом жесте возражения — ухоженную руку дворянина, — он сказал ласково и почтительно:

— О! Молю, не утруждайтесь. Позвольте сказать, что, когда мой дом благословлен такой красой, я слишком переполнен благодарностью, чтобы ее отвергнуть. Я лишь осмотрюсь, поскольку здесь меня ждет некая обязанность. Увы! Мое наследство не только сопровождается радостью, но и отягощается важным долгом, которому я обязан следовать. Я хорошо знаю эту комнату. Не раз мальчишкой сидел я здесь со своим родственником, тогда таким пожилым и далеким от меня; и все же я его преемник. Здесь он рассказывал мне о былом, о моем роде, чьей фамилией мы так гордимся, и о серьезной обязанности, что однажды может лечь на меня. Если б я только мог рассказать… — Тут он прервался.

Все это время его взгляд блуждал по библиотеке, обшаривая полки и редкие картины на стенах. Но, остановившись на столе, его глаза приняли странное выражение. Там лежала рукопись, которую мы читали, и точечная тайнопись. На последнюю он и уставился во все глаза.

— Откуда это у вас? — спросил он вдруг, показывая на нее.

Нам следовало бы обидеться на столь безыскусное прямодушие, но голос его был таким добрым и почтительным, что меня совершенно обезоружил. Я уже хотел ответить, когда встретился глазами с Марджори и замер. Ее взгляд был столь многозначителен, что мой забегал в поисках его причины. Тут она опустила глаза на стол перед собой и словно бы нервно забарабанила пальцами. Для меня это, впрочем, не было признаком нервозности — она говорила со мной на нашем шифре.

«Берегись! — передавала она. — Какая-то тайна! Говорить буду я».

Затем, повернувшись к незнакомцу, она сказала:

— Любопытная вещица, верно?

— Ах, сеньора, сколь бы ни была она любопытна сама по себе, это ничто в сравнении с загадкой, как она здесь оказалась. Если бы вы только знали, как отчаянно ее искали: весь замок перерыли сверху донизу — и все втуне. Понимай вы важность этой бумаги для меня и моего рода — ведь столько несчастных поколений ничего не добились, — вы бы простили мой интерес. В

юности я участвовал в обыске замка — тогда не осталось нетронутым ни угла, даже все тайники раскрыли заново.

Пока он говорил, Марджори не сводила глаз с его лица, но ее пальцы выстукивали послания мне.

«Значит, здесь есть тайники — и он их знает. Жди».

Незнакомец же продолжал:

— Послушайте, я объясню, что спрашиваю не из праздного любопытства, а из глубокого чувства долга, лежащего на мне и моих предках много веков.

Теперь к его серьезному почтению примешалась суровость — очевидно, его несколько раздосадовало или возмутило наше ответное молчание. Он отошел от стола к шкафу и, поискав глазами, снял с полки над головой толстый том в кожаном переплете. Его он положил на стол перед нами. Это был красивый старинный свод законов с заметками на полях черным шрифтом и заголовками с римскими цифрами. Пагинация, насколько я видел, когда он открыл книгу, шла не по страницам, а по листам. Он нашел титульный лист с набранным разнообразными шрифтами текстом, пояснявшим содержание книги. Гость

принялся читать нам вслух параграфы, имевшие форму треугольников — по моде тех времен.

Водя по строкам указательным пальцем, он говорил:

— «Собрание действующих законов на английском языке, от начала Великой хартии, принятой в девятом году правления короля Г. III, до конца заседания парламента, проведенного на двадцать восьмом году правления нашей милостивой королевы Елизаветы, по алфавиту расположенных. Законы исполняемы (в том числе те, что в ведение мировых судей входят), как то завещано в изданной книге их ведомства. Для какой цели…» — И так далее и тому подобное…

Затем, перевернув страницу, он указал на поблекшую надпись на обратной стороне, свободной от шрифта. Мы наклонились и прочитали чернила, поблекшие со временем до бледно-коричневого цвета:

> «Сыны мои, здесь вы найдете закон касаемо чужеземцев в этом краю, когда те есть путешественники, дома не имущие.
> Ф. де Э.
> XXIII. X. MDLXLIX»

Тут он быстро пролистнул до места, где не хва-

тало страниц. На правой, где указывался номер листа, значилось число 528.

— Видите, — сказал он, возвращаясь к титульному листу и указывая пальцем. — Год тысяча пятьсот восемьдесят восьмой. Триста лет с тех пор, как этой книгой впервые воспользовался мой род.

Затем он отлистал обратно и взглянул на лист перед недостающими страницами — 510-й.

— Видите, — сказал он, положив руку на страницы. — Лист пятьсот одиннадцатый, заголовок — «Скитальцы, попрошайки и так далее».

Он с благородным видом сложил руки на груди и замер в молчании.

Все это время я, слушая незнакомца, следовал за ходом собственной мысли и в то же время воспринимал предупреждения Марджори. Если хозяин замка знал о существовании тайнописи, если его предкам принадлежала книга с подписью «Ф. де Э.», он не мог быть никем иным, кроме как потомком дона Бернардино, спрятавшего клад. Это его замок — неудивительно, что он знает тайные проходы.

Дело усложнялось. Если это и есть наследный страж тайного сокровища — а из-за его сходства с привидением испанца, виденным в процессии на

Уиннифолде, я не имел причин в том сомневаться, — он может оказаться врагом, с которым нам придется иметь дело. Я пришел в замешательство и, боюсь, на несколько секунд потерял голову. Потом меня захлестнуло осознание, что даже эти мгновения мучительного молчания выдают наш секрет. Это мигом привело меня в чувство, и я огляделся. Незнакомец стоял неподвижно, словно изваянный из мрамора: его лицо застыло, и ничто не выдавало в нем жизни, кроме полыхающих, все подмечающих глаз. Миссис Джек убедилась, что не понимает происходящего, и попыталась самоустраниться. Марджори стояла у стола оцепенелая, прямая и побелевшая.

Поймав мой взгляд, она тихо выстучала пальцами: «Отдай ему бумаги — от миссис Джек. Найдены в старом дубовом сундуке. Не говори о переводе».

Маневр выглядел так сомнительно, что я задал одними глазами вопрос. В ответ она кивнула.

Тогда я собрался с силами и произнес:

— Боюсь, сэр, все это какая-то загадка, и мне она не по зубам. Думаю, впрочем, я могу сказать за свою подругу миссис Джек, что вы можете с полным правом забрать ваши бумаги. Мне говорили, они давеча найдены в старом дубовом сундуке.

Удивительно, что они пропали на такой срок. Нас привлекли странные символы. Мы решили, что это некая криптограмма, и, судя по тому, что вы их искали, мы не ошиблись?

Он вмиг посуровел, весь застыл. Марджори заметила это и поняла причину. Улыбнувшись мне одними глазами, она выстучала по столу: «Он поверил!»

Поскольку неловкое молчание теперь хранил незнакомец, мы уже ждали со сравнительным спокойствием. С некоторым удивлением я заметил, что к высокомерию Марджори примешивается и капелька злорадства оттого, что собеседника удалось сбить с толку.

Я посмотрел на миссис Джек и сказал:

— Позвольте отдать бумаги мистеру…

— Ну разумеется! Если они нужны мистеру Барнарду… — тут же ответила она.

Марджори вдруг повернулась и удивленно спросила:

— Мистер Барнард?

— Так он назван в письме, которое принес, дорогая!

На это немедленно откликнулся незнакомец:

— Здесь я мистер Барнард, но в родной стране я ношу старинную фамилию. Благодарю вас, сэр

— и мадам, — он повернулся к миссис Джек, — за любезное предложение. Но у меня будет достаточно времени ознакомиться с потерянными страницами, когда, пережив несчастье вашего отъезда из моего дома, я смогу перебраться сюда жить. Я лишь прошу вернуть их в книгу и поставить ее на место, боле не тревожа.

Говорил он все еще добрым, почтительном тоном, но что-то в его взгляде или манерах не совпадало с этим тоном: то, как жадно бегали глаза, как тяжело он дышал, расходилось с его речами о терпении. Впрочем, я не показал, что заметил это, — я вел свою игру. Ни слова не говоря, аккуратно вложил страницы в книгу и вернул ее на полку, откуда мистер Барнард прежде ее снял. На лице Марджори застыло странное выражение, которого я не понимал, а поскольку она не давала мне намека на нашем языке знаков, мне оставалось только ждать.

Глядя на незнакомца с вызовом и явственно воинственным выражением, она сказала:

— Агент нам сообщил, что замок принадлежит семейству Барнардов!

Тот мрачно поклонился, но его лицо вспыхнуло от гнева жарким румянцем, когда он ответил:

— Он говорил только то, что знал.

Ответ Марджори не заставил себя ждать:

— Но вы говорите, что сами из этой семьи, а записка, которую вы же и показали, подписана «Ф. де Э.».

И вновь он побагровел, но так же быстро краска отхлынула, оставив его бледным, как покойник. После недолгой паузы он ответил с ледяной любезностью:

— Я уже сказал, сеньора, что в этой стране наше имя — мое имя — Барнард. Это имя принято века назад, когда свобода великой Англии была не та, что сейчас, когда терпимость к чужестранцам была не чета нынешней. В своей стране, стране своего рождения, колыбели моего народа, я ношу имя дон Бернардино Иглесиас Палеолог-и-Сантордо-и-Кастельнуова де Эскобан, граф Минурки и маркиз Сальватерры!

Перечисляя титулы, он распрямился в полный рост, и гордость за свой народ действительно сияла на его лице.

Марджори по другую сторону стола тоже горделиво распрямилась, и в тоне ее ответа чувство собственного достоинства боролось за господство с презрением:

— Значит, вы испанец!

Глава XXXIII. Дон Бернардино

Отвечая, незнакомец держался, если это только возможно, с еще большей надменностью:

— И для меня это великая честь.

— А я, сэр, — сказала Марджори, тягаясь с ним своей гордостью, — американка!

Перчатка брошена.

Какое-то время — из-за напряжения показавшееся очень долгим, но наверняка не прошло и полминуты — они сверлили друг друга взглядами: представители двух народов, чье смертельное состязание приковало взоры всего мира. Так или иначе, я успел оценить сложившееся положение и восхититься обоими. Таких представителей как латинской, так и англосаксонской расы было еще поискать. Дон Бернардино с его высоким носом с горбинкой и черными глазами орлиной зоркости, горделивой осанкой и той смуглостью, что говорит о мавританском происхождении, представлял собой, несмотря на современное платье, картину, какую не постыдился бы написать и сам Веласкес или воспроизвести Фортуни.

А Марджори! Воплощение духа своего свобод-

ного народа. Дерзость ее позы, раскрепощенность манер, нескрываемые отвага и вера в себя, отсутствие и ханжества, и застенчивости, живописная, благородная красота сурового белого лица и горящих глаз складывались в неизгладимый из памяти образ: так она встретила врага своей страны. Даже ее враг ненароком впал в восхищение, и в нем властно заговорила его мужская природа.

Слова дона были любезны, а речь — полна легкого изящества, ничуть не терявшего от напускного спокойствия:

— Увы, наши народы воюют, сеньора, но, согласитесь, ни к чему поминать правила поля боя, когда люди, пусть даже исключительно преданные своим странам, встречаются на нейтральной земле!

Было очевидно, что Марджори даже при всем своем остроумии не нашлась с подходящим ответом. Прощение врагов не назвать сильной стороной любой женщины — не так их воспитывают. Единственное, что она смогла ответить, — это повторить:

— Я — американка!

Испанец почувствовал преимущество своего положения, и снова в его словах слышалась его мужская природа:

— И все добрые женщины, как и мужчины, должны быть верны своему флагу. Но, о сеньора, даже прежде национальности стоит пол. Испанский народ не ведет войну с женщинами!

Похоже, он вправду верил в свои слова, ибо гордый свет в его лице не мог принадлежать ни подлецу, ни лжецу. Сознаюсь, ответ Марджори я выслушал в изумлении:

— В reconcentrados хватает как мужчин, так и женщин. Женщин даже больше, ведь мужчины воюют!

Страстная презрительная усмешка на ее губах придала силы оскорблению, укол пустил кровь. Багровая волна прилила к смуглому лицу испанца — лбу, ушам и шее, — покуда в этот мимолетный миг страстной ненависти не показалось, что его омывает красный свет.

Тогда-то передо мной действительно предстал человек из видения на Уиннифолде.

Марджори, по-женски ощутив свое превосходство при виде гнева на лице испанца, продолжала безжалостно:

— Женщины и дети, согнанные вместе, как скот, — их бьют, морят голодом, пытают, высмеивают, стыдят, убивают! О! Испанцу дарит гордость мысль, что, когда мужчин нельзя покорить даже

за полвека свирепого гнета, растерянные враги отыгрываются на беспомощных женщинах и детях!

Красное лицо испанца побелело — смертельная бледность, казавшаяся в темной комнате серой. А с холодностью пришла и ее сильная сторона — самообладание. Я почувствовал, что во время этой недолгой перемены он обрел мрачную решимость мести. Проблески воспоминаний и чутье напомнили мне, что этот человек из того же народа и сословия, откуда вышли правители и угнетатели его страны, — инквизиция. Такие же глаза горели на смертельно бледных лицах, глядя на пытки, само воспоминание о которых ужасает мир и столетия спустя. Но при всех своих страстных ненависти и стыде он ни на секунду не утратил достоинства или благородства манер. Невозможно было не подумать, что смертельный удар этот человек наносит с легким изяществом. Отчасти его чувства передались речи — возможно, скорее интонации, чем словам, — когда после паузы он произнес:

— На эти мерзкие деяния я смотрю лишь с возмущением и скорбью, но в истории нации они неизбежны. Долг солдата — подчиняться, пусть даже бунтует его сердце. Помнится, и ваш

великий народ не отличался заботой… — как же теперь он насмехался с отточенным сарказмом, — …в обращении с индейцами. Даже во время вашей великой войны, когда шло братоубийство, покоренные видели лишь тяготы — даже беспомощные женщины и дети. Или я неверно слышал, что один из ваших самых прославленных генералов на вопрос, что станется с женщинами в разрушительном марше, о котором он распорядился, ответил: «Женщины? Я не оставлю им ничего, кроме глаз, чтобы плакать!»[42] Но в этой войне меня тяготит все то же, что и сеньору. Быть может, пострадала она сама или дорогие ей люди?

Глаза Марджори вспыхнули. Выпрямившись во весь рост, она гордо заявила:

— Сэр, я не из тех, кто скулит от боли. Я и мой народ, как и наши предки до нас, знаем, как справляться со своими бедами. Мы не склонимся перед Испанией — не больше, чем когда мои великие пращуры вышвырнули испанцев из Западного Мэна, когда моря горели от пылающих мачт, а берега ощетинились от обломков ваших кораблей!

---

[42] Примечания: 42

Имеется в виду марш генерала Шермана к морю в 1864 году — поход армии Севера во время Гражданской войны в США, сопровождавшийся тактикой «выжженной земли».

Мы, американцы, не из того теста, чтобы сгонять нас в reconcentrados. Мы не боимся умирать! Что до меня, то триста лет, прошедшие без войны, все равно что сон: я смотрю на Испанию и на испанцев глазами и с чувством моего великого двоюродного прадедушки сэра Фрэнсиса Дрейка!

Во время ее речи дон Бернардино начал успокаиваться. Он еще оставался смертельно бледен, еще тускло светились его глаза, словно фосфор в глазницах черепа, но он овладел собой — и мне показалось, он напрягает для этого все силы. Возможно, он устыдился своей вспышки чувств, тем более на глазах у женщины; во всяком случае он явственно настроился сохранять спокойствие или хотя бы его видимость.

Оборотившись к миссис Джек, он сказал со всем изяществом и вежливостью:

— Благодарю за ваше столь любезно дарованное разрешение вновь навестить свой дом. Однако, надеюсь, вы позволите, не принимая близко к сердцу, мне удалиться, коль мое присутствие вызывает столько волнений — о чем я скорблю и за что молю о прощении.

Мне он чопорно поклонился с некой снисходительностью и наконец, взглянув на Марджори, добавил:

— Надеюсь, сеньора поверит, что даже испанец может жалеть о причиненной им боли; и есть обязанности, которые джентльмен соблюдать должен: потому, что он джентльмен, и потому, что он чтит возложенное на него доверие сильнее простолюдинов. Она поймет важность зова моего долга, ведь она сама не иначе как новая патриотка, что возродит на Западе славную память нашей Агустины де Арагон. Молюсь, чтобы наступило время, когда она все это увидит — и поверит в это!

Затем в поклоне, воплощавшем старомодные такт и любезность, он согнулся почти до земли. Машинально поклонилась и Марджори. Ее не подвела выучка хорошим манерам — даже патриотическому воодушевлению порой не расколоть ледяной барьер светского этикета.

Когда испанец ушел — широким шагом, но держась с невообразимой надменностью, — миссис Джек, бросив на нас взгляд, двинулась за ним. Я инстинктивно тронулся следом: в первую голову — чтобы спасти миссис Джек от неловкой обязанности провожать его, а кроме того — с чувством, что между ним и мной еще ничего не кончено. Никто не мог враждовать с Марджори и притом заслужить или сохранить мою благосклонность.

Но Марджори остановила мой порыв и шепотом попросила остаться. Так я и сделал, ожидая ее объяснения. Она пристально вслушивалась в удаляющиеся шаги. Когда мы услышали гулкий стук тяжелой внешней двери, она вздохнула свободно и сказала мне с облегчением в голосе:

— Я знаю, вы бы подрались, если бы сейчас оказались наедине!

Я улыбнулся, потому что только-только сам начинал понимать, что чувствую. Марджори осталась на своем месте за столом, и я видел, как глубоко она погрузилась в мысли. Наконец она произнесла:

— Я наговорила этому джентльмену много жестоких слов. О! Но он джентльмен — воплощает само старое понимание этого слова[43]. Такая гордость, такая надменность, такое презрение к простому народу, такая приверженность идеям, такая преданность чести! Это в самом деле было очень жестоко и невеликодушно с моей стороны, но что мне оставалось? Я должна была его распалить и знала, что со мной он спорить не сможет. Ничто иное не отвлекло бы нас всех от шифра.

Ее слова потрясли меня до глубины души.

---

[43] Примечания: 43

Джентльмен — буквально в переводе с англ. «благородный человек».

— Ты хочешь сказать, Марджори, — спросил я, — что все это время разыгрывала роль?

— Не знаю, — ответила она задумчиво. — Я не солгала ни словом, даже когда ранила его сильнее всего. Полагаю, это во мне говорила американка. И все-таки одновременно мною двигала собственная цель, собственный мотив. Полагаю, это во мне говорила женщина.

— И что же это за цель или мотив? — спросил я снова, искренне не понимая.

— Не знаю! — наивно призналась она.

Я чувствовал, что она что-то скрывает от меня, столь нежное или столь глубоко погребенное в сердце, что сама уже попытка это скрыть служила робким комплиментом. И, счастливо улыбнувшись, я сказал:

— А это в тебе говорит девушка. Девушка американская, европейская, азиатская, африканская и полинезийская. Девушка прямиком из Эдемского сада, воистину боговдохновенная!

— Дорогой! — воскликнула она, глядя на меня влюбленными глазами. И большего не требовалось.

Днем мы обсуждали утреннего посетителя. Миссис Джек говорила мало, но время от времени заклинала Марджори вести себя осторожней.

На вопрос о причине ее предупреждений она ответила только:

— Не нравится мне человек с таким взглядом. И не знаю, что хуже: когда он холоден или когда горяч!

Я так понял, что в главном Марджори была с ней согласна, но не чувствовала тех же опасений. Марджори умела беспокоиться за других, но не за себя. К тому же она была юна, а противник был мужчиной — притом гордым, и очаровательным, и интересным.

Во второй половине дня мы обговорили визит в пещеру сокровищ. Мы оба чувствовали, что стоит поторопиться, раз дону Бернардино известно о существовании тайнописи. Он не побоялся сказать об этом открыто, хотя и, разумеется, не подозревал о полноте наших знаний — о доставшемся ему по наследству тяжелом долге, о возможных трагических последствиях.

Когда мы обсуждали, сможет ли он сам расшифровать криптограмму, Марджори вдруг спросила:

— Ты же в точности понял, почему я попросила сразу отдать бумагу?

— Куда мне заявлять о точном понимании мотивов красивой женщины, — ответил я.

— Даже если она объяснит сама?

— Ах! Тогда настоящая загадка только начинается! — Я поклонился.

Она улыбнулась и ответила:

— Мы с тобой падки на тайны. Поэтому мне лучше объяснить все сразу. Этот человек не знает секрета. Я в этом уверена. Он знает, что секрет есть, знает его часть — но только часть. В его глазах не было бы того рвения, если бы он уже все знал. Предположу, что дон Бернардино где-то сохранил копию своей истории. И, конечно же, не может не быть упоминаний о сокровищах в тайных архивах Симанкаса, Квиринала[44] или Ватикана. Ни испанские короли, ни папы не упустили бы такое сокровище из виду. Разумеется, возможно и то, что он обладает неким ключом или подсказкой. Ты заметил, как он с ходу сказал о тайном смысле записки в начале свода законов? Не отдай мы бумагу сразу, он бы надавил и потребовал ее, а мы бы не смогли отказать, не выдав что-либо самим отказом. Теперь ты лучше понимаешь, чего я хотела? Можешь еще раз про-

---

[44] Примечания: 44

Симанкас — город в Испании, в котором находится Генеральный исторический архив Испании. Квиринал — один из семи холмов Рима; на нем расположен Квиринальский дворец — официальная резиденция главы Италии.

стить мои скверные манеры? Вот о чем я жалею больше всего в сегодняшней встрече. Прольет ли это для тебя свет на тайну женского разума?

— Еще бы, дорогая! Еще бы! — воскликнул я, заключив ее в объятья.

Она подалась навстречу легко и с любовью, и я не мог не увериться, что эта, пусть недолгая, уступка нежности облегчила тяготившую ее ношу. Ведь моя Марджори, хоть и сильная, и отважная, была лишь женщиной.

В шесть часов я отправился обратно на мыс Уиннифолд, потому как хотел быть во всеоружии к нашему предприятию и не упустить ни секунды отлива. Мы условились, что Марджори одна приедет в дом — в наш дом.

Глава XXXIV. Посвящение в рыцари

К прибытию Марджори я был полностью готов к экспедиции. Ее поджидало несколько свертков. Когда она вышла ко мне из комнаты, куда ушла переодеться, их предназначение раскрылось. Она появилась во фланелевом платье для тенниса — достаточно коротком, чтобы обнажить пляжные туфли на босых ногах.

Она увидела, что я это заметил, и сказала, слегка зардевшись:

— Как видишь, я оделась подобающе: в прошлый раз ты вернулся такой промокший, что я решила подготовиться получше.

— И правильно, дорогая, — сказал я. — Твоя прелестная головка мыслит верно.

Мы тут же спустились в подвал, где я уже подготовил лампы и свечи. Я научил Марджори самостоятельно спускаться и подниматься — на случай если со мной что-то произойдет. Это подчеркнуло опасность нашего предприятия. Ее лицо чуть нахмурилось, но цвета не сменило: я видел, что все ее тревоги — обо мне и отнюдь

не о себе.

Мы постарались принести в достатке спичек и свечей, а также запасной фонарь и банку с маслом, факелы и красные и белые шашки. Все это лежало в жестяном ящике, чтобы не промокло. Я собрал сэндвичи с мясом, а также взял бутылку воды и флягу бренди, поскольку исследования могли затянуться. Отлив еще не начался, кое-где вода доходила до пары футов, но мы решили не ждать, чтобы выиграть больше времени.

Вначале я отвел Марджори по туннелю в глубь суши, чтобы она освоилась с расположением пещерной системы. Однако вода еще недостаточно спáла, чтобы показать более глубокое отверстие, ведущее, по моему предположению, в другие пещеры — возможно, затопленные всегда. Затем мы вернулись и дошли до обломков от взрыва в устье пещеры. Я заметил, какое впечатление произвела на Марджори здешняя тишина. Вода, просачиваясь в бесчисленные щелки и расколы в груде камней, в пути утрачивала весь свой напор. Здесь подъем и спад волн нельзя было ощутить: вода поддерживала свой уровень безмолвно, не считая непрестанного журчания, присущего любым течениям, и такого постоянного, что оно и не кажется звуком. Мы осознали, что здесь, в недрах

земли, мы не заметим и самого бешеного шторма, а с этим — следствие неизбежное — пришла и удручающая мысль о нашей беспомощности в том случае, если в сем природном узилище что-то пойдет не так.

Марджори скакала по скользким камням, словно юная лань, а когда мы миновали природную арку в следующую пещеру, ее восторгу не было предела. Она так спешила, что я нашел нужным попросить ее замедлиться, чтобы запоминать окружение. Надо было смотреть не только вперед, но и назад, чтобы не заблудиться на обратном пути. Я напомнил об осторожности, показав большую бухту прочной веревки, конец которой был привязан к канату на лебедке в подвале.

— Помни, дорогая, — сказал я, — ты должна быть готова ко всему, а если придется, то и вернуться одна, в полной темноте.

Она чуть содрогнулась и приблизилась ко мне — я почувствовал, что это было больше от желания меня защитить, нежели от страха.

В проходе, где я в первый раз обнаружил воду, доходившую почти до потолка, пришлось подождать: перед нами, где пещера опускалась ниже всего, вода еще касалась сводов. Мы запаслись терпением, насколько могли, и примерно через

полчаса сумели пройти. Впрочем, мы промокли до нитки, ведь над водой оставались только наши лица да лампы — и, конечно же, жестяной ящик со свечами, спичками и провизией, который я старался не замочить.

Удовольствия Марджори при виде большой красной пещеры было не передать словами. Когда я зажег красную шашку, все заполнило ослепительное сияние, обнажая все щелки и закоулки и разбрасывая тени, похожие на черный бархат. Природный цвет гранита совпадал с цветом шашки, невероятно усиливая эффект. Мы словно оказались во сне о сказочной стране, и в порыве восторга Марджори обняла меня. Затем, когда шашка погасла и последние искры упали в естественную тьму, казалось, словно и нас, и все вокруг залил мрак. Слабые пятна света от ламп в наших ослепленных глазах лишь углубляли окружающую тьму.

Марджори предложила прежде всего исследовать пещеру. Я уступил, поскольку было важно тщательно ознакомиться со всевозможными выходами. Я еще отнюдь не был уверен, что мы сразу же доберемся до пещеры с сокровищами. Здесь, вокруг нас, все было красным: мы находились в слое сиенита. Побывав здесь впервые,

я не видел пещеру освещенной — лишь там, где падал хилый луч моего велосипедного фонаря. Конечно, только что сожженная красная шашка могла сбить меня с толку, затопив все слишком ярким светом. И в этот раз я достал из ящика и зажег белую шашку. Ее эффект был мрачнее и неприятнее. В обнажающем сиянии все углы торчали столь твердо и холодно, столь отталкивающе, что Марджори инстинктивно прильнула ко мне. Впрочем, пока свет горел, я удостоверился хотя бы в одном: вокруг нас был сплошь красный гранит. Цвет, формы и текстура говорили об одном и том же: мы уже миновали страту гнейса и вошли в страту сиенита. Я призадумался, хотя и не признался в этом Марджори. Одной из путеводных звезд в повести дона было описание пещеры: «Черный камень — ошую и красный — одесную». В Широкой гавани гнейс и красный сиенит встречаются, и кое-где их страты сплавлены друг с другом, словно огнем. На утесе тут и там можно найти места, когда и не поймешь, где начинается одна порода и кончается другая. Однако в центральном заливе, к северу от моего дома, в утесе есть низина, заполненная толстым слоем глины, яркая от травы и диких цветов. Здесь в сырую погоду по крутому склону бежит неболь-

шой ручеек, еле сочась всухую. Там-то и проходит природный, или главный, раздел геологических формаций, по обе стороны которого находятся разные породы, — и где-то там я ожидал найти пещеру. Конечно, хоть я и взял с собой компас, определить местоположение низины было невозможно. Однако я знал, что в целом направление нашего движения должно вести направо, а следовательно, мы уже миновали пещеру сокровищ и забрались глубоко в край красного гранита. У меня появилась идея — или зачатки идеи, — что попозже нам стоит вернуться по своим следам. Поскольку мой дом стоит на гнейсе, нужно найти, где в туннеле встречаются красные и черные скалы. Оттуда мы бы добрались и к сокровищу. А пока я был не прочь провести время в этой большой каверне. Очевидно, Марджори ее полюбила и пребывала в вихре чувств. А поскольку Марджори — весь мой мир, ее счастье для меня — солнце. В сладостную пору нашей дружбы я осознал истинность молитвы возлюбленного из прелестных стихов Геррика:

Дайте лишь то, что лента обняла, Ли-

шите остального до утра[45].

Каждый день и каждый час словно открывали моим глазам новые красоты характера и натуры моей жены. А она уже свыкалась с нашими новыми отношениями, и при ее уверенности в собственном счастье и в доверии к мужу с новой силой проявлялись игривые и нежные ее стороны. Временами я не мог не чувствовать, что все к лучшему: что сама сдержанность в начале нашей супружеской жизни пойдет нам обоим лишь на пользу в будущем. Если бы все молодые супруги понимали истинное предназначение старомодного медового месяца, тех подробных знаний о характере, что являются в мгновения бессознательного откровения, мы бы видели больше отрицательных ответов на большой философский вопрос XIX века: «Неужели брак — это крах?» Было, однако, очевидно, что Марджори не торопится покидать пещеру. Она все тянула и тянула; наконец, покорившись ее порыву, донесенному — ибо вслух она ничего не говорила — теми тонкими женскими способами, каким

[45] Примечания: 45
На самом деле автор этих строк — Эдмунд Уоллер, стихотворение «О грации» (в оригинале имеется в виду грация как род корсета, лента относится к нему же).

я, хоть и не понимая их устройства, уже привык подчиняться, я зажег факел. Подняв его повыше и с удовольствием отметив, как свет пляшет в прелестных глазах моей жены, когда она восторженно хлопает в ладоши с несдержанной радостью ребенка, я сказал:

— Ее величество желает осмотреть свои новые владения. Раб слушается и повинуется!

— Веди же! — объявила она. — Ее величество довольно сообразительностью консорта и беспромедлительным следованием ее пожеланиям. И ох, Арчи, как же здесь чудно!

Мы оба рассмеялись от перепада в стиле речи и, взявшись за руки, словно дети, обошли пещеру кругом. В ее верхнем конце, почти противоположном от нашего входного туннеля, мы нашли место, где из ровного пола под нависающей над головой, как балдахин, красной стеной торчал большой валун. Это был какой-то центр особой твердости, не истершийся в перемалывании воды и перекатывании гальки, которые некогда, несомненно, и сгладили пол. В мерцающем сиянии факела, слабом в такой просторной пещере, одинокий камень под каменным пологом, отражавший свет поблескивающей поверхностью, виделся подлинным троном.

Нам обоим одновременно пришла идея. Еще не договорив, я увидел, как Марджори сдвинулась с места:

— Соизволит ли ее величество занять престол, что ей приготовила сама наша повелительница Природа?

Она взяла палку, с помощью которой поддерживала равновесие в глубокой воде, и, воздев как скипетр, заговорила — ее нежный голос звучал музыкой, отражаясь от всех закоулков пещеры:

— Ее величество, взойдя на трон, а значит, формально приняв власть над королевством, оглашает свой первый указ: удостоить ее первого и дражайшего подданного рыцарским званием. Преклони колено пред королевой. Отвечай согласно своей любви и преданности. Клянешься ли подчиняться пожеланиям своей королевы? Будешь ли любить ее верно, истинно и чисто? Готов ли хранить ее в глубине души, уступая всем ее истинным велениям сердца, впредь и во веки веков? Ты… меня… любишь?..

Она замолчала — перехватило дыхание от нахлынувших чувств. На глазах навернулись слезы, губы задрожали. Меня мигом обуяло пламя преданности. Тогда — да и сейчас, оглядываясь назад, — я понял, как в прошлом, когда преданность

была страстью, сердце юного рыцаря расцветало и распускалось в миг дозволения верности. И потому отвечал я всей своей душой и сутью:

— Я люблю вас, о милостивая королева. Отныне я принимаю все наложенные на меня обеты. Я буду хранить вас в глубине души вечно. Буду почитать и ценить, пока смерть не разлучит нас. Буду уважать и соблюдать каждое ваше истинное пожелание, как уже обещал на берегу и у алтаря. И куда бы ни шли мои ноги согласно вашей воле, моя королева и моя любовь, они пройдут твердо до самого конца. — Тут я замолчал, не решаясь сказать больше: я сам весь дрожал, а слова стали комом в горле.

Марджори склонилась ко мне, стоящему на коленях, коснулась скипетром моего плеча и произнесла:

— Встаньте, сэр Арчибальд, мой истинный рыцарь и преданный возлюбленный!

Перед тем как подняться, я хотел поцеловать ее руку, но в этом положении соблазнительно близко оказалась ножка. Я наклонился, чтобы поцеловать ее.

Она поняла мое намерение и не сдержалась:

— О, дорогой Арчи, только не мокрую грязную туфлю. — И сбросила ее.

Я наклонился еще ниже и поцеловал босую ногу.

Подняв обожающий взгляд на лицо Марджори, я увидел, что весь румянец выгорел, оставив ее бледной, но она не дрогнула. Тогда я встал, а она сошла со своего трона — в мои объятья. Она прижала голову к моему плечу, и несколько мгновений восторга наши сердца бились в унисон.

Глава XXXV. Папские сокровища

— Теперь, — сказала Марджори, наконец оторвавшись от меня, — перейдем к делу. Нам еще сокровища искать, знаешь ли!

И мы приступили к методичному поиску.

Мы исследовали один за другим все проходы, ведущие от главной пещеры. Одни были узкими и вьющимися, другие — широкими и приземистыми, их потолок опускался все ниже, пока человеку уже невозможно было пролезть. Все они, однако, за одним исключением, сходились к узкой расщелине или даже точке, что свойственно пещерному строению. Исключением служил северо-запад пещеры, откуда отходил высокий и довольно широкий коридор с ровным полом, тоже сглаженным перекатывающейся галькой. На протяжении немалого расстояния он шел прямо, затем понемногу заворачивал направо, все время сохраняя приблизительно прежние пропорции. Наконец потолок ушел так высоко, что мы оказались словно в переулке между высокими домами. Я запалил белую шашку и в ее ничего не утаивающем сиянии заметил, что высоко над головой

скальные стены мало-помалу склоняются друг к другу и наконец соприкасаются. Этот стык прямо над нами был, видимо, самой высокой точкой — после него потолок стремительно снижался до десяти футов от земли.

Чуть дальше мы уперлись в неожиданный тупик.

Это был завал крупных камней с острыми углами, в основании которого лежали валуны всех размеров, как круглые, так и зазубренные. Поблизости лежало вразброс множество камешков, округленных постоянным трением.

Для меня все прояснилось.

— Смотри! — воскликнул я. — Это явно второй проход в ту пещеру. Волны во время прилива или отлива входили с одной стороны и выходили с другой, и за долгие годы пол сгладился вот такой галькой. Затем произошло землетрясение, либо вода сточила опорные скальные стены — и устье обвалилось. Должно быть, сейчас мы на круденской стороне Уиннифолда: мы практически смотрим на север.

Поскольку, очевидно, здесь делать было нечего, мы вернулись в главную пещеру. Поискав глазами, что мы еще не исследовали, Марджори сказала:

— Похоже, здесь нет никаких пещер с сокровищами. Теперь мы обошли все.

Тогда-то я вернулся мыслями к описанию дона: «Черный камень — ошую и красный — одесную».

— Идем, — сказал я, — вернемся туда, где встречаются гнейс и гранит.

На обратном пути пол почти высох — тут и там остались только лужицы в низинах, показывая, что идет отлив. По дороге мы внимательно искали соединение пород и нашли там, где проход с опускающимся потолком упирался в проход, ведущий от заваленного входа пещеры. Однако признаков других туннелей здесь не наблюдалось, а основной был таким же, как под моим домом, — целиком в гнейсе.

Как тут было не почувствовать некоего разочарования. Уже много недель все мои мысли были только о поиске папских сокровищ, и, хоть я верил, что движет мною далеко не жадность, теперь испытывал сильное раздражение. Меня коснулся недостойный страх, будто я упаду в глазах Марджори. Впрочем, это чувство оказалось мимолетным, а уйдя, ушло навсегда. Набросав в блокноте приблизительную схему Уиннифолда, я провел пунктиры там, где, на мой глаз, пролегали

ответвления пещер, а потом начертал линию стыка гнейса и гранита, как ее видно на утесах и на берегу снаружи. Марджори похвалила рисунок; да и сам я, увидев свой расчет черным по белому, понял, что он верен. Пещера с сокровищами обязана находиться где-то между разрушенным входом со стороны Скейрс и обвалом на северной стороне. Логическим выводом было, что если вход существует, то он ближе к обломкам, оставшимся после взрыва испанцев. Мы молча тронулись к тому месту и тут же принялись искать признаки бреши на северной стороне завалов. Покуда я осматривал основание, Марджори забралась на вершину груды. Поводя фонарем по стене, я начал исследовать ее фут за футом, дюйм за дюймом.

Вдруг Марджори вскрикнула. Я вскинул голову. Ее лицо, озаренное лучами фонаря, который я поднял вместе со взглядом по уже въевшейся за время поисков привычке, сияло от радости и возбуждения.

— Гляди! Гляди! — воскликнула она. — О, Арчи, здесь видно верхушку проема. Он завален.

При этих словах она тронула рукой камень на самой вершине — от ее прикосновения он сдвинулся и ухнул с гулким стуком. Я к этому времени уже вскарабкался по скользкой куче и

стоял рядом. Исчезновение камня расширило проем где-то до квадратного фута.

Так мы приступили к разбору кучи камней, только сбрасывали их уже в проход, откуда пришли, чтобы не закупорить место, куда стремились. Верхний слой сдвигался без труда и камни были сравнительно мелкими, лежали свободно, но под ними нас встретила задачка потруднее. Здесь валуны были крупные и неровные, сцеплялись углами и гранями. Впрочем, мы не переживали, а продолжали трудиться. Я не мог не заметить при этом, насколько Марджори не теряла головы в разгар возбуждения: она достала из кармана грубые перчатки и надела их.

Минут через пятнадцать или двадцать мы открыли достаточно широкий проем, чтобы без труда пробраться в него. Я обнаружил, что в моем фонаре масло на исходе, так что пополнил его и фонарь Марджори. Затем, аккуратно придерживая свой, тогда как Марджори повернула луч мне вслед, я преодолел вершину миниатюрной морены и в считаные секунды уже опустился на пол соседней пещеры. Марджори сбросила мне клубок веревок и поспешила присоединиться. Мы двинулись вперед осторожно, поскольку потолок нависал совсем низко — не раз пришлось

сгибаться в три погибели; причем мы шли в воде глубиной пару футов, поскольку пол опускался вместе с потолком. Впрочем, немного погодя потолок поднялся, а проход вильнул резко влево, за ломаную скалу с острыми краями, в которой я уже усмотрел признак встречи двух геологических формаций. Наши сердца оптимистично забились, и мы машинально взялись за руки: теперь мы были уверены, что наконец нашли тайник с кладом.

Поднимаясь по туннелю, шедшему, насколько я мог судить по компасу, под прямым углом от моря, мы отметили, время от времени обращая фонари по сторонам, что слева от нас — черная скала, а справа — сплошь красная. Туннель оказался недлинным — не ровня тем, что мы уже прошли. Секунды спустя — хоть нам и пришлось мешкать, поскольку мы не могли доверять ровности пола, — туннель перед нами начал раздаваться.

Впрочем, когда потолок стал выше, пол тоже поднялся фута на три, и мы уже взбирались по крутому склону, хотя и небольшой высоты. Затем склон снова нырнул, образуя водоем, расстилавшийся перед нами, сколько мы видели в тусклом свете велосипедных фонарей. Поскольку мы

не знали, какая тут глубина, я шагнул в воду, а Марджори трепетно просила быть осторожней. Я обнаружил, что дно очень пологое, и тогда она присоединилась ко мне, и дальше мы шли вместе. По моему совету Марджори отставала на несколько футов, чтобы в случае, если я запнусь или провалюсь в глубокую яму и потеряю фонарь, ее остался цел. Я так сосредоточился на том, что у меня под ногами, опасаясь, как бы Марджори следом за мной не угодила в какую-нибудь скрытую ловушку, что едва ли смотрел перед собой.

Марджори, светившая на ходу во все стороны, вдруг окликнула меня:

— Гляди! Гляди! Справа фигура Сан-Кристобаля со златым Христом на плече!

Я повернул фонарь к изгибу пещеры справа, к которому мы теперь приблизились. Света двух фонарей хватило, чтобы все разглядеть в подробностях.

Из воды, под каменным карнизом поднималась фигура, отлитая Бенвенуто и оставленная здесь доном Бернардино три века назад. Подавшись к ней, я споткнулся; пытаясь удержать равновесие, выпустил фонарь, и тот с шипением упал в темную воду. В проблеске я заметил под Сан-Кристобалем белые кости скелета.

Я инстинктивно крикнул Марджори:

— Стой на месте и береги фонарь: я уронил свой!

— Хорошо, — раздался спокойный ответ. Ее самообладанию можно было позавидовать.

Марджори направила свет фонаря вниз, чтобы мы видели дно, и тогда я обнаружил, что запнулся о железный ящик, подле которого на глубине двух футов лежал теперь мой фонарь. Первым делом я поднял его, стряхнул воду и положил на каменный карниз.

— Погоди, — сказал я. — Сбегаю назад, за факелом!

Жестяной ящик я оставил на вершине груды обломков, когда мы пролезали в отверстие. Я уже повернул назад, когда Марджори окликнула меня, и ее голос, разнесшийся по пещере, был «монотонным и гулким, как у призрака»[46]:

— Возьми с собой мой фонарь, дорогой. Как ты найдешь ящик или даже дорогу к нему в темноте?

— Но не могу же я бросить тебя здесь одну в той же самой темноте.

— О, со мной ничего не случится, — бодро отве-

---

[46] Примечания: 46
Альфред Теннисон «Гвиневра» (пер. С. Карпова), поэма 1857 года.

тила она. — Меня это ничуть не смущает! А кроме того, остаться наедине с Олгарефом и сокровищами — такой опыт мне в новинку. Ты же скоро вернешься, дорогой?

Я почувствовал, что последний вопрос почти перечеркнул ее отважные слова, но знал, что не могу оскорбить ее гордость, и потому взял протянутый фонарь и поспешил обратно. Через несколько минут я нашел ящик и принес его с собой, но видел, что даже эти минуты стали испытанием для Марджори, которая смертельно побелела.

Когда я приблизился, она прижалась ко мне и спустя секунду-другую сказала, отстранившись и глядя на меня стыдливо, словно в свое оправдание — или, вернее, в объяснение своего волнения:

— Стоило тебе скрыться и оставить меня одну во тьме с сокровищем, ко мне разом вернулось странное пророчество Гормалы. В самой темноте проявились светлые пятна, и я так и видела, как повсюду парят саваны. Но теперь, когда ты здесь, все хорошо. Зажги факел, и мы оглядим сокровища папы.

Я зажег факел из ящика; она положила его так, чтобы горящий конец выступал над каменным

карнизом, отбрасывая вокруг яркое, хоть и судорожное сияние. Мы обнаружили, что глубина самое большее — три фута, а в свете факела и благодаря кристальной прозрачности воды и столько было не дать. Мы наклонились к ящику — одному из нескольких, лежавших перед какой-то большой и темной от ржавчины и времени кучей, занимавшей целый угол пещеры.

Щеколду проела ржавчина, чего и следовало ожидать после трех веков в воде, — она лишь сохранила свою форму. И то, несомненно, из-за неподвижности воды, поскольку замок развалился от первого же моего пинка. Когда я потянул, он раскрошился прямо в пальцах. Проржавело насквозь и железо самого сундука, и, когда я попытался поднять крышку, сросшуюся с боками, она сломалась под нажатием. Я развоpотил весь сундук с легкостью. А его содержимое не проржавело, но почернело от воздействия моря. Все это были деньги, но серебряные или золотые, того мы не поняли и не задержались, чтобы разглядеть. Точно так же мы открывали сундук за сундуком и в каждом, кроме одного, находили монеты. Это заняло немало времени, но от азарта мы не замечали, как оно летит. Куча в углу состояла из больших слитков, — чтобы поднять любой, тре-

бовались заметные усилия. А тот сундук, что не был полон монетами, хранил шкатулки и ящички, не тронутые ржавчиной, а значит, решили мы, сделанные из какого-либо драгоценного металла — серебра или золота. Все шкатулки были заперты; я поднял одну и отложил на каменный карниз, чтобы поискать ключ. Но найти что-либо по пояс в воде было не так-то просто, и тогда я достал нож и попытался поддеть крышку лезвием. Должно быть, сам замок был железным и проржавел: под нажимом он мгновенно поддался, обнажив поблескивающую горку самоцветов, отбрасывавших всюду красные блики, хоть камни и были затуманены налетом соли.

— Рубины! — вскрикнула стоявшая рядом Марджори, хлопая в ладоши. — О! Какая красота, дорогой! — прибавила она с поцелуем, поскольку ее радость требовала какого-то выхода.

— Дальше! — сказал я, склонившись к железному сундуку за новой шкатулкой.

Тут я отшатнулся с содроганием; Марджори тревожно всмотрелась в мое лицо и, угадав причину, вскрикнула с неподдельным испугом:

— Прилив! Начинается прилив — и запирает нас здесь!

Глава XXXVI. Прилив

Думаю, так заведено самой природой, что в моменты настоящей опасности люди забывают о личных страхах. Могу честно сказать, что у меня и мысли не было об угрозе мне, но я был вне себя от страха за Марджори. Впрочем, душевное волнение я направил в практическое русло, и в голове замелькали идея за идеей, как лучше послужить жене. Прежде всего мне предстало наше положение со всеми его плачевными последствиями, затем — череда возможных мер. Но сперва следовало понять, как обстоят дела. Я не знал этой пещеры и часа, когда прилив отрежет нас окончательно. Если бы оставался просвет, чтобы хотя бы поднять голову над водой, то плыть пришлось бы недалеко. Это я мог оценить быстро.

Взяв фонарь Марджори с карниза, я побежал по пещере, бросив на ходу:

— Обожди минутку, дорогая, хочу посмотреть, насколько высок прилив.

Из-за изгибов туннеля уровень воды трудно было сразу определить на глаз; оценить обстановку получилось, только когда я повернул на прямой

участок до моря. С тех пор как я вышел из зала с сокровищами, вода поднималась все выше и выше, но опасений это не вызывало: я знал, что, пока остается просвет до потолка, смогу плыть сам и взять Марджори с собой. Но на прямом участке с моими надеждами было покончено. Здесь к уровню моря опускался не только пол, но и потолок. Я знал, что в одном месте даже при низкой воде мы прошли с трудом, но не был готов к увиденному. Вода поднялась уже так высоко, что этот отрезок — при взгляде с того места, где я стоял по пояс в воде, — совершенно скрылся из виду: каменный потолок попросту уходил в неподвижную, ровную гладь. На миг я задумался, не стоит ли здесь поднырнуть. Меня бы направляла веревка, а ближе к устью, я знал, пещерные своды снова поднимаются. Но нельзя было забывать о Марджори. Она не такой хороший пловец, как я. В худшем случае, конечно, можно было протащить ее по затопленному промежутку на той же веревке. Но оборвись она или случись что… Сама мысль была ужасна! Я поспешил обратно к Марджори, чтобы посмотреть, стоит ли совершать попытку, пусть даже опасную, чтобы не утонуть в затапливаемой на глазах пещере или не задохнуться, если оставшееся под потолком

пространство будет слишком мало.

Я нашел Марджори на карнизе, куда она забралась при помощи носовой фигуры святого Кристобаля. Она высоко подняла факел и внимательно осматривала стены и свод. Услышав плеск, она обернулась — я увидел, что, хоть и побледнев, она сохраняла спокойствие и самообладание.

Она тихо произнесла:

— Я поискала высшую отметку воды, но не вижу ни следа. Полагаю, в этой темной пещере, где не существует ни водорослей, ни зоофитов, ее и нет. Если только, конечно, вода не заполняет всю пещеру полностью — в таком случае надо готовиться к худшему.

С этими словами она поднимала факел все выше, пока его свет не озарил, сколько возможно, куда-то уходивший склон стены. Я забрался к ней, взял факел и, пользуясь своим ростом, протянул его подальше, уперевшись рукой в камень. У меня еще оставалась тайная надежда найти какую-нибудь расщелину, которая если не пропустит наши тела, то хотя бы воздух. Эта надежда была пресечена на корню: стена упиралась в глухую скалу, и не было там ни проема, ни даже щелочки.

Не имея подсказок, на какую высоту в прилив поднимается вода, я попытался пойти от обратного и произвести измерения, отталкиваясь от уровня отлива, насколько мне в этом не изменяла память. Судя по глубине воды там, куда я дошел, пол пещеры опускался фута на три. И он почти полностью покрывался водой, не считая спуска под нависающим потолком и подъема к бассейну, где лежали сундуки с сокровищами. Поскольку здесь, на границе Северного моря, без усиливающих прилив эстуариев, море обычно поднимается на одиннадцать-двенадцать футов, нам грозило еще восемь-десять футов воды. Карниз высился на фут от поверхности. Если мои расчеты были верны, места для головы и воздуха хватало, ведь, даже стоя на карнизе, я намерил фута два от макушки до самого высокого места потолка. Впрочем, я не мог быть уверен, что в расчеты не вкралась погрешность в пару футов. Следовательно, если оставаться на каменном карнизе и вытерпеть холод, мы еще сможем отсюда выбраться. Но холод — не шутки. В Крудене, где на берег в полную силу обрушивается ледяное течение Северного моря, от воды и в самое жаркое время года зубы сводит. И уже давала о себе знать промокшая одежда — даже в безмолвной пещере,

где казалось жарче, чем снаружи. Еще когда мы оглядывали драгоценные камни, я чувствовал, что мерзну, и видел, как время от времени ежится Марджори. Собственно, я и собирался предложить вернуться, когда вспомнил о приливе.

Впрочем, от сожалений уже не было никакого проку. Мы оказались взаперти в пещере, и единственный наш шанс — хоть как-то продержаться, пока не сойдет вода. В Марджори пробудилась практическая сторона. Она молча заполнила оба фонаря и с немалым трудом снова зажгла мой, оброненный в воду.

Когда оба фонаря были готовы, она погасила факел и убрала в жестяной ящик, вручив тот мне со словами:

— Нам понадобится весь воздух для дыхания, какой есть, а факелы его выжигают. У нас должно быть два фонаря, на случай если один подведет. Задвинь ящик в угол пещеры как можно дальше по склону — там он будет в безопасности, по крайней мере не меньше нас, раз окажется выше наших голов.

Пока она говорила, меня посетила новая идея. Высоту карниза можно увеличить, навалив на него слитки! Не теряя времени, я тут же соскочил и бросился тягать их один за другим на карниз.

Работа была тяжелая, и никто, кроме очень сильного человека, не смог бы оторвать слитки от земли, не то что поставить на карниз. Более того, за ними приходилось окунаться в воду, а за годы, которые они пролежали вместе, их срастили какие-то отложения соли или морской извести. Впрочем, стоило отделить первый, как дело пошло легче. Марджори помогала, раскладывая их по местам: там их удерживал собственный вес.

Странно, как мало стоило сокровище в эти мгновения. Горстка рубинов на каменной полке лежала позабытой, и когда, спеша перетащить слитки, я смахнул несколько камней в воду, ни Марджори, ни я не стали тратить времени, чтобы хотя бы отложить их подальше, в безопасное место. Один из металлических ящиков шумно опрокинулся в воду, но мы и бровью не повели.

Прочно расставив слитки, мы вместе забрались на карниз, чтобы испытать надежность своей платформы: когда вода поднимется, искать изъяны в нашей конструкции будет уже поздно. Мы приподнялись почти на два фута от поверхности карниза, и это давало нам дополнительный шанс. Даже если нам не понадобится так высоко держать головы, мы хотя бы дольше останемся

в сравнительной сухости. Мы уже чувствовали ледяное дыхание прилива. В пещерах хороший воздух, и мы не мерзли, хоть и промокли практически насквозь, но я опасался, как бы не окоченеть настолько, что мы не сможем действовать и воспользоваться шансом на спасение. Мы стояли рядом на куче золота и серебра, головами так близко к потолку, что я не боялся утопления или удушения, если прилив не перевалит за уровень, что я рассчитал. Только бы продержаться до момента, когда вода сойдет достаточно, чтобы мы смогли вернуться.

И вот началось долгое, жуткое ожидание прилива. Время тянулось бесконечно, ведь наши страхи и неизвестность приумножали истинную опасность. Мы оставались на полу, пока вода не стала нам по пояс, и все это время старались двигаться — пританцовывать, размахивать руками и ногами, — чтобы поддерживать кровоток. Потом мы забрались на платформу из слитков и сидели, пока вода снова не оказалась у наших коленей. Тогда мы встали на карниз и двигались как могли, а вода все поднималась над щиколотками и коленями. Что за ужасное испытание — чувствовать, как ледяная вода безмолвно ползет все выше, выше и выше. И ни звука, ни капли или

ряби — только тишина, смертоносная, как сама смерть. Наконец пришло время встать на груду слитков. Мы стояли тесно, поскольку места было чуть; я удерживал Марджори, чтобы снизить нагрузку от долгого стояния. Наши сердца бились вплотную. Мы чувствовали это, знали.

Когда Марджори заговорила, она лишь выразила мысли нас обоих:

— Слава богу! Дорогой, в худшем случае мы умрем вместе.

Мы по очереди держали фонарь над водой, глядя в томительном ожидании, как темная вода растет к покатому потолку пещеры и крадется к нам с такой медленной и неумолимой пунктуальностью, что я с трудом удерживался от вскрика. Я чувствовал дрожь Марджори — начала проявляться склонность к истерике, что хотя бы в малой мере свойственно любой женщине. И в самом деле было что-то гипнотическое в той немой линии гибели, что неторопливо подползала к нам. К тому же и дышать стало труднее: наше дыхание и испарения фонаря истощали свежий воздух.

Я шепнул Марджори:

— Мы должны погасить свет.

Она содрогнулась, но сказала так смело, как

только могла:

— Хорошо. Похоже, без этого никак. Но, дорогой, обними меня покрепче и не отпускай, а то я умру!

Я уронил фонарь в воду — на миг его шипение заглушило мой собственный скорбный вздох и подавленный стон Марджори.

И теперь, во тьме, ужас перед приливом становился сильнее и сильнее. Холодная вода все подбиралась, подбиралась и подбиралась — и вот наконец Марджори могла дышать только задрав голову. Я уперся спиной в скалу и, согнув ноги, поднял Марджори так, чтобы она встала мне на колени. Выше и выше росла ледяная вода, дойдя до моего подбородка, — и я боялся, что настали последние мгновения.

Но у Марджори еще оставался шанс, и, как ни больно мне было это говорить, зная, что я раню ее в самое сердце, я должен был попытаться:

— Марджори, жена моя, конец близок! Боюсь, обоим нам не выжить. Самое большее несколько минут — и вода начнет заливаться мне в рот. Когда придет это время, я нырну и лягу на груду сокровищ, на которой мы стоим. Встань тогда на меня — так ты продержишься дольше.

У нее вырвался мучительный стон.

— О боже! — Вот и все, что она произнесла, но в ее теле словно звенели все нервы до единого. Затем, не говоря ни слова, она обмякла и начала выскальзывать из моих рук. Я сжал ее покрепче, испугавшись, что она в обмороке, но она застонала: — Пусти, пусти! Любой может стоять на теле второго. Я не покину пещеру, если ты умрешь.

— Драгоценная, — ответил я, — сделай, как я прошу, и я буду знать, что даже смерть может принести счастье, если послужит тебе.

Она промолчала, но прильнула ко мне, и наши губы встретились. Я знал, что она имеет в виду: коль умирать, так умирать вместе, слившись в поцелуе.

В том поцелуе любви словно встретились наши души. Мы чувствовали, что перед нами размыкаются Врата Неведомого Мира и готовы раскрыться все его величественные тайны. В бесстрастной тишине поднимающейся воды, где ни волна, ни рябь не нарушали страшного, безмолвного покоя, не было ни случайного повышения, ни внезапного убывания, чтобы усилить тревогу или подарить внезапную надежду. К этому времени мы уже так свыклись с этим смертельным совершенством, что приняли его условия. Это признание неизбежности принесло смирение;

думаю, в те мгновения и Марджори, и я познали, насколько ограничены возможности человека. Когда человек смиряется с неизбежным, сам акт смерти уже ничего не значит.

Но в великих учетных Книгах Жизни и Смерти всему есть противоположный столбец, и лишь под итоговой чертой подсчитываются прибыль и потери. То самое смирение, что облегчает мысль о смерти, есть лишь равновесие сил, которым нельзя противоречить. В борьбе надежды и отчаяния Крылатая уступает — но не более. Крылья ее бессмертны: вновь они восстанут из огня или воды, после чумы и голода, из красной пелены битвы, когда их оживит какой угодно свет.

Даже когда уста Марджори прижались к моим в нежном поцелуе любви и смерти, крылья Надежды еще трепетали над ее головой. На миг-другой она замерла, словно прислушиваясь или выжидая, а затем издала радостный возглас, восторженно отдавшийся в этом тесном пространстве:

— Ты спасен! Ты спасен! Вода отступает: она опустилась ниже твоих губ.

Даже в этот страшный миг между жизнью и смертью меня не могло не тронуть, каким образом она радуется шансу на наше общее спасение:

все ее мысли были только обо мне.

Она не ошиблась. Прилив достиг наивысшей точки — вода опускалась. Мы ждали минуту за минутой, затаив дыхание, вцепившись друг в друга в экстазе надежды и любви. Холод, так долго нас окружавший, лишивший всех чувств и как будто сделавший невозможной саму мысль о движении, наконец утратил свою власть. С оживлением надежды и наши сердца словно забились теплее, кровь защекотала вены. О! Но как же долго тянулось время там, во тьме, когда немая вода отступала дюйм за дюймом с почти немыслимой медлительностью. Уже вскоре тяжесть ожидания сделалась почти невыносимой; хотелось заговорить с Марджори, чтобы заговорила она и не умолкала, иначе бы мы оба сломались — даже в самый последний момент. Ожидая смерти, мы держались за свою решимость, слепо готовые бороться до конца, пусть и смирившись с неизбежным. Но теперь к страхам прибавилось нетерпение. Мы не знали предела своей стойкости, и сам Ужас, хлопая крыльями, завис над нами.

Воистину, мгновения наступления Жизни дольше часов наступления Смерти.

Глава XXXVII. Полсуток

Когда вода до того опустилась, что мы смогли сесть на карнизе, несколько минут мы отдыхали, чтобы сгладить напряжение долгой и ужасной неподвижности в тесноте и холоде. Но уже скоро холод напомнил о себе, и мы снова встали и стояли, пока из воды не показался весь карниз. Затем мы насладились новообретенной свободой, если слово «насладились» применимо к нашему изможднию и стучащим зубам. Я усадил Марджори к себе на колени, чтобы греться вместе и чтобы избавить ее от соприкосновения с промозглым камнем. Мы выжали одежду как могли и пережидали вторую часть нашего заключения во тьме, уже ничего не опасаясь. Мы прекрасно знали, что прилив забрался выше жестяного ящика в углу пещеры, и негласно оттягивали миг признания неизбежного. Наконец, когда озноб оставил Марджори и она уже не так дрожала, она поднялась и попыталась спустить ящик. Она не дотягивалась, и тогда его вытащил я. Затем мы вернулись на свои места на краю карниза и заглянули внутрь ящика.

Какое это было плачевное и беспомощное занятие! В темноте все казалось незнакомым, как формой, так и размером. Наши мокрые руки толком не отличали влажное от сухого. Только когда мы поняли, что ящик полон воды, смирились с мыслью, что на свет рассчитывать не приходится и что надо запастись терпением, насколько возможно, чтобы преодолеть туннель вслепую. Кажется, Марджори всплакнула. Она скрыла это от меня по-своему, по-женски, но у души тоже есть глаза, способные пронзить даже кромешный сумрак, и я знал, что она плакала, пусть мои чувства не могли этого подтвердить. И пусть мне ничего не сказали мои мокрые руки, коснувшись ее лица. И все же на свой лад мы были счастливы. Страх смерти миновал, мы лишь ждали тепла и света. И знали, что с каждой минутой, с каждым вдохом вода отступает все дальше, знали, что найдем на ощупь путь из пещеры. Теперь мы радовались, что здесь нет лабиринта проходов, и еще больше радовались, что никуда не делась наша подсказка — путеводная веревка. Мы легко могли найти ее там, где оставили, раз в воде не было течения, чтобы уволочь ее прочь.

Решив, что времени прошло достаточно, хоть и ползло оно неповоротливо, мы поцеловались и

предприняли первую попытку к спасению.

Веревка отыскалась без труда, и с нею в руках мы неторопливо двинулись вдоль шершавой стены. Я придерживал Марджори за собой, правее, нащупывая путь левой рукой. Я опасался, как бы мою жену не задели торчащие тут и там острые отростки скалы. И правильно делал: в первую же дюжину ярдов я набил таких синяков, что на ее нежной коже могли бы остаться шрамы. Впрочем, затем я стал ученым и тщательно ощупывал стену перед тем, как сделать шаг. На том же горьком опыте я узнал, что веревка, натягиваясь на углах и поворотах, вела меня ближе к стене, а не шла посередине прохода, где мы ее оставляли изначально.

После первых двух изгибов настал трудный момент: здесь потолок опускался, и мы не знали, достаточно ли спáла вода, чтобы пропустить нас. Мы заходили на глубину, Марджори все еще следовала за мной, хоть я предпочел бы отправиться на разведку один. Продвинувшись, мы обнаружили, что потолок уходит под воду. Тогда мы вернулись и стали ждать — казалось, долгое, очень долгое время. Затем, предприняв вторую вылазку, мы обнаружили, что, хоть вода еще стоит высоко, между камнями и поверхностью

все же появилась пара дюймов.

Ободрившись, мы медленно двинулись вперед и с радостно забившимися сердцами наконец смогли распрямиться и поднять головы свободно. Завала камней мы достигли в считаные минуты; затем, держась за веревку, вскарабкались, как могли, к узкому проему. Я старался по возможности помогать Марджори, но тут она нисколько не уступала мне — что там, даже опережала, ведь ей на выручку приходила женская интуиция, и потому она первой достигла узкой дыры. Затем мы очень осторожно слезли с обратной стороны и, все еще не выпуская путеводную нить, добрались наконец-таки до лебедки, спускавшей нас в пещеру. Однако нас ждал сюрприз, поскольку мы ожидали увидеть в проеме над ней гостеприимный свет.

Поначалу в завихрении мыслей я вообразил было, что произошло страшное: рухнул камень, случился обвал. Потом решил, что нас кто-то выследил и пытался закрыть в пещере навсегда. Какие только мысли не приходят в голову после долгого срока в непроглядной темноте, — так странно ли, что даже низменные, жестокие преступники без капли воображения ведут себя как шелковые, посидев в темной яме! Марджори

сперва промолчала, но, когда заговорила, из ее слов стало ясно, что подобные идеи посетили и ее.

В ее голосе узнаваемо звучало облегчение, явственно следовавшее за какой-то тревожной мыслью:

— Ну конечно, откуда же ему взяться! Всего лишь сгорели все фонари и свечи. Мы и забыли, сколько времени прошло, но они — нет!

Теперь все встало на свои места. Мы провели так много часов в пещере, что огонь погас, а естественного освещения в пещере не было испокон веков.

Сладить с лебедкой в темноте, с окоченевшими руками оказалось непросто. Впрочем, надежда превозмогает все, и уже скоро Марджори возносилась через отверстие в скале. Я криком попросил ее как можно скорее зажечь свет, но она наотрез отказалась делать что-либо, пока я не окажусь подле нее. Когда я опоясался веревкой, мы оба стали тянуть — и за какие-то секунды я тоже проник в подвал. Там я быстро нашел спички — и о! великолепное зрелище света, пусть и в виде мерцающего огонька. Мы не медлили ни секунды, а сразу направились к двери, которую я отпер, и вбежали по ступенькам. Окно в крыше,

освещавшее лестницу, пылало от солнечных лучей, и нас омыло их сиянием. Секунду-другую мы не могли опомниться и только моргали под этим величественным светом.

А затем, с невообразимой скоростью, к нам вернулись безмятежность и уверенность, присущие дневному времени. В долю секунды мы снова оказались в реалиях жизни, а долгая ночь тьмы и страха осталась позади, словно кошмар.

Я поторопил Марджори в комнату, где она переодевалась и где хранилась ее одежда, а сам пошел разжигать огонь. Камин в столовой был сложен на старинный манер, широким и глубоким, а рядом висела старая красивая стальная полка со скобами для кастрюль и сковородок. Я решил, что лучше развести огонь здесь, раз это самый большой камин в доме. Я натащил из кладовой у кухни охапку сухого дрока, навалил сверху наколотых сосновых дров. Хватило и одной спички — в камине вмиг занялось, заревело большое пламя. Я налил воды в большой медный чайник и повесил его над огнем, а затем, увидев, как от моей мокрой одежды поднимается пар, побежал к себе. Растершись так, что аж кожа засияла, и умывшись, наслаждаясь при этом каждой секундой, я переоделся во все сухое.

Вернувшись в столовую, я застал Марджори за стряпней: обед, завтрак, ужин — мы уж и не знали, как это назвать. Один радостный миг в объятьях — и, встав вместе на колени, мы возблагодарили Господа за явленную Им великую милость. Затем продолжили готовку, поскольку умирали от голода. Запел чайник, и уже скоро мы пили горячий ароматный чай, согревавший нас изнутри. Готовой еды хватало, и мы не стали ждать, чтобы ее согреть: такая роскошь, как горячая пища, вернется в нашу жизнь позже. Только удовлетворив аппетит, мы сообразили проверить время. Мои часы встали, еще когда я входил в большую пещеру по пояс в воде, но Марджори оставила свои в комнате, одеваясь к экспедиции. Они показывали час, а раз теперь солнце сияло высоко в небе — час дня. За вычетом времени на переодевание и трапезу мы, должно быть, всего провели в пещерах около двенадцати часов. Я поискал среди своих книг и нашел «Альманах» Уиттакера, где выяснил, что, если прилив перевалил через пик в половину седьмого, мы провели в воде, поднявшейся на одиннадцать-двенадцать футов, не меньше четырех часов. Сама мысль об этом вызывала содрогание — при воспоминании об опасности и своих мытарствах мы инстинк-

тивно придвинулись друг к другу.

Затем нас мигом охватила тяжелая сонливость. Марджори не желала со мной расставаться, как не желал и я. Я, как и она, чувствовал, что нам ни за что не уснуть в стороне друг от друга. И тогда я нанес охапки ковров и подушек и соорудил два гнездышка поближе к огню, который подкормил большими поленьями. Я закутал ее в большой теплый плед и сам завернулся в другой, и мы опустились на наши ложа, держась за руки, она — положив голову мне на плечо.

Проснулся я в почти кромешной темноте; если бы не слабое свечение красноватых углей в очаге, тьма в комнате могла бы потягаться с пещерной. Да, мы опустили занавески и задернули шторы, и все же, когда снаружи было светло, внутрь проникали лучи. Марджори еще крепко спала, и я тихо подкрался к окну и выглянул.

Сплошная темнота. Луна скрылась за тучами, и лишь их посеребренная свечением кайма выдавала ее положение на небесах. Я взглянул на часы Марджори, которые она оставила на столе, по привычке заведя перед тем, как ее одолел сон. Без нескольких минут час.

Мы проспали полсуток.

Я принялся как можно тише разжигать огонь,

не желая будить Марджори. По моему мнению, только сон — да побольше — был лучшим средством после долгого напряжения и испытания, что она пережила. Я приготовил чистую посуду, ножи и вилки и снова поставил чайник. Пока я возился, Марджори проснулась. Пару мгновений она спросонья оглядывалась с недоумением, и тут на нее разом нахлынули воспоминания о прошлой ночи. Одним прыжком она с гибкостью юной пантеры вскочила на ноги — и уже в следующий миг обвила меня руками, отчасти из желания защитить и всецело — из-за любви.

Мы снова сытно поели. Это был идеальный пикник, и сомневаюсь, что на всем свете сыскались бы два существа довольнее. Наконец мы заговорили о пещере и кладе, и я с радостью увидел, что все тревоги и переживания не оставили на отваге Марджори ни следа. Она сама же и предложила без отлагательства вернуться в пещеру и вынести, по ее выражению, те симпатичные шкатулки. Мы снова переоделись в свою пещерную форму, уже просохшую, хотя и заметно севшую, и, посмеиваясь над своим уморительным видом, отправились в подвал. Пополнив масло в фонарях и приготовив все к возвращению, мы взяли с собой фонари, факелы и спички и отправились

в путь. Думаю, в нору над мореной и к пещере сокровищ мы оба пробирались с благоговейным трепетом — и уж точно в молчании. Сознаюсь, при виде каменного карниза под присмотром святого Кристобаля и младенца Христа у меня сердце ушло в пятки, и я испытал жалость, какой раньше не знал, к незадачливому вору Олгарефу. Марджори, думаю, ощутила все то же, поскольку держалась очень близко ко мне и время от времени брала меня за руку, но вслух ничего не сказала. Мы зажгли факел и продолжили поиски. Пока я извлекал из сундука шкатулки с драгоценными каменьями, Марджори одной рукой держала надо мной свет, а второй сгребла в горстку рубины из первой шкатулки и сложила их мне в карман куртки. Ее женская бережность проявилась, когда она искала саму шкатулку и рубины, попáдавшие в воду, чтобы ничего не потерять. Шкатулок оказалось немного — удивительно, как в такой малой емкости хранилось столько драгоценных камней. Они легко уместились в мешок, который я принес специально для них. Затем мы отправились обратно.

Поднявшись в дом, мы погасили свет и заперли подвал. Снова переоделись: Марджори — в свою ливрею; шло к четырем часам утра — пора было

возвращаться в Кром.

Глава XXXVIII. Обязанность жены

Перед самым выходом Марджори сказала мне — отчасти в шутку, но полностью — всерьез:

— Интересно, что нынче сталось с Гормалой? Если бы она знала о последних двух ночах, совершенно бы отчаялась — кто знает, что бы она тогда напророчила!

Как ни странно, я и сам вспомнил о Ведьме. Пожалуй, ее чары были навеяны находкой клада и нависшей над нами смертью. С мыслью о ней пришло и то странное чувство, что я уже испытывал ранее: ощущение ее присутствия. Попросив жестом погасить свет, я подкрался к окну. Тяжелые шторы, когда я скользнул за них, скрыли от улицы проблеск огня в камине. Ко мне присоединилась Марджори, и мы выглянули вместе. По небу бежали облака, и поэтому на улице чередовались свет и тень. В одно из просветлений я и заметил темную массу на краю высокой травы, венчающей скалу у самого начала мыса Уитсеннан. Если это была женщина, то наверняка Гормала, а если Гормала, то она наверняка

следила за мной, поскольку, конечно, не могла знать о присутствии Марджори. Я решился по возможности разузнать побольше, а Марджори попросил улизнуть через заднюю дверь, пока сам направляюсь к мысу. Встретиться мы условились в верхней деревне старого Уиннифолда.

Заперев за собой дверь и выведя велосипед, я тихо отправился к утесу. Чуть ниже края, уложив на него голову, спала Гормала. Поначалу, зная коварную натуру старухи, я принял это за притворство, но, приглядевшись, понял, что ее сон неподделен. Выглядела она уставшей, и я решил, что последних сил ее лишила вторая ночь в дозоре. И хорошо, что она уснула, иначе бы неизбежно увидела нас. Выбранная ею позиция открывала вид на тропинки как налево, так и направо от дома; только перебравшись через холм, оставляя между нами и нею дом, мы смогли бы избежать ее пытливого взгляда. И все равно, будь достаточно светло, она бы увидела нас на дороге, если бы мы направились в глубь суши, к Уиннифолду. Я почувствовал жалость: такой старой и немощной она выглядела — и все же сколько было целеустремленности в ее сильном суровом лице. Теперь я мог себе позволить сострадание: моя жизнь вошла в счастливую колею. Мне до-

сталась Марджори, а нам обоим — сокровища!

Я не стал тревожить старуху; накинул бы на нее какое-нибудь покрывало, но боялся, что тем самым разбужу ее и сам раскрою наши планы. И мне трудно было бы объяснить, почему я не сплю и блуждаю в такое время ночи — или утра: я толком и не знал, как назвать эту пору. Не легче, чем самой Гормале объяснить, как она попала сюда.

Воссоединившись, мы с Марджори как можно скорее покатили к Крому: торопились водворить ее в замок до наступления дня. С некой примесью страха, поскольку опыт прошлой ночи еще не выветрился из памяти, следил я, как Марджори спускается в пещеру после того, как мы откатили камень. И ее саму не обошли мрачные предчувствия — это я понял по интонации, с которой она просила не бояться за нее. Благополучно добравшись, она обещала подать знак с крыши взмахом белого платка.

Глядя поверх монумента на замок, я ждал с тревогой, которой не мог скрыть от себя. Серый рассвет все бледнел и бледнел, небо прояснялось на глазах. В окрестностях тут и там раздавался одинокий щебет проснувшейся птицы. Для меня же существовала только крыша замка, голая и холодная за морем древесных крон. Вскоре — и

гораздо скорее, чем я мог ожидать, — я увидел, как на крыше вспорхнул белый платок. У меня екнуло сердце: Марджори в безопасности. Я помахал своим платком — она ответила, после чего новых знаков не последовало. Я ушел удовлетворенным и стремглав покатил обратно в Круден. В Уиннифолд я въехал еще совсем рано. Мне не повстречалось ни души, и я тайком прокрался сзади своего дома.

Осторожно взглянув в переднее окно, в растущем утреннем свете я увидел Гормалу — все еще на краю утеса, неподвижную и явно спящую.

Ненадолго прилег и я и дремал, пока не стало совсем светло. Затем, после холодной ванны и чашки горячего чая, я отправился в Кром, подгадывая свое прибытие к раннему завтраку.

Меня встретила миссис Джек, лучась улыбкой. Так она была добродушна, так откровенно рада меня видеть, что я не удержался и поцеловал ее. Это ничуть ее не смутило — казалось, мой поступок ее тронул и вызвал улыбку. Затем вошла сияющая Марджори. Она приветствовала меня улыбкой и тоже приязненно поцеловала миссис Джек. Затем удостоила поцелуем и меня, и от радости в ее глазах мое сердце запело.

После завтрака она села на подоконнике с

миссис Джек, а я подошел к камину закурить сигарету. Стоя спиной к огню, я любовался Марджори: каким же удовольствием было видеть ее.

Наконец она сказала миссис Джек:

— Вы не испугались, когда я не вернулась позапрошлой ночью?

Пожилая дама кротко улыбнулась и ответила:

— Ничуть, дорогая моя!

Марджори поразили ее слова.

— Почему же?

Добрая старушка посмотрела на нее нежно и серьезно:

— Потому что я знала, что ты со своим мужем — а для юной леди нет ничего надежнее. И — о! — дорогая моя, я не могла этому нарадоваться; а то я уже начала тревожиться и чуть ли не печалиться из-за тебя. Негоже, неестественно двум молодым людям, как вы с мужем, жить порознь.

Отвечая, она взяла руку Марджори в свои и с любовью ее поглаживала. Марджори отвернулась от нее, а бросив на меня взгляд из-под ресниц, и от меня тоже. Миссис Джек продолжала свою серьезную и нежную нотацию для девушки, которую так любила и которую вырастила. Так не мать поучает дитя — так пожилая женщина дает совет молодой:

— О! Марджори, дорогая моя, когда женщина берет себе мужа, она отдает себя. Это и правильно, и к лучшему для нас, женщин. Как нам приглядывать за мужчинами, если все время думать о себе! А пригляд за ними нужен, уж поверь моему опыту. Ведь они всего лишь мужчины, голубчики наши! Твое воспитание, дитя мое, не привило тебе потребности в них. Но ты бы сама все поняла, если бы в детстве побывала на равнинах и в горах, как я, если бы утром, провожая папу, или брата, или мужа, не знала, увидишь ли их вечером снова — или увидишь только, как их принесут. А потом, когда окончена работа, или стычка, или что бы то ни было, и смотришь, как они возвращаются домой грязные, потрепанные и голодные, а то и больные, и раненые — в мое время индейцы наделали много бед со своими старыми добрыми луками и новыми скверными ружьями, — где еще нам быть? Или что за женщины мы были бы, если б не приготовили все к их возвращению! Моя дорогая, полагаю, ты уже знаешь, что мужчина — это дело очень хорошее. Пускай он бывает сердитым, или властным, или неприятным, если на него вдруг что найдет, но все-таки он мужчина, за что мы их и любим. Я уже гадала, есть ли в тебе женские чувства, когда

наблюдала, как ты день за днем отпускаешь от себя мужа и не пытаешься удержать, не идешь за ним, как делали в мое время. Уж поверь, странной показалась бы девушка в Аризоне, что, обручившись в церкви, отпускала бы вот так своего мужчину. Право, дорогая моя, я полночи не сплю в молитвах за вас обоих, благодаря Бога, что Он послал тебе такое счастье, как истинная любовь, когда тебе могли бы пустить пыль в глаза и воспользоваться твоей слабостью те, кто гонялся за твоим наследством. И когда в полумраке рассвета я заглянула к тебе и увидела, что ты не пришла, — право, я только вернулась на цыпочках к себе в постель и заснула счастливой. И была счастлива весь день напролет, зная, что счастлива и ты. А вчера ночью я просто сразу легла и уж не утруждалась тем, чтобы слушать, идешь ты или нет; я уже отлично знала, что дома тебя не будет. Ах! Дорогая моя, ты поступила правильно. Мало того, что теперь желания мужа — твои желания, раз вас стало двое. Но женщина обретает истинное счастье, лишь когда расстается со всеми своими желаниями и думает только о муже. И помни, дитя мое: разве ж это жертва — уж мы в мое время точно так не думали, — если женщина угождает любимому мужу, разделив с ним его дом.

Я слушал пожилую леди, переполняясь сильным чувством. Каждое ее слово казалось истиной в последней инстанции, и невозможно было усомниться в ее глубокой, искренней любви и в доброте ее намерений. Мне было страшновато взглянуть на Марджори, чтобы ненароком не смутить ее; я тихо отвернулся к камину, облокотившись на полку, и тайком смотрел в старое овальное зеркало над нею. Марджори сидела, не отнимая руки у миссис Джек. Ее голова была склонена, и шею и руки заливала краска, говорившая громче слов. Я чувствовал, что она молча плачет — или очень к этому близка, — и ком встал у меня в горле. Настал один из переломов в ее жизни. Так я почувствовал, и знал, что это правда. Все мы, как говорят шотландцы, *dree our own weird*[47], и эту битву с собственной душой Марджори должна была выдержать одна. Мудрые слова пожилой женщины звучали словно трубный призыв долга. Марджори столкнулась с ним лицом к лицу и теперь должна была рассудить все для себя сама. Я не мог ей помочь даже со всей своей любовью. Я молча стоял, боясь вздохнуть, чтобы не потревожить и не отвлечь ее. Я

[47] Примечания: 47
Выдерживаем свою судьбу (*шотл.*).

пытался вовсе стушеваться и несколько минут не глядел даже в зеркало. Пожилая дама тоже знала цену молчанию и сидела неподвижно: ее платье — и то не шуршало. Наконец я услышал вздох Марджори и взглянул в зеркало. Ее положение не изменилось, она разве что подняла голову — и по ее гордой стати я видел, что она снова владеет собой. Лицо она все еще прятала; и в ее прелестном голосе еще звенели слезы, когда она нежно обратилась к миссис Джек:

— Спасибо, дорогая. Я так рада, что вы говорили со мной с такой открытостью и любовью.

Я видел по движению ее рук и по побелевшим костяшкам, что она стискивает пальцы компаньонки. Затем, немного погодя, она молча поднялась и, по-прежнему пряча взгляд, тихо выскользнула из комнаты в своей изящной манере. Я же не шелохнулся: я чувствовал, что больше ее порадую, храня молчание.

Но — о! — за ней отправилось мое сердце.

Глава XXXIX. Нежданный гость

Желая прикрыть уход Марджори, я несколько минут беседовал с миссис Джек о пустяках с той беспечностью, какую только мог на себя напустить. Не имею ни малейшего представления, о чем мы говорили, — только знаю, что славная старушка сидела и улыбалась мне, задумчиво поджав губы, и продолжала вязать. Что бы я ни сказал, она со всем соглашалась. Больше всего меня подмывало пойти за Марджори и утешить ее. Я видел, что она в смятении, хотя и не знал его силы. Но я терпеливо ждал, не сомневаясь, что, когда пожелает, она либо придет сама, либо пошлет за мной.

Вернулась она, должно быть, очень тихо, чуть ли не на цыпочках, поскольку я не слышал ни звука, когда увидел ее в дверях. Она поманила меня, но так, чтобы этого не заметила миссис Джек. Я уже хотел было тихо последовать за ней, но она предостерегающе подняла пять пальцев, и я понял, что сперва должен выждать пять минут.

Я тихо ушел, гордый тем, что миссис Джек не заметила моего ухода, но, задумавшись потом,

пришел к выводу, что тихая пожилая дама знала намного больше о том, что творится вокруг, чем казалось. Не раз я с тех пор вспоминал ее наставление Марджори об обязанностях жены.

Марджори я нашел, как и следовало ожидать, в женской комнате. Когда я вошел, она смотрела в окно. На миг я заключил ее в объятья, и она положила голову мне на плечо. Затем отстранилась и жестом пригласила сесть в большое мягкое кресло. Когда я устроился, сама она взяла небольшой табурет и села у моих ног. Так мне пришлось смотреть на нее сверху вниз, а ей на меня — снизу вверх. Часто, часто потом я вспоминал, что за картину она собой являла во всей своей нежной и изящной простоте. Хорошо это помню, ибо потом многими мучительными часами каждый пустяк того дня, даже самый мелкий, гравировался в моей памяти. Марджори облокотилась одной рукой на мой подлокотник, а вторую руку вложила в мою нежным доверчивым жестом, растрогавшим меня до глубины души. После того как мы попали в беду двумя ночами ранее, она была со мной очень, очень добра. В моем отношении к ней не осталось ничего эгоистического, лишь настолько чистая любовь, насколько это возможно мужчине. Ей хотелось поговорить: я видел, как

тяжело ей это дается, как вздымается ее грудь, словно ныряльщик делает глубокие вдохи перед погружением.

Затем она взяла себя в руки и с бесконечной грацией и нежностью заговорила:

— Боюсь, я была очень эгоистична и нечутка. О! Да, так и есть, — прервала она мои возражения. — Теперь я это знаю. Миссис Джек права. Мне и в голову не приходило, как грубо я себя веду, а ты был со мной так любезен, так терпелив. Что ж, дорогой, с этим кончено! Хочу, не сходя с этого места, сказать, что если ты пожелаешь, то я уйду с тобой хоть завтра — сегодня же, если скажешь, — и мы всему миру объявим о нашем браке и заживем вместе.

Она замолчала, и мы сидели, держась за руки и сплетя пальцы. Я хранил молчание со спокойствием, самого меня поразившим, ведь мысли мои пребывали в смятении. Но откуда-то ко мне — как, очевидно, и к ней — пришло чувство долга. Как мог я принять такую нежную жертву? Сама серьезность того, как она готовилась к этим откровениям, показывала, что ей претит покидать избранный курс. В том, что она меня любит, я и так не сомневался: разве не ради меня она была готова пожертвовать всем? И тогда я ясно увидел

перед собой путь.

Поддавшись чувствам, я вскочил и заговорил, зная, что, каким бы большим и сильным мужчиной я ни был, правит мной эта самоотверженная красавица — ведь она для меня больше моих собственных пожеланий, моих надежд, моей души:

— Марджори, ты помнишь, как воссела на трон в пещере и посвятила меня в рыцари? — Она утвердительно склонила голову; ее глаза потупились, лицо и уши залило розовой краской. — Что ж, когда ты нарекла меня своим рыцарем, а я произнес клятву, я не шутил! Для меня то, как ты коснулась моего плеча, значит больше, чем посвящение от самой королевы со всей ее славной тысячелетней родословной. О, дорогая моя, я говорил искренне тогда, как говорю искренне теперь. Я был и есть твой верный рыцарь! Ты — моя дама сердца; рыцарю надлежит служить и делать все, чтобы поступь дамы была легка и не отягощена ничем! Какой соблазн — взять то, что ты мне предложила, и разом уйти в рай нашей новой жизни. Но, дорогая! Дорогая! Соблазн делает меня эгоистом, а мне нельзя думать только о своих желаниях. С тех пор как я увидел твое лицо, я живу мечтой, что настанет время, когда ты, перед кем расстилается весь мир, придешь ко мне

по собственной воле. Когда не оглянешься с сожалением ни на что сделанное или несделанное. Я хочу, чтобы ты была счастлива, смотрела только вперед — разве что, оглядываясь, ты и позади себя видишь счастье. Так вот, если ты откажешься от собственных целей и пойдешь со мной с чувством, будто всего лишь сделала выбор, тогда сожаление обо всем упущенном, о вожделенных возможностях, будет только расти и расти, пока… пока не разрастется в несчастье. Позволь процитировать. «Вспоминайте жену Лотову»[48] — это не просто предупреждение об одном случае, это великая аллегория. Мы с тобой молоды, мы оба счастливы, перед нами весь мир и неисчислимо поводов благодарить Господа. Я хочу, чтобы ты наслаждалась всем этим без остатка; и, дорогая моя, я не встану на пути любых твоих желаний. Будь свободна, Марджори, будь вполне свободна! Я хочу, чтобы девушка, которая хранит мой очаг, была той, кто не променяет его больше ни на что во всем белом свете. Разве не стоит этого желать, разве не стоит этого ждать? Возможно, это эгоизм превыше всех эгоизмов — пожалуй, так и есть. Но все же это моя мечта, и я люблю тебя так истинно

[48] Примечания: 48
Евангелие от Луки 17: 3.

и неколебимо, что не боюсь ждать!

Во время моей речи Марджори смотрела на меня со все большим и большим обожанием. И вдруг она не выдержала и заплакала так, точно вот-вот разорвется ее сердце. Это тотчас лишило меня всякого самообладания — я принял ее в объятья и пытался утешить. На нее дождем обрушились поцелуи и добрые слова. Наконец она успокоилась и, мягко отстранившись, сказала:

— Ты и сам не знаешь, как хорошо сказал. Я, как никогда в жизни, близка к тому, чтобы отказаться от своих планов. Подожди еще немного, любовь моя. Всего чуть-чуть — быть может, меньше, чем ты думаешь. Но выслушай для своего утешения сейчас и для памяти — на годы вперед: за всю жизнь, что бы ни случилось, я никогда не забуду твоей доброты, твоего великодушия, твоей любви, твоего понимания… твоего!.. Но да, ты и в самом деле мой рыцарь, и я люблю тебя сердцем и душой! — И с этими словами она снова бросилась в мои объятья.

Когда я выехал из Крома после обеда, погода изменилась. В воздухе чувствовался холод, подчеркивающий шуршание сухой листвы, носимой частыми порывами ветра. Нависало предчувствие чего-то мрачного — беды, горя, — хотя я

не знал почему. Расставаться с Марджори не хотелось, но мы оба сочли необходимым, чтобы я ушел. Я не забирал почту вот уже три дня, к тому же предстояло позаботиться о тысяче мелочей в уиннифолдском доме. Более того, мы вспомнили о сокровище, перенесенная часть которого — самоцветы — лежала почти на виду в столовой. Мне не хотелось тревожить Марджори собственными смутными страхами: я знал, что ее нынешнее приподнятое настроение и без того неизбежно омрачится. В тиши ночи еще нахлынет воспоминание об испытаниях и переживаниях прошлых дней. Впрочем, новым взором супружеской любви она сама разглядела, что я о чем-то волнуюсь.

Верно угадав, что это касается ее, она тихо произнесла:

— Не тревожься обо мне, любимый. Я обещаю, что ни ногой не ступлю из дома до твоего приезда. Но и ты приезжай завтра как можно раньше, непременно. Почему-то мне не нравится, что ты теперь покидаешь меня. Прежде я не возражала, но сегодня словно все изменилось. Мы уже не те, что прежде, верно же, — с тех пор как нас затопила вода во тьме. Однако я буду послушной. Мне предстоит много своих дел и писем, и время до возвращения моего мужа не будет ползти так

мучительно, не покажется долгим.

О! Видеть нежное выражение в ее глазах, видеть любовь, что в них сияла, слышать деликатную воркующую музыку ее голоса. Я уходил, а сердце словно летело обратно к ней и с каждым шагом все сильнее и сильнее натягивало свою привязь — на разрыв. Когда я оглянулся на повороте дороги, петляющей между елей, последнее, что видели мои увлажнившиеся глаза, — взмах ее руки и блеск ее глаз, сливающиеся в один блик белого света.

В своих комнатах в гостинице я нашел множество деловых писем, кое-что — от друзей. Но одно погрузило меня в размышления. Оно было написано рукой Адамса, без указания даты и места, и гласило следующее:

> «Людям в Кроме лучше поберечься своих слуг! Один лакей часто выходит в темноте и возвращается незадолго до утра. Возможно, он с врагами заодно. Во всяком случае, как и где выходит и заходит он, могут выходить и заходить и другие. Verb. sap.[49] А.».

---

[49] Примечания: 49
Сокращение от verbum sapienti sat est — «умному достаточно» (лат.).

Значит, за нами следили, причем сыщики Секретной службы. Я порадовался, что Марджори обещалась не выходить до моего возвращения. Если ее видели «люди Мака», могли видеть и другие, а глаза других могли оказаться проницательнее, или их логика — вернее. Так или иначе, я счел благоразумным послать ей весточку с предупреждением. Я переписал письмо Адамса, добавив от себя всего пару слов о любви. Как же я поразился, обнаружив, что у меня вышло несколько страниц! Мальчик в гостинице повез его на тележке, запряженной пони, с указанием доставить ответ на Уиннифолд. Для безопасности я адресовал конверт миссис Джек. Затем, написав несколько заметок и телеграмм, я поехал на велосипеде в свой дом на утесе.

День стоял мрачный, и все было серо — как небо, так и море, и даже сами скалы с их венцами из черных водорослей под пеной бьющихся волн. В доме ничего не изменилось, но без огня и с раскрытыми шторами было так мрачно, что я запалил поленья и задернул окна. Стоя в эркере и глядя на тревожное море и прислушиваясь к свисту крепнущего ветра, я ощутил, как меня охватывает великая меланхолия, и затерялся в сумрачном тумане. Сколько помню, мои мысли

были о времени, когда я увидел, как из моря за Скейрс поднимается процессия мертвых, и об испанце со свирепым взглядом — единственном в их рядах, взглянувшем на меня живыми глазами. Должно быть, я с головой ушел в свои мысли и не замечал ничего вокруг, поскольку, хоть я никого и не увидел на дороге, вдруг вздрогнул от стука в дверь. Стучали кулаком. Я решил, что это не иначе как мальчик, вернувшийся из Крома, поскольку больше никого не ждал, и немедленно открыл дверь. И отшатнулся в полном изумлении. Там, исполненный серьезности и внутреннего достоинства, самим воплощением слова «джентльмен» высился дон Бернардино. Его глаза, хоть безмятежные и даже ласковые, были глазами того мертвеца из моря. В нескольких футах позади него стояла Гормала Макнил с нетерпеливым выражением лица, плохо прикрытым такой ухмылкой, что я почувствовал себя в ловушке или в чем-то виноватым.

Испанец тут же заговорил:

— Сэр, приношу свои извинения! Я бы очень хотел потолковать с вами наедине, и как можно скорее. Простите, что тревожу вас, но это дело такой важности — по крайней мере, для меня, — что я решился на подобное вторжение. В гостинице

я узнал, что вы удалились сюда, и с этой доброй дамой в провожатых, немало мне рассказавшей, нашел вас. — Говоря о Гормале, он встал в полуобороте и указал на нее. Она ловила каждое наше движение с кошачьим любопытством, но, как только разговор зашел о ней, на ее лице сгустились тучи и она двинулась прочь. Испанец продолжил: — То, что я имею сказать, — секрет, и я хотел бы остаться с вами наедине. Можно ли мне войти к вам или вам — ко мне? Я имею в виду не свой замок Кром, а дом в Эллоне, где я остановился, покуда не изволят съехать сеньора Джек и ее достославная патриотка.

Его манеры были серьезны и учтивы, а вид столь благороден, что я нашел почти невозможным ему не доверять, хоть в моей памяти и промелькнул его мрачный огнеглазый лик в Кроме, так явно напомнивший покойного испанца с живым взглядом ненависти в процессии привидений из вод Скейрс. Так или иначе, решил я, не повредит его выслушать; в конце концов, «предупрежден — значит вооружен» — золотая апофегма, когда имеешь дело с врагом. Я жестом пригласил его в дом — он сурово поклонился и вошел. Закрывая за нами дверь, я заметил, как к дому споро подкрадывается Гормала с нетерпени-

ем на лице. Очевидно, ей хотелось быть поближе, чтобы увидеть — и по возможности услышать — как можно больше.

Когда я открывал перед доном Бернардино дверь кабинета, внезапный взгляд внутрь в тусклом свете, падающем сквозь щели в ставнях, изменил мои планы. Эту комнату я превратил в гардеробную Марджори, и повсюду на спинках стульев сушилась одежда, в которой она спускалась в пещеру. Были на столе и ее туалетные принадлежности. Я почувствовал, что пускать туда незнакомца нетактично по отношению к моей жене, к тому же в какой-то мере это даст врагу подсказку о нашем секрете. Со спешным извинением я закрыл дверь и пригласил гостя в столовую в другом конце коридора. Предложив сесть, я подошел к окну и раздвинул шторы, чтобы пролить свет. Отчего-то на свету я чувствовал себя спокойнее — и думал, что он позволит узнать больше, чем тусклые сумерки зашторенной комнаты.

Повернувшись, я увидел, что испанец все еще стоит лицом ко мне. Он словно сознательно держался неподвижно, но я видел, как его глаза под длинными черными ресницами так и рыщут по комнате. Я машинально проследил за его взгля-

дом и увидел пугающий беспорядок. Большой камин набит выгоревшим пеплом, стол заставлен немытыми чашками да тарелками, поскольку мы не прибрали за собой после ночи в пещере. На полу неопрятно свалены ковры и подушки, и в душной атмосфере давали о себе знать застоявшиеся объедки на столе. Я двинулся было, чтобы раскрыть окно и проветрить, как вспомнил, что у стены снаружи наверняка дежурит Гормала, у которой ушки на макушке, и ловит каждое наше слово. И вместо этого я извинился за беспорядок, сказав, что сидел здесь взаперти несколько дней, работая над книгой, — этим же я оправдывал периоды своего одиночества в гостинице.

Испанец с торжественной любезностью поклонился и уверил, что в извинениях нет нужды. Если что-то и неладно — хотя он этого не видит, — то все недостатки унесла и проглотила та волна благородства, захлестнувшая его, когда я разрешил войти в дом, и все в таком духе.

Затем он посерьезнел и перешел непосредственно к делу.

Глава XL. Исполнение поручения

— Сеньор, вам может быть интересно, зачем я здесь и почему желаю говорить наедине и втайне. Вы видели меня только в доме, где, хотя он принадлежит мне по праву рождения, господствовали дамы, ввиду своей национальности и давления войны оказавшиеся — увы! — моими врагами. К вам это не относится. Наши народы живут в мире, не существует и личных причин, почему нам не вести себя дружески. Я пришел к вам, сеньор, поскольку почувствовал, что вы рыцарь. Вы умеете хранить тайну, вы знаете высшие требования чести и долга. Простолюдинам это не дано, а для дорогих дам, пусть и с их собственным чувством чести, обязанность играет не ту роль в жизни, что у нас, отнюдь! Для нас обязательства выше и важнее жизни. Мне незачем рассказывать вам о тайном долге моей семьи, поскольку знаю, что все это вам уже известно. Вы раскрыли секрет папского сокровища и долга моего Дома беречь его и вернуть. О да, это я знаю точно, — прибавил он, увидев, что я хочу заговорить. — Разве не видел я в ваших руках ту

давно утраченную часть книги!

Здесь он замолчал и сощурился: какая-то мысль об опасности напомнила ему об осторожности. Я тоже хранил молчание: мне хотелось подумать. Если только я не превратно понял, он только что сделал поразительное признание, выдавшее его с головой. При единственной нашей встрече он объяснил, что найденные мной страницы — из книги в его библиотеке. Мы и в самом деле намекнули, что в тех знаках может крыться шифр, но тогда он этого не подтвердил. И уж точно ничем не показал своей уверенности в том, что мы раскрыли секрет. Как же он узнал — или на каком основании предположил, — что мне все известно? Момент был каверзный. Промолчи я — и он принял бы свой вывод за истину, а тогда я мог бы уже ничего не узнать о его цели. И я заговорил:

— Прошу прощения, сэр, но вы предполагаете с моей стороны знание некой тайной истории вашей семьи и папских сокровищ, а объясняете это лишь тем, что видели в моих руках книгу, часть которой давно утеряна. Правильно ли я понимаю, что если где-то существует — или может существовать — секрет, то подозревающий о нем непременно его знает?

Буравящий взгляд испанца сощуривался все

у́же и у́же, пока зрачки не стали как у кота в темноте — узкая щелка пещеры, где пылает пламя. Добрых полминуты он пристально всматривался в меня, и не скрою, что я смутился. Тут он имел превосходство. Ведь я знал, что сказанное им — правда: я знал секрет спрятанного сокровища. Он каким-то образом раскрыл степень моих знаний. До сих пор он говорил только правду, я же увиливал — и нам обоим это было известно! Тут он заговорил, словно решившись вести дело прямо и откровенно. Как же странно было слышать эту откровенность испанца:

— Зачем ходить вокруг да около? Я знаю, вы знаете, и мы оба знаем, что знает второй. Я прочитал то, что вы писали о секрете, почерпнутом с шифрованных страниц свода законов.

При его словах передо мной встали все подробности его визита в Кром. Тогда он видел только печатные страницы с шифром, он не мог видеть моей расшифровки, лежавшей на столе перевернутой. Мы скрыли ее, услышав, что кто-то идет.

— Значит, вы побывали в замке снова! — вырвалось у меня.

Моей целью было смутить его, но я ничего не добился. За его угрюмой откровенностью таилась несгибаемая целеустремленность, защищавшая

от любых сюрпризов.

— Именно, — произнес он медленно и с улыбкой, обнажившей оскал, точно у волка перед Красной Шапочкой.

— Как странно, мне в Кроме об этом не рассказывали, — произнес я словно самому себе.

— Они и не знали! — ответил он. — Во второй раз я навестил родной дом доро́гой, не известной никому, кроме меня.

И снова показались его клыки. Он знал, что признаётся в дурном, но решил держаться до конца, тем самым проявив жестокость, скрывавшуюся за его силой. Словно в этот миг о себе дал знать его родовой инстинкт. Некогда Испания находилась в руках мавров, и теперь в благороднейших из старых семей течет черная кровь. В Испании это не считается пятном позора, как на Западе. Эта древняя дьявольщина, от которой происходят дикарство и худу[50], так и блеснула в сумрачной улыбке воплощенной мятежной решимости. Это-то и позволило мне застичь противника врасплох — ударить по его сложному характеру так, чтобы одна половина предала вторую.

— Как странно! — сказал я, вновь словно са-

[50] Примечания: 50

Североафриканское колдовство и религиозный культ. Предполагается, что название произошло от искаженного слова «вуду».

мому себе. — У цивилизованных людей втайне прийти в чужой дом считается преступлением!

— Это мой дом! — быстро парировал он, и его смуглое лицо залилось краской.

— И снова странно! — сказал я. — Когда миссис Джек сняла замок, в ее договоре не было ни слова о праве хозяина входить тайно! Напротив, посещения были строго оговорены.

— Человек имеет право входить в собственный дом, когда и как сочтет нужным, и защитить собственность, украденную у него чужаками!

Последние слова он бросил с таким нескрываемым желанием задеть меня, что я насторожился. Очевидно, он пытался меня разозлить, как я разозлил его. Я же решил впредь не давать волю чувствам, что бы он ни говорил.

Ответил я с напускным раздражением:

— В законе прописаны все средства против преступлений. И он, сколько мне известно, не позволяет втайне входить в дом, сданный другому. В договоре подразумевается мирное проживание, если только отдельно не указано право вторжения.

— Мой агент не имел права сдавать замок без этой оговорки, — ответил с презрением он.

— О, вот только он сдал, и по закону мы связаны

действиями наших агентов. Facit per alium[51] — такова максима закона. Что до кражи, то знайте, что всю вашу собственность в Кроме не трогали и пальцем. Бумаги, которые вы потребовали, остались в книге, а книга осталась на полке, куда вы сами ее и поместили. За то поручится миссис Джек.

Он промолчал; а поскольку факты требовалось проговорить между нами до конца, я продолжил:

— Правильно ли я понимаю, что в свой ночной визит вы прочитали личные бумаги на столе в библиотеке? Я, кстати, предполагаю, он был ночным?

— Да.

— Тогда, сэр, — теперь я говорил резко, — кто тут виновен в краже? Мы — мисс Дрейк и я — нашли те бумаги по случаю. Если хотите знать, они лежали в дубовом сундуке, который я приобрел на аукционе на улице Питерхеда. Мы заподозрили в них шифр и трудились над ним, пока не раскрыли тайну. Вот что сделали мы — мы, даже не знавшие вашего имени! А что же сделали вы? Пришли как званый гость, с разрешения, в

[51] Примечания: 51

Сокращение от принципа «qui facit per alium facit per se» — «кто действует через посредство другого лица, действует сам» (*лат.*).

дом, снятый добропорядочными незнакомцами. Там узнали свои утраченные бумаги. Мы их вам вернули. После этого законы чести требовали раскрыться перед нами. Вы спросили, узнали ли мы секрет сокровища? Нет! Вы ушли, а вернулись аки тать в нощи и украли наш секрет. Да, сэр, это вы — вор! — Он в возмущении вскинул руку. — Тогда это был наш секрет, не ваш. Переведи вы тайнопись сами, были бы в своем праве, и мне было бы нечего вам предъявить. Мы предложили вам забрать книгу с собой — вы отказались. Очевидно, вы не знали всего секрета сокровища. Признаю, вы знали о самом существовании секрета и сокровища, но ключ к нему, добытый нашим трудом, вы украли!

— Сеньор! — Его голос, преисполненный всего наилучшего и наиблагороднейшего в человеке, не допускал возражений. — Де Эскобан не потерпит подобных обвинений, а тот, кто их делает, в конце концов расплатится своей жизнью!

Тут он вдруг прервался, и про себя я радовался его внезапному молчанию: хоть мне и хотелось наказать его за обвинения Марджори в воровстве, я вовсе не стремился к дуэли. Впрочем, я был твердо намерен продолжать, поскольку ни при каких обстоятельствах не допустил бы грязных

намеков в адрес своей бесподобной жены. Думаю, его внезапная пауза обозначала размышления, а размышления обозначали мирное разрешение ситуации.

И все же я не унимался:

— Я рад, сэр, что вы не привычны к таким обвинениям; верю, вы не привычны и к тому, чтобы их заслуживать!

К этому времени он снова обрел спокойствие — ледяное спокойствие. Удивительно, с какой скоростью и с каким размахом качался маятник его характера между гордостью и страстью. Вдруг он снова улыбнулся — все той же смертоносной жуткой улыбкой, которую воображал признаком откровенности.

— Вижу, я наказан справедливо! Я первый и заговорил о воровстве. Сеньор, вы показали мне, что я не прав. Мои извинения той доброй даме, что проживает гостьей в моем доме, и той патриотичной, что его украшает. Теперь позвольте заметить, раз теперь мой черед оправдываться, что уж вы, с таким мастерством раскрывший тайну той книги, которую я прочитал только что, знаете, как никто другой, что я обязан любой ценой защитить свое поручение. Вопреки себе я скован долгом — долгом, без радости перенятым

от мертвых. Не я так решил — и все же я скован даже крепче того, кто решил. Я стою между законом и честью, между жизнью и смертью, беспомощный. Сеньор, будь вы сами на моем месте, поступили бы иначе? Поступили бы иначе, зная, что существует загадка, которую вы не имели и надежды разгадать — настолько давно был украден или утрачен ее тайник. Поступили бы иначе, зная и то, что другие — допустим, случайно и без злого умысла — уже совершили открытие, насмехаясь над вашими надеждами и перечеркнув долгую службу, которой посвятили себя без остатка десять поколений мужчин? Не пришли бы и вы в ночи разузнать все, что можно? Разузнать самому, между прочим! И не поступила ли бы точно так же та патриотичная дама, для которой ничто не сравнится с преданностью своей стране, которую она ценит так высоко?

Пока он говорил, я размышлял. С притворным неведением для нас обоих было покончено: ему было известно наше знание о тайном поручении, а нам было известно, что это известно ему. Но о чем он еще оставался в неведении, так это о том, что мы нашли и сокровище. Ни к чему было вести гипотетические споры о нравственности. Конечно же, он прав: если бы я или Марджори

считали себя скованными столь тяжким долгом, мы поступили бы так же.

Отвечая, я поклонился:

— Сэр, вы правы! Любой, имея такой долг, поступил бы как вы.

— Сеньор, — поспешил он вставить, — благодарю вас от всей души!

Бедняга — в тот момент я его жалел. Внезапный проблеск радости в его лице показал, в каком аду он жил в последнее время. Это мгновение словно стерло все его ожесточение, и дальше он заговорил уже по-другому:

— А теперь, сеньор, коль вы так порадовали мое сердце располагающей честностью, позвольте вновь просить о вашей доброте. Поверьте, подобное я делаю и вынужден делать не по собственной воле, а из несгибаемого чувства долга; до недавнего времени моя жизнь была совсем другой — о, насколько же другой! Вы сами знаете чувство чести; как и я, вы человек светский, и мы можем пожертвовать чем угодно, кроме чести. Так не могли бы вы поспособствовать мне в исполнении моего поручения? И пусть отныне между нами воцарится мир.

Он нервно следил за каждым моим движением.

Я ответил:

— Боюсь, я вас не понимаю.

Он в явном смущении продолжал:

— Простите, если я снова оплошаю, но я обязан объясниться. Мне очевидно, что в нынешний век науки ничто не останется скрытым, стоит найти ключ. Вам уже так много известно, что я обязан исходить едва ли не из того, что клад уж найден. А где я тогда? Что я? Человек, предавший поручение. Допустивший постороннее вмешательство и тем опозоривший себя! Еще мгновение, сеньор, и я закончу. — Он заметил, что я хочу заговорить. — Не столько сокровище я ценю, сколько само поручение. Если бы я только мог исполнить поручение, пожертвовав всем своим имуществом, сделал бы так с радостью. Сеньор, вы еще свободны. Вам нужно лишь отказаться от своих поисков. Это не ваш долг — а следовательно, отказавшись, вы не поступитесь честью ни в коей мере. Я обещаю — и, о сеньор, молю, имейте терпение, чтобы не оскорбиться, — я отдам в таком случае все, что имею. Отдам с радостью! Так я оправдаю оказанное моему Дому доверие и пойду по миру пусть и нищим, но зато свободным — свободным! О! Погодите, сеньор, задумайтесь. Я богат — по мирским меркам. Мои предки облада-

ли огромным состоянием — уже в то время, когда великий Бернардино отдал свой корабль королю. И три века все были благоразумны и их состояние прирастало. Нам принадлежат обширные поля, великие леса, множество замков, целые горные кряжи еще не тронутых природных сокровищ. Морские порты и деревни, и всюду их обитатели счастливы и довольны. Я — последний из своего рода. Наследовать некому, а потому я свободен в этом обещании.

Он не склонялся, не чувствовалось в его голосе, интонации или манере настойчивости мольбы. Не было ощущения торга. Только предложение, основанное на его собственном желании; данное с таким размахом, что обидеться было невозможно. Он с такой точностью распознал мое положение, что от низменного элемента сделки не осталось и следа: то был договор между джентльменами. По крайней мере, так я воспринял его точку зрения. Моя же оставалась прежней: как я или любой другой мог воспользоваться таким предложением?

После секундного раздумья я ответил:

— Сэр, для меня честь то, что вы относите нас к людям чести. Как бы вы поступили на моем месте?

Его взгляд просветлел, дыхание участилось, и он ответил:

— На вашем месте я бы сказал: «Сеньор, ваш долг — долг чести, мой — долг выгоды. Сравнений тут быть не может. Исполните свой долг перед предками! Оправдайте доверие, оказанное вашей фамилии! Найдите свое сокровище — и будьте свободны!»

В его голосе и манерах чувствовалась бесконечная гордость; думаю, он и в самом деле в это верил. Я же продолжил расспросы:

— А как же ваше наследие в награду?

Он пожал плечами:

— Это не имеет значения.

— Ах, вы имеете в виду, для вас — отдать?

Он кивнул.

— Но для меня — принять? Что бы вы сделали на моем месте?

Он явно встал перед тяжелым выбором. Я видел на его лице работу разума. Если бы он сказал, что согласился бы, явно упал бы в собственных глазах; а для такой гордыни, как у него, самоуважение значит больше уважения других. Если бы он отказался, поставил бы под угрозу свои шансы на желаемое. Жестокое искушение — и я всем сердцем проникся уважением, когда испанец

горделиво дал ответ:

— Сеньор, я могу умереть, но не могу пасть! Но что вам мои мысли? Не мне давать этот ответ! Я предложил вам все, что имею. Вдобавок обязуюсь положить на службу вам свою жизнь, коли великое поручение будет исполнено. За то ручаюсь своей честью, вам незачем бояться, что я нарушу слово! Вот, сеньор, вам мой ответ! Чтобы оправдать доверие пращуров, я отдаю все, что имею, кроме своей чести! Ответ — за вами!

Глава XLI. Найденный клад

Никаких сомнений — преданность испанца своему делу ставила меня в весьма затруднительное положение. Я не мог скрывать от себя, что он предъявил весьма сильный довод как один джентльмен — другому. Уязвимость этого аргумента проявилась лишь по недолгому размышлению. Будь это вопрос личного или конфиденциального характера, принадлежи сокровище его предкам, я бы не нашел в себе сил отказать со спокойной душой. Однако я вспомнил, что вопрос этот общественный. Те сокровища были собраны врагами Англии ради уничтожения ее свободы, а значит, и свободы всего рода человеческого. По приказу заклятых врагов сокровище отправили на военном корабле — одном из многих, спущенных на воду для вторжения в Англию и ее покорения. Во времена национального бедствия, когда пушки грохотали вдоль нашего побережья от Темзы до Тайна, сокровища припрятали для будущего употребления по назначению. Пусть минули века, то назначение никуда не делось; и те самые

люди, что охраняли сокровища, являлись, пусть и назывались британцами, тайными врагами страны, преданными делу ее гибели. Кроме того, существовала и другая причина не выдавать клад, для меня — сильнее моего естественного долга, поскольку она перешла ко мне от Марджори. Испания находилась в мире с моей страной, но воевала — с ее; сокровища, собранные во вред Англии, могли быть использованы — нет, были бы использованы несомненно — во вред Америке. Испания обнищала до крайней степени. Ее казна была пуста, солдаты роптали из-за невыплат. Ввиду бедности в самой стране местами царила анархия; за рубежом была такая нехватка всего — кораблей, людей, припасов, пушек, амуниции[52], — что нужда преодолела море и осаждала чиновников Квиринала с душераздирающим постоянством. Америка, на первых порах не готовая к войне, крепла день ото дня. Утихла паника, охватившая прибрежные города от Мэна до Калифорнии, когда они остались на милость

[52] Примечания: 52

Среди примеров бедственного положения испанской армии на Кубе можно привести то, что солдаты повально страдали от местных болезней, города были отрезаны друг от друга действиями повстанцев, перекрывавших дороги и перерезáвших телеграфы, а при высадке американцев в Гуантанамо испанские войска воровали их продовольствие из-за дефицита собственного.

испанского флота и никто не знал, куда тот нанесет удар. Сейчас как никогда средства важны для обедневшей Испании. Великое сокровище, накопленное для покорения англосаксов и спасенное из трехвекового погребения, в последний момент исполнит свое предназначение, пусть и против новой ветви древнего врага Испании, что только пускала корни, когда Великая армада выходила во всей славе на войну. Мне не нужен был совет ангела, чтобы знать ответ Марджори, если бы это предложение сделали ей. Я так и видел перед мысленным взором, как ее высокая фигура взовьется во всей гордости и красе, как вспыхнет в ее очах то патриотическое пламя, что я так хорошо знал, как подожмутся губы, как расширятся ноздри, как наморщится снежно-белый лоб, когда возденутся в презрении брови…

— Сэр, — сказал я как можно достойнее, — это решать не мне и не вам. Не нам обоим! Это дело двух стран — или даже трех: папства, испанцев, британцев. Нет, это касается и четвертой, ведь дама, разделившая со мной секрет, представляет ту страну, с которой воюет ваш народ!

Такого испанец явно не ожидал — в его глазах снова затлел красный свет преисподней. Его гнев нашел выход в издевке:

— Ах! Так, значит, вы не предполагаете распоряжаться сокровищем, когда оно будет найдено, в личных интересах, а передадите его своему правительству!

Лучшим ответом на его презрение было спокойствие, и я тихо сказал:

— И снова мы в затруднении. Понимаете ли, сударь, наше положение никто толком не объяснит. «Закон найденного клада», как мы зовем его в этой стране, пребывает в самом что ни на есть сумбурном состоянии. Я изучал его с тех пор, как мы взялись за поиски, и удивлен, что за все годы с начала нашего законотворчества его не довели до точности. Закон как он есть основывается на королевской прерогативе, но на чем основывается эта самая прерогатива — того как будто никто не знает. И вдобавок из-за множества конституционных изменений и обычаев разных династий есть — или наверняка могут быть — преграды и для права Короны, и уже тем более для его воплощения!

Он выглядел потрясенным. Ему явно и в голову не приходило считать это чем-то иным, нежели возвращением имущества, доверенного предками. Я воспользовался его замешательством, чтобы выиграть время для собственных размышлений

и определения курса действий, который бы отвечал как моим пожеланиям, так и пожеланиям Марджори, и взялся излагать свое представление о «законе найденного клада». Порой я цитировал по заметкам из своего блокнота:

— Шотландский закон почти не отличается от английского, а раз мы в Шотландии, то, разумеется, подчиняемся ее законам. В глазах нашедшего главное различие в том, что в Шотландии укрывательство найденного клада не считается преступлением, как в Англии. Посему, как я погляжу, мне бояться нечего: ведь, хоть по общему закону о полиции нашедший обязан сообщить о своей находке старшему констеблю, закон касается лишь найденного на дорогах или в общественных местах. Что до клада, то он в каком-то смысле может вовсе и не считаться кладом… По Блэкстону[53], найденный клад — это деньги или монеты, золото, серебро, посуда или слитки, найденные в земле или в другом укромном месте, чей владелец неизвестен. При находке же на земле или в море клад принадлежит не короне, а нашедшему, если владелец не

[53] Примечания: 53

Уильям Блэкстон (1723–1780) — автор «Комментариев к английским законам» (1765–1769) в четырех томах, истолковывавших нормы и прецеденты права Англии.

объявится. Имущество переходит короне из-за укрывательства, а не оставления… Монеты или слитки, найденные на дне озера или реки, не считаются кладом. Поскольку они спрятаны не в земле… Право короны… ограничивается золотом или серебром, слитками или монетами. Больше оно ни на что не простирается…

На этом испанец прервал меня:

— Но, сэр, из всего, что вы говорите, выходит, что даже ваш закон признает право владельца.

— А, но тут возникает новое затруднение — или, вернее, целая череда затруднений, начиная с того, что такое «владелец» в глазах закона. Возьмем хоть ваш случай. Вы заявляете, что это сокровище — если его возможно найти — передано вам его первым хозяином. Первый хозяин, как я понимаю, — это папа, отправивший его с Армадой для обращения или покорения Англии. Цель рассмотрим потом, а тем временем сойдемся на том, что первый владелец — папа Сикст V. Итак, папство — это должность, и при смерти одного папы все права, полномочия и привилегии, какие бы то ни было, отходят преемнику. Таким образом, сегодняшний папа — ровно в том же положении, что и папа Сикст V, когда тот отправлял вышеупомянутое сокровище через короля Филиппа, под

опекой Бернардино де Эскобана.

Мне казалось, слова «вышеупомянутое сокровище» звучат очень официально — и это помогало мне собраться с мыслями по ходу речи.

— И вы, как представитель своей семьи, в том же положении, что и ваш великий предок, указанный в доверенности.

Еще одна убедительная юридическая формулировка.

— Не думаю, что британское право признает ваше положение или положение ваших предшественников в той же степени, как правопреемство пап. Но предположим, что они равны. Коли так, ваша претензия на владение и опеку оправданна.

Когда я замолчал, остолбеневший испанец выдохнул. С изящным движением, чуть не перешедшим в поклон, он ответил:

— Коль вы признаете правопреемство и коль говорите как представитель британского права, в чем же будет затруднение, если сокровище вообще найдется?

А вот тут-то и таилось истинное затруднение как моих рассуждений, так и рассуждений дона Бернардино. Мне было совершенно невдомек, что скажет закон, зато я легко видел, какие до-

воды могут быть у Британии против Испании. Поскольку мне требовалось в некоторой степени блефовать, я постарался ответить с убежденным видом:

— А вы не задумывались, что вы — или, вернее, ваши предшественники по титулу и доверенности — сделали, чтобы лишиться своих прав?

Явно потрясенный, он весь побледнел — очевидно, этот вопрос вовсе не приходил ему в голову. Сама эта идея теперь открывала мрачные исходы. Его губы пересохли, и, как никогда хриплым голосом, он пробормотал после паузы:

— Продолжайте!

— Сокровища отправили в военное время враги Англии на ее погибель — ниспровержение существовавшего в то время правительства. Это само по себе военное действие. Те документы, что могли бы — или могут — доказать право владения, докажут также враждебный умысел владельцев. Помните, сокровища перевозил военный корабль — из Великой армады, построенной для нападения на эту страну. Владелец сокровища, папа римский, доверил его cestui que trust[54], а король Испании — вашему предку Бернардино

[54] Примечания: 54

Временный пользователь, распоряжающийся имуществом по поручению владельца.

де Эскобану, наследственному попечителю. Ваш предок построил на собственные средства корабль «Сан-Кристобаль» — для короля, для войны с Англией. Как видите, все они — что отдельные лица, что вся страна — были врагами Англии, и преступный умысел, что зовется в британском праве mens rea[55], налицо!

Испанец внимательно наблюдал за мной, я видел по тому, как темнеет его смуглое лицо и мучительно ходят желваки, что мои доводы бьют в самое сердце. При виде такого смятения даже я, будучи его врагом, продолжал с угрызениями совести:

— Время покажет, как британское право рассмотрит ваши действия или действия ваших предшественников по укрытию сокровищ во владениях Британии. Полагаю, как иностранец, вы не имеете в этом деле никаких прав. А уж как иностранец, противостоящий этой стране, не имеете и не можете иметь прав ни по британскому, ни по международному праву. Вы их лишились, высадившись с военного корабля на британский берег во время войны!

Повисла долгая пауза. Теперь, сколотив аргу-

---

[55] Примечания: 55
Преступный умысел (*лат.*).

мент из разрозненных отрывков тех юридических текстов, что я успел изучить, и собственных представлений, я думал, что результат вышел даже сильнее, чем я его представлял. Тут же вырос и целый сонм сопутствующих вопросов. Я увлекся, толкуя закон по своему разумению.

— Неминуемо встает вопрос: если первоначальный владелец утерял права, не наделяет ли это правами британскую корону? Что до того, может ли нашедший получить бесхозное спрятанное сокровище, по закону зовущееся bona vacantia[56], — это относится к королевской прерогативе. В обоих упомянутых случаях есть юридические тонкости. К примеру, сам характер сокровища может ограничить приоритет короны над правами нашедшего.

— Как? — спросил дон Бернардино. Он уже возвращал себе хладнокровие и, очевидно, желал восстановить власть над положением.

— Согласно заявлению дона Бернардино, которое обязательно примут как свидетельство, сокровище представляло собой — или все еще представляет — разные классы: монеты, слитки, драгоценные камни и ювелирные украшения.

---

[56] Примечания: 56
Бесхозное имущество (*лат.*).

Согласно одному из пунктов, что я вам зачитал, прерогатива короны распространяется только на драгоценные металлы или слитки. Драгоценные камни или украшения, следовательно, исключаются — и сомневаюсь, что их можно счесть военной контрабандой.

Также претензии короны может ограничить и местонахождение клада. Согласно зашифрованной повести, это морская пещера. Она явно уже не может быть на земле, что дает право нашедшему, или в земле, что дает право короне. Но затем возникает вопрос юрисдикции. Вы же помните, в одном параграфе Блэкстон исключает из определения «найденного клада» море. В Британии со спором, считать ли морем пещеру, которую затапливает прилив, можно легко дойти от местного суда до самой палаты лордов — нашей высшей апелляционной инстанции.

Тут я замолчал, исчерпав все возможные варианты.

Мысль испанца обрела голос:

— Но право владения все еще можно отстоять. Со времен той несчастной поры Непобедимой армады наши народы живут в мире. Больше того — разве наши народы не сражались плечом к

плечу в Пиренейской войне[57]! К тому же никогда не было войны между Англией и папой, пусть даже его священников ловили и заключали в тюрьму. Дружба наших стран заложит надежное основание для положительного рассмотрения международного иска. Даже если и имелась тогда причина для лишения нас прав, лишения так и не произошло, и Англия в своей мудрости уступит дружественной стране по прошествии трехсот лет.

Тут меня озарило.

— Разумеется, — сказал я. — Может быть и так. Англия богата и не нуждается в том, чтобы настаивать на правах на какое бы то ни было сокровище. Но позвольте напомнить, что для юристов важнее буква закона, а этот вопрос будут разбирать не просто юристы, а слуги своей страны и советники правительства. И руководствоваться они, вне всяких сомнений, станут существующими принципами, пусть даже конкретный случай не имеет точных прецедентов. Я выяснил, что в Индии, где законы установлены

---

[57] Примечания: 57

Пиренейская война — вооруженные конфликты на Пиренейском полуострове в ходе Наполеоновских войн начала XIX века, когда союз Испании, Португалии и Великобритании противостоял наполеоновской Франции.

британцами и соответствуют британскому праву, существует акт касательно найденного клада. По нему судья может принимать решение о правопреемстве в пределах сотни лет. Как видите из этой аналогии, упоминание трехсот лет мира вовсе лишит вас возможности обращаться в суд.

Мы оба хранили молчание. Затем испанец с долгим вздохом вежливо заметил:

— Благодарю вас, сеньор, за аудиенцию. Между нами не может быть согласия, и, что бы я ни сказал, это не поможет. Но я обязан следовать своему курсу. Жаль — ведь что то будет за курс, я еще не знаю. Я бы отдал свое состояние и свою жизнь, чтобы благородно исполнить доверенное мне поручение. Но этого счастья мне не дано, увы! Сеньор, — это он произнес очень сурово, — надеюсь, вы не забудете, что я перепробовал все, что мне известно, в рамках мира и чести, чтобы исполнить свой долг. Коль мне выпадет осуществить его другими средствами, даже ценой жизни и смерти, вы будете знать, что у меня не осталось другого выбора.

— Так вы готовы отнять жизнь? — выпалил я в некотором изумлении.

— Я не пощажу своей жизни, стану ли я жалеть чужие? — спокойно ответил он и продолжил:

— Но — о сеньор! — вовсе не отнятия жизни, своей или чужой, я боюсь. А того, что мне придется прибегнуть к низости, в чем нет чести; разве не вкусил я уже ее горький вкус! Поймите, не я выбирал этот долг. Его мне вверили другие силы, более великие — наместник самого Господа; и что назначено им, то я исполню любым способом, какой от меня потребуется.

Мне было жаль его, очень жаль, но его слова внушали новый страх. До сих пор я имел дело с джентльменом, а эта мысль защищает от любого противника. Теперь он спокойно объявил, что не остановится ни перед чем. В будущем мне следовало опасаться не только честной схватки, но и коварных, грязных поступков. И я заговорил:

— Значит, мне уже не считать вас человеком чести?

Его лицо опасно помрачнело, но всю надменную гордость стерло выражение отчаяния и скорби, когда он с печалью ответил:

— Увы, не знаю. Я в руках Господа! Пусть Он распорядится мной милосердно и не позволит сойти в могилу обесчещенным. Но путь для меня уже проложен, и к чему он приведет, то мне заранее неведомо.

Отчего-то я почувствовал себя плутом. Я не про-

тив честной схватки — или любой схватки, как мы понимали ее в начале. Но это было немыслимо. Он показал, что готов отдать все, что имеет, лишь бы исполнить поручение и освободиться, а я будто сыграл роль в том, что он вынужден пойти дорогой бесчестья. Это было несправедливо и по отношению ко мне. Я всегда старался поступать благородно и милосердно, и от нынешней вынужденной причастности к падению другого мне было тяжело. Воистину, тернист путь богатства, а когда в погоне за золотом замешаны война, политика и интриги, страдания ждут всякого, кому не посчастливится в нее вовлечься. Моя решимость слабела, и, не сомневаюсь, поддавшись моменту, я мог сделать испанцу скоропалительное предложение, как вновь вспомнилось назначение сокровища и возникла мысль о том, что подумает Марджори, если я позволю сокровищу угодить в руки тех, кто применит его против ее страны. Как бы то ни было, надеяться на то, что дон Бернардино пойдет на компромисс, не приходилось. Его единственной целью, слепой и неколебимой, было исполнить обязательство, установленное предком, и вернуть сокровище в Испанию, чтобы та его вернула — или не вернула — папе. Я до того сосредоточил все внимание на дилемме, что не

замечал ничего вокруг. Я только смутно понимал, что взгляд испанца блуждает по комнате, ищет в слепой агонии отчаяния, терзавшей его душу, хоть какой-то намек или спасение.

И вдруг я разом осознал, что произошло за эти несколько секунд. Он изумленными глазами смотрел на выхваченную игрой света гору металлических шкатулок, потемневших после трех веков в соленой воде и сложенных на пристенном столике среди всякой всячины.

Пламя вспыхнуло в его глазах, он поднял руку и показал на шкатулки со словами:

— Так сокровище найдено!

Глава XLII. Борьба

Думаю, в первые мгновения мысли испанца покорило чистое удивление. Но он быстро его переборол, и тогда вся его вспыльчивая натура словно изверглась потоком:

— Так все ученые аргументы, которыми вы меня дурачили, — лишь ширма, чтобы скрыть, что вы завладели сокровищами, доверенными мне, и только мне. Мне надо было догадаться, что без этой уверенности вы бы не были так упрямы в ответ на мое предложение, учитывая его искренность. Надо было догадаться и по другим причинам! Та старуха, которая следит за вами глазами, что видят больше обычных глаз, у которой есть свои причины вам не доверять, — она мне рассказала про ваши еженощные труды, будто вы копаете в подвале могилу. Поберегитесь, чтобы это действительно не стало так! Я страж этого сокровища — и я в отчаянии! Я уже сказал, что ни перед чем не остановлюсь: все средства хороши ради чести отцов. Мы здесь одни! Я вооружен — и уже обрек свою жизнь этой цели. Сдавайтесь же!

В мгновение ока он выхватил из-за пазухи кинжал и занес над головой, готовый ударить или метнуть. Но я уже все прочитал по его глазам. С тех пор как Марджори стала угрожать опасность, я не расставался с револьвером: даже по ночам он лежал под моей подушкой. Наша частая учебная стрельба с Марджори и старый трюк ее отца для опережения врага, которому она меня научила, сослужили мне добрую службу. Пока он тянулся за кинжалом, я уже взял его на мушку — свои слова он договаривал прямо в дуло моего шестизарядника.

Я произнес как можно тише — требовались немалые усилия, чтобы сохранять спокойствие перед лицом внезапного нападения:

— Бросайте кинжал! Живо — или выбью его пулей!

Он понял, что беспомощен. Со вздохом отчаяния он разжал пальцы — и кинжал зазвенел на полу.

Я продолжил:

— Теперь поднимите руки над головой, и повыше! Отойдите к стене!

Так он и сделал, и смотрел на меня оттуда с презрительной улыбкой. Я наклонился и правой рукой поднял кинжал, все еще целясь левой.

Я положил кинжал на дальний конец стола и подошел к испанцу. Он не шевелился, но я видел, что он смеряет меня оценивающим взглядом. Это не пугало, поскольку я знал свою силу и вдобавок догадался: будь при нем другое оружие, он бы не взвешивал сейчас свои шансы в рукопашной. Предупредив, что я по-прежнему держу его на прицеле и он должен стоять смирно, потому что от этого зависит его жизнь, я быстро ощупал его — другого оружия не нашлось. Единственным признаком оружия были ножны — их я тоже забрал. Сунув в них кинжал, я убрал его в свой карман; затем выдвинул на середину комнаты стул и жестом велел испанцу сесть. Он угрюмо подчинился.

Восстановив к этому времени ясность мысли, я произнес:

— Прошу меня простить, сэр, за такое унизительное обращение, но уверен, вы помните, что не я первый заговорил на языке силы. Когда вы решили поднять на меня руку в моем собственном доме, вы вынудили меня защищаться. Теперь позвольте ответить на ваши обвинения. Находка клада не имеет ровным счетом никакого отношения к моему взгляду на положение: если бы мы его не нашли, я бы думал точно так же.

Даже прибавлю, что теперь, когда сокровища у нас, они уже не кажутся столь вожделенными, как раньше. Лично для меня ни капли не важно, достанутся они мне в итоге или нет, но дело в том, что если я откажусь от своих прав — если мне есть от чего отказываться, — то помогу злодейству против моего дорогого друга. Так не пойдет. Я буду противостоять этому всеми силами!

Испанец увидел свой шанс и начал:

— Но если я сделаю все в своих…

Я оборвал его:

— Сэр, вы не в том положении. По вашим же словам, вы скованы долгом исполнить поручение и вернуть сокровища королю, который вернет их папе, либо вернуть их непосредственно папе.

Он быстро ответил:

— Но я могу поставить условие…

И снова я перебил его, ведь это был тупиковый путь:

— Какое условие? Вам могут приказать — и прикажут, вероятнее всего — исполнить ваш долг. Если откажетесь — по любому мотиву, пусть даже справедливому, ссылаясь на честь или право, — вы не соблюдете главные условия своего поручения. Нет, сэр! Это не частное дело — не мое, не ваше и не нас обоих. Это дело политики! При-

том политики международной. Правительство Испании отчаянно нуждается в деньгах. Откуда вам знать, к чему оно прибегнет в бедственном положении, какие средства пустит в ход? Я не сомневаюсь, что, если они пойдут наперекор вашему представлению о честной игре, это доставит вам немалую боль — но что с того? Ваше правительство не заботят ваши пожелания — не больше моих. Ваш король — ребенок, его регент — женщина, а его советники и губернаторы избраны именно для того, чтобы спасти страну[58]. Сэр, вы сами каких-то несколько минут назад сознались в обязанности пойти на все, даже на преступление или бесчестье, чтобы исполнить свой долг. Что там, вы напали с оружием на меня, считая меня безоружным, в моем собственном доме, куда я вас пригласил. Допустим, члены правительства Испании придерживаются своего представления о долге — с равной силой и беспринципностью; тогда один Бог знает, на что они пойдут. Да они сделают что угодно, лишь бы заполучить сокровище, и будут руководствоваться тем, что назовут «здравым расчетом».

---

[58] Примечания: 58

Под королем имеется в виду Альфонсо XIII (1886–1941), которому было всего двенадцать лет на момент Испано-американской войны. После него монархическое правление в Испании прервалось.

Тут же пробудилась его гордость за страну, и он выпалил сгоряча:

— Напомню, сеньор, — и попрошу не забывать, когда говорите с испанцем, — что наши правители не преступники, а люди чести!

Отвечая, я инстинктивно поклонился:

— Сэр, в том я нисколько не сомневаюсь и верю всей душой, что и вы в обычных обстоятельствах человек наивысшей чести. Это доказало ваше самопожертвование; и мое понимание только укрепил вид вашей боли, что принесла даже мысль о бесчестье.

Тут он сам низко поклонился, и благодарность в его глазах глубоко меня тронула.

— И все же вы открыто заявили, что вся вера в честь, вся многолетняя приверженность ее велениям не удержат вас от исполнения долга, буде потребуется. Что там, вы уже совершили поступок, идущий наперекор вашим принципам. Как же тогда вы — или я — можете верить, что другие, не столь высокого происхождения и щепетильного отношения к чести, упустят преимущество для своей бедствующей страны из-за умозрительных рассуждений о добре и зле? Нет уж, сэр. — Я говорил безжалостно, потому что верил, что захлопнуть эту дверь надежды

будет для него же благом. — Мы не можем допустить, чтобы в чужие руки попали сокровища, хранителем которых вы себя до сих пор считали и владельцем которых я теперь полагаю себя.

Полных несколько минут мы смотрели друг на друга молча. Его лицо все больше и больше ожесточалось; наконец он встал с таким решительным видом, что мои пальцы инстинктивно сжались на рукоятке револьвера. Я уж думал, он бросится на меня и вопреки всему постарается переломить ход дела. Затем, не трогаясь с места, он заговорил:

— Сделав все, что было в моих силах, чтобы исполнить свое поручение во всей полноте, и потерпев в том неудачу, я попрошу правительство своей страны дружески обратиться к своей союзнице Англии, чтобы получить хотя бы часть сокровищ, а затем я посвящу себя отмщению за поругание своей чести — отмщению тем, кто мне помешал!

Такая речь меня успокоила. Это было обещание войны мужчины с мужчиной — и это я понимал гораздо лучше, чем тонкости создавшегося положения.

Я убрал пистолет в карман и, отвечая, поклонился оппоненту:

— Когда это время придет, сэр, я буду в вашем распоряжении — как пожелаете, где пожелаете и когда пожелаете. Между тем, пока вы перенесете дело в международную плоскость, я постараюсь, чтобы правительство Америки, в безопасности которого заинтересованы мои дорогие друзья, просило Англию не предпринимать касательно этого сокровища — если оно действительно перейдет Англии — никаких мер в ущерб своей заокеанской союзнице. Как видите, сэр, до окончательного разрешения спора неминуемо пройдет время. До завершения текущей войны ничего не сделается, а с окончанием войны исчезнет и потребность в средствах для ее поддержания. Будьте очень осторожны в том, как привлекаете к делу силы, превосходящие нас, — силы могущественнее вас и, возможно, не столь принципиальные.

Он ничего не ответил, только долго смотрел на меня с немой ледяной ненавистью. Затем тихо произнес:

— Позвольте удалиться, сеньор.

Я поклонился и проводил его до двери. За порогом он обернулся и, на величественный и старомодный манер высоко подняв шляпу, поклонился мне. Затем двинулся по дороге в

Уиннифолд, ни разу не оглянувшись.

Провожая его взглядом, я то и дело замечал, как над низкими зелеными кустами вдоль края утеса мелькает голова Гормалы. Согнувшись, она тайком следовала за испанцем.

Я вернулся домой, чтобы поразмыслить над произошедшим. Все так запутывалось, что простого выхода я не видел. Где-то на задворках разума сложилось твердое убеждение, что самым лучшим будет передать сокровища полиции, сообщить шерифу и попросить моего стряпчего подать формальное ходатайство на право собственности куда полагается. А затем — пригласить Марджори в медовый месяц. Я видел, что она почти, хотя и не совсем решилась на этот шаг, и ненадолго я впал в фантазии.

Я спустился с небес на землю уже в сумраке и понял, что на улице темнеет. Тогда я подготовился к ночи, помня, что у меня в руках огромное сокровище и что отчаянный человек, притязающий на него, знает: оно хранится у меня дома. Только заперев все окна и двери, я начал готовить ужин.

К тому моменту я ужасно проголодался; наевшись, я сел поближе к бодрящему огоньку сосновых поленьев, закурил трубку и начал

думать. Снаружи поднимался ветер. Я слышал его посвист над крышей, а время от времени он завывал и грохотал в дымоходе; скачущее пламя словно отвечало на его зов. Я не мог собраться с мыслями, все ходил по кругу от испанца к кладу, от клада к Гормале, от Гормалы к Марджори, а от Марджори — обратно к испанцу. Всякий раз, как цикл замыкался и я возвращался к Марджори, мой восторг при мысли о ней и о нашем будущем скрывался за туманом смутного беспокойства. Из него возникал дон Бернардино, запуская очередной виток раздумий. В моих мысленных блужданиях он стал главным персонажем: его гордость, его чувство долга, подчинявшее даже гордость, его отчаяние, его скорбь — все словно было со мной и вокруг меня. Я то и дело вздрагивал при мысли, что такая самоотверженная сила обратится против Марджори.

Мало-помалу, несмотря на все тревоги, ко мне подкрался сон. Я и в самом деле почти выбился из сил. События последних дней сменяли друг друга так быстро, что не хватало времени на передышку. Даже долгий сон, венчавший стояние в затопленной пещере, не позволил мне, так сказать, выспаться про запас — то было лишь погашение долга природе, а не вложение капитала.

Меня утешала мысль, что Марджори обещала не покидать замок до моего приезда. Обнадеженный, я накрылся одеялами — выбрав те, в которые закутывалась она, — и заснул.

Думаю, даже во сне меня не оставили мои волнения, ибо мысли шли той же колеей, что и наяву. Смешались все жуткие элементы последнего времени, омраченные тревогой из-за чего-то неизвестного. Насколько помню, спал я плохо: часто пробуждался в агонии неопределенных страхов. Пару раз ворошил затихавший огонь, чувствуя в нем какую-никакую компанию. Ветер снаружи завывал все громче, и всякий раз, как я вновь погружался в сон, я плотнее кутался в одеяла.

Ночью я будто не спал, потому что мне послышался крик и, разумеется, в нынешнем состоянии померещилось, что Марджори в беде — и зовет меня. Что бы ни было источником крика, он достиг мозга через густой туман сна — тело откликнулось, и не успел я сообразить, отчего или почему, как уже стоял на полу и тяжело дышал, настороженный. И вновь снаружи раздался пронзительный крик, бросивший меня в холодный пот. Марджори в беде и зовет меня! Я машинально подскочил к окну, открыл створки и поднял

раму. Снаружи была сплошь темень с едва различимой холодной полоской на далеком восточном горизонте, сообщавшей о грядущем рассвете. Ветер усилился и ворвался мимо меня в комнату, шурша бумагами и приводя пламя в пляс. То и дело на крыльях ветра проносилась птица, крича на лету: дом стоял в двух шагах от моря, и птицы не обращали на него внимания. Одна промчалась так близко, что ее крик раздался прямо в ушах — несомненно, он-то и вырвал меня из сна. Какое-то время я еще колебался, не отправиться ли немедленно в Кром, но здравомыслие одержало верх. Я не мог войти в такой час, не подняв шума и не вызвав кривотолков. Поэтому я вернулся в угол у камина и, навалив новых поленьев и устроившись в своем гнездышке из одеял, скоро почувствовал, как на меня вновь опускается сон. Вступила в свои права безмятежность мыслей, приходящая с началом дня…

В следующий раз я проснулся не так резко. Стук был нескончаемым и требовательным — но не пугающим. Мы все более-менее привыкли к таким звукам. Я прислушался, и постепенно ко мне вернулось осознание окружающего. Стук все не унимался… Я обулся и подошел к двери.

Снаружи стояла миссис Джек, встревоженная

и раскрасневшаяся, несмотря на холодный ветер, все еще поющий вокруг дома. Стоило открыть дверь, как она проскользнула внутрь, и я закрыл за ней. От первых же ее слов у меня упало сердце и в смутном ужасе застыла кровь в жилах.

— Марджори здесь?

Глава XLIII. Честь испанца

Миссис Джек увидела ответ в моих глазах раньше, чем я обрел дар речи, и отшатнулась к стене.

— Нет, — сказал я. — Почему вы спрашиваете?

— Так ее здесь нет! Значит, что-то случилось; этим утром ее не было в своей комнате!

Этим утром! Мысли заметались. Я посмотрел на часы — было уже начало одиннадцатого.

Как в тумане я слышал, что говорит миссис Джек:

— Вначале я не сказала слугам ни слова, чтобы не болтали. Сама обошла весь дом. Ее постель нетронута; я стянула белье и накинула обратно в беспорядке, чтобы служанка ничего не заподозрила. Потом тихо расспросила, видел ли кто ее, но никто не видел. Тогда я сказала как можно спокойнее, что она, должно быть, вышла на раннюю прогулку. Затем я позавтракала одна, велела готовить двуколку и приехала сюда. В чем же дело? Вчера вечером она говорила, что не уйдет до вашего приезда, а она всегда держит слово — значит, что-то случилось. Скорее возвращайтесь со мной! Я места не нахожу от волнения.

На мои сборы хватило двух минут; затем, заперев за собой, мы сели в двуколку и поехали в Кром. В начале и в конце пути мы ехали тихо, чтобы не возбуждать подозрений, но в середине — подлинно летели. В пути миссис Джек рассказала, что вчера вечером легла спать как обычно, оставив Марджори в студии — та сказала, что пойдет в библиотеку работать, поскольку писем накопилось много, и чтобы никто ее не ждал. Она обычно так распоряжалась, когда засиживалась допоздна, потому это не привлекло лишнего внимания. Миссис Джек, вставшая рано, оделась за час до того, как войти к Марджори. В ходе расспросов служанка, чьей обязанностью было открывать входную дверь, сказала, что дверь утром, как положено, была заперта на замок и цепь.

В Кроме все было тихо. Я сразу же отправился в библиотеку, раз это, предположительно, было последним местом, где находилась Марджори. По пути я спросил миссис Джек, подготовила ли Марджори письма для отправки. Она ответила, что нет: их было заведено класть в ящик на столе в прихожей, но она сама в него заглянула, когда спускалась положить письмо в Америку. Я тут же подошел к столу у камина, где обычно по вечерам

сидела Марджори. Там хватало письменных принадлежностей, чистой бумаги и конвертов — но ни следа письма или свежего текста. Я обыскал все помещение, но ничто не привлекало внимания. Я снова спросил миссис Джек, что ей сказала Марджори о своих планах не покидать замок без меня. Поначалу с неким колебанием, словно боясь нарушить доверие, но наконец свободно, словно радуясь возможности облегчить душу, она рассказала все:

— Моя дорогая девочка близко приняла к сердцу, что я ей вчера сказала о жизни с мужем. Когда вы ушли, она явилась ко мне, положила голову на грудь, как в детстве, и заплакала; она сказала, как я к ней добра. Милая моя! И что она решилась. Теперь она поняла, что ее первый долг — перед мужем и что если он просит ее остаться дома, то ничто на свете не выманит ее наружу. Это первое дело ее нового долга! И, боже мой, вот почему я так заволновалась, увидевши, что ее нет в доме. Не понимаю, должно быть, происходит то, о чем я не знаю, и мне очень страшно!

Тут старушка не выдержала. Я чувствовал, что теперь каждая толика самообладания на счету. Негоже было оставлять миссис Джек в неведении об опасности, и я как можно короче поведал о

плане похитителей и о дозоре Секретной службы Соединенных Штатов. Сперва это ее ошеломило, но давнее знакомство с угрозами любого рода и теперь ее не подвело. Очень скоро ее волнение приобрело практическое направление. Я сказал, что отправлюсь за помощью, а она должна оставаться на посту в доме до моего возвращения. Я бы заглянул в тайный туннель, но, судя по словам миссис Джек, Марджори не покинула бы дом по собственной воле. Если она в плену, то к этому времени наверняка уже далеко. Возможно, похитители нашли тайный проход в замок, которым приходил дон Бернардино. Тут на меня в полную силу обрушилась мысль: именно так они этот путь и обнаружили. Увидели дона и проследили!.. Вот и еще один должок на день расплаты с ним.

Я снова вскочил в двуколку и помчал в Круден, загоняя кобылу. По дороге я составлял планы и, когда пришло время диктовать телеграммы, уже знал их до буквы. Поначалу я колебался, не поехать ли в другое телеграфное отделение, чтобы местные не узнали слишком много. Но теперь потребности в тайне не осталось. Я не боялся, что кто-то прознает, хотя и пытался действовать как можно тактичнее и секретнее. Телеграф был занят, и тут мне пригодились приоритетные те-

леграфные бланки от Адамса. Нельзя было терять ни секунды; первая телеграмма ушла, а я уже строчил вторую. Адамсу я писал:

> «Они преуспели: немедленно шли людей в Кром. Приезжай сам. Нужна любая помощь. Времени в обрез…»

Каткарту я написал в его дом в Инвернесс-шире:

> «Срочно приезжай. Важно. Нужна любая помощь».

Я знал, что он поймет и приедет при оружии.

Поскольку теперь оставалось только ждать, я решил, если получится, разыскать дона Бернардино и заставить его выдать тайный вход. Без этого знания мы были бы бессильны, а с ним еще могли бы отыскать какую-нибудь улику. Я не придумал, что сделаю, если он откажется, но скрежет зубов и сжатые кулаки отвечали на мой вопрос за меня. Одному я радовался: он джентльмен. В подобных ситуациях существовал шанс, если не отчетливая надежда на его согласие.

Я поехал в Эллон, там получил у агента адрес испанца. Скоро я нашел старомодный дом в

пригороде, в крошечном парке среди высоких деревьев. Двуколку я оставил на обочине, привязав кобылу к столбу ворот, поскольку не увидел ни сторожки, ни конюшни. Перед звонком в дверь я приготовил револьвер.

Стоило двери открыться, как я вошел и спросил встретившую меня старушку:

— Мистер Барнард, полагаю, у себя в кабинете? У меня к нему срочное дело!

Ее так ошеломила внезапность моего натиска и речи, что она просто показала на дверь со словами:

— Он там.

Когда я вошел и закрыл за собой, дон, сидевший в большом кресле спиной к двери, обернулся без малейших подозрений на лице. Очевидно, он не ждал внезапного гостя. Однако стоило ему увидеть меня, как вспыхнула его враждебность. Вглядевшись в мое лицо, он заволновался еще больше и огляделся, словно в поисках оружия.

Я положил руку на свой револьвер и сказал как можно спокойнее, памятуя о его безукоризненных манерах:

— Прошу простить мое вторжение, сэр, но я к вам по неотложному вопросу.

Думаю, что-то в моем тоне показало ему, что я

изменился после нашей встречи. Как ни старался, я не мог скрыть тревоги в голосе. После паузы он спросил:

— Касательно сокровищ?

— Нет! — воскликнул я. — Со вчерашнего вечера я о них и не вспоминал.

Новое, странное выражение появилось на его лице, в равных долях состоявшее из надежды и озабоченности. Он снова замолк; я видел, что он думает. Между тем я машинально притоптывал в нетерпении — драгоценные секунды таяли на глазах.

Он понял, насколько важно мое дело, и, сосредоточив все внимание, сказал:

— Говорите, сеньор!

К этому времени я уже хорошо знал, что намерен сказать. Не в моих интересах было бросать вызов испанцу — по крайней мере, сразу же. Позже это могло понадобиться, но сперва следовало исчерпать остальные средства.

— Я пришел, сэр, просить вашей помощи — помощи джентльмена; и я теряюсь, как ее просить.

В высокородную учтивость испанца вкралась нотка горечи, когда он ответил:

— Увы! Сеньор, мне знакомо это чувство. Разве сам я не просил о том же? Но лишь унижался

зря!

На это мне было нечего ответить, и потому я продолжил:

— Сэр, я знаю, что на эту жертву вы способны: я прошу не за себя, а за даму в беде!

— Дама! В беде! Говорите, сеньор! — быстро сказал он.

В его немедленном ответе было столько надежды и готовности действовать, что я с екнувшим сердцем продолжил:

— В беде, сэр. Беда угрожает ее жизни, ее чести. Я прошу вас позабыть на время о ненависти ко мне, какой бы жаркой она ни была: как истинный джентльмен, придите ей на выручку. Смелости на такую просьбу мне придает подозрение, что беда — беда неотступная — застигла ее по вашей вине!

Он вмиг побагровел:

— По моей! Беда чести дамы — из-за меня! Побойтесь Бога, сэр! Побойтесь Бога!

Я напористо продолжал:

— Когда вы вошли в замок через тайный проход, другие враги дамы — низкие, подлые и бессовестные люди, замышлявшие похитить ее ради выкупа, — несомненно, последовали тем же путем, иначе для них невозможным. Теперь

нам нужно найти следы, и быстро. Раскройте, умоляю, тот тайный путь, чтобы мы немедля начали поиски.

Несколько секунд он всматривался в меня — видимо, заподозрив какую-то уловку или западню, потому что медленно произнес:

— А сокровища? Вы можете так просто их оставить?

Я бросил в запале:

— Сокровища! И мысли о них не было с тех пор, как пришли вести о пропаже Марджори!

Тут, думаю, он начал бессовестно взвешивать мою утрату против своей, и меня посетила мысль, прежде не приходившая в голову: да не он ли похитил Марджори с целью этой самой сделки? Я достал из кармана ключ от дома в Уиннифолде и протянул ему.

— Вот, сэр, — сказал я, — ключ от моего дома. Забирайте со всем содержимым и тем, что прилагается к дому! Сокровище там же, где вы оставили его вчера вечером; только помогите мне в нужде.

Он с нетерпением отмахнулся и сказал просто:

— Я не торгую женской честью. Она сто́ит превыше сокровищ пап или королей, превыше клятвы и долга де Эскобанов. Идемте! Сеньор,

нельзя терять ни секунды. Сперва уладим это дело, позже сочтемся друг с другом!

— Вашу руку, сэр. — Вот и все, что я мог на это сказать. — В такой беде нет помощи лучше, чем помощь джентльмена. Но удостойте меня чести и примите ключ. Вы заслужили это доверие, как давным-давно заслужил свой славный долг ваш предок.

Он не медлил; взяв ключ, он сказал:

— Это часть моего долга, который я не могу нарушить.

Когда мы выходили из дома, он выглядел новым человеком — заново рожденным; в его лице, голосе и жестах сквозило столько беспримесной радости, что я задумался и не мог не заметить вслух, когда мы сели в двуколку и тронулись:

— Вы как будто счастливы, сэр. Хотел бы и я чувствовать себя так же.

— Ах, сеньор, я счастлив без меры. Счастлив, как вознесшийся из ада в рай. Ведь больше моя честь не под угрозой. Господь милостиво указал мне путь, пусть даже к смерти, без бесчестья.

Пока мы мчались в Кром, я рассказывал, что мне известно о тайном проходе между часовней и памятником.

Он удивился, что я раскрыл его секрет, но, когда

я рассказал, что им пользовалась шайка похитителей, чтобы обходить Секретную службу, вдруг воскликнул:

— Лишь один человек знал тайну того туннеля: мой родич, с кем я жил в Кроме в юности. Он долго искал проход и в сам замок, но не успел — его угрозами вынудили уехать в Америку. Это низкий человек и вор. Должно быть, он вернулся после стольких лет и показал тайный путь. Увы! Наверняка за мной следили, когда я, ничего не подозревая, вошел внутрь, и таким образом раскрыли второй секрет.

Затем он описал его местонахождение. Оказалось, проход был не в том зале, где мы предполагали, а в узком углу за лестницей — весь тот угол был камнем, запечатывавшим проход.

Прибыв к Крому, мы обнаружили, что меня ждут люди из Секретной службы, получившие указания из Лондона. Пришли телеграммы от Адамса и Каткарта с сообщением, что они в пути. Адамс написал из Абердина, а Каткарт — из Кингусси. Миссис Джек показывала детективам комнаты, которыми пользовалась Марджори. Они вызывали слуг по одному и выясняли, что им известно. На этом настоял старший: он говорил, дело приняло слишком серьезный оборот,

чтобы разыгрывать комедии. Слугам ничего не объясняли, даже что Марджори пропала, но они, конечно же, сами что-то заподозрили. Был отдан приказ никому не покидать дом без дозволения. Старший поделился, что миссис Джек чуть не расплакалась, когда призналась ему, что Марджори знала о похитителях, но ничего ей не рассказывала.

— Но теперь она как огурчик, сэр, — закончил он. — У старушки еще есть порох в пороховницах, и можете поверить — у нее есть голова на плечах. Она вспомнила все, что нам может пригодиться. Пожалуй, за последние полчаса я узнал об этом деле больше, чем за последние две недели.

По указанию дона Бернардино мы вошли в библиотеку. Я попросил миссис Джек послать за лампами и свечами, и их тут же принесли. Тем временем я велел отправить одного сыщика в старую часовню, а второго — к монументу на холме. Обоих предупредили держать пистолеты наготове и не упускать никого любой ценой. Напоследок я объяснил каждому секрет входа.

Дон подошел к шкафу — тому самому, на чью полку я поставил старый свод законов. Сняв этот том, он нажал на пружину за ним. Раздался слабый щелчок. Он вернул книгу на место и плавно

надавил на шкаф. Тот очень медленно поддался, а потом, повернувшись на оси, раскрыл нам отверстие, куда легко мог войти взрослый человек.

Я уже хотел было броситься туда с лампой в одной руке и револьвером в другой, когда начальник сыщиков положил руку мне на плечо и сказал:

— Не спешите. Пойдете слишком быстро — и сотрете какой-нибудь знак, который дал бы нам подсказку!

С этой мудростью было не поспорить. Я машинально отстранился; два обученных сыщика подошли к проему и, подняв лампы, приступили к скрупулезному изучению. Один припал к полу, второй сосредоточил внимание на потолке и стенах.

После молчания, длившегося где-то с минуту, человек на полу распрямился и заявил:

— Никаких сомнений! В дверях шла ожесточенная борьба!

Глава XLIV. Голос пыли

Один достал блокнот и начал стенографировать быстрые описания старшего, повторяя за ним для точности.

— Отметины легко заметить; на полу и стенах — толстый слой пыли. На полу следы нескольких ног — стертые в борьбе, могут проясниться дальше; одни — женские; а также след волочащегося платья. На стенах — отпечатки рук, пальцы растопырены, будто пытались за что-нибудь ухватиться. Некоторые длинные черты — горизонтальные, некоторые — поперечные. — Здесь говоривший протянул лампу, сколько позволяла рука, и продолжил: — Винтовая лестница поворачивает направо. Борьба прекратилась. Следы более четкие… — Тут старший обернулся к нам. — Думаю, господа, теперь можно войти. Отпечатки опознают позже. Мы вынуждены рискнуть тем, что сотрем их, иначе не пройдем по этому узкому коридору.

Тут заговорил я — мысль вспыхнула у меня в мозгу, как только сыщик сказал о чертах на стене:

— Подождите секунду, прошу! Позвольте раньше взглянуть на отметины — проход узкий, мы можем ненароком их стереть.

Хватило и взгляда, чтобы различить, где символ «a», а где — символ «b». Вертикальные черты — «a», горизонтальные — «b». Марджори не потеряла голову даже во время такого испытания и перед тем, как ее увели, оставила сообщение для меня. Я понял, почему прекратилась борьба. Захваченная, Марджори сильно сопротивлялась. Затем, когда поняла, что может оставить подсказку, согласилась идти сама, чтобы освободить руки. Было бы непросто нести или тащить непокорную пленницу в таком узком и неровном проходе — похитители наверняка были только рады, что она присмирела.

Я объяснил сыщикам:

— Отметины на стене — это шифр, и я могу его прочитать. Дайте свою лучшую лампу и пустите меня первым.

И вот так, гуськом, оставив в библиотеке с миссис Джек двоих, чтобы стеречь вход, мы вошли в секретный туннель. Я читал слова на стене, человек с блокнотом их записывал, а его спутник держал свечу. Как билось мое сердце, когда я читал послание дорогой мне девушки, оставленное

на изгибах внутренней стены! Очевидно, здесь оно привлекало меньше внимания — казалось, что она просто придерживается за стену. Она держала руку низко, чтобы знаки не спутались со следами мужчин, державших руки на естественной высоте. Ее знаки не прервались, даже когда мы вошли в туннель между часовней и памятником; говорили они следующее:

> «Четверо… двое ждали в проходе за шкафом… поздно… ударила одного… боролась… потом затихла… руки свободны… те же голоса, что в часовне… Фезерс худой, коротышка, смуглый… все в масках… Виски-Томми хриплый, детина, блондин, крупные руки… Даго, глубокий голос, смуглый, без левого мизинца… Макс, молчаливый, только кивает, думаю, немой… двое других слишком далеко впереди, чтобы видеть, слышать».

После паузы я услышал бормотание старшего:

— Чудо, а не девушка. Мы ее еще спасем!

Мы остановились перед развилкой в туннеле к колодцу. Здесь Марджори, должно быть, стояла к стене спиной и прятала руки за собой, потому что штрихи стали меньше и неразборчивей. Меня

сбивали некоторые ошибки, и я разобрал только пару слов: «шепот», «слышу только „пастор“». Очевидно, между похитителями был разговор, и она воспользовалась шансом. Затем мы прошли дальше и нашли новые знаки. Меня до самого сердца пронзил вид крови на одной отметине: движения вслепую и острые края камня оставили след на ее деликатной коже. Но позже кровавые кляксы продолжались, и тогда я не мог не подумать, что она порезала пальцы нарочно для более заметной подсказки. Когда я поделился догадкой с сыщиком, чутье, натренированное в таких материях, привело его к более глубокому выводу.

— Скорее всего, она готовилась оставлять знаки, которые мы бы заметили снаружи туннеля. Когда они увидели бы ее пальцы в крови, им бы уже и в голову не пришло, что она что-то замыслила!

Слова после той остановки, где я разобрал «пастор», были такими:

> «Лодка готова… Чайка… Гроб… Катафалк… остро…»

Тут следующий знак вместо того, чтобы быть горизонтальным, неожиданно нырял вниз, и кровь была грубо смазана — словно ее ударили по руке, когда она оставляла отметину. Похитители

ее заподозрили. Дальше ничего на стене не было. Впрочем, мне не верилось, что это бы остановило Марджори. Она обладала неисчерпаемой смекалкой и, несомненно, нашла новый способ оставить подсказки. Велев сыщикам держаться позади, я на ходу обводил лампой потолок, стены и пол.

Странное же мы представляли зрелище. Свечи и лампа выглядели лишь пятнами света в чернильно-черной темноте; оглянувшись, я различал на фоне света лишь подвижные силуэты; тишину нарушало шуршание ног по каменному полу; лучи выхватывали напряженные лица сыщиков. Временами их вид трогал меня до глубины души, потому что в их рвении проглядывала надежда.

Я попытался поставить себя на место Марджори. Если руки бесполезны — а как иначе, когда она не могла ими пользоваться, не вызывая подозрений, а может, их и вовсе связали, — она бы воспользовалась ногами; поэтому я внимательно искал, что можно было оставить таким способом. Наконец я нашел подозрительный след. Он был всего в нескольких шагах от последнего знака на стене. Кто-то словно шаркнул ногой там, где лежал слой пыли, мусора или песка. Такие следы встречались и дальше. Жестом попросив других

не подходить ближе, я пошел по следам, стараясь их не потревожить. Отметины были грубыми, и какое-то время я ломал голову впустую, хотя и отличал маленькие ножки Марджори от крупных мужских. Затем я вернулся и осмотрел следы заново, и тут меня осенило. Она их делала то левой, то правой ногой, воспроизводя двухбуквенный шифр. Перевести было просто, и дальше до выхода из туннеля я различил почти каждое слово. Только в паре случаев знаки были слишком слабые, чтобы их понять.

«Подозревают. Связали руки… кляп… найти чайку… найти пастора».

Работа шла прискорбно медленно, и временами из-за утомительных задержек у меня падало сердце. Но мы все-таки продвигались, и это нас поддерживало. Всю дорогу до памятника я думал о слове «пастор»: повторы показывали его важность. Похитителям нужно было место, чтобы спрятать пленную, прежде чем вывезти из страны. То, что последнее — обязательный шаг к их цели, и так было очевидно; но окончательно вопрос решало слово «чайка».

Добравшись до выхода, мы обследовали каждый дюйм; на этом настоял не я, а старший

сыщик. Мне-то казалось, Марджори постарается выйти из туннеля, не привлекая внимания. Она знала, что здесь за ней наблюдают с особой пристальностью, и дождалась бы менее подозрительной оказии. Знала она и то, что если я уж взял ее след, то нашел бы его и по ту сторону туннеля.

Снаружи, на земле перед монументом, ничего необычного не нашлось. На тропинке из голой земли и гравия следов не осталось. Те, кто здесь прошел, явно постарались их замести. Мы медленно продвигались по пути, который, как я выяснил в предыдущих экспериментах с нитками, обычно и использовался. Наконец американец попросил меня остановиться, заметив след. Я бы, хоть убей, ничего не различил в непотревоженном с виду ворохе сосновых иголок. Но он, проведя юность на индейской территории, кое-что понимал в искусстве следопытов и мог толковать знаки, невидимые другим людям, с менее развитыми инстинктами. Он опустился на четвереньки и облазил все дюйм за дюймом, разглядывая под микроскопом. Так он прополз около десяти ярдов.

Наконец поднялся и объявил:

— Ошибки быть не может. Шестеро мужчин и женщина. Ее несли и опустили на землю здесь!

Мы не сомневались в его выводах и даже не спрашивали, как он к ним пришел, — мы были только рады это слышать.

Затем мы двинулись по направлению следов; мы приближались к большой дороге, проходившей мимо ворот Крома. Я попросил остальных пустить меня первым, зная, что это новая возможность для Марджори продолжить тайнопись. И правда, скоро я увидел разворошенные сосновые иголки — и еще, и еще. Я прочитал слово «пастор», еще раз «пастор», а потом — «обыщите дома пасторов». Затем тайнопись оборвалась — мы вышли из леса на травяное поле, спускавшееся до самой дороги. В нижней части поля в песке виднелись следы нескольких ног, лошадиных копыт и колес. Чуть дальше следы колес — некоего четырехколесного транспорта — стали глубже, а по выбросу песка и гравия из-под копыт в обратную сторону мы поняли, что лошади перешли на галоп.

Мы посовещались. Было понятно, что кто-то должен пойти по следу кареты и попытаться найти похитителей таким способом. Сам я чувствовал, что полагаться на следы колес в стране перекрестков значит надеяться на случай. Так или иначе, это скрупулезное преследование неиз-

бежно займет много времени, а его было в обрез, каждое мгновение на счету. Я решил последовать подсказке самой Марджори. «Обыщите дома пасторов». Для этого сперва надо было раздобыть список всех церквей. Естественным образом на ум приходил Эллон, районный центр. Все согласились со мной, и мы поспешили обратно в Кром, оставив двоих — следопыта и еще одного — идти по следу похитителей. До сих пор дон Бернардино не говорил ни слова. Он был наготове, и огонь в его глазах придавал мне сил, но, показав нам тайный ход и обнаружив, что второй я знаю не хуже него, если не лучше, довольствовался наблюдением.

Теперь же он предложил:

— Еще есть корабль! Не стоит ли кому-то пойти и по этой ниточке? Так мы будем вооружены вдвойне.

Его совет высоко оценил старший сыщик, хоть я и видел, что он с подозрением принимает его от испанца. Поэтому он отвечал с явственной осторожностью:

— Совершенно верно! Но этим мы займемся сами — когда прибудет мистер Адамс, он разберется!

Испанец поклонился, и американец ответил

на любезность, но не сгибая спины. Вражда двух стран не забывалась даже во времена беды.

В прихожей Крома, вернувшись из старой часовни, мы встретили Сэма Адамса. Он прибыл сразу после того, как мы отправились в туннель, но не последовал за нами по земле, побоявшись упустить, как и благоразумно не рискнул спускаться под землю без подходящего фонаря. Его приезд послужил большим утешением для всегда привечавшей соотечественников миссис Джек, которая сейчас не отходила от него ни на шаг. С собой он привез двух молодых людей, и уже один их вид согрел мне сердце. Одного Сэм представил как «луутенанта Джексона из Вест-Пойнта», второго — как «луутенанта Монтгомери из Аннаполиса».

— Парни что надо! — добавил он, слегка приобняв их за плечи.

— Не сомневаюсь! Господа, благодарю от всей души за то, что приехали! — сказал я, крепко пожимая им руки.

Оба были блестящими выпускниками военных академий Соединенных Штатов. Ладно сложенные с ног до головы, энергичные, решительные и готовые к бою — породистые и подготовленные джентльмены.

Молодой солдат Джексон ответил:

— Я тоже рад был приехать, Адамс устроил для меня увольнительную.

— И я! — подхватил моряк. — Услышав, что мисс Дрейк в беде и что меня могут вызвать на подмогу, я чуть в пляс не пустился. Сэр, если хотите, скажите только слово — и мы вам притащим весь экипаж, даже если всем придется дезертировать!

Пока мы говорили, раздался звук мчащихся колес, и у дверей остановился экипаж из Эллона.

— Я не опоздал? — приветствовал Каткарт, бросаясь ко мне.

Я описал ему наше положение.

— Слава богу! — горячо сказал он. — Мы еще можем успеть.

Затем представил своего друга, Макрэя из Стратспила. В его доме он остановился и там получил письмо — и тот вызвался помочь, услышав о беде.

— Можете доверять Дональду! — Этого простого ручательства от Каткарта было достаточно.

Пополнение сил окрыляло. Теперь у нас хватало умных и решительных людей, чтобы потянуть за несколько ниточек сразу, и после короткого совещания мы распределили обязанности.

Каткарт отправлялся в Эллон за списком всех приходских домов в Бьюкене, а заодно разузнать, не сдавались ли какие в последнее время чужакам. То, что местные священники в заговоре не замешаны, мы считали само собой разумеющимся. Макрэй ехал с Каткартом, чтобы собрать как можно больше верховых лошадей, не привлекая внимания, и привести их самому или с кем-то другим в Кром как можно скорее. Адамс и агенты Секретной службы чуть ли не с болезненным пылом настаивали на тайности передвижений.

— Вы не знаете этих негодяев, — сказал старший детектив. — Это самые безжалостные и жестокие злодеи на свете; и если загнать их в угол, то они пойдут на любую низость или подлость. Им хватает наглости, и они не знают страха. Они рискнут всем, сделают все, лишь бы добиться своего и спастись. Если дадим маху, может случиться так, что мы будем жалеть об этом до конца жизни.

Молчание в комнате нарушалось только скрежетом зубов и сдерживаемыми всхлипами миссис Джек.

Адамс отправлялся в Абердин, чтобы организовать штаб и заняться морской частью предприятия; в помощь ему определили Монтгомери.

Перед отъездом из Крома он написал несколько шифровок в посольство. Мне он объяснил одно свое предложение — отдать приказ американскому военному кораблю, курсирующему в Северном море, подойти к берегу Абердина и быть наготове. Услышав об этом, Монтгомери попросил по возможности переслать от него весточку старпому «Кистоуна».

— Пусть втайне передаст людям, что они помогают Марджори Дрейк! Тогда на дозоре будет тысяча пар глаз! — пояснил он.

Я должен был ждать с сыщиками, пока от кого-нибудь не придет весточка о том, что можно предпринять дальше.

Возможностей было несколько. Следопыты могли отыскать укрытие похитителей. Еще раньше мог обернуться Каткарт со списком приходских домов и их обитателей. Адамс или Монтгомери могли разузнать о «Чайке» — Монтгомери получил приказ отправляться в Питерхед и Фрэзербург, где стояли корабли для летней рыбной ловли.

Дон Бернардино остался со мной в Кроме.

Глава XLV. Опасность

Время ожидания ползло немыслимо медленно и мучительно. Когда мы с Марджори ждали смерти в затопленной пещере, мы думали, ничто не может тянуться так же долго, но теперь я убедился в обратном. Тогда мы были вместе и, что бы ни случилось, пусть даже сама смерть, мы бы встретили ее вместе. Но теперь я был один, а Марджори — далеко, в опасности. В какой именно, я не знал, мог только воображать и от каждой ужасной мысли скрежетал зубами и рвался в бой. К счастью, мне было чем себя занять. Сыщики хотели знать все, что я мог рассказать. Первым делом старший попросил миссис Джек собрать всех слуг, чтобы он на них поглядел. Она созвала их в зал, он отправился на осмотр. Долго он не задерживался — тут же с важным видом вернулся ко мне.

Закрыл дверь и, подойдя поближе, сказал:

— Так и знал, что со слугами что-то неладно! Тот лакей сбежал!

Несколько секунд я не понимал, что он имеет в виду, и попросил объяснить.

— Тот лакей, что разгуливал по ночам. Он точно в этом замешан. Почему он не с остальными? Расспросите о нем хозяйку. Это будет менее подозрительно, чем если я сам спрошу.

Тут я наконец смекнул, о чем он.

— В доме нет никакого лакея! — сказал я.

— Именно так, мистер. О чем и речь! Где он?

— Его и не было — в доме не держат слуг-мужчин. Мужчины только в конюшне в деревне.

— Тогда все еще хуже. Я сам видел, как в ночи или сумерках из дома крался мужчина и возвращался из леса на рассвете. Я же сам докладывал мистеру Адамсу. Разве он вас не предупреждал? Сказал, что предупредит.

— Предупредил.

— И вы не прислушались?

— Нет!

Тут я заметил его досаду и поостерегся. Не стоило обижать человека и настраивать против себя, давая повод заподозрить, будто я над ним насмехаюсь. И я продолжил:

— На самом деле, друг мой, это маскировка. Ею пользовалась Мар… мисс Дрейк!

Он неподдельно удивился — это слышалось даже в его голосе.

— Мисс Дрейк! И она надела ливрею? Гром и

молния, но зачем?

— Чтобы сбежать от вас!

— Сбежать от меня! Чтоб я провалился! Эта элегантная юная леди нацепляла ливрею — чтобы сбежать от меня!

— Да, от вас и от остальных. Она знала о вашей слежке! И, конечно, была благодарна, — добавил я, заметив его выражение, — но все равно этого не выносила. Вы же знаете девушек, — продолжил я извиняющимся тоном. — Они не любят, когда их принуждают. Она знала, что вы ребята умные, и не стала рисковать.

Я пытался его умаслить, но не стоило волноваться. Он был славный малый. Только разразился смехом, громко хлопнув по ноге ладонью, и сказал от всей души:

— Ну дает! Вот это девчонка! Подумать только, ходила у нас под носом, а мы и не сообразили, что это она, потому что не думали, что она снизойдет до мужских бриджей — да притом лакейских. Что ж, жаль, мы не приглядывались; все могло бы быть иначе! Неважно! Уже скоро мы ее спасем, а мистеру Виски-Томми с его бандой придется трястись за свои шкуры!

Эта небольшая интермедия позволила нам немного скоротать время, но затем мучительное

ожидание стало ужаснее прежнего. Когда я вновь погрузился в бесконечную цепочку догадок и предчувствий, мне пришло в голову, что от дона Бернардино еще может быть польза. Похитители явно следили за ним — возможно, продолжат следить и дальше. Если так, он мог быть приманкой для западни. Я повертел мысль в голове, но на данный момент не видел, как ее воплотить. Впрочем, она навела на другую. Дон вел себя весьма благородно, и я мог отплатить ему за доброту. Хотя он молчал, я знал, что у него на уме свои заботы из-за сокровищ, оставленных у всех на виду. Можно было предложить отправиться за ними. Я поднял эту тему несколько смущенно, потому что не желал его задеть. Я уже решился, если потребуется, расстаться с сокровищами и не хотел, чтобы это показалось неучтивым жестом. Сперва он чуть ли не обиделся, напомнив с излишней надменностью, что уже заверял: для него все сокровища Испании или пап стоят на втором месте после чести женщины. Это мне в нем нравилось, и я попытался его убедить, что его долг — беречь порученные сокровища, чтобы они не попали в злые руки. Тут мне в голову пришла блестящая идея, одновременно убедительная и помогавшая расставить западню. Я сказал, что,

раз похитители следили за ним, они могут это продолжить и даже проследить за ним до моего дома. На ходу меня озарило, как Провидение все устраивает к лучшему. Если бы дон Бернардино не забрал из библиотеки тайнопись, она могла попасть в руки банды.

Когда я об этом упомянул, он удивленно ответил:

— Но я не забирал бумаги! Я прочитал их на столе, но и не думал уносить. К чему, если бы тем самым только возбудил подозрения, а моей целью было сохранить посещение в тайне.

Меня осенило, и я бросился к столу, где обычно лежали бумаги.

Ни следа. Кто-то их забрал — и это не могла быть Марджори: у нее на то не было причин. Испанец, следивший за моим лицом, заметил мое потрясение. Он воскликнул:

— Значит, они забрали! Сокровища еще могут послужить приманкой, чтобы их поймать. Если они проследили за мной до вашего дома и что-то заподозрили, когда я приходил и читал бумаги, то наверняка предпримут попытку.

Если и можно было что-то сделать, то прямо сейчас, не теряя времени. И действовать приходилось тайно: от одного упоминания, что я

попрошу сыщика пойти с ним, дон Бернардино тут же отшатнулся.

— Нет! — сказал он. — Я не вправе подвергать свое поручение еще большей опасности. Вы нашли его, вы узнали о пещере раньше меня; но я не могу согласиться, чтобы о секрете знал кто-то еще. Более того, это враги моей страны; им нельзя знать, иначе они применят эти знания в помощь своей нации. Вы и я, сеньор, — caballero[59]. Для нас существует верховенство чести, но для этих людей — только закона!

— Что ж, — сказал я, — если пойдете, лучше поспешите. У похитителей и так почти шесть часов форы — я ушел из дома с миссис Джек чуть позже десяти. Но будьте осторожны. Это отчаянные люди, и если вас застанут одного — берегитесь.

Вместо ответа он достал из кармана револьвер:

— Со вчерашнего дня я хожу вооруженным, пока не будет покончено со всеми неприятностями!

Тогда я рассказал ему про вход в пещеры и передал ключ от подвала.

— Не забудьте лампу, — предупредил я. — Побольше фонарей и спичек. Когда вы туда

---

[59] Примечания: 59
Кавалер (*исп.*).

доберетесь, дело будет к отливу. Путеводная веревка все еще на месте, мы ее не снимали.

Я видел, что для него эта мысль — новый источник тревоги: если банда его опередила, веревка привела бы ее прямо к сокровищам. Когда он собрался уходить, я напомнил, чтобы при малейших признаках чужого присутствия он немедленно возвращался или прислал нам весточку; тогда бы мы примчались и взяли их, как крыс в западне. Мы в любом случае ждали от него весточку, чтобы знать о его передвижениях — и, предположительно, передвижениях врагов. В такой схватке знание — все.

Вскоре после его ухода прибыли верхом Каткарт и Макрэй. Они сказали, за ними следуют еще три лошади под седлом. Каткарт добыл список церквей и домов пасторов всех конфессий в Бьюкене — и список тот был довольно внушительным. Привез он и карту графства Абердин, и список домов, сдававшихся на лето или на часть сезона. Это, разумеется, был список агента, и потому он не включал домовладельцев, сдававших помещения самостоятельно.

Мы немедленно приступили к карте и спискам и скоро отметили все названия, которые могли нам пригодиться, — где дома в последнее время

сдавались незнакомцам. Затем Каткарт, Гордон и все сыщики, кроме старшего, отправились на лошадях их объезжать. Они должны были как можно скорее вернуться и отрапортовать. Старший сыщик собирался вычеркивать проверенные места. Когда все разъехались, я спросил его, известно ли, не проживает ли кто-то из банды в окрестностях. Он сказал, что ему неловко отвечать на этот вопрос, — и, судя по его виду, он не преувеличивал.

— Дело в том, — начал он робко, — что имена, которые юная дама втоптала в землю и уж тем более — в мою пустую голову, мне прекрасно известны. Знай я раньше, легко бы нашел тех, кто их опознает; сам-то я их никогда не видел. Фезерс, как я понимаю, не кто иной, как Фезерстон, соучастник Виски-Томми — то есть Тома Мейсона — в деле о похищении тела А. Т. Стюарта ради выкупа. Если замешаны эти двое, то человек, кого они называли Даго, скорее всего, испанец-полукровка из местных. Макс, если это тот самый человек, — голландец; он из их братии самый худший. Не обошлось без участия двух чикагских

прохвостов из Ливи[60], ничем не гнушающихся политиканов и мошенников. Возможно, есть еще двое: человек из Фриско, которого звать Матрос Бен, как говорится, космополит, потому что не имеет определенного происхождения, — и негр из Нового Орлеана. Вот с ним шутки плохи… Но я надеюсь, его в банде нет. А если есть, нам нельзя терять время.

От его слов у меня застыла кровь в жилах. И вот такой опасности я согласился подвергать Марджори. Худшие отбросы со всего света. О! Как тяжело быть бессильным и знать, что она в их руках! Потребовались все силы, чтобы не расплакаться от отчаяния.

Думаю, сыщик хотел меня приободрить, потому что продолжил:

— Конечно, не в их интересах причинять ей вред. Живая и невредимая она стоит слишком много миллионов, чтобы они попортили товар своей глупостью. Тут я полагаюсь на Виски-Томми, он придержит остальных. Наверное, вам известно, сэр, что преступники всегда дей-

[60] Примечания: 60

Ливи (1880-е — 1912) — «район красных фонарей» и центр преступности в Чикаго, образовавшийся из-за депутатов Майкла Кенны и Джона Кафлина, которые создали в муниципалитете целую коррумпированную организацию «Серые волки».

ствуют одинаково. Мы знаем, что, когда судья не стал платить за старого А. Т., Фезерстон грозился сжечь тело; но Виски-Томми соображал, что нельзя резать золотую курицу. Более того, он украл покойника у Фезерстона и припрятал где-то в Трентоне, покуда старушка не наскребла двадцать пять тысяч. У Томми котелок варит, лишь бы того черного дьявола в шайке не было, а Томми будет всех держать на коротком поводке.

— Кто этот негр? — спросил я, желая знать худшее. — Что он натворил?

— Какой мерзости он не делал, вот что я бы хотел знать. В черных кварталах Нового Орлеана народ крутой, и, можете поверить, там человеку так просто себе имя не заработать. Там такие притоны, что и Всемогущий Господь покраснеет, да и дьявол заодно; темныш, который в них закалялся и выжил, шутки не шутит! Но не тревожьтесь, сэр, — сейчас нечего бояться. Вот если они выскользнут у нас из рук, тогда они закрутят гайки. Бог знает, что тогда случится. А покамест наш единственный страх — как бы они, коли загнать их в угол, не убили ее!

От его слов мое сердце превратилось в лед. Что за ужасы грозят моей милой, если ее смерть — «единственный» страх.

Слабым голосом я спросил:

— Они правда готовы ее убить?

— Ну разумеется, если это будет для них лучшим выходом. Но не унывайте, сэр. Бояться убийства ни к чему — по крайней мере, пока что. Этим людям нужны деньги, да побольше. Они не откажутся от них, пока их песенка не будет спета. Если мы до них доберемся, они призадумаются о своей шкуре. Только тогда они и будут действовать — когда могут помереть сами, если не умрет она!

О! Если бы я знал! Если бы только подозревал опасную суть игры, что мы ведем, — на которую я согласился, — я бы раньше отрезал себе язык, чем дал согласие. Надо было соображать, что такая великая страна, как Соединенные Штаты, не озаботилась бы из-за опасности для одного-единственного человека без уважительного на то повода. О, глупец! Глупец! Что я был за глупец!

Если бы я хоть что-то мог сделать, чувствовал бы себя не так ужасно. Однако мне было важно находиться в самом сердце происходящего, ведь я один разбирался во множестве взаимосвязей и часто возникало то, о чем я знал больше других. И потому мне оставалось ждать, молясь о терпении. Сейчас от меня требовались терпение и

здравомыслие. Еще придет время действия, и я не сомневался, что тогда не стану стоять в стороне — даже если речь зайдет о жизни и смерти.

Глава XLVI. Ардиффери

В жуткое время ожидания я говорил со старшим сыщиком. Любой его ответ служил лишь новой пыткой, но его опыт завораживал. Я впервые в жизни столкнулся лицом к лицу с той бездушностью, которую порождает самая мрачная сторона порочного мира. Она свойственна как преступникам, так и охотникам на преступников — и, полагаю, любому, кому не посчастливится столкнуться с суровой жизнью. Снова и снова я поражался, как этот человек — явно хороший и порядочный — рассуждает о преступлениях и преступниках прозаически, без злобы, без гнева, без возмущения. К своей клиентуре он относился с конструктивным осуждением, которое остальных людей толкает к осуждению нравственному. Вся его работа, мировоззрение, цель были частями единой игры. Тогда я об этом не задумывался, как и о его натуре, но, оглядываясь назад, с высоты своего опыта я осознаю ценность подобных вещей. В таких условиях они дарят холодную голову и правильный взгляд, когда обычного человека подводят страсти и иные мотивы. Этот

мужчина не раздражался и не держал личной обиды из-за провалов, не хранил ненависть к тем, кто в этом повинен. Напротив, он, как хороший спортсмен, оценивал противника по способности перехитрить сыщика. Я воображал, он разозлится, узнав, что все время, когда они с товарищами следили за замком Кром и радовались созданной безопасности, враги приходили и уходили незамеченными, как пожелают, и сами вели слежку. Но ничего подобного; я действительно уверен, что он получил удовольствие от понесенного поражения — хотя, конечно, не от его возможных страшных последствий.

Сам он выразился таким ловким образом:

— Эти черти знают свое дело. Серьезно, хоть мы и выставили себя олухами, обычно нас на мякине не проведешь. Подумать только! Мы день и ночь обходили замок, потому что — не подумайте — не давали себе забыть о работе ни на полчаса; а все это время целых три отдельные компании — шайка, вы с девушкой и этот ваш лорд-испашка — шастали через нору, как кролики. Что меня озадачивает, так это то, как вы с мисс Дрейк умудрились проскользнуть под носом людей Виски-Томми, хоть и обошли нас!

В пять часов отряд отправился по домам пасто-

ров; в шесть начали поступать первые донесения. Первым было послание на листе, вырванном из блокнота и вложенном в один из конвертов, взятых с собой для этой цели:

«В Окухарни все в порядке».

Далее начали прибывать гонцы: кто пешим ходом, кто в седле, кто на телегах, но все говорили об одном, пусть и разными словами. Они шли из Окленкриса, Хейлы, Малонахи, Ардендрота, Инверкуомери, Скельмюира и Окоракана. В девять часов вернулся первый из отряда. Это был Дональд Макрэй; хорошо зная округу, он прошел свой маршрут быстрее остальных, кто держался главных дорог. Его доклад был исчерпывающим: он побывал в шести местах и нигде не видел даже повода для подозрений.

Остальные вернулись где-то через три часа, но все — с одной и той же историей: беглецы не могли укрываться ни в одном приходском доме, арендованном через агента, и ни в одном сданном хозяевами. Последними прибыли два следопыта, измотанные и разочарованные. Они теряли след несколько раз, но находили на следующем перекрестке. Окончательно они его потеряли на пыльной дороге под Ардиффери и сдались,

только когда стало смеркаться. Они считали дело безнадежным, потому что не смогли найти след на расстоянии в четверть мили по обе стороны от места, где он стирался.

Этой ночью уже было поздно что-либо делать, и после ужина все, кроме одного караульного, отошли на несколько часов ко сну. Мы были обязаны вернуться к поиску еще до рассвета. Сам я не мог уснуть — думаю, я бы сошел с ума, если бы всю ночь оставался без дела. И тогда я решил съездить на велосипеде в Уиннифолд и узнать о новостях от дона Бернардино. Я не находил себе места без весточки от него.

У Уиннифолда все было спокойно, в доме не горел свет. Я захватил с собой копию ключа, которую давал Марджори и которую миссис Джек нашла на ее туалетном столике; но, когда я его вставил, он не повернулся. Замок был йельский, и маловероятно, что он вышел бы из строя без применения силы или без неуклюжести. Я списал поломку на то, что дон просто незнаком с таким механизмом. Так или иначе, здесь мне было никак не войти, поэтому я обошел дом кругом. Впрочем, все было закрыто — предыдущей ночью я сам за этим проследил. Поскольку через входную дверь я проникнуть не мог, мне оставалось

попасть в собственный дом только силой. Я тихо постучался, затем погромче; я думал, возможно, по какой-либо причине дон решил заночевать в доме. Впрочем, в ответ не было ни звука, и я уже начал волноваться, не случилось ли что-то серьезное. Если так, время терять было нельзя. Что бы ни произошло, это значило, что похитители здесь уже побывали. Выломать дверь я мог и сам, ведь, позвав помощь из деревни, я бы только дал повод сплетням — хотя бы потому, что не стал дожидаться утра.

Я принес со двора, где еще оставались материалы строителей, шест от лесов, взгромоздил на плечо и разбежался, чтобы ударить его концом над замко́м. Удар оказался самым что ни на есть удачным, дверь распахнулась с такой силой, что отломилась ручка, врезавшись в стену коридора. На несколько секунд я замер, оглядываясь и проверяя, не привлек ли кого-нибудь шум, но все было спокойно. Тогда осторожно, с револьвером наготове в правой руке и велосипедным фонарем в левой я переступил порог.

Заглянув в обе гостиные первого этажа, я никого не нашел и потому опять закрыл входную дверь, подперев шестом. Быстро обшарил дом сверху донизу, заглядывая в каждую комнату

и уголок, где кто-то мог бы прятаться. Дверь в подвал была заперта. Престранное дело — и к тому же ни следа дона Бернардино. Со внезапным подозрением я повернул в гостиную и поискал на столе, где лежали поднятые из пещеры шкатулки.

Их и след простыл! Кто-то все унес.

Поначалу я не сомневался, что виноват дон Бернардино. Мне тут же ярко вспомнился наш разговор, состоявшийся днем ранее в этой самой комнате; я снова увидел, как загорелся красный свет в его глазах, когда он сказал, что ни перед чем не остановится, чтобы завладеть сокровищами. Должно быть, оставшись с ними наедине, он поддался искушению забрать их с собой.

Но эта мысль покинула меня моментально. Следом пришло воспоминание о его рыцарстве, когда я пришел просить о помощи женщине в беде — я, несколькими часами ранее отказавший всем его воззваниям к моему благородству. Нет! Я бы в жизни не поверил, что он способен на подобное.

И такой была моя уверенность, что я пылко произнес вслух:

— Нет! Я не верю!

Что это было, эхо моих слов? Или таинствен-

ный шум моря? Определенно послышался звук — слабый, ломкий, словно отовсюду и ниоткуда. Я не мог определить источник. Неосмотренной осталась последняя часть дома. Тогда я взял полено потяжелее и проломил дверь в подвал. В нем никого не было, но отверстие посреди пола само казалось загадкой. Я прислушался, и слабый звук донесся снова, на сей раз — из дыры.

В пещере кто-то был, а звук тот оказался стоном.

Я зажег факел и наклонился над дырой. Пол внизу покрывала вода, но глубиной всего несколько дюймов, а из нее показалось лицо испанца — удивительно белое, несмотря на природную смуглость. Я окликнул его. Он меня явно слышал, потому что пытался ответить, но я ничего разобрал, услышав только болезненный стон. Я приготовил лебедку и, взяв с собой запасную веревку, спустился в пещеру. Дон Бернардино был на грани сознания — похоже, он не мог ни понимать вопросы, ни четко отвечать на них. Я обвязал его второй веревкой, поскольку не было ни времени, ни возможности осматривать его прямо в воде, и, забрав с собой свободный ее конец, снова поднялся. Там, привязав веревку к лебедке, я с легкостью вытянул его.

Уже скоро я напоил его бренди, раздел и закутал в одеяла. Сперва он трясся, но скоро тепло сделало свое дело. Он начал клевать носом и как будто вмиг задремал. Я разжег камин, заварил чай и приготовил еду. Меньше чем через полчаса он пришел в себя и выглядел заметно лучше. Тогда он рассказал, что произошло. Дверь в дом он открыл без труда, затем заглянул в столовую, где нашел шкатулки на столе. Обыскать дом ему в голову не пришло. Он взял лампу и спустился в подвал, оставив дверь открытой, и хотел осмотреть лебедку, чтобы ознакомиться с ее механизмом. Наклонившись над дырой, он получил сильный удар по затылку, лишивший его чувств. Придя в сознание, он увидел в подвале четверых мужчин, все — в масках. Сам он был связан веревкой и с кляпом во рту. Мужчины опускали друг друга в пещеру, пока на страже не остался один. Дон слышал, как они перекликаются. После долгого ожидания они вернулись, все — с тяжелой поклажей, которую стали поднимать на лебедке. Он сказал, она громко скрипела под грузом. В невыносимом бессилии он наблюдал, как они грузят в мешки и сумки те сокровища, которые его предок взялся стеречь и которые доверил своим потомкам до тех пор, пока не будет

исполнено поручение. Когда все было готово к отправке в обратный путь — уже через несколько часов, когда двое вернулись на телеге, скрип колес которой он слышал снаружи, — они посовещались, как поступить с ним. Своих намерений они не скрывали — говорили прямо при нем с самой жестокой откровенностью. Один, у кого он запомнил ужасно толстые серые губы и черные руки, требовал немедленно его распотрошить или перерезать ему горло и вызывался на это сам. Впрочем, его осадил другой — видимо, вожак банды, сказавший, что лишний раз рисковать не следует. «Отправим его в пещеру, — сказал тот. — Может, он сразу свернет шею, но какая разница: скоро начнется прилив, и если кто-то придет, то решит, что он погиб по случайности».

На том и порешили: сняв с него с большой аккуратностью, но притом и с равной жестокостью веревки, его опустили в пещеру. Больше он ничего не помнил, пока гробовую тишину вокруг не нарушил далекий и гулкий звук тяжелого удара по дереву.

Я внимательно его осмотрел, но не нашел серьезных ран. Это известие его взбодрило, и к испанцу начали возвращаться силы и уверенность в себе, а с ними вернулась и решимость.

Впрочем, он не мог ничего толком рассказать о нападавших. Только что сможет узнать их голоса, но из-за масок и своего стесненного положения он не видел никаких примет.

Пока он приходил в себя, я внимательно оглядел комнату и дом. По следам на окне в задней части я понял, как они влезли внутрь. Это были опытные взломщики — детектив рассказывал, что раньше Виски-Томми грабил банки, а это самое трудное из всех преступных ремесел, за исключением, быть может, подделки банкнот, — и я не удивился, что они смогли проникнуть. Из украшений, что мы с Марджори забрали из пещеры, не осталось ничего. Грабители тщательно все обшарили — пропали даже рубины из кармана охотничьей куртки, в которой я спускался в пещеру.

Одно я из их посещения понял точно: они уверены в себе. Они бы не стали рисковать такой долгой отсрочкой, не будь подготовка к побегу завершена; и они явно не сомневались в способе побега, раз могли отяготить себя такой поклажей. Более того, их укрытие, где бы оно ни было, не могло находиться далеко. В ограблении участвовали четверо, к тому же наверняка кто-то караулил. Марджори в своем шифре сообщила

только о шести участниках похищения, когда наверняка потребовались все их силы на случай непредвиденных трудностей или препятствий. Старший из Секретной службы предполагал наличие по меньшей мере восьми. Посему я решил как можно быстрее вернуться в Кром и в свете новых знаний посовещаться о дальнейших действиях. Я хотел взять с собой и дона Бернардино, но он сказал, что лучше останется на месте.

— Пока не оправлюсь от потрясения, проку от меня немного, — сказал он. — А отдых, если я останусь здесь, пойдет на пользу, и уже утром я смогу вас поддержать.

Я спросил, не боится ли он оставаться один в нынешнем беспомощном состоянии. Его ответ показал большое здравомыслие.

— Единственные, кого я могу бояться, — последние, кто сюда придет!

Я устроил его как можно удобнее и подвесил защелку двери так, чтобы она заперлась за мной. Затем вскочил на велосипед и помчал сломя голову в Кром. Время уже было к утру, мужчины готовились к дневной работе. Я и Каткарт обсудили новое развитие событий со старшим сыщиком. О сокровищах я не рассказывал. Они пропали, но я мог хотя бы поберечь чувства ис-

панца. Достаточно знать о нападении на дона Бернардино и о том, что из моего дома забрали все, что было ценного. Пока я говорил о практической стороне предстоящей работы, меня посетила идея. Очевидно, их тайное убежище находилось неподалеку; почему бы ему не быть в пустом доме? Я сказал об этом товарищам, и те согласились, что стоит немедленно приступить к поискам. Поэтому мы решили, что, как только все проснутся, один сыщик поедет в Эллон, а второй — в Абердин узнавать у агентов, какие дома в настоящий момент пустуют. Тем временем я просмотрел список приходских домов и обнаружил, что два сдаются, но никем не заняты: в Окерисе и Ардиффери. Первым мы решили проверить дом в Ардиффери, поскольку он был ближе в сети перекрестков по дороге к Фрэзербургу. Когда мы составляли планы передвижений, два следопыта, рвавшиеся продолжить начатое вчера, сказали, что им с нами по пути, поскольку место, куда они собирались, находилось в том же направлении. Двоих мы оставили в замке, а остальные выехали вместе с нами.

Мы ехали в бричке, и следопыты по пути показывали, как шли за похитителями. Мне это дарило дразнящую надежду, что мы и правда

едем по той же дороге, где проезжала Марджори. Втайне я верил, что мы не ошиблись. Что-то внутри это подсказывало. В былые дни — как будто бы оставшиеся в далеком прошлом, — узнав, что у меня есть Второе Зрение, я стал так доверять своей интуиции, что теперь эта уверенность вернулась как нечто совершенно реальное. О! Как я мечтал, чтобы этот таинственный дар помог моей любимой. Что бы я только ни отдал, лишь бы хоть краем глаза увидеть ее сейчас, как я раньше видел Лохлейна Маклауда или духов Мертвых у Скейрс. Но в том и суть сверхъестественной силы: она не слушается приказов, насущных желаний, страдания или мольбы, а действует лишь своими неисповедимыми и непредсказуемыми путями. Пока я об этом думал, надеялся и молился со всей силой кровоточащего сердца, я вдруг почувствовал нечто похожее на то состояние, в котором приходили прошлые видения. Я забыл обо всем вокруг и с удивлением опомнился, когда заметил, что бричка остановилась и два следопыта сходят. Мы договорились вернуться к ним после посещения дома пастора в Ардиффери и узнать об их успехах. У них не было особых надежд найти следы двухдневной давности на этих пыльных дорогах.

Дорога на Ардиффери вильнула налево и еще раз налево, поэтому, прибыв на место, мы все еще оставались недалеко от наших людей, если следовать по прямой.

Приходской дом в Ардиффери — место одинокое, поблизости от церкви, но на немалом расстоянии от клэхена[61]. Церковь с собственным кладбищем стоит в низине, окруженная внушительным забором. Сад дома словно отвоевали у леса. Нас встретили узкие железные ворота и прямая тропинка к дому; одно ответвление шло направо, к петляющему проезду среди сосен, ведущему к конюшне и надворным постройкам позади дома. На воротах висело печатное объявление, что дом со всей территорией и садами сдается до Рождества. Ключ и подробности можно получить у миссис Макфи, торговки на перекрестке Ардиффери. Здесь царила атмосфера запустения, рос бурьян, и даже с дороги было видно, как запылились окна.

По мере приближения во мне росло странное чувство удовлетворения — и я едва ли могу описать его подробнее. Это была не радость, не надежда, но с моей души словно приподняли пе-

---

[61] Примечания: 61

Клэхен — небольшие деревни в Ирландии и Шотландии, в которых нет церкви, почты и других официальных зданий.

лену. Мы оставили бричку на дороге и подошли по тропинке к дому. Постучались ради проформы, хотя и знали, что если те, кого мы разыскиваем, находятся внутри, то вряд ли они нам ответят. Оставив одного человека у дверей на случай, если кто-то появится, мы обошли дом. На середине пути, где дорога уходила в поля, шедший перед нами старший сыщик вскинул руку. Я сразу же увидел, что его остановило.

Хотя дорога была нехоженой и заросшей, гравий отсюда и до задней части дома недавно разровняли.

Почему?

Единственным ответом на общий негласный вопрос был такой: Марджори — или кто-либо еще — намеренно или нет оставила следы, а банда пыталась их замести.

Глупцы! Сама попытка замести следы их и раскрыла.

Глава XLVII. Немой заговорит

Люди Секретной службы окружили дом, бесшумно распределяясь в разные стороны в ответ на жесты их начальника. Когда они разошлись, инстинктивно прячась от окон дома, насколько позволяли окрестности, я заметил, что у каждого наготове оружие. Все знали, с кем имеют дело, и рисковать не собирались.

Макрэй сказал мне:

— Я поеду за ключом! Я знаю эти места лучше любого из вас; я обернусь за несколько минут и один буду не так заметен.

Выйдя за ворота, он велел кучеру отъехать и спрятаться за поворотом. Тем временем люди окружали дом, располагаясь так, чтобы из него и мышь не проскочила. Старший сыщик подергал заднюю дверь, но она была заперта — судя по всему, на засовы сверху и снизу.

Меньше чем через четверть часа вернулся Макрэй и сказал, что миссис Макфи сама торопится к нам с ключом. Он предлагал отвезти ключ, объяснив, кто он такой, но она ответила, что приедет лично, поскольку пускать его и других

господ в дом без сопровождения неуважительно. Через пару минут она была с нами; старший сыщик, Каткарт и я остались с Макрэем, прочие затаились в ожидании снаружи. Замок поддался не сразу, но скоро мы вошли внутрь следом за миссис Макфи. Пока она открывала створки в задней комнате — очевидно, кабинете священника, — Каткарт и старший сыщик быстро, но тщательно обыскали дом. Вернулись они раньше, чем старушка управилась, и покачали головой.

Когда внутрь проник свет, перед нами предстал немалый беспорядок. Очевидно, недавно здесь побывали люди, поскольку всюду попадались посторонние предметы. Среди них — кувшин для умывания и таз с грязной водой, одеяло и подушки на диване, немытые чашка и тарелка на столе. На каминной полке стоял огарок свечи.

Увидев состояние кабинета, старушка в ужасе и изумлении всплеснула руками:

— Вот так так! Должно быть, здесь побывали бродяги. Да еще в кабинете священника! Все вверх дном перевернули, даже книжки перепутали. Ну и ну! Вот хозяин огорчится!

Во время ее речи мои глаза не упускали ни детали. Вдоль одной стены стоял шкаф — наверху самодельные полки были больше по высоте, что-

бы принимать книги всех размеров. В комнате хватало книг, чтобы их заполнить, но некоторые полки с правой стороны были пусты, а на полу лежали стопки книг. Их не разбросали в беспорядке, а ровно расставили на полу. Похоже, их снимали по несколько сразу и укладывали в том же порядке, словно для того, чтобы потом вернуть. Но вот книги на полках! Неудивительно, что старушка, не знавшая всего, удивилась: еще ни одна библиотека не видела такого беспорядка. Редкий том стоял рядом с товарищем из одного собрания, а если и стоял, то другие в серии отсутствовали или находились на другой полке. Одни тома стояли вверх ногами, другие — корешком внутрь, к стене. Никогда я еще не встречал такого разброда. И все же!..

И все же это спланировала умная и решительная женщина, сражавшаяся за свое выживание — за свою честь. Марджори, явно оставшись без письменных принадлежностей — в комнате не было ни пера, ни чернил, ни карандаша — и наверняка получивши под угрозой жизни запрет оставлять послания, все же смогла под носом у похитителей, у всех на виду что-то написать, — если бы только еще знать, как это прочесть. Расстановка книг была лишь очередной версией

нашего двухбуквенного шифра. Книги в правильном положении представляли собой «а»; все остальные — «b». Я позвал человека с блокнотом, и он записывал слова в шифре под мою диктовку. О, как же забилось от страха, любви и гордости мое сердце, когда я разглядел в послании моей дорогой жены истинный смысл слов:

> «Завтра к с.-в. от Банффа „Чайка“ встретится с китобоем „Вильгельмина“. Чтобы зашанхаить — что бы это ни значило. Страшные угрозы отдать меня на расправу негру, если буду мешать или писать друзьям. Не бойся, дорогой, я скорее умру. Есть верное средство. С нами Бог. Помни о пещере. Только что слышала Гардент…»

Здесь послание обрывалось. Полка стояла пустой, а стопки, откуда она отбирала книги, еще были высоки. Ее схватили — либо она побоялась вмешательства и не хотела вызвать подозрений.

Схватили! У меня ком встал в горле!

Больше здесь мы ничего не узнали, только сказали хозяйке, что напишем, если решим арендовать дом. Вернувшись к бричке, мы подобрали двух следопытов — теперь от их работы толку не было — и помчались в Кром во весь опор. Приш-

ла пора составить в штабе дальнейшие планы, ведь все карты и бумаги находились в Кроме — и там же могли поджидать новые телеграммы. В повозке я спросил старшего сыщика, что значит «зашанхаить», поскольку это слово явно происходило из преступного мира.

— А вы не знаете? — удивился он. — Я-то думал, все знают. Это слово не вполне из преступного мира, поскольку отчасти принадлежит сословию, которое зовет себя «торговцы». Так поступают китобои и прочие, когда не могут набрать людей — нынче люди, как правило, не любят пребывать в море подолгу. Тогда людей хитростью доставляют на борт вербовщики, подпоив или чаще одурманив. Затем, на подходе к порту, их снова опаивают, что большой трудности не составляет, и они не поднимают шума; а коль дело примет серьезный оборот, их снова одурманивают. Всеми правдами и неправдами их месяцами, а то и годами держат подальше от чужих глаз. Иногда, если не самые разборчивые в средствах люди хотят избавиться от нежеланного родственника — или, может, свидетеля, или кредитора, или неудобного супруга, — они просто договариваются с вербовщиком. Когда угодишь к таким молодчикам в лапы, уже никуда не денешься,

кроме как в трюм, пока не выйдет срок, или не будут потрачены деньги, или ради чего там от него хотят избавиться.

Для меня это стало новым и страшным открытием. Теперь как передо мной, так и перед Марджори открывались новые опасности. Задумавшись об этом, я не мог не почувствовать благодарность к Монтгомери за его послание матросам на линкоре. Если похитителям удастся доставить Марджори на борт «Чайки», мы будем бессильны ей помочь, не зная ее местонахождения. Последнее слово из ее книжного послания могло быть подсказкой. Это какое-то место — и оно к востоку от Банффа. Я тут же разложил большую карту и приступил к поискам. И оно мигом нашлось. В речной бухте в семи-восьми милях к востоку от Банффа находился небольшой порт под названием Гардентаун. Я тут же послал телеграмму Адамсу в Абердин и вторую — Монтгомери в Питерхед на случай, если она его достигнет раньше, чем послание Адамса, которое он, сообщающий обо всех принятых им мерах, отправит обязательно. Прежде всего надо было найти «Чайку», а потом — «Вильгельмину». Захватив хотя бы одно судно, мы бы расстроили все планы злодеев. Я просил Адамса организо-

вать, чтобы ему немедленно телеграфировали из «Ллойдс»[62] сведения о «Вильгельмине».

Он на своем конце провода не терял времени даром — ответ я получил в считаные минуты:

> «Вчера „Вильгельмина“ вышла из Леруика в арктические моря».

Вскоре пришла новая телеграмма:

> «Монтгомери сообщает, этим летом „Чайка“ рыбачит во Фрэзербурге. Вышла с флотом два дня назад».

И почти сразу же — третья:

> «„Кистоун“ извещен. Еду к вам».

Посовещавшись, мы согласились, что лучше будет дождаться Адамса в Кроме, раз у него явно имелись дополнительные сведения. Тем временем мы отрядили двоих из Секретной службы на север Бьюкена. Один поехал во Фрэзербург, другой — в Банфф. Оба должны были пройтись вдоль побережья и утесов до Гардентауна. По пути они бы лично осмотрели берег и опросили

---

[62] Примечания: 62
Морская страховая корпорация.

местных. Макрэй отправился послать телеграмму с указанием, чтобы его личную яхту, стоящую в Инвернессе, перегнали в Питерхед, где он поднимется на борт.

— Не помешает иметь ее наготове в устье Фёрт, — сказал он. — Это клипер, и если потребуется догнать «Чайку» или «Вильгельмину», то она не подведет.

Долго, долго тянулось ожидание перед появлением Адамса. Не верилось, что человек способен перенести такие мучения, какие переносил я, и выжить. Каждую минуту, каждую секунду меня тяготил смутный ужас. Omne ignotum pro mirifico[63]. Когда Страх и Фантазия берутся за руки, бедной человеческой душе не остается ничего, кроме горя и боли.

Когда наконец Адамс прибыл, ему было что рассказать, но суть мы и так уже слышали. Американский крейсер «Кистоун» получил вызов и шел из Гамбурга к точке в трех милях от Питерхеда; во всех портах и гаванях от Уика до Абердина выставили тайные дозоры. Американское посольство действовало тихо, как и подобает этой руке государства; но его глаза и уши — и карманы,

---

[63] Примечания: 63
Все неизвестное представляется величественным (*лат.*).

не сомневался я, — были открыты. И хотя сейчас эта ладонь была разжата, если потребуется, она сожмется, и сожмется крепко.

Узнав о нашей цели, Адамс пришел в восторг. Он дружески положил ладонь мне на плечо:

— Я знаю, каково тебе приходится, старина; чтобы заметить это, достаточно иметь глаза. Но многие бы отдали все, что имеют, чтобы оказаться в твоей шкуре, несмотря на все страдания. Выше нос! Сейчас самая страшная угроза — ее гибель! А я сперва опасался чего похуже, но теперь мне ясно, что мисс Дрейк не теряет головы и готова ко всему. Да уж! Но что за благородная девица! Если что пойдет не так, она без боя не сдастся!

Затем он рассказал, что к Монтгомери в Питерхеде присоединятся еще два морских офицера с прекрасной выучкой.

— Эти парни ни перед чем не остановятся, это я могу сказать точно, — обещал Адамс. — Так и рвут удила; думаю, когда все кончится, в Вашингтоне еще узнают об их заслугах.

Я бы слушал его и слушал. Сэм Адамс знал, что говорить, чтобы помочь другу; оглядываясь назад, не знаю, мог ли он сделать что-то лучше, чем просто изложить факты как они есть. Затем он вернулся в Абердин за новостями или указа-

ниями, но обещал позднее присоединиться к нам в Банффе.

В Кроме мы оставили двоих: один должен был ждать на месте, а второй мог свободно передвигаться, слать телеграммы и так далее. Затем я с остальными поехал в Файви и сел на поезд в Макдафф.

Прибыв, мы отослали одного спутника в гостиницу в Банффе на случай, если понадобится поддерживать связь, а остальные пересели в экипаж до Гардентауна. Между Банффом и Гардентауном тянется очаровательное побережье, но я бы предпочел, чтобы оно было не таким живописным и легче просматривалось.

На месте нас, соблюдая все меры предосторожности, встретил доверенный и с ходу начал:

— Кое-кто уже отчалил, но, думаю, остальная банда еще на берегу. Вот почему я так аккуратен — кто знает, может, они прямо сейчас за нами наблюдают. — Затем он сообщил все, что ему удалось разузнать: — «Чайка» стояла здесь до вчерашнего дня, а потом вышла по реке Фёрт в сторону Файфшира, потому что, по слухам, рыба пошла на юг. Людей на борту больше необходимого, а шкипер признался, что двое — друзья, которых они довезут до их собственного корабля

в Бернтайленде. Судя по всему, — продолжил он, — люди там не самые светские. Большинство перепилось или пришло с бутылкой; потребовалось двое трезвых да шкипер, чтобы поставить их по струнке. Шкипер жуть как разозлился — он будто со стыда ушел из порта как можно скорее. Говорят, он страсть как на них ярился, хотя чему удивляться, если ему самому пришлось тягать сети на борт. Один человек на причале передал мне, что он возмущался: если так на людей действуют недели ожидания и безделья, в другой раз он им не даст прохлаждаться. Услышав, с каким трудом они таскали сети, я пораздумал и решил, что под ними что-то спрятано. Местные рассказывают, что тележку, груженную сетями по плечи высотой, с трудом подняли бы и вшестером, не то что, как они, втроем. Вот почему шкипер так рвал и метал. Говорят, он натуральный великан — голландец со злым и хитрым лицом; и все время, пока тащил задние ручки, он не прекращал костерить двоих впереди, хотя они от натуги и слова вымолвить не могли, и были красные, как помидоры. Если я прав, в этот раз мы их упустили. Они доставили девушку на рыбацкую лодку — и ушли к китобою. Теперь надо искать его!

Слушая его, я удручался все больше и больше.

Моя бедная жена, если и жива, в руках врагов. Во всех мыслях, переполнявших меня невыразимой тревогой, был лишь один утешительный проблеск: негра на борту нет. Про себя я уже привык считать этого изувера воплощением зла.

И снова наша погоня ни к чему не привела. Оставалось ждать доклада Монтгомери, изучавшего окрестности. Мы телеграфировали ему, чтобы он присоединился к нам в Гардентауне или послал весточку, и он ответил, что уже в пути.

Глава XLVIII. Гавань Данбай

В тот день мы так увлеклись погоней за Марджори, что не успевали задуматься о других сторонах нашей работы, но вот мы и глазом моргнуть не успели, как важным стало то, что представлялось побочным. До сих пор нашей целью считалась «Чайка», но теперь ею стала «Вильгельмина». Общим расследованием касательно кораблей занимался Адамс, тогда как Монтгомери действовал на местности. Итак, сведений можно было ждать скорее от первого, нежели от второго. Монтгомери и Макрэй прибыли раньше — верхом из Фрэзербурга, Монтгомери — с лихостью и безрассудностью матроса, сошедшего на сушу. Он жутко разозлился, услышав, что «Чайка» ушла у нас из-под носа.

— Повезло так повезло! — заявил он. — Знал бы, успел бы к ней вовремя, но я даже не слышал о Гардентауне, пока не получил вашу телеграмму. Его и на карте нет.

Он еще долго сокрушался, хотя я видел по его взвинченному и напряженному виду, что, когда придет время действовать, он себя еще покажет.

Прибыв на вокзал Макдаффа, чтобы встретить Адамса, мы поскорее усадили его в ожидающий экипаж; новости он выкладывал по пути в Гардентаун. Мы понимали, что ехать туда могло быть ошибкой в том случае, если мы окажемся далеко от места событий, но уже договорились, чтобы новости пересылали туда. Прежде всего требовалось провести военный совет. Адамс рассказал, что китобой «Вильгельмина» пристал в Леруике два дня назад, но внезапно отчалил после получения телеграммы, причем с такой скоростью, что кое-кого даже забыли на берегу. Большего по телеграфу ему разузнать не удалось. Капитан корабля доложил начальнику порта, что идет к Новой Земле, но ничего сверх того.

Когда мы собрались в гостинице в Гардентауне, нас удивил еще один новоприбывший — не кто иной, как дон Бернардино, приехавший одним поездом с Адамсом, но ему пришлось дожидаться экипажа: мы умчались так быстро, что и не заметили его.

Мы дошли до того этапа, когда от секретности толку не было, и, недолго посовещавшись наедине с доном, я рассказал спутникам о нападении на испанца в моем доме и о похищении большого сокровища. Подробностей о сокровище

или его назначении я не раскрыл, как не упомянул и о поручении. Это был секрет дона — да и особой необходимости всем знать о нем не было. Затем мы согласились, что единственный шанс найти Марджори — проследить за членами банды, оставшимися на берегу.

Сэм Адамс — самый хладнокровный в нашем отряде после агентов Секретной службы — подытожил сложившееся положение:

— Они не ушли далеко. Очевидно, отправив мисс Дрейк из Гардентауна, они вернулись только за сокровищем. И я уверен, они дожидаются где-то на побережье, чтобы их забрала «Вильгельмина» или чтобы попасть на ее борт другим способом. Им нужно увезти с собой по меньшей мере телегу сокровищ — можно ставить что угодно, случаю они это не предоставят. А кроме того, не так-то просто найти китобоя, готового шанхаить. С этим договорились уже давно, и он долго ожидал в Леруике сигнала об отправке. Я считаю, «Вильгельмина» заберет их сама, поскольку рыбацкий корабль вроде «Чайки», вынужденный то и дело заходить в порт, старается снизить шансы разоблачения. «Чайка» уже совершила преступление и теперь уверена, что ее ни в чем не обвинят, так что просто заберет свою долю

— или что им там предложили — и скроется. Если банду заберет «Вильгельмина», это будет где-то у местного побережья. Они все-таки здесь чужаки и не знают, куда еще податься. К югу берега населеннее, шансов уплыть тайно меньше. Вдоль берегов Фёрта они плыть не осмелятся, потому что корабль легко остановить в заливе в пределах трехмильной зоны и обыскать. Следовательно, искать остается у этого побережья, и, судя по картам, я бы сказал, что они постараются сбежать где-то между Олд-Слейнс и Питерхедом. И больше того скажу: учитывая, насколько берег изогнут между Уиннифолдом и Гирдлнессом рядом с Абердином, корабль предпочтет северную сторону, чтобы, как только заберет груз, сразу же выйти в море.

— Сэм прав! — вклинился Монтгомери. — После нашей встречи я обшарил все побережье, изучая его как раз с этой целью. Я пытался поставить себя на их место и найти, что бы им угодило. Можно отплыть в Питерхеде или в Боддаме, поэтому я расставил там дозоры. Там матросы, которых мне прислали из Лондона, и даю слово: если «Вильгельмина» покажется, с Марджори Дрейк на борту она уже не уйдет. Но не в их интересах приближаться к портам. Они бросят

якорь где-то в условленном месте в открытом море и заберут своих приятелей на лодке. Между Круденом и Питерхедом десятки мест, где можно спрятать лодку, а потом незаметно ускользнуть. Затем поднимаешь лодку на борт или берешь на буксир, поднимаешь паруса — и поминай как звали. А значит, вот что я предлагаю — ведь, что ни говори, это я здесь мореходный эксперт. Мы расставим дозоры вдоль этой части побережья и будем готовы схватить их после отплытия. «Кистоун» переведем к Бьюкену, чтобы дать ему сигнал, когда заприметим нашу шайку. Он будет держаться в стороне, и эти негодяи не сообразят, что их уже ждут. Когда придет время, он прижмет их к берегу, а там уж мы не растеряемся. Если же он загонит «Вильгельмину» в Фёрт, и того проще. Боевой Дик Морган в стороне не останется; можете поставить все до последнего доллара — если он заметит Голландца, то уж убедится, что на борту не удерживают против воли граждан Соединенных Штатов. Дику плевать на Вашингтон, он хоть завтра выступит что против испанцев, что против голландцев. А если считать еще и яхту этого джентльмена, да чтоб на борту был кто-то из нас, готовый взять на себя ответственность, думаю, мы захватим китобой без труда.

— Я буду на борту! — тихо сказал Дональд Макрэй. — Мой «Спорран» прибудет в Питерхед сегодня днем. Только объясните мне сигналы, чтобы мы знали, что делать, а за остальным я прослежу. Экипаж — люди из моего клана, и я отвечаю за каждого. Под моим командованием они ни в чем не подведут.

Я с жаром пожал руки обоих молодых людей. Что Восток, что Запад — во всем одинаковы! В их сердцах горело боевое рыцарство былых времен, а с инстинктом прирожденных капитанов они бы не побоялись любой ответственности. От своих людей они просили только следовать их приказам.

Они тут же обговорили сигналы. Монтгомери, конечно, этому учился и быстро разработал простую схему, чтобы отдавать приказы флажками, светом или ракетами. В сложности особой потребности и не было — мы понимали, что, как только «Вильгельмина» будет замечена, ее немедленно надо брать на абордаж, где бы она ни находилась. Мы — все до одного — были готовы пойти против любого закона, международного, морского, национального или местного. В нынешних обстоятельствах, если бы удалось вновь напасть на след нашего врага, мы брали на себя

широчайшие полномочия.

Вскоре Макрэй отбыл в Питерхед на свою яхту, чтобы немедленно расставить дозорных вдоль побережья. Остальные распределились от Крудена до Питерхеда. Мы не высылали разведчиков, потому что теперь время было очень дорого — причем обеим сторонам. Если враги попытаются сбежать с сокровищем, то перед самым утром — затем каждый час множил для похитителей трудности и риски. На море поднимался туман, мешавший всем. Его густые клочья уже плыли с северо-востока, и растущий ветер зловеще сулил в ближайшие часы опасность как на море, так и на берегу. Каждый из нас взял с собой припасы на ночь и в достатке ракет и белых и красных шашек для сигналов — на случай если потребуются.

При распределении сил у нас, конечно, не хватало людей на равномерный кордон, но мы подбирали точки обзора так, чтобы вне нашего поля зрения не осталось ни одного места, где могла выйти лодка. Я ужасно переживал, потому что клочья белого тумана приносились быстрее и становились все гуще и непрогляднее. Между ними просвечивало море, и вести наблюдение было не так уж трудно, но с каждой минутой ветер усиливался, тумана становилось больше, и

мы падали духом: туман накопится в белое облако, что налетит на сушу и укроет со всех сторон, словно закутывая берег ползучим саваном. Мне для наблюдения достался участок от Слейнс-Касл до Данбая — самое что ни на есть дикое и скалистое побережье. За Слейнсом идет длинная узкая бухта с теснящимися утесами, отвесными с обеих сторон, а в ее устье громоздятся титанической мешаниной рифы. Дальше утесы идут отвесно вплоть до бухты Данбай, чье устье стережет огромная скала со множеством кричащих птиц и белыми пиками, отмечающими их места обитания. На полпути между ними находилось место, которое казалось исключительно подходящим для преступников, и на нем я сосредоточил на некоторое время внимание. Некогда контрабандисты провозили здесь немало грузов чуть ли не под носом у береговой охраны. Modus operandi[64] был прост. В темную ночь, когда было известно, что охраны по той или иной причине поблизости нет, по колее в мягкой траве или через поля тут же приходил обоз. Затем наскоро строили кран из двух перекрестных шестов, положив на них третий, подлиннее; один конец находился

[64] Примечания: 64
Образ действия (*лат.*).

на берегу, чтобы опускать его или задирать, а второй, соответственно, то нависал над водой, то поднимался над внутренним краем утеса. Довершала это устройство упряжь с ломовой лошадью, соединенная длинной веревкой со шкивом на береговом конце того шеста. Затем контрабандисты сходили под утес, опускалась веревка, и к ней привязывался груз; ожидающую лошадь гнали от моря — и в несколько секунд гроздь бочек или ящиков взметалась вдоль утеса и затем грузилась на поджидающие телеги.

Перевернуть процесс — проще простого. Если все готово — а я знал, что банда слишком профессиональна, чтобы ждать от нее упущений, — то хватило бы и пары минут, чтобы перегрузить все сокровища в подплывшую лодку. Тем же путем могут спуститься все люди, кроме одного, и этого последнего можно спустить веревкой, если травить ее внизу. Я знал, что в распоряжении похитителей есть как минимум одна телега; в любом случае для таких отчаянных и лихих людей временно завладеть парой телег в сельском краю не составляло труда. И я решил присматривать за этим местом с особым пристрастием. Наверху утес был почти голым, не считая низкой стенки из камня и глины — грубой ограды, что

так часто окружает фермерские поля на утесах. Я присел за ее углом, откуда мог видеть почти весь вверенный мне участок. Никто бы не вошел в Данбай, гавань Лэнг или вблизи у скал Касла без моего ведома: утес был отвесным, поэтому я видел все до самого южного прохода в гавань перед скалой Данбай. Порой море накрывалось одеялом тумана и я слышал вдали гудки какого-нибудь парохода; а когда туман поднимался, видел, как труба извергает черный дым в усилии как можно скорее миновать такое опасное побережье. Временами близко проходила рыбацкая лодка по пути на север или на юг; или шел большой парусный корабль с той неощутимой медлительностью, что присуща кораблям далеко в море. Когда появлялась рыбацкая лодка, я с бьющимся сердцем разглядывал ее в подзорную трубу. Я все надеялся, что здесь покажется «Чайка», хотя зачем — сам не знал, ведь шансов, что на борту будет Марджори, почти не было.

После бесконечного и невыносимого ожидания в очередной туманный период я заметил на утесе женщину, прятавшуюся за всем, что попадется на пути, как делают те, кто следят за другими. В этот момент стоял густой туман, но, когда он начал развеиваться, струясь перед ветром, словно дым, я

понял, что это Гормала. Почему-то от одного ее вида у меня дико заколотилось сердце. За последнее время она сыграла роль в стольких загадочных происшествиях в моей жизни — происшествиях, как будто обладающих между собой роковой связью или последовательностью. Ее присутствие будто предрекало что-то новое, имело особое значение. Я присел еще ниже за углом ограды и следил за старухой с усиленной бдительностью. По ее передвижениям я быстро понял, что она не высматривает никого конкретного. Она кого-то — или что-то — искала и боялась быть замеченной, а не упустить цель своих поисков. Ложась на край утеса, она заглядывала вниз с превеликой осторожностью. Затем, удовлетворившись, что искомого там нет, проходила чуть дальше и повторяла осмотр. Ее поведение в густом тумане выглядело таким разумным, что я поймал себя на том, что подсознательно подражаю ей. Она могла оцепенеть, как камень, держа ухо по ветру и прислушиваясь с острой, сверхъестественной пристальностью. Сперва я удивлялся, почему не слышу того же, что слышит она, судя по постоянным переменам выражения ее лица. Затем, впрочем, вспомнил, что она родилась и выросла на островах, а у рыбаков и мореходов погодные

инстинкты лучше, чем у людей сухопутных, и ее способность перестала быть для меня загадкой. Как же я тогда мечтал хоть о доле ее умений! И тут мне подумалось, что давным-давно она предлагала эти самые умения в мое распоряжение и что я еще могу заручиться ее помощью. С каждым мигом, чем больше разного я вспоминал, эта помощь выглядела все привлекательнее. Разве не Гормалу я видел, когда она следила за доном Бернардино после ухода из моего дома; вероятно, она его туда и привела. А может, Гормала привела к моим дверям и похитителей? Если она о них не знает, то что делает здесь теперь? Почему пришла именно на это место, именно в это время? Что или кого высматривает в утесах?

Я решил, что бы ни случилось, не терять ее из виду; позже, уже узнав о ее цели — благодаря догадке или наблюдениям, — можно было бы попробовать попросить ее об услуге. Пусть она на меня гневается, я все же для нее Ясновидец, и она верила — должна была верить после всего случившегося, — что я прочитаю для нее Тайну Моря.

Чем дальше она пробиралась по нависающему над водой утесу над гаванью Данбай, тем сильнее проявлялись ее интерес и осторожность. Я

обошел грубую ограду, которая тянулась параллельно утесу, чтобы оказаться как можно ближе к ней.

Гавань Данбай — глубокая расщелина в гранитной скале в форме буквы Y, чьи окончания выходят в море и образованы скалами по сторонам и высокими утесами островка Данбай посередине. Оба канала глубоки, но при бурном море или сильном ветре чрезвычайно опасны. Даже сила прилива или отлива бросает вызов кормчему. Впрочем, в спокойную погоду они подходят для судов, хоть плохой моряк может и не совладать с волнением стихии. Меня в свое время побросало на тамошних волнах, когда я выходил на лосося с рыбаками, поднимающими свои глубокие плавны́е сети.

Тут я увидел, как Гормала наклонилась, а потом пропала из виду. Она переступила за край утеса. Я опасливо двинулся следом, лег на землю, чтобы она меня не видела, и заглянул вниз.

Вдоль утеса шла зигзагом овечья тропа. И до того крутая и узкая, что у меня, и без того перевозбужденного, голова закружилась от одного ее вида. Но старуха, привычная к скалам западных островов, шагала по ней легко, словно по широкой аллее сада с террасами.

Глава XLIX. Последняя помощь Гормалы

Когда Гормала скрылась под скалой и пропала из виду, я стал ждать ее возвращения. В конце гавани, где узкий пляж упирается в скалу, есть крутая тропинка. И даже она до того труднодоступна, что непреодолима для обычных людей — такими ходят только рыбаки, местные горцы да охотники. Сам я не смел покидать свой пост — из конца гавани я бы почти не видел участок побережья, за которым должен наблюдать, за исключением узкого места между высокими утесами, где справа и слева от Данбайской скалы идут каналы. И тогда я тайком вернулся к своему укрытию за изгибом ограды, откуда видел самое начало пути, которым спустилась Гормала.

Медленно, медленно тянулось время; туман наползал все чаще, гуще, промозглее. После заката он совсем отяжелел, обещая непроницаемую ночную тьму. Впрочем, в Абердине сумерки длятся долго и в обычных обстоятельствах далеко видно еще много часов после заката.

Но вдруг после того, как налетел очередной

клок тумана, меня испугал голос сзади:

— И что ж ты высматриваешь? Ночь? Это Тайна Моря призвала тебя сюда — или, быть может, другое сокровище!

Очевидно, Гормала поднялась по той тропинке в конце гавани. Какое-то время я не отвечал ни слова, а только думал. Сейчас как никогда требовалась моя смекалка, и с Гормалой удалось бы поладить, если заранее разузнать о ее целях; и я попытался разгадать ее желания и затруднения. Во-первых, сейчас она сама искала укрытие от чужих глаз, иначе бы не зашла за ограду; я нисколько не сомневался, что до спуска по крутой овечьей тропке она не подозревала о моем присутствии. Если она искала укрытие, то за чем она наблюдает? Она спускалась на пляж, а значит, узнала, есть на нем что-то любопытное или нет. Раз она выбрала тот угол ограды, откуда видно тропинку, по меньшей мере вероятно, что она ожидала, что ею кто-либо пройдет вверх или вниз. Если бы она ждала того, кто спустится, следила бы за подступами к тропинке, а не за ней самой. А следовательно, она хотела увидеть того, кто поднимется. Поскольку, увидев меня, не заметившего ее, она не поспешила прочь и не скрылась, а сама вступила в разговор, очевидно,

в ближайшее время она никого не ждет.

В сухом остатке я вывел, что она высматривает того, кто мог бы прийти, и с этим знанием попытал свою удачу:

— Значит, твой приятель еще не поднялся? Почему не сделала того, что хотела, когда спускалась сама?

На миг она не сдержала изумления — оно сквозило и в ее выражении, и в ее голосе, когда она отвечала:

— Откель ты знаешь, что я делала в гавани?

Но, тут же заметив свою ошибку, мрачно продолжила:

— Очень уж ты умен в своих догадках, а я простая глупая старуха. Почему…

— Так ты нашла его или нет? — Еще не договорив, я вдруг уверился — сам не знаю отчего, но с такой силой, будто эта мысль коренилась в моем разуме всю мою жизнь, — что внизу находятся наши враги или хотя бы их укрытие.

Должно быть, Гормала заметила, как переменилось мое лицо, поскольку ликующе воскликнула:

— Лучше б ты согласился на мою помощь. *Еен*, что следили за другими, могли бы следить и для тебя. Но уж поздно. Какой бы секрет ни был, он

твой, не мой; и тебе же будет хуже, что в свое время ты меня прогнал.

Горечь в ее голосе была невероятна, прошлое нахлынуло с такой силой, что я застонал. А затем вернулась — и, ох, с какой же болью — мысль о моей любимой в руках врагов.

Никому не постичь путей Господних. В это мгновение восторга от чужой боли что-то вдруг заговорило в сердце старухи, потому как, когда я пришел в себя, на меня смотрели уже совсем другие глаза. Их взгляд был исполнен тепла и жалости. В сей одинокой душе пробудилось все материнство, какое было или могло бы быть. И добрым голосом она задала вопрос.

— Ты в печали. Когда я вижу такой взгляд, знаю, что Судьбы взялись за свое. Отчего же ты кручинишься, голубчик, отчего кручинишься? — К этому времени я открыто плакал из-за ее доброго отношения. — Что, ушла от тебя та девица? Как по мне, этакий сильный мужчина ни от чего не закручинится, кроме как из-за девицы.

Я почувствовал, что для меня раскрылось женское сердце, и заговорил со всем душевным пылом:

— О, Гормала, помоги мне! Быть может, ты будешь в силах — и еще не поздно. Она похищена

и сейчас находится в руках врагов — коварных и отчаянных людей, которые держат ее в плену на корабле где-то в море. На кону ее жизнь, ее честь. Помоги, если можешь, и я буду благодарен тебе до гроба!

Пока я говорил, лицо старухи осветилось. Она словно распрямилась во весь рост и расправила сухие плечи под стать своей женской гордости, отвечая с горящими глазами:

— Что! Женщина, девица, в руках злодеев! Да такая красавица, как твоя, пускай она и попрекнула меня при встрече, возгордившись из-за своей юности и силы. Голубчик, я сделаю все, что только могу! Я с тобой всей силой сердца и всем дыханием тела, в жизни или смерти! Забудем прошлое, хорошее ли, дурное, — поминать не будем; и с сих пор распоряжайся мной по своей прихоти. Скажи, что делать, — и уж под моими ногами трава расти не будет. Красавица-девица во власти негодяев! Быть может, я и допытывалась у тебя секрета, но не такая уж я дурная, чтоб позволить обидам встать между мной и долгом перед всем чистым и добрым!

В своей самоотверженности она предстала величественной и благородной — той, кого во времена, когда зарождались северные народы,

могли видеть во снах поэты старых саг, когда в их сердцах возникал образ умудренного годами женского благородства. Я не мог вымолвить ни слова; я поддался чувствам, взял ее руку и поцеловал.

Это растрогало ее до глубины души — со странным всхлипом у нее вырвалось:

— О, голубчик, голубчик! — И больше она не прибавила ничего.

Тогда я рассказал, как Марджори утащила банда похитителей; я чувствовал, Гормала целиком и полностью заслуживает доверия. Когда я закончил, она стукнула сжатым кулаком по ограде и процедила сквозь зубы:

— Ох! Знать бы, знать бы! Подумать только, я могла бы следить за ними, вместо того чтоб шастать у твоего дома и искать, как выкрасть твой секрет, тем помогая твоим врагам. Сперва — тот чужак с темными волосами, а потом — один из них, черный человек со злым лицом, искавший тебя прошлой ночью. Горе мне! Горе мне! Что я наделала в неразумном исступлении, и алчности, и любопытстве!

Она так корила себя, что я попытался ее утешить. Отчасти я преуспел, когда сказал, что похищение Марджори ничуть не связано с тем, что произошло у меня дома.

Вдруг она прекратила раскачиваться на месте; подняв одну длинную сухощавую руку так же, как я уже видел несколько раз, она заговорила:

— Но чего все это стоит! Мы в руках Судьбы! И есть Голоса, что говорят, и *ееп*, что видят. Как суждено издавна, тому не миновать, что бы мы ни делали ради своей воли. Без толку горевать.

Затем сразу приняла деловитый вид. Самым что ни на есть практичным голосом она потребовала:

— Теперь говори, что мне делать! Я же вижу, у тебя есть план; и ты, и другие трудитесь ради своей цели. Этой ночью с тобой будет еще одна, к добру или худу.

Она замолчала, и тогда я спросил:

— Зачем ты спускалась по овечьей тропе к гавани? Что или кого ты искала?

— Я искала сокровище, которое, как я подозревала, похитили из твоего дома; и тех, кто похитил! Это я направила их, когда ушел темный человек, и наблюдала, когда они были внутри. Потом они отправили меня надолго с поручением в Эллон; а когда я возвернулась, никого уж не было. Я подкралась поближе и нашла глубокие следы груженой телеги. Они затерялись на большой дороге — днем и ночью я искала их следы, но все

впустую. Однако думаю, что все спрятано здесь: я прошлась по овечьей дорожке, и повдоль скалы, и по пляжу, но не увидела ни следа. Тут столько закоулочков среди утесов, где можно запрятать великий клад, — никто в жизнь не узнает!

Пока она говорила, я кое-что написал в блокноте, затем вырвал страницу и протянул ей:

— Если ты согласна помочь, отнеси это письмо, потому что мне нельзя сходить с места. Отдай это тому темнокожему господину, которого ты уже знаешь. Он должен быть где-то на скалах за Каслом.

В моем послании дону Бернардино говорилось, что сокровище, должно быть, спрятано поблизости и что подательница записки приведет его, если он сочтет разумным присоединиться ко мне.

Затем я ждал, ждал. Ночь становилась все темнее и темнее; туман сгустился и отяжелел так, что они с ночью едва не слились в одну сплошную и бесконечную массу. Лишь изредка я замечал проблески моря за большой скалой. Однажды издалека в море я услышал восемь склянок на корабле, принесенных ветром. Забилось сердце: если поблизости «Кистоун», это еще сыграет нам на руку позже. Потом водворилась тишина, дол-

гая и нескончаемая. Тишина, что бывает одной лишь ночью; в редкие моменты, когда ее нарушал какой-либо звук жизни поблизости или вдалеке, от неожиданности и по контрасту тишина сама казалась веществом.

И вдруг я почувствовал, что Гормала рядом. Я не видел ее, не слышал ее, но меня ничуть не удивило, когда она вынырнула из темноты вместе с доном Бернардино. В тумане оба казались великанами.

Я как можно быстрее изложил дону свои подозрения и спросил его совета. Он согласился с вероятностью побега в этом месте и объявил о готовности спуститься по тропинке в Данбайскую гавань и как можно тщательнее ее осмотреть. Так он с Гормалой в провожатых начал спуск по крутой морене — скорее откосу, чем тропинке. Сам я сомневался в успехе поисков. Стояла уже глухая ночь, и, даже будь погода ясной, было бы непросто тщательно проверить место, где высокие утесы вокруг не пропускают даже намек на свет. Более того, вдоль всей гавани, как и на других участках этого сурового побережья, под утесами далеко в море местами выступали скалы. Порой они были сплошными, и в соответствующее время отлива хороший скалолаз мог бы через

них перебраться. Но здесь сплошных не было — камни торчали из моря разрозненно, без лодки нельзя было и надеяться на всеохватное исследование. Впрочем, я ждал терпеливо — терпение я теперь черпал из своей боли. Прошло немало времени, прежде чем дон вернулся по-прежнему в сопровождении Гормалы. Он рассказал, что обзору открывался только пляж, но, насколько он видел берег у каждого из двух каналов, там не было и следа убежищ или чего-либо такого размера, который мы искали.

Он счел разумным предупредить остальных о нашей уверенности, что злодеи выбрали это место, и отправился на север. Гормала оставалась со мной, чтобы, если потребуется, отнести послание. Она выглядела уставшей — такой уставшей и обессилевшей, что я предложил ей ненадолго прилечь за каменной оградой. Сам бы я не смог сомкнуть глаз — даже если бы от этого зависели мои жизнь и разум. Чтобы утешить ее и принести покой ее душе, я рассказал то, что она так хотела знать: то, что я видел ночью на Уиннифолде, когда Мертвые поднялись из моря. Это ее присмирило, и скоро она уснула. А я ждал и ждал, и время ползло все медленнее.

Вдруг Гормала резко села: сна ни в одном глазу,

инстинкты остры, как никогда.

— Цыц! — сказала она, вскинув руку в предостережении.

И тут нас накрыл туман, и его белые клочья носились на усилившемся ветру, аки привидения. Она склонилась ухом к морю и прислушалась. В этот раз ошибки быть не могло: издалека через сырость тумана доносился шум плывущего корабля. Я выбежал из-за ограды и припал к краю утеса. Я был у самого устья гавани и увидел бы, если бы в любой из каналов вошло судно.

Ко мне подошла Гормала и присмотрелась, потом прошептала:

— Я спущусь по овечьей дорожке; она приведет меня к устью гавани, и оттуда я тебя предупрежу, коль что неладно!

Не успел я ответить, как она уже пропала, и я увидел, как она перешла за край утеса на тот опасный путь. Я наклонился над кромкой и прислушался. Далеко внизу время от времени шуршала осыпавшаяся галька, но мне не удавалось ничего разглядеть. Подо мной в прорехах тумана колыхалась темная вода.

Тропинка вела к морю и южному краю гавани, и я перешел в ту сторону, чтобы найти глазами Гормалу. Теперь туман сгустился как никогда, и

я не видел ничего дальше двух футов. Зато услышал шум — звуки небольшого оползня, гулкий плеск, когда камни попали в воду. У меня екнуло сердце — я боялся, что-то стряслось с Гормалой. Я весь превратился в слух, но ничего не слышал. Впрочем, я не вскочил с места, потому как знал, что все старания старухи на таком задании будут направлены на маскировку. И я был прав в своих догадках: через несколько минут ожидания раздался очень слабый стон. Низкий и подавленный, но не могло быть никакой ошибки, что он поднялся ко мне через плывущий туман. Очевидно, Гормала попала в беду и простая человечность требовала спуститься и помочь, чем возможно. От овечьей тропы не было бы никакого толку: если с нее сорвалась она, мне и надеяться не на что. К тому же явно произошел небольшой обвал, и, вероятнее всего, тропинку или какую-то важную ее часть вовсе унесло вниз. Было бы безумием спускаться по ней, и я перешел на южную часть утеса, где в древности скалы обвалились, образовав грубый путь к морю. Было здесь и другое преимущество: открывался вид на море к югу от Данбайской скалы. А значит, я бы не упустил из виду подплывающей к берегу лодки, как случилось бы, следуй я тропинкой, выходящей только

в гавань.

Задача была непростая, и при дневном свете я мог бы счесть ее еще сложнее. Местами скала головокружительно нависала над водой, что само по себе было опасно. Но я справился и наконец выбрался на груду камней под утесом. Здесь, в самом углу гавани, под местом, где проходила овечья тропа, я и нашел Гормалу — почти без сознания. Она с трудом пришла в себя, когда я приподнял ее голову и приложил к ее губам флягу. Несколько секунд она старалась отдышаться, прижавшись к моей груди лицом, поперек которого упали и спутались жалкие, редкие седые волосы.

Затем с превеликим усилием она слабо простонала, хоть и стараясь говорить тихо на случай, если даже в этом одиноком углу, во тьме ночи и тумана, окажутся чужие уши:

— Моя песенка спета, голубчик; когда обвалились камни, я убилась о скалы. Слушай внимательно, ибо скоро я умру: скоро уж все Секреты и Тайны будут мои. А когда придет конец, возьми мои руки своей, а второй закрой мне очи. Потом, когда я испущу дух, увидишь ты то, что видят мои мертвые очи, услышишь силой моих мертвых ушей. Быть может, и ты познаешь секреты и желания моего сердца. Не упусти шанс, голуб-

чик! Да пребудет Бог с тобой и твоей красавицей. Скажи ей — а ты ей скажешь обязательно, — что я простила ей обиду и просила доброго Господа уберечь ее от любого зла и ниспослать мира и счастья вам обоим — до конца. Прости, Господи, грехи мои тяжкие!

С каждым словом из нее словно медленно утекала жизнь. Я это чувствовал и знал множеством способов. Когда я взял ее руки, на ее лице проступила счастливая улыбка и выражение жадного любопытства. И это последнее, что я видел в тусклом свете, когда накрыл ее затуманившиеся очи рукой.

А потом началось странное и страшное.

Глава L. Глаза мертвых

Стоя на коленях, взяв ее руки в свои и накрыв ее глаза ладонью, я словно воспарил в воздух, обретя изумительное зрение — озирая все вокруг на огромном расстоянии. Над водой по-прежнему висел непроглядный туман. Но просторы воздуха и толщи моря раскрылись, словно сияло солнце, и я просто смотрел в прозрачную воду. В общей панораме не скрывалось ничего, что может быть видно глазу. Корабли на море — и морское дно; ощетинившееся скалами побережье и далекие высокогорья простерлись, как на карте. Далеко на горизонте виднелись несколько судов, больших и малых. В нескольких милях стоял военный корабль, а к северу от него, но куда ближе к берегу изящная яхта медленно двигалась с приливом под убавленным парусом. Военный корабль был настороже: на вершине каждой мачты и всюду, откуда можно было что-то разглядеть, торчала голова дозорного. Горел прожектор, то и дело озаряя море вращающимися полосами. Но мои глаза притянуло, как магнит притягивает железо, судно с неуклюжей оснасткой у самого берега, как

будто всего в сотнях ярдов от Данбайской скалы. Я знал, что это китобой, поскольку на его палубе стояли большие лодки для бурных морей и печь, где растапливают ворвань. В бессознательном порыве, словно моя душа — крылатая птица, я завис над этим кораблем. И странное дело, он весь был словно из хрусталя: я видел его насквозь до глубины моря, где лежала его тень, пока мой взгляд не упирался в голый песок или массы гигантских водорослей, что покачивались с приливом над камнями. Средь водорослей юркала рыба, неустанно ползали по камням морские блюдечки, похожие на цветы. Я видел даже те полосы на воде, что неизбежно оставляют ветер и течение. А корабль был прозрачен, словно я заглядывал в кукольный домик — но кукольный домик, отлитый из стекла. Мне открылись все уголки, в мой разум проникали все пустяки, даже те, которые меня не интересовали. Закрыв глаза, я по-прежнему видел перед собой все то, на чем остановились глаза моей души в те моменты духовного зрения.

Все это время я проводил в двойном сознании. Все, что я видел перед собой, было просто и реально, и в то же время я ни на секунду не забывал о себе настоящем. Я знал, что стою на коленях на

берегу, средь камней, под утесом, и подле меня — покойная Гормала. Но некий божественный руководящий принцип направлял мою мысль — не иначе как мысль, ибо мои глаза подчинялись любым желаниям, а за ними словно следовало все мое существо. Вот их повело от носа вдоль палубы и в люк. Я спустился, ступенька за ступенькой, составляя точную и внимательную опись предметов вокруг. Я попал в узкую каюту, где как будто даже запах стоял злой. Прогорклый желтый свет от грубой масляной лампы с толстым чадящим фитилем словно делал сумрак материальным, а тени — чудовищными. Оттуда я попал в крошечную каюту, где на койке спала Марджори. Она выглядела бледной и исхудавшей, у меня защемило сердце при виде больших черных кругов под ее глазами. Но в лице читалась решимость — решимость несгибаемая и неприручаемая. Зная ее, с выжженным у меня на сердце ее посланием «я могу умереть», я без подсказок понимал, что именно сжато в ее руке за пазухой. Дверь была заперта — снаружи недавно привесили грубый засов, ключа в замке не было. Я бы задержался, но мною двигала все та же направляющая сила. В соседней каюте лежал мужчина, тоже спящий. Он был крупного склада, с неухоженной рыжей

бородой, пронизанной сединой; редкие волосы, что остались на покрытой рубцами макушке, были тускло-рыжего цвета, понемногу белеющего. Над ним, ниже хронометра, показывавшего два пятнадцать по Гринвичу, висели два больших семизарядника; из кармана торчала рукоятка ножа боуи. И в самом деле странно, как я мог смотреть без злобы или мстительности на такого человека. Полагаю, тогда я воспринимал мир как безличный дух, а вся человеческая страсть, принадлежащая плоти, пропала. В то время, хоть я это и заметил, мне это не показалось странным — не более странным, чем то, что я одновременно вижу близко и далеко, охватываю огромное пространство и невозможное мельтешение деталей. Не более странным, чем то, что мне открыты все стихии; что туман прекратил окутывать, а тьма — прятать; что дерево и железо, палуба, стенки и перегородки, балки, двери и поручни — все стало прозрачно, как стекло. В разуме царило смутное намерение изучить каждый пустяк, который мог нести угрозу Марджори. Но хоть сама идея была в зачаточном состоянии, механизм мышления столь быстр, что мои глаза уже видели — будто сквозь борт — лодку, выходящую из морской пещеры в утесах за Данбайской скалой. А в ней я

увидел — тем же зрением, что давало силу видеть все остальное, — семерых мужчин, в которых на взгляд определил кое-кого из описанных Марджори в туннеле. Всех, кроме одного, я оглядывал и взвешивал с полным спокойствием, но один был огромный угольно-черный негр, облика премерзкого и отталкивающего. От одного его вида у меня застыла кровь в жилах, а разум сразу переполнился ненавистью и страхом. На моих глазах лодка с невообразимой скоростью подошла к кораблю. Не то чтобы она быстро плыла — в действительности ее ход был медленным и затрудненным. Бушевали ветер и море, налетали шквалы, и волны поднимались так высоко, что корабль качало и метало во все стороны, будто детскую игрушку. Просто время для моего разума, как и расстояние, стерлось. Я поистине смотрел глазами духа со всеми его свойствами.

Лодка подошла к китобою с левого борта, и я увидел лица нескольких мужчин, подбежавших при звуке весел с другой стороны. Очевидно, они ожидали прибытия по правому борту. Лодка пристала с немалым трудом — море с каждым мигом волновалось все сильнее; мужчины один за другим полезли по трапу, исчезая за ограждением. Благодаря удивительным способностям зрения,

разума и памяти я следовал за всеми и каждым одновременно. Они наспех собрались у ворота и начали поднимать с лодки тяжелые грузы. При этом один из них, негр, то и дело старался сунуть нос в каждый, когда тот попадал на борт; и то и дело его отгоняли. Ему не давали ничего тронуть, на каждый упрек он отвечал угрюмым взором. В обычных обстоятельствах все это заняло бы немало времени, но перед моими духовными очами пронеслось с удивительной быстротой…

Я заметил, что ясность вокруг пропадает. Туман наползал на море, как я уже видел ранее вечером, и прятал детали под своим покровом. Великое пространство и корабли на нем, все чудеса морских толщ терялись в нарастающей мгле. Я обнаружил, что мои мысли, как и глаза, сосредоточились на палубе китобоя. Когда остальные не обращали внимания, огромный негр, с физиономией, перекошенной до безобразия злобной ухмылкой, прокрался в люк и пропал из виду. В усиливающемся тумане и мгле я терял способность видеть сквозь непрозрачное и материальное — меня не на шутку потрясло, что негр действительно скрылся от моих глаз. А с его уходом в моем сердце начал разрастаться страх, пока в исступлении человеческой страсти

все эфирное вокруг не поблекло и не угасло, как умирающее пламя…

Эти терзания моей души, страх за возлюбленную вырвали мой истинный дух из фантомного бытия обратно в суровую жизнь…

Я опомнился, промозгший и изъеденный волнением, на коленях рядом с мраморно-холодным, коченеющим телом Гормалы, на одиноком камне под утесом. В расщелинах над головой свистел ветер, вокруг билось бурное море, злобно налетая на черные блестящие скалы. Вокруг было так темно, что мои глаза, уже привыкшие к способности создавать свой свет, дарованной в видении, не могли проницать туман и мглу. Я попытался посмотреть на часы, но и циферблат видел смутно, не разбирал цифр на нем и боялся зажечь спичку и выдать свое присутствие. К счастью, мои часы могли отбивать часы и минуты, и я узнал, что сейчас половина второго. Следовательно, у меня оставалось еще три четверти часа, потому что я запомнил подсказку хронометра на китобое. Я знал, что у меня нет ни времени, ни возможности перенести тело Гормалы на утес — покамест; потому я перенес ее на вершину камня, подальше от отметки высоты прилива.

Почтительно и с благословением я закрыл ее

мертвые очи, все еще глядящие в небеса с каким-то потусторонним любопытством. Затем с трудом забрался по крутой тропинке и поспешил посмотреть на другую сторону гавани, чтобы найти следы похитителей или морской пещеры, где они прятали лодку. Утесы здесь были ужасно крутыми и нависали высоко над морем, не оставляя возможности лечь на краю и заглянуть вниз. А отвесные стены не расступались даже для малейшей тропинки; я не мог найти спуск вдоль теснящихся скал. Обыскать берег можно было бы только с лодки. Ближайшим местом, где ее можно было раздобыть, была небольшая гавань рядом с Баллерс-о-Бьюкен, а на это времени не хватало. Я отчаянно метался между идеями и со страшной силой жалел, что рядом нет Монтгомери или кого-нибудь еще из нашего отряда, кто знал бы, как поступить в этом положении. Я не переживал о текущем моменте, но хотел принять все предосторожности против грядущего. Я отлично понимал, что увиденное глазами покойной Гормалы — не плод воображения и не версия того, что может случиться, а мрачная картина того, что будет. И я нисколько не сомневался в ее точности. О! Если бы я только видел, что случится дальше, если бы задержался всего на несколько мгновений! Ведь

при скорости, с которой все проносилось перед мысленным взором в том странном времени, каждая секунда могла означать радость или горе всей моей жизни. Как же я стонал от сожалений и проклинал свою опрометчивость, что не смог задержаться и узнать посредством очей мертвой ведьмы истину!

Но терзаться бесполезно: чтобы спасти Марджори, нужно было действовать. Ей я еще мог помочь. Я мог спасти ее даже в одиночку, если бы попал на китобой незаметно для команды. Знал, что справлюсь, потому что все-таки умел плавать; а в качестве оружия, которого меня не лишила бы вода, у меня имелся кинжал, отнятый у дона Бернардино. Если потребуется другое, я раздобуду его в каюте по соседству с Марджори, где спит рыжебородый. Я не знал, лучше ли поискать кого-нибудь из товарищей или дождаться дона, который должен был вернуться в пределах часа после своего ухода. И все еще выбирал, когда трудность разрешил за меня сам испанец, появившись в сопровождении одного из молодых американских флотских офицеров.

Рассказав о своем видении, даже в царящей темноте я угадал, что никто из них не готов принять его точность на веру. Я чуть не вспылил, но

вспомнил, что никто не знает о моих опытах со Вторым Зрением и о самом этом явлении. Ни в Испании, ни в Америке вера в него не популярна, и я не сомневался, что им обоим показалось, будто я просто-напросто схожу с ума от волнений и страхов. Даже когда я сказал, что подкреплю свою уверенность, выплыв за Данбайскую скалу и попав на китобой раньше, чем к нему придет лодка, они не поверили. Впрочем, реакция на эту идею была типичной для каждого народа. Для высокородного испанца, чьей жизнью правили законы чести и личной ответственности, все возникавшее из благородных мотивов было достойно уважения; он не сомневался в разумности того, кто придерживается этих принципов. Однако практичный американец, хоть и равно готовый пожертвовать собой и рискнуть всем ради чести и долга, смотрел на мой план исходя из результата: приблизят ли мои действия спасение девушки. Когда испанец поднял шляпу и произнес: «Да пребудет Бог в вашем отважном начинании, сеньор, и охранит в Своей длани вашу жизнь и жизнь вашей любимой!» — американец сказал:

— Честное индейское![65] И это все? Если вам нужны только мужчина и жизнь, всегда можете рассчитывать на меня. Я тоже пловец, и к тому же молод, меня не жалко. Тут я не имею ничего против. Но корабль еще найти надо! Будь он перед нами, я бы сказал: «Рискните» — и пошел бы с вами по первому слову. Но там целое Северное море, где уместится сотня миллионов китобоев, так и не столкнувшись. Нет-нет! Я предлагаю придумать другой путь, чтобы мы помогли девушке все вместе!

Он был славным малым, и я видел, что он желает мне добра. Но спорить было бесполезно: я уже принял решение и, заверив его, что говорю серьезно, сказал, что прихвачу с собой пару шашек и постараюсь сохранить их в сухости, если представится оказия показать местонахождение китобоя. Он, в свою очередь, знал, какие сигналы давать на берегу, если покажется лодка похитителей.

Когда мы закончили с приготовлениями для предстоящего дела, мне пришло время отправляться в свое опасное путешествие. Чем сильнее

---

[65] Примечания: 65

Американское устаревшее выражение, обозначающее «право слово». Среди прочего было популяризовано в «Приключениях Тома Сойера» Марка Твена.

проявлялась моя решимость, тем больше противились мои спутники, которые, думаю, в глубине души сомневались в моей готовности. Одно дело — смутно планировать безумное приключение, хотя разум возмущался уже этому. Но на краю высокого утеса, в темноте, в тумане, плывущем снизу, когда порывы ветра загоняли его на берег, когда под ногами волны все сильнее бились о скалы со зловещим грохотом, который ломаная непоколебимость рифов превращала в рев, это уже казалось подлинным безумием. Когда мы в разрывах стены тумана замечали темную воду, яростно взбивающую прерывистые линии пены, казалось, что бросить вызов ужасам такого моря да в такой момент все равно что идти на верную смерть. Порой трепетало и мое сердце, когда я смотрел туда, где призраками тумана сливалась с тьмой узкая тропка, по которой мне предстояло вновь спуститься к телу Гормалы, или когда поднимался шум бьющейся воды, заглушенный мглой. Впрочем, моя вера в видение была крепка и, держась за нее, я мог забыть о нынешних кошмарах. Почувствовав прилив отваги благодаря крепким рукопожатиям друзей, я решительно принялся спускаться по утесу.

Последним, что мне сказал в напутствие моло-

дой моряк, было:

— Помните, если достигнете китобоя, любой проблеск намекнет нам, где вы находитесь. Как только его увидят с «Кистоуна», они займутся остальным на море, а мы — на суше. Дайте нам свет, когда придет время, — даже если придется спалить для этого корабль!

Внизу тропинки перспектива предстала совершенно ужасающей. Камни так накрывало клокочущей водой, когда на них метались волны, что порой из белой пены проступали только черные верхушки, а мгновение спустя, когда волна отступала, на том же месте оставалась огромная масса зазубренных камней, твердых и угрюмых, чернее собственной черноты, с зияющими провалами между ними и со сбегающими по бокам струями воды. За ними само море было суровым ужасом — бешенством поднимающихся волн и пенистых гребней, одетым в туман и мглу. Обрушивалась какофония звуков, смутных и грозных, — это волны сталкивались или колотили в гулких пещерах Данбая. Лишь одна только вера в видение о Марджори, явленное мне мертвыми очами Ясновидицы с западных островов, могла завести меня в этот жуткий мрак. Я разом увидел все возможные опасности и ужаснулся.

Но Вера превозмогает все; религиозная привычка, привитая мне с детства, не подвела в этот черный час. Ни один скептик, ни один маловер не смог бы пойти, как я, в неведомое, навстречу мраку и страху.

Я дождался, когда большая волна лизнет мои босые ноги. Затем с молитвой и окрыляющей мыслью «За Марджори!» я бросился в набегающую воду.

Глава LI. В морском тумане

Несколько минут я неистово боролся против прилива и набегающих волн, чтобы удалиться от скал. Меня отбрасывало, и я давился кипучей пеной, но продолжал слепо и отчаянно грести, зная, что сейчас надо только преодолеть течение и естественный подъем волн. На открытой воде стоял шум, откуда было трудно извлечь отдельный звук, но зато и туман на поверхности лежал не так густо, допуская лучшую видимость.

На море всегда более-менее светло, и даже в глухую полночь, когда луна и звезды были скрыты туманом и не было фосфоресценции, придающей воде собственное сияющее свечение, я видел неожиданно далеко. Больше всего меня как удивило, так и ободрило, что с моря я различаю сушу лучше, чем с суши различал что-либо в море. Когда я оглянулся, берег вырос темной неровной линией, непрерывной везде, не считая места, где Данбайская гавань, уходя в глубь суши, создавала разрез на фоне неба. Но рядом поднималась большая Данбайская скала, черная, исполинская; надо мной словно высилась гора.

Шел отлив, поэтому, вырвавшись из течения, несшегося к суше, я оказался на сравнительно спокойной воде. Здесь течения не было, только медленно и неощутимо прибивало к скале. Под ее прикрытием я и поплыл вперед; я берег силы как мог, зная, какое ужасное испытание еще ждет впереди. Должно быть, через десять минут — хотя казалось, что длилось бесконечно дольше, — я наконец выбрался из-за скалы и снова принялся бороться с силой внешнего течения. Волны здесь тоже были яростнее — не такие бешеные, как у берега перед тем, как разбиться, но значительно выше в подъеме и глубже в провале. Время от времени я оглядывался и видел, как за мной поднимается Данбай, хотя уже не так чудовищно, как когда я смотрел из-под его бока. Течение уже меня потянуло, и я сменил курс, вернувшись обратно в защищенную воду. Так я и крался вдоль скалы, пока не оказался вдруг в струе, где течение неистово отбивалось от утеса. Чтобы его преодолеть, потребовались все мои силы и осторожность; когда ярость течения наконец ослабла, я уже задыхался от усилий.

Но, оглядевшись здесь, где для меня открывался восток, я увидел то, что восстановило во мне всю отвагу и надежду, хотя и не уняло сердцебиение.

Поблизости, с виду — в какой-то паре сотен ярдов к северо-востоку, — стоял корабль, чьи мачты и реи выделялись на фоне неба. Я отчетливо разглядел всё, прежде чем его вновь накрыл туман.

Риск упустить его в тумане леденил больше, чем морская вода: теперь, когда мое видение было неоспоримо, все возможные печальные исходы стали для меня ужасом наяву. Тьму же я приветствовал, она обещала спрятать от чужих глаз. Я тихо подплыл и с радостью обнаружил, что приблизился к левому борту — я хорошо запомнил, как в моем видении лодка подошла к нему же, к удивлению тех, кто высматривал ее с другой стороны. Там я достаточно легко нашел веревочную лестницу и без особых проволочек встал на нее. Опасливо поднимаясь и прислушиваясь на каждом дюйме пути, я перебрался через поручень и спрятался за бочкой с водой, стоящей у мачты. В этом укрытии я огляделся и увидел, что вдоль правого борта спиной ко мне выстроились матросы. Они сосредоточились на дозоре и не подозревали о моей близости, так что я крался и скользил ко входу как можно тише. Все было знакомо, у меня было чувство полной уверенности в своих знаниях. Очи души Гормалы не упустили ничего.

В каюте я сразу же узнал и чадящую лампу, и подготовку к примитивной трапезе на столе. Осмелев, я подошел к двери, за которой, знал я, спала Марджори. Та была заперта на засов и замок, ключ отсутствовал. Засов я отодвинул, но замок меня остановил. Я боялся подымать и малейший шум и потому прошел в следующую каюту, к тюремщику. Я застал его таким же, каким наблюдал в видении, над ним висели хронометр и два тяжелых револьвера. Я тихо проскользнул внутрь — как удачно, что мне не пришлось снимать обувь, — и, потянувшись так, чтобы капля с моего промокшего исподнего не упала ненароком ему на лицо, снял оба оружия, затем опоясался их ремнем с кобурами. Поискал ключ, но нигде не нашел. Сейчас было не время и не место церемониться, поэтому с кинжалом в правой руке левой я взял негодяя за горло и сдавил так, что кровь мгновенно прилила к его лицу. Он не мог вымолвить ни звука, но машинально потянулся туда, где висели револьверы.

Я тихо прошептал:

— Бесполезно. Отдай ключ. Для меня твоя жизнь — ничто!

Он был смел и явно привык к западням. Говорить или торговаться он и не пытался, а, пока я

шептал, ухватился правой рукой за нож. Это был боуи — и владеть он им умел мастерски. Каким-то ловким движением он раскрыл лезвие, пружина сработала со щелчком. Не будь мой кинжал наготове, я бы пропал. Но я ожидал всего, и, когда он только хотел ударить, я ударил первым. Острие испанского кинжала вошло прямиком в поднятое запястье и пригвоздило врага к деревянному краю койки. Однако его левая рука вцепилась в мое запястье. Теперь он попытался освободиться из хватки, вывернувшись и яростно пытаясь впиться зубами мне в руку. Никогда еще в жизни мне не требовалось столько сил и веса. Он явно был бойцом, закаленным во множестве диких драк, и нервы у него были стальные. Я боялся отпускать рукоятку кинжала, чтобы в неистовом сопротивлении он не оторвал запястье от койки вместе с кинжалом. Теперь же я навалился на его руку правым коленом и таким образом освободил свою правую руку. Он продолжал яростно бороться. Я прекрасно знал, что речь о жизни и смерти — и не только моих, но и Марджори.

На кону была его жизнь и моя — и он заплатил за свое преступление.

Я так погрузился в схватку, что не слышал приближения лодки с его товарищами. Только когда

я, задыхаясь, распрямился, сжимая обмякшее горло трупа побелевшими от натуги пальцами, до моего сознания донеслись шум голосов и топот ног. Тогда я понял, что время больше терять нельзя. Обыскав карманы мертвеца, я нашел ключ и примерил его к замку на каюте Марджори. Когда я вошел, она вскочила; вмиг вскинулась рука от груди и была готова погрузить себе в грудь длинную стальную булавку от чепца. Мой отчаянный шепот: «Марджори, это я!» — достиг ее разума как раз вовремя, чтобы удержать руку. Она промолчала, но никогда мне не забыть того выражения радости, что озарило ее измученное бледное личико. Я приложил палец к губам, потом протянул руку ей. Она поднялась, послушная, как дитя, и пошла со мной. Я хотел было выйти из каюты, как услышал скрип тяжелой поступи по сходному трапу. Жестом я велел ей держаться сзади и, выдернув кинжал из-за пояса, встал наготове. Я знал, кто идет, но не смел применять пистолеты — разве что как последнюю меру.

Я стоял за дверью. Негр не ожидал никого, ни одного препятствия: он пришел без размышлений, только со злым умыслом. Как и вся банда похитителей, он был вооружен. На ремне через плечо, по кентуккийской моде, висело два

больших семизарядника; за поясом заткнут нож. Вдобавок из нагрудного кармана темной фланелевой рубашки, по обычаю ниггеров, торчала рукоятка бритвы. Впрочем, к оружию он не тянулся — по крайней мере, пока: он не видел никаких признаков угрозы или сопротивления. Его товарищи занялись погрузкой сокровищ и будут заняты еще много часов, помогая матросам увести корабль. Ветер рос с каждой секундой, волны поднимались так, что корабль на якоре качался, как буй в шторм. Мне в каюте приходилось держаться, иначе меня бы выбросило всем на обозрение. Но огромного негра ничего не заботило. Он был черств ко всему, а на его лице было такое порочное, дьявольское устремление, что мое сердце мрачно ожесточилось. Что там, это был не человек, которого я презирал, — я убил бы этого зверя, меньше угрызаясь совестью, чем если бы убил крысу или змею. Никогда в жизни я не видел такой злодейской рожи. В его чертах и выражении были все признаки и потенциал зла, наложенные на жестокость этой расы, отчего так и перехватывало дух. Теперь я хорошо понимал, что за ужас грозил Марджори в ее злоключениях и как эти негодяи пользовались негром, чтобы добиться ее послушания. Теперь я знал, почему

она днем и ночью держала у сердца тот стальной шип. Если бы…

Я не выдержал этой мысли. Хоть я и был рядом с ней, ее окружали враги. Мы оба по-прежнему практически были пленниками на вражеском корабле, а этот демон замыслил невыразимое зло. Я не колебался, не уклонялся от ужасной обязанности. Одним прыжком я настиг его и поразил в самое сердце — и до того верен и страшен был удар, что рукоятка ударилась о ребра со стуком дубинки. Меня в тот же миг окатило кровью. Он судорожно повалился вперед, упал без звука — да так быстро, что, если бы я не подхватил тело, испугавшись, как бы шум падения не выдал меня, он рухнул бы, как забитый телок.

Я никогда не понимал удовольствия от убийства человека. С тех пор я содрогаюсь при мысли о том, какая жаркая страсть, какое острое удовольствие могут дремать в сердце даже богобоязненного человека. Пусть между нами была вся вражда, какую только могут породить раса, страх и злодеяние, но его убийство доставило мне слишком невыразимую радость. И оно останется для меня бешеным удовольствием до самой смерти.

Я забрал все оружие, что при нем было, — два револьвера и нож; на случай если бы меня загна-

ли в угол, у меня добавилось еще четырнадцать выстрелов. Так или иначе, лучше им быть у меня, чем в руках наших врагов. Я затащил труп негра в каюту к первому мертвецу, закрыл дверь и, когда ко мне присоединилась Марджори, запер дверь ее каюты и забрал ключ. Если бы похитители что-то заподозрили, это подарило бы нам несколько лишних минут.

Марджори поднялась со мной на палубу, при виде открытого моря на ее лице проступила невыразимая радость. Мы воспользовались удачной возможностью, когда никто не смотрел — все на палубе таскали сокровища, — и скользнули за привязанную к мачте бочку. Здесь мы перевели дух. Мы оба чувствовали, что, если случится худшее, сможем сбежать раньше, чем к нам успеют прикоснуться. Всего один рывок к поручню — и готово. Они не посмели бы последовать за нами — а у нас был шанс доплыть до берега. Я передал Марджори ремень с двумя револьверами. Опоясавшись, она почувствовала себя увереннее — я понял это по тому, как она подобралась и расправила плечи.

Когда на борт подняли последний мешок с сокровищами, забравшиеся с ним люди окружили груду. Все были вооружены; я понял, что они

не доверяют здешним матросам: они то и дело поглаживали рукоятки пистолетов.

Мы услышали, как один, оглядевшись, спросил:

— А куда делся чертов ниггер? Пусть тоже работает!

Марджори держалась очень смело и очень тихо — я видел, что к ней возвращается ее выдержка. Недолго пошептавшись, новоприбывшие принялись переносить мешки вниз; работа была медленная, потому что двое всегда дежурили на палубе, а двое — видимо, с той же обязанностью — оставались внизу. Скоро неминуемо обнаружились бы тела, поэтому мы с Марджори прокрались за фок-мачту, подальше от всех. Она шла первой, но, стоило ей сдвинуться, как она отшатнулась: заметила кого-то впереди. Раздалось приглушенное «ш-ш-ш» — и она опустила оружие.

Обернувшись ко мне, она спросила слабым шепотом:

— Это испанец — что он здесь делает?

— Будь к нему добра, — прошептал я в ответ. — Он благородный человек и вел себя как рыцарь былых времен!

Пройдя вперед, я пожал ему руку.

— Как вы здесь очутились? — спросил я.

Ответ он дал так тихо, что я догадался: он изможден, если не ранен.

— Я тоже плыл. Увидев, как из северного канала выходит их лодка, я сумел спуститься на середину склона, а потом спрыгнул. К счастью, я не пострадал. Это был долгий и тяжелый заплыв, и я уж думал, что не справлюсь, но наконец меня подхватило течение и принесло к кораблю. Их якорь висит на канате, а не тросе. Я сумел по нему забраться, а очутившись на борту, подрезал.

Не успел он договорить, как корабль странно качнуло, и все матросы издали сдавленный возглас.

Канат разорвался, и нас понесло ветром и волной. Тут, почувствовал я, и пришла пора дать сигнал яхте и линкору. Я знал, что оба неподалеку; разве не это показывало уже не раз проверенное видение? Тут же вспомнились и слова молодого американца: «Дайте нам сигнал, даже если придется спалить весь корабль».

Все это время с тех пор, как я ступил на палубу, до этого самого мгновения события разворачивались с ослепительной скоростью. Все это был один сплошной немой забег, когда я отнял две жизни и спас Марджори. Прошли какие-то минуты; и, когда я огляделся в новых условиях, все как

будто находилось на прежнем месте. Словно картина, выхваченная вспышкой молнии, когда миг восприятия короче длительности кратчайшего действия и движение теряется во времени. Туман редел, в ночном воздухе снова можно было что-то разглядеть — если б было что.

Высилась большая Данбайская скала, больше ничего в стороне суши я разглядеть не мог. Пока я всматривался, вдруг разлился свет и раздалось жужжание: высоко над головой, за морским туманом, мы слабо видели огненный след ракеты.

И море сразу же ответило; вверх выстрелил широкий луч света, и мы видели его отражение в небе. Никто из нас не сказал ни слова, но мы с Марджори инстинктивно схватились за руки. Затем луч света упал на море. Но туман словно становился гуще и гуще, пока свет не растерял свою силу. По всему кораблю поднялась неразбериха. Никто не кричал, приказы отдавали шепотом, щедро сдабривая руганью. Каждый бросился на свой пост, со скрежетом поднялись натянутые паруса. Судно заскользило по воде с умноженной скоростью. Если и была возможность дать сигнал друзьям, то сейчас. Маленькие ракеты, которые я взял с собой, промокли и были бесполезны, к тому же нам все равно нечем было разжечь

огонь. Оставался только звук — и единственный звук, что разнесся бы далеко, был пистолетный выстрел. На миг я заколебался — ведь выстрел мог стоить нам жизни. Но деваться было некуда — и, дав другим знак, я бросился к корме и рядом с мачтой пальнул из револьвера. Вокруг тут же поднялся хор проклятий. Я пригнулся и побежал назад, различая во тьме, как смутные силуэты ринулись туда, где я только что был. Вокруг смыкался туман — он словно переливался через поручни. Либо мы вошли в очередную его полосу, либо ее пригнало ветром. Грохот выстрела, очевидно, докатился до линкора. Он стоял далеко, звуки еле доносились из-за шума штормящего моря, но перепутать радостные возгласы и приказы было невозможно ни с чем. Они звучали слабо и хрипло: несколько слов в рупор, потом — пронзительный свист боцманского свистка.

На нашей палубе метались туда-сюда, всюду кипела работа. Их первой целью было убраться от прожектора; теперь же они, несомненно, искали того, кто произвел предательский выстрел. Я подумывал и о других выстрелах, чтобы задержать корабль, ведь теперь каждая секунда удаляла нас от берега и погружала во власть наших врагов.

Глава LII. Рать

Я прошептал Марджори и дону Бернардино:

— Если они уйдут, все пропало! Их нужно остановить любой ценой!

Испанец кивнул, а Марджори сжала мои ладони — в словах не было нужды. Затем я определил порядок битвы. Я стреляю первый, затем — испанец, затем — Марджори, и каждый должен беречь пули, пока не будет уверен в цели. Без этой предосторожности было не обойтись из-за ограниченных боеприпасов. Мы не проверяли каморы револьверов — в этом отношении гарантию уже дал мой выстрел. Когда матросы поставили паруса и мы понеслись по воде, я понял, что даже с риском обнаружить себя мы должны снова дать сигнал, и выстрелил. Сквозь туман принесся ответный клич с «Кистоуна», а затем на нашей палубе все бросились к нам. Матросы держались поодаль, но бандиты наступали, ведя огонь. К счастью, мы находились в укрытии — я слышал свист и треск дерева, когда пули били по мачте. Я выстрелил, просто чтобы показать, что мы вооружены, и услышал резкий вскрик. Тогда они

отступили. Немного погодя они тоже составили свой план действий. Эти люди привыкли к подобным передрягам, и, зная, что в такие моменты быстрый натиск мог решить все, они не стали тянуть. Я видел, как с ними спорит один из матросов, слышал его разгневанный голос, но не мог разобрать слов.

Он показал рукой в туман, где уже четко проступило яркое пятно света: прожектор приближался. «Кистоун» нагонял.

Похититель отмахнулся от матроса и отдал пару приказов товарищам, они разошлись налево и направо от нас в поисках какого-нибудь укрытия. Я подхватил Марджори и поставил ее на бочку, привязанную за мачтой, надеясь, что после вспышки моего пистолета по-над палубой они не станут искать противника так высоко. Мы же с доном Бернардино прижались к палубе — и как раз вовремя: наши враги дали залп. В густеющем тумане, при качке, кидавшей нас, как кегли, стреляли они наугад; к счастью, никого не задело. Решив, что у меня есть шанс, я выстрелил, но не дождался отклика; затем сделали по выстрелу дон и Марджори, но в ответ не было ни звука, не считая стука пуль по дереву или железу. Затем в дело вступил наследственный инстинкт

Марджори, и она произвела два выстрела подряд: раздались обрывистый возглас и поток грязной ругани — того человека только зацепило. Они палили снова и снова, а потом я услышал позади стон дона.

— Что случилось? — прошептал я, не смея прекращать целиться и даже оглядываться.

— Рука! Заберите мой пистолет, я не могу стрелять левой.

Я протянул руку назад, и он вложил в нее револьвер. Я увидел, как по палубе мелькнул темный силуэт, выстрелил по нему — и промахнулся. Еще раз — но оружие отозвалось лишь щелчком: я израсходовал все пули. Тогда я взял другой револьвер. Яростная перестрелка длилась несколько минут. Марджори почти не стреляла, берегла пули, зато у меня, не успел я опомниться, замолчал и второй револьвер. Наши противники не были трусами, о подобных состязаниях они знали побольше нашего.

Кто-то явно вел счет выстрелам, потому как вдруг выкрикнул:

— Рано, парни! У них еще по меньшей мере три пули!

Они одновременно и быстро вернулись в укрытие.

Все это время мы стремглав летели по воде. Но позади по правому борту уже слышалось движение большого парохода. Из его труб доносился рев печей. Не замолкали боцманские свистки, туман прорезали грубые приказы. Прожектор тоже не бездействовал — мы видели его луч высоко в тумане, хотя пока он не мог прорваться к нам, чтобы показать путь впередсмотрящему на «Кистоуне». Ближе по правому борту слышался другой звук, сопровождающий маленькое судно на всех парусах. Ветер приносил резкое «шлеп-шлеп» волн по бортам и ревел в такелаже. Должно быть, за нами следовал «Спорран», сурово презрев опасность. Капитан китобоя, понимая, что его вот-вот обнаружат, налег на штурвал вправо. Сам я в темноте ничего не различал, но моряк видел и рискнул, хотя мог сесть на мель в Круден-Бей. Пройдя немного, он снова навалился на штурвал, и мы легли на другой галс; на миг нас потеряли и линкор, и яхта. Марджори умоляюще посмотрела на меня, и я кивнул в ответ: в таком положении рисковать было нельзя. Она сделала еще один выстрел. Издалека по правому борту немедленно последовал ответ в виде новых приказов в рупор и ответных свистков боцманов. Банда дала в нас залп — но, очевидно, наудачу, потому что пули

прошли далеко. Затем послышалась гневная ругань капитана и угроза: если стрельба продолжится, то он опустит паруса, пусть его поймают.

Ему ответил один из банды:

— Этот пакетбот не посмеет остановить вас внутри трехмильной зоны: это линкор Дяди Сэма, и он не рискнет задерживаться в здешней гавани, пока война не окончена.

На что первый угрюмо сказал:

— Я бы на это не ставил. К тому же кто-нибудь да нагонит! Потише там, если получится. Против нас и так накопилось немало, если нас поймают! — Ответ похитителя был практичным. Я не видел, что он сделал, но понял, что он приставил пистолет к голове капитана с грозной клятвой: — Делай, как договорились, а не то вышибу мозги на месте. Здесь против всех накопилось немало, включая тебя, и твой единственный шанс — выбираться из этой дыры. Понял?

Капитан смирился со своим положением и тихо отдал приказ сперва следовать к берегу, а потом — направо, пойдя зигзагом, как заяц.

Но вдруг этому курсу положило конец маленькое судно — китобой чуть в него не врезался, — по легкому внешнему виду я понял, что это яхта.

В ту пару секунд, когда мы шли мимо ее кормы,

я выкрикнул:

— Все в порядке, Макрэй. Мы еще целы. Они хотят сбежать в море. Постарайся передать «Кистоуну».

Ответом было ликование всей яхты.

Когда наш корабль ускользнул в туман, на нас бросилось несколько врагов. Я вернул дону Бернардино его кинжал, а сам вооружился ножом боуи. Мы приготовились на случай, если враги перейдут в рукопашную. Обстреливая нас, они подобрались почти вплотную, но мы не высовывали носа из-за мачты и не пострадали. Ближе подходить, не видя нас, они не решались, а мы выжидали. Пока мы так стояли с заходящимися от напряжения сердцами, корабль снова пошел вправо. Должно быть, нас что-то защищало, потому что мы уже не чувствовали на себе ни ветра, ни прилива.

Вдруг один из матросов сказал:

— Тихо там! Я слышу волны!

Остальные замерли и прислушались, и тут капитан выкрикнул:

— Право руля — мы идем на берег!

Корабль немедленно отозвался, и мы пошли против ветра, тут же ощутив прилив. Но тогда в тумане впереди засверкал прожектор. Мы не

успевали остановиться или сменить курс, чтобы избежать линкора, с которого бил этот луч, но капитан снова дал право руля — и мы пошли впритирку с большим военным кораблем. Я видел его башню с торчащей пушкой.

Раздался голос из рупора, и я разобрал только первые слова, как судно уже осталось позади:

— Впереди рифы!

Даже в такое время дал о себе знать инстинкт морехода — спасти другое судно от беды. Ответом нашего корабля был залп проклятий. Затем прожектор скользнул по палубе, и мы увидели всех своих врагов. Они окружили нас большим кольцом и смыкались. Увидели и они нас и с боевым кличем бросились в наступление. Я обхватил Марджори за талию и побежал с ней к носу, там поднял на поручень и сам вскочил рядом. Через миг к нам присоединился дон Бернардино, и мы увидели, как прожектор, пройдя по нам, вонзился в туман впереди. Корпус парохода уже почти затерялся во мгле, остался только слабый намек на его присутствие в виде силуэта чудовищной махины за прожектором и конца бушприта, задравшегося высоко над туманом. А впереди нас — рев воды и тот пронзительный шорох, что сопровождает откат волны, ударившейся о ска-

лы. Наш шкипер увидел опасность и принялся громогласно отдавать приказы.

Но было поздно. Когда прожектор снова мазнул по нашей палубе, я увидел, как кольцо врагов рассыпается; почти в тот же миг лучи прошли за нас, упав на торчащую из моря низкую скалу, в чьи бока бились тяжелые волны. И мы полным ходом шли на нее, подхваченные ужасной скоростью ветра и течения.

В следующий миг мы напоролись на подводный риф. Нас троих резко швырнуло вперед, в море. Я услышал позади отчаянный крик — а затем у меня над головой сомкнулись волны.

Всплыл я в бешеном приступе страха за Марджори. На поручне она сидела по левую руку от меня и, значит, упала в стороне открытого моря, не берега. Я приподнялся как мог, и огляделся, и, слава богу, увидел, как в нескольких ярдах от меня поднимаются две руки. Всеми силами я погреб к ним и смог вытянуть жену на поверхность. С нею рядом, несмотря на растущие панику и ужас, я уже мог соображать. В такие мгновения разум работает с молниеносной скоростью, и уже через секунду я пришел к единственному выводу: камень, о который мы ударились, находится среди Скейрс. А раз так, нашим единственным шансом

было держаться прилива и стараться избегать подводных рифов, о чьей смертоносности я знал так хорошо. Ведь я видел, как там нашел свою смерть Лохлейн Маклауд.

Предстояла отчаянная борьба. Вода мчалась меж скал, и даже там, где не поднимались волны, было непросто прорваться к берегу. Сам я был достаточно сильным пловцом, чтобы спастись, даже если бы пришлось обогнуть внешний риф и держать курс на самую гавань Уиннифолда. Но с Марджори на руках — с Марджори, которая только-только научилась плавать… Перспектива рисовалась страшная. Мы не могли терять ни единого шанса, и я велел жене скинуть юбки, тут же унесенные волной: так она могла плыть свободнее и во всю силу.

Яростно налетал ветер, мы чуть не захлебывались в нахлестывающих гребнях. На уровне воды света как раз хватало, чтобы видеть рифы на несколько ярдов впереди, линия берега поднималась серой непроглядной массой. В темноте и напряжении битвы с приливом я мало что мог поделать, разве что поддерживать голову Марджори и свою над водой, позволяя течению нести нас. Я по возможности избегал рифов и посвящал все силы тому, чтобы доставить нас к берегу. Не

было времени ни на страхи, ни на сомнения, ни на надежды; настал час борьбы, пусть она и казалась бесконечной.

Через несколько минут я начал выбиваться из сил — сказались тяжесть последних дней и напряжение в попытке достичь китобоя. Время от времени мелькала мысль о доне Бернардино и помогавших нам друзьях, но все они были слишком далеко. Вероятно, мне больше никогда не увидеть испанца; быть может, никому уже не увидеть нас… я впадал в летаргию отчаяния.

Яростным усилием я вернул себя к насущной задаче и упорно держался своего курса. Марджори делала что могла, но ее силы были на исходе. Она становилась смертельным грузом… Это вдохновило меня на новые старания, и я рванул так исступленно, что все-таки приблизился к суше. Здесь нам попалось что-то вроде укрытия: волны, разбиваясь о внешние рифы, теряли напор. Белые гребни, что обрушивал на нас ветер, тоже слабели. Это дарило надежду и поддерживало во мне отвагу. Я сражался — сражался — сражался — сражался. О! Неужели борьба никогда не кончится! Я стиснул зубы и яростно пробивался вперед. Я чувствовал, что приливной волной нас несет в проход между подводными рифами.

О, радость! Под ногами был берег, грубая галька, камни перекатывались и стачивались друг о друга. Волна потянула назад. Но открылось второе дыхание. Я предпринял очередное неистовое усилие и подплыл ближе к земле. Затем, увидев, как волна начинает отступать, уперся ногами и из последних сил поднял Марджори, выстаивая против отхлынувшей от берега воды. Пошатываясь на визжащей гальке, изможденный до смерти, я наконец вынес жену на пляж и уложил. Затем безжизненно повалился рядом с ее холодным телом.

Последнее, что я помню, — слабое сияние наступающего рассвета, падающее на ее мраморно-белое лицо.

Глава LIII. Из пучин

В сознание я пришел не больше чем через несколько минут, если вообще терял сознание. Скорее я сдался перед нагрузкой на нервы, мышцы и мозг, чем впал в забытье. Думаю, я все время понимал, что нахожусь у моря, что Марджори рядом и ей плохо, но не более. Я находился в кошмаре, когда осознаешь опасность, чувствуешь ужас, но поделать ничего не можешь. По крайней мере, придя в себя, я целиком осознавал свое окружение. И даже удивился, что не вижу на бледном лице Марджори тот холодный слабый блик, что видел в последний раз. Просто свет стал ярче. Песок и скалы виделись уже не черными, а невыносимо удручающими в своем единообразном сером колорите, словно превращавшем все оттенки, форму и расстояния в унылую плоскую ширму. Первым делом я, конечно, позаботился о Марджори. Поначалу я испугался, что она умерла, — такой белой она выглядела средь окружающей серости. Но ее сердце билось, грудь поднималась и опускалась в дыхании, пусть и слабом. Теперь я видел, что нас занесло в Ши-

рокую гавань, а значит, мы недалеко от моего дома. Я видел насквозь скалу Нищий через ее туннель. Тогда я взял жену на руки и понес по крутой тропинке — хотя и с превеликим трудом, изможденный, — и доставил ее в дом. Пришлось снова взломать дверь, но мне все равно никто не мог помочь или помешать. Я нашел бренди и влил ей в рот пару капель, уложил ее на одеяла, разжег камин. Сухого дрока в дровяном сарае хватало, и скоро в доме затрещал огонь. Когда Марджори наконец открыла глаза и огляделась, сознание еще не вернулось к ней полностью.

Она вообразила, что оказалась в том дне, когда мы спаслись из затопленной пещеры; протянув руки, она сказала мне с бесконечной любовью и нежностью:

— Слава богу, ты жив, любимый!

Спустя мгновение она потерла глаза и села, дико оглядываясь, как после отвратительного кошмара. Но взгляд упал на нее саму, и тут ее захлестнула волна стыда; она поспешно натянула на плечи одеяло и легла обратно. Приличия превозмогли страх. Она прикрыла на пару мгновений глаза, чтобы собраться с мыслями, а когда открыла, уже вернула себе сообразительность и память.

— Так это был не сон! Все, все по-настоящему! И я обязана тебе жизнью, дорогой, — снова! — Я поцеловал ее, и она упала на подушку со счастливым вздохом. Но уже спустя мгновение снова подскочила, вскрикнув: — Но остальные, где они? Скорей! Скорей! Поможем им, если еще успеем!

Она отчаянно озиралась вокруг. Я понял ее желание и, поспешив в другую комнату, принес охапку одежды.

Через несколько минут она присоединилась ко мне, и мы рука об руку вышли на край утеса. По пути я рассказал, что случилось после того, как она потеряла сознание в море.

Ветер теперь дул не переставая — почти буря. Море бурлило, пока огромные волны у скал не взбили все окрестности Скейрс в сплошное пенное поле. Волны под нашими ногами, ломавшиеся о подводные скалы, захлестывали берег с шумным ревом, заливая то место, где мы только что лежали. Туман развеялся, теперь было видно далеко. В нескольких милях стоял большой корабль, а на окончании Скейрс, к северу от большой скалы, где находится подводный риф, торчала сломанная мачта. Но больше ничего видно не было — не считая яхты на юге, мотавшейся под вдвойне зарифленным парусом. Море и небо

стали свинцово-серыми, а ветер гнал тяжелые тучи так низко, что они напоминали все тот же туман, но поднявшийся от воды.

Марджори не успокоилась, пока мы не перебудили всех в деревне Уиннифолд и не обошли вместе с ними все утесы, заглядывая в каждую щелочку в поисках следов тех, кто потерпел крушение с нами. Но все тщетно.

Мы послали конного в Кром с письмом, потому что знали, как ужасно должна волноваться миссис Джек. В невероятно короткий срок добрая дама уже была с нами, качала Марджори в объятиях, заходясь то в плаче, то в смехе.

Наконец она вызвала из деревни экипаж и объявила нам:

— А теперь, дорогие мои, нам лучше вернуться в Кром, чтобы вы пришли в себя после всего пережитого.

Марджори подошла ко мне и, взяв меня за руку и взглянув на свою пожилую гувернантку с любовью, произнесла с глубоким чувством:

— Вы лучше поезжайте, дорогая, и все для нас приготовьте. А я больше никогда не покину мужа по своей воле!

Шторм бушевал весь день напролет, и сильнее, и страшнее с каждым часом. На другой день он

пошел на убыль, пока наконец ветер не улегся, — и тогда уже только волны намекали на то, что было. Затем море стало возвращать мертвых. На берегу от Уиннифолда до Олд-Слейнс находили матросов — предположительно, с «Вильгельмины», — а в Круден-Бей выбросило тела двух похитителей, ужасно искалеченные. Остальных моряков и бандитов так и не нашли. Спаслись ли они каким-то чудом или сгинули в море, наверное, уже не узнает никто.

Самой странной была находка дона Бернардино. Тело отважного испанского джентльмена вымыло на берег за скалой Лорд Нельсон, напротив входа в ту самую пещеру, где его благородный предок спрятал сокровища папы. Словно само море почтило его преданность и уложило его рядом с его Поручением. Когда война закончилась, мы с Марджори проследили, чтобы тело вернули в Испанию и погребли рядом с предками. Мы писали запрос короне; и, хотя официального ответа нам не дали, в то же время никто не возражал против того, чтобы мы подняли золотую фигуру святого Кристобаля, отлитую Бенвенуто для папы римского. Теперь она стоит на могиле испанца в церкви Святого Кристобаля в далекой Кастилии.

Приложения

Приложение А

В первом издании труда «Две книги Фрэнсиса Бэкона о достоинствах и приумножении наук, божественных и человеческих», напечатанном в 1605 году в Лондоне, автор лишь вкратце упоминает свой двухбуквенный шифр. Рассуждая о шифрах в целом (книга II), он говорит:

> «Но добродетели их, где они желательны, есть три: дабы не трудоемко читать и писать их было; дабы их было невозможно расшифровать; дабы не вызывали они подозрения. Высшая ступень — писать OMNIA PER OMNIA[66], что, несомненно, возможно, влагая внутренний текст во внешний в соотношении самое большее один к пяти, безо всяких иных ограничений».

Лишь через восемнадцать лет он разъяснит общественности этот «внутренний» текст. В на редкость красивом издании труда, напечатан-

---

[66] Примечания: 66
Всё через всё (*лат.*).

ном Хэвилендом на латыни в Лондоне в 1623 году, пассаж о тайнописи уже становится гораздо подробнее. Да и весь труд во многом завершеннее и больше, о чем гласит уже его название: De Dignitate et Augmentis Scientiarum. Libros IX[67].

Далее следует его дополненное объяснение:

> Ut vero suspicio omnis absit, aliud Juventum subijciemus, quod certe, cum Adolescentuli
> essemus Parisiis, excogitavimus; nec etiam adhuc visa vobis res digna est, quae pereat. Habet enim gradum Ciphrae altissimum; nimirum ut *Omnia per Omnia* significari possint: ita tamen, ut Scriptis quae involuitut, quintuplo minor sit, quam ea cui involvatur: Alia nulla omnino requiritur Conditio, aut Restrictio. Id hoc modo fiet. Primo, universae literae Alphabeti in duas tantummodo Literas soluantur, per Transpositionem earum. Nam Transpositis duarum Literarum, per Locos quinque, Differentiis triginta duabus, multo magis viginti quatuor (qui est Numerus Alphabeti apud nos) sufficiet.

---

[67] Примечания: 67

О достоинстве и приумножении наук. Девять книг (*лат.*).

Huius *Alphabeti.* Exemplum tale est.

«Но чтобы помочь избежать вообще всякого подозрения, мы приведем еще одно средство, изобретенное нами в ранней юности, в бытность нашу в Париже; даже сейчас, как нам кажется, это изобретение не потеряло своего значения и не заслуживает забвения. Ибо оно представляет собой высшую ступень совершенства шифра, давая возможность выражать всё через всё (omnia per omnia). Единственным условием при этом оказывается то, что внутреннее письмо должно быть хотя бы в пять раз меньше внешнего; никаких других условий или ограничений не существует. Вот как это происходит. Прежде всего все буквы алфавита выражаются только двумя буквами путем их перестановки. Перестановки из двух букв по пяти позициям дадут нам тридцать два различных сочетания, что более чем достаточно для замещения двадцати четырех букв, из которых состоит наш алфавит. Вот пример такого алфавита».

A	B	C	D
aaaaa	aaaab	aaaba	aaabb
E	F	G	H
aabaa	aabab	aabba	aabbb
N	O	P	Q
abbaa	abbab	abbba	abbbb
W	X	Y	Z
babaa	babab	babba	babbb
I	K	L	M
abaaa	abaab	ababa	ababb
R	S	T	V
baaaa	baaab	baaba	baabb

Между прочим, это изобретение приводит нас к чрезвычайно важным выводам. Ведь из него вытекает способ, благодаря которому с помощью любых объектов, доступных зрению или слуху, мы можем выражать и передавать на любое расстояние наши мысли, если только эти объекты способны выражать хотя бы два различия. Такими средствами могут быть звук колоколов или ро́га, пламя, звуки пушечных выстрелов и т. п.

Но возвратимся к нашему изложению. Когда вы приметесь писать, то внутреннее письмо следует написать с помощью такого двухбуквенного алфавита. Допустим, что внутреннее письмо будет следующего содержания:

FLY («БЕГИ»)

Вот пример такого написания:

F	L	Y
aabab	ababa	babba

Здесь нужно иметь наготове другой, двойной алфавит, состоящий из букв обычного алфавита, как заглавных, так и строчных, изображенных двумя произвольно выбранными шрифтами (которые каждый может выбрать по своему усмотрению).

[Например, прямой и курсивный шрифты: «a» — прямой, а «b» — курсивный.]

Затем, написав внутреннее письмо двухбуквенным алфавитом, нужно приложить к нему, буква к букве, внешнее письмо, написанное двойным алфавитом, и потом расшифровать. Пусть внешним письмом будет Do not go till I come («Оставайся на месте, пока я не приду»).

DO NOT GO TILL I COME

Пример такого приспособления[68]:

F	L	Y
aabab	ababa	babba
DO*NOT*	G*O*T*I*L	*LICOM—E*
do not	go till	I come

По датам может почти что показаться, словно Бэкон рассматривал вопрос чисто умозрительно и вывел из воспоминаний о юности метод секретной коммуникации, на практике не применявшийся. Спеддинг в своей книге «Фрэнсис Бэкон и его времена» (Francis Bacon and his Times) упоминает, что Бэкон мог почерпнуть намек на двухбуквенный шифр в труде Джамбаттисты делла Порты De occultis literarum notis («О тайной записи отдельных букв»), переизданном в Страсбурге в 1606 году, но впервые напечатанном еще в молодости Порты. Однако из некоторых свидетельств следует, что Бэкон пользовался

[68] Примечания: 68
По пер. Н. Федорова.

своим особым шифром много лет. Леди Бэкон, мать философа, писала о нем в 1593 году сыну Энтони, старшему брату Фрэнсиса: «Я не понимаю его загадочного внутреннего текста». Более того, возможно, уже много лет назад он пытался применять свое изобретение на пользу государству. Его век был веком тайнописи. Каждому послу приходилось слать зашифрованные депеши, ведь только так — и то не всегда — он мог уберечь их от врагов. Так же писались тысячи страниц отчетов королю Филиппу от дона Бернардино де Мендосы, испанского посла при дворе королевы Елизаветы до времен Армады; стонущие под тяжестью по́лки архивов в Симанкасе свидетельствуют о подобном труде политиков, их шпионов и секретарей. Такой амбициозный юнец, как Фрэнсис Бэкон, — сын лорда — хранителя печати, а потому благодаря традиции и родословной связанный с королевским двором, кого Елизавета уже в младенчестве звала своим «юным лордом — хранителем печати»; кто с шестнадцати до восемнадцати лет находился на службе у английского посла в Париже, сэра Эмиаса Паулета, — наверняка постоянно сталкивался с потребностью в шифре, отвечавшем тем самым условиям, которые он назвал главными в 1605

году: незамысловатость, надежность, отсутствие подозрительности. Когда в письме своему дяде лорду Бёрли от 16 сентября 1580 года он предлагал особые услуги королеве, вполне возможно, что он желал стать шифровальщиком Ее Величества. Но то письмо, хоть за ним 18 октября того же года и последовало более требовательное, осталось безответным. Какими бы ни были мотив и цель этих посланий, они не покидали мыслей Бэкона, поскольку одиннадцать лет спустя мы снова видим в его письме лорду Бёрли: «Я всегда хотел служить Ее Величеству», и еще раз: «Отчасти мною движет скудость моих средств». В промежутке, 25 августа 1585 года, он писал сэру Фрэнсису Уолсингему, главному секретарю королевы: «Если же я этого не добьюся, вынужден буду вернуться к практике (в адвокатуру) не из финансовых потребностей, а ради репутации, которая, боюсь, может обветшать от долгого бездействия». Его брат Энтони провел бóльшую часть жизни за границей — предположительно, в тайных миссиях, — и, поскольку Фрэнсис получал от него послания, они, вне всяких сомнений, шифровались «внутренним» текстом, что так озадачивал их мать и применялся для надежности и секретности переписки. До какой степени

отточен двухбуквенный метод Бэконом и его корреспондентами, видно по невероятно подробным различиям символов «a» и «b» в описании из De Augmentis 1623 года и далее. В издании, выпущенном Питером Меттайером в Париже на латыни в следующем, 1624 году, эти различия — по всей видимости, из-за несовершенства печати — настолько мизерны, что читатель, даже изучая представленные символы с дополнительной подсказкой в виде заголовков, найдет почти невозможным их разобрать. Например, варианты символа «n» для «a» и «b» даже при продолжительном изучении выглядят одинаково.

Отметим, что Бэкон в описании шифра обращает внимание и на его бесконечные возможности и вариации. Послание может доноситься упорядоченным повторением любых двух символов в не более чем пяти комбинациях одного или обоих. С тем же успехом можно применять не только буквы, но и цвета, звон колоколов, выстрелы из пушек или другие звуки. Возможно задействовать все органы чувств в бесконечных комбинациях.

И заодно отметим, что уже при первом упоминании системы в 1605 году Бэкон говорит: «…несомненно, возможно, влагая внутренний

текст во внешний в соотношении самое большее один к пяти».

«Самое большее один к пяти»! Но в примерах системы, что он приводит восемнадцать лет спустя, когда, вероятно, его пора тайнописи в деловой переписке подошла к концу и он, уже достигнув высшей должности восседающего на мешке с овечьей шерстью[69], мог спокойно взирать на тех, кто пытается что-то скрыть, при условии, конечно, что скрываются не взятки, — дается только один метод: пять внешних букв на каждую внутреннюю. В дальнейшем и более подробном периоде он говорит еще об одном необходимом условии: «Внутреннее письмо должно быть хотя бы в пять раз меньше внешнего…»

Даже в его примере Do not go till I come есть лишняя буква — последняя «е», словно он желал ввести читателя в заблуждение как намеком, так и прямым утверждением.

Возможно ли, что Бэкон решил не доводить до совершенства свой чудесный шифр? Поверим ли мы, что тот, кто открыто с самого начала говорил «самое большее один к пяти», довольствовался столь высоким числом внешних букв, когда мог

---

[69] Примечания: 69
На мешке с шерстью традиционно восседает лорд-канцлер.

обойтись и меньшим? Его же последнее условие превосходного шифра — а именно «не вызывать подозрения» — нарушается бóльшим числом символов, чем необходимо. Из-за повтора символов и раскрывают тайнопись, а в шифре, где символы обращены к глазам, уху, прикосновению или вкусу, а потому более заметны, шансы обнаружения только возрастают. Значит, нет сомнений, что он не остановился в своих исследованиях и изобретениях, покуда не довел шифр до наименьшего измерения, а затем по какой-то причине пытался отвлечь учеников от своих прежних утверждений. В дальнейшем, вероятно, еще будет доказано, что в переписке с друзьями он пользовался не одной вариацией и не одним сокращением своего двухбуквенного шифра. Когда станут известны секреты «писания», которые, по словам мистера У. Дж. Торпа в его примечательной книге «Тайные жизни Шекспира и Бэкона» (The Hidden Lives of Shakespeare and Bacon), Бэкон держал в своем кабинете в Туикенем-Парк, мы наверняка узнаем больше. Но в одном, однако, мы можем быть уверены: Бэкон не оставил свои интересные исследования и смена «самое большее один к пяти» в 1605 году на «хотя бы один к пяти» в 1623-м предназначалась для некоего

умолчания или введения в заблуждение, нежели для ограничения первоначальных возможностей его великого изобретения. Однажды интересной темой для теорий и исследований станет вопрос, для чего применялся его двухбуквенный шифр между 1605-м и 1623-м и что он желал скрыть.

То, что оригинальный шифр можно сократить, налицо. Пятерного двухбуквенного шифра существует тридцать две комбинации. В елизаветинском алфавите, как отмечает сам Бэкон, было только двадцать четыре буквы, и некоторые возможности сокращения представляются сами собой, раз с самого начала не задействовалась целая четверть символов.

Приложение B. О сокращении числа символов в двухбуквенном шифре Бэкона

Изучив тексты — как с цифрами, так и с точками, — я нашел заметные повторения групп символов, но ни одна комбинация не повторялась достаточно часто. В цифровом шифре класс повторений казался заметнее. Впрочем, возможно, это оттого, что и сами символы были проще и более мне знакомы, а потому и догадки проверялись легче. Было возможно, что оба текста — лишь вариации одной системы. Я бессознательно взялся за простую форму — цифры — и очень долго и утомительно читал их слева направо, задом наперед, по вертикали, вычитал, складывал, умножал и делил, но безо всякого удовлетворительного результата. Ободряло только, что, когда я получил сложением восьмерки и девятки, они часто повторялись. Впрочем, как я ни бился, вывести из этого внятный результат я так и не смог.

В отчаянии вернувшись к тексту с точками, я нашел этот метод еще утомительнее, поскольку

при ближайшем изучении отчетливо видел признаки шифра, но ни его тип, ни метод прочтения понять не мог. Большинство букв были помечены — вообще-то проще было найти буквы без точек. Приглядевшись еще ближе, я обнаружил, что точки расположены тремя разными способами: а) в теле самой буквы, б) над буквой, в) под нею. В теле буквы никогда не встречалось больше одной отметины, но вот тех, что выше и ниже, могло быть и одна, и две. Некоторые буквы помечались одной точкой в теле; другие, с точкой в теле или нет, не помечались ни сверху, ни снизу. Таким образом, во всех трех категориях наблюдалось полное разнообразие форм. Единственное, о чем мне то и дело говорило чутье, — крайне редко буквы помечались и наверху, и внизу. Наконец я умозаключил, что пока мне лучше оставить попытки расшифровки и самому попробовать разработать шифр — в духе бэконовского двухбуквенного, который в конце концов в чем-то да совпадет с внешними условиями одного или обоих у меня на руках.

Но у бэконовского двухбуквенного в том виде, в каком он предлагается в Novum Organum («Новом Органоне»), в каждом случае пять символов. Поскольку повторов групп по пять я не видел, я

взялся за задачу сократить бэконовскую систему до меньшего числа символов — что мне уже удавалось в прошлом.

Я часами перебирал способы сокращения, с каждым разом все ближе подбираясь к непревзойденной простоте, пока наконец не почувствовал, что освоил принцип в совершенстве.

Возьмем бэконовский двухбуквенный шифр, как он сам его описывал, и устраним все повторы из четырех или пяти одинаковых знаков: *aaaaa, aaaab, abbbb, baaaa, bbbba, bbbbb*. Так остается полный алфавит с двумя дополнительными символами для точек, повторов, заглавных букв и так далее. Впрочем, сей метод удаления не позволяет сократить само число использованных символов — их все равно требуется по пять внешних на каждую внутреннюю букву. Следовательно, нужно попробовать другой процесс сокращения, затрагивающий разнообразие символов без связи с числом повторов каждого, вплоть до пяти.

Следовательно, берем бэконовский двухбуквенный и ставим напротив каждой группы требуемое число символов. Первый, *aaaaa*, требует всего одного — «a»; второй, *aaaab*, — двух, «a» и «b»; третий, *aaaba*, — трех, «a», «b» и «a»; и так далее. Таким образом мы найдем, что 11-й (*ababa*)

и 22-й (*babab*) требуют пяти символов, а 6, 10, 12, 14, 19, 21, 23 и 27-й — четырех. Следовательно, если устранить эти двухбуквенные комбинации, требующие четырех-пяти символов, — всего числом их десять, — у нас все равно останется двадцать две комбинации, требующие не более двух добавок к первоначальной букве. Сопоставим их с алфавитом — и шифр готов.

Если, следовательно, разработать средство выражения определенного числа повторов вплоть до пяти и если сократить наш алфавит до двадцати двух букв, мы разом сведем двухбуквенный шифр до трех символов вместо пяти.

Последнее дается достаточно просто: некоторые буквы применяются так редко, что их можно смело сгруппировать по две. Взять, к примеру, «x» и «z». В современной английской печати там, где буква «e» применяется семьдесят раз, «x» применяется всего три раза, а «z» — два. Опять же, «k» применяется всего шесть раз, «q» — всего три. Следовательно, вполне можно объединить «k» и «q», «x» и «z». Такое уменьшение елизаветинского алфавита оставит всего двадцать две буквы — столько же, сколько есть комбинаций двухбуквенного шифра после сокращения. И далее: «w» — это лишь дубль-«v», а значит, можно

выделить себе особый символ, обозначающий повтор той или иной буквы, будь то в слове или на стыке двух разных слов. Так мы заодно придадим шифру бóльшую гибкость, снижая шансы обнаружения.

Что до выражения числовых значений, прибавленных к каждому символу «a» и «b» из дополненного двухбуквенного шифра, то это само по себе цифровой шифр. Нам нужно представить два символа с пятью значениями каждый — четыре вдобавок к изначальному, — поэтому берем цифры от одного до десяти (где десять, конечно же, можно представить в виде 0). Пусть нечетные цифры означают «a»:

$$a = 1$$
$$aa = 3$$
$$aaa = 5$$
$$aaaa = 7$$
$$aaaaa = 9 —$$

а четные цифры означают «b»:

$$b = 2$$
$$bb = 4$$
$$bbb = 6$$
$$bbbb = 8$$
$$bbbbb = 0$$

И затем? Эврика! У нас есть двухбуквенный шифр, где каждую букву обозначают одна, две или три цифры; таким образом пять символов бэконовского изобретения сводятся к не более чем трем.

Разумеется, применив фантазию, можно без особого труда придумать множество вариаций этой схемы.

Приложение C. Сокращение Бэконовского двухбуквенного шифра до трех символов на примере цифрового шифра

Расставим выбранные символы двухбуквенного шифра, как они представлены у Бэкона:

aaaaa
aaaab

и т. д.

Затем поставим напротив каждой комбинации число из четных и нечетных цифр, выражающих цифровые значения символов «a» и «b».

Таким образом, aaaaa будет 9
aaaab будет 72
aaaba будет 521 —

и так далее. Затем расставим их по возрастанию. Так мы получим: 0, 9, 18, 27, 36, 45, 54, 63,

72, 81, 125, 143, 161, 216, 234, 252, 323, 341, 414, 432, 521, 612. Анализ показывает, что из этих групп две — однозначные, восемь — двузначные и двенадцать — трехзначные. Рассмотрев последнюю группу — символы в трехзначных числах, — мы увидим, что если сложить их составляющие, то те, где в начале и конце стоят четные цифры, дают только девятку, а те, где в начале и конце стоят только нечетные, дают только восьмерку. Противоречий, вызывавших бы путаницу, нет.

Чтобы алфавит соответствовал этому шифру, самый простой план — приберечь один символ (первый же — 0) для обозначения повтора буквы. Это не только увеличит наши возможности, но и поможет сбить со следа расшифровщиков. В выборе нуля как символа для повтора есть и особая цель: было бы странно начинать цифровой шифр с нуля, если бы он применялся в комбинациях цифр, обозначающих букву.

Другие цифры и их комбинации оставим исключительно для алфавита. Затем возьмем из них следующие пять (от 9 до 45) для обозначения гласных. Прочий алфавит следует в обычном порядке с использованием комбинаций вплоть до тройных, сперва — те, где в конце и начале стоят четные, дающие при сложении девятку, а

когда они кончатся — остальные, с нечетными в начале и конце, дающие восьмерку.

Задействуя этот план, каждую букву слова можно перевести в конкретные и отличающиеся цифры, чьи последовательности еще больше озадачат пытливый взгляд, если рассыпать по шифру любые другие цифры. Тот, кто возьмется за расшифровку, легко найдет и вычеркнет эти добавки, попросту складывая четные и нечетные или применив ключ. Шифр столь рационален и точен, что для любого, кому известен его принцип, составить ключ — дело нескольких минут.

В ходе работы меня немало ободряли определенные сходства или совпадения, связывающие мою новую конструкцию с существующим шифром из сундука. Наткнувшись на суммы, дающие восьмерки и девятки, как составной элемент некоторых символов, я понял, что я на верном пути. По завершении работы я возликовал, твердо зная, что разгадка в моих руках.

Приложение D. О применении цифрового шифра к тексту, написанному точками

Теперь я поставил перед собой задачу расставить точки в печатной книге так, чтобы точным и простым образом воспроизвести двухбуквенный шифр. У меня, конечно, уже имелась подсказка, или руководящий принцип, в виде комбинаций цифр и символов «a» и «b», представляющих алфавит. А значит, несложно допустить, чтобы «a» обозначалась чистой буквой, а «b» — буквой с отметкой. Эту отметку можно ставить в любой части буквы. Здесь я обратился к самому тексту и обнаружил, что, хотя некоторые буквы помечены точкой посередине или где-то в теле, налицо некая организация и в тех, что помечены точками сверху или внизу. «Так почему бы не использовать для различий между „a“ и „b“ само тело буквы, а верх и низ — для цифр?» — спросил я себя.

Легче сказать, чем сделать. Я тут же взялся перебирать разные способы обозначения цифр отметками или точками вверху и внизу. Нако-

нец остановился на следующем как на самом простом.

Чтобы показать, сколько раз повторяется буква в символе, требуется только четыре цифры — 2, 3, 4, 5, ведь после уже проведенного устранения десяти вариаций из оригинального бэконовского шифра букву обозначают только три добавки. Следовательно, пусть отметки наверху обозначают четные цифры 2 и 4 (одна отметка — 2, две отметки — 4), а отметки внизу обозначают нечетные 3 и 5 (одна отметка — 3, две отметки — 5).

Таким образом, ааааа станет

или любой другой буквой с двумя точками внизу, *aaaab* станет «äb» или любыми другими буквами с подобными отметинами. Любая нетронутая буква — «a», любая буква с отметкой в теле — «b», и на этом шифр готов для применения в любом печатном или рукописном тексте. Как и с цифровым шифром, повторы могут обозначаться символом, который в этой вариации эквивалентен десятке-нулю. Им станет любая буква с одной точкой в теле и двумя — под ней.

Чтобы усложнить распознавание, там, где две

отметки даются внизу или наверху буквы, отметка в теле (обозначающая «b») может стоять в другом конце тела буквы от них. Это не вызовет путаницу у подготовленного расшифровщика, но собьет с пути любопытствующих.

Я закончил шифр на вышеприведенной основе и приступил к расшифровке с ликованием в душе — я чувствовал, что, стоит исправить нестыковки между моей системой и системой автора из прошлого, останется только расшифровать текст.

Следующие таблицы иллюстрируют создание и работу — как шифровку, так и расшифровку — дополненного двухбуквенного шифра Фрэнсиса Бэкона.

ШИФР ДЛЯ ЦИФР И ТОЧЕК

Ч (ЧИСТЫЕ) — это нетронутые буквы	Т (ТОЧКА) — это буква с точкой в ее теле
Одна точка — (.) наверху (в — верх) = 2	Одна точка — (.) внизу (н — низ) = 3
Две точки — (..) наверху (в) = 4	Две точки — (..) внизу (н) = 5

БЭКОНОВСКИЙ ШИФР		ЧИСЛО ТРЕБУЕМЫХ СИМВОЛОВ	ЦИФРОВОЙ ШИФР / ЦИФРОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СИМВОЛОВ	АЛФАВИТ	ТОЧЕЧНЫЙ ШИФР
A — 1 —	aaaaa	— 1 —	9	— A	— Ч..Н
B — 2 —	aaaab	— 2 —	7.2	— D	— Ч..В — Т
C — 3 —	aaaba	— 3 —	5.2.1	— Y	— Ч.Н — Т — Ч
D — 4 —	aaabb	— 2 —	5.4	— B	— Ч.Н — Т.В
E — 5 —	aabaa	— 3 —	3.2.3	— T	— Ч.В — Т — Ч.В
F — 6 —	aabab	— 4 —	3.2.1.2		
G — 7 —	aabba	— 3 —	3.4.1	— X.Z.	— Ч.В — Т.В — Ч
H — 8 —	aabbb	— 2 —	3.6	— O	— Ч.В — Т.Н
I — 9 —	abaaa	— 3 —	1.2.5	— P	— Ч — Т — Ч.Н
K — 10 —	abaab	— 4 —	1.3.3.2		
L — 11 —	ababa	— 5 —	1.2.1.2.1		
M — 12 —	ababb	— 4 —	1.2.1.4		
N — 13 —	abbaa	— 3 —	1.4.3	— R	— Ч — Т.В — Ч.В
O — 14 —	abbab	— 4 —	1.4.1.2		
P — 15 —	abbba	— 3 —	1.6.1	— S	— Ч — Т.Н — Ч
Q — 16 —	abbbb	— 2 —	1.8	— E	— Ч — Ч..В
R — 17 —	baaaa	— 2 —	2.7	— I	— Т — Ч..В
S — 18 —	baaab	— 3 —	2.5.2	— K.Q.	— Т — Ч.Н — Т
T — 19 —	baaba	— 4 —	2.3.2.1		
V — 20 —	baabb	— 3 —	2.3.4	— H	— Т — Ч.В — Т.В
W — 21 —	babaa	— 4 —	2.1.2.3		

X — 22 —	babab	— 5 —	2.1.2.1.2		
Y — 23 —	babba	— 4 —	2.1.4.1		
Z — 24 —	babbb	— 3 —	2.1.6	— G	— Т — Ч — Т.Н
25 —		— 2 —	4.5	— U.V	— Т.В — Ч.Н
26 —		— 3 —	4.3.2	— М	— Т.В — Ч.В — Т
27 —	bbaba	— 4 —	4.1.2.1		
28 —	bbabb	— 3 —	4.1.4	— L	— Т.В — Ч — Т.В
29 —	bbbaa	— 2 —	6.3	— С	— Т.Н — Ч.В
30 —	bbbab	— 3 —	6.1.2	— N	— Т.Н — Ч — Т
31 —	bbbba	— 2 —	8.1	— F	— Т..В — Ч
32 —	bbbbb	— 1 —	9	— повтор	— Т..Н

ПРИМЕЧАНИЕ: когда внизу или вверху буквы стоит две точки, точку в теле буквы, обозначающую «b», можно ставить на другом конце. Это поможет запутать постороннего, не смутив опытного расшифровщика.

КЛЮЧ К ЦИФРОВОМУ ШИФРУ

Разделить суммы по восьмеркам и девяткам. Так, если вставлены дополнительные цифры, их можно будет заметить и вычеркнуть.

ШИФР			РАСШИФРОВКА		
A	=	9	0	=	повтор буквы
B	=	54	125	=	P
C	=	63	143	=	R
D	=	72	161	=	S
E	=	18	18	=	E
F	=	81	216	=	G
G	=	216	234	=	H
H	=	234	252	=	K или Q
I	=	27	27	=	I
K или Q	=	252	323	=	T
L	=	414	341	=	X или Z
M	=	432	36	=	O
N	=	612	414	=	L
O	=	36	432	=	M
P	=	125	45	=	U или V
R	=	143	521	=	Y
S	=	161	54	=	B
T	=	323	612	=	N
U или V	=	45	63	=	C
X или Z	=	341	72	=	D
Y	=	521	81	=	F
ПОВТОР	=	0	9	=	A

ПАЛЬЦЕВЫЙ ШИФР

Принцип тот же, что и в цифровом.

ПРАВАЯ рука, начиная с большого пальца, обозначает НЕЧЕТНЫЕ цифры.

ЛЕВАЯ рука, начиная с большого пальца, обозначает ЧЕТНЫЕ цифры.

КЛЮЧ К ТОЧЕЧНОМУ ШИФРУ

КЛЮЧ К ТОЧЕЧНОМУ ШИФРУ

Ч — чистая буква

Т — точка посередине или в противоположном конце там, где есть две точки наверху или внизу

. — точка

н — низ буквы

в — верх буквы

ШИФР			РАСШИФРОВКА		
A	=	Ч..н	Ч — Т — Ч.н	=	P
B	=	Ч.н — Т.в	Ч — Т.в — Ч.в	=	R
C	=	Т.н — Ч.в	Ч — Т..в —	=	E
D	=	Ч..в — Т	Ч — Т.н — Ч	=	S
E	=	Ч — Т..в	Ч.в — Т — Ч	=	X или Z
F	=	Т..в — Ч	Ч.в — Т.н	=	O
G	=	Т — Ч — Т.н	Ч..в — Т	=	D
H	=	Т — Ч.н — Т.в	Ч.н — Т	=	H
I	=	Т — Ч..в	Ч.н — Т — Ч	=	Y
K или Q	=	Т — Ч.н — Т	Ч.н — Т.в	=	B
L	=	Т.в — Ч — Т	Ч..н	=	A
M	=	Т.в — Ч.в — Т	Т — Ч — Т.н	=	G
N	=	Т.н — Ч — Т	Т — Ч.н — Т.в	=	H
O	=	Ч.в — Т.н	Т — Ч..в	=	I
P	=	Ч — Т — Ч.в	Т — Ч.н — Т	=	K или Q
R	=	Ч — Т.в — Ч.в	Т.в — Ч — Т	=	L
S	=	Ч — Т.н — Ч	Т.в — Ч.в — Т	=	M
T	=	Ч.в — Т — Ч.в	Т.в — Ч.н	=	U или V
U или V	=	Т.в — Ч.н	Т..в — Ч	=	F
X или Z	=	Ч.в — Т.в — Ч	Т.н — Ч — Т	=	N
Y	=	Ч.н — Т — Ч	Т.н — Ч.в	=	C
ПОВТОР	=	Т..н (W = повтор U)	Т..н	=	ПОВТОР (W)

Памятка

С каждой строчкой начинайте заново.

Пропускайте точки как знаки препинания.

Пропускайте заглавные буквы или неважные слова.

K и Q, U и V, X и Z — это одна буква.

Памятка

С каждой строчкой начинайте заново.

Пропускайте точки как знаки препинания.

Пропускайте заглавные буквы или неважные слова.

K и Q, U и V, X и Z — это одна буква.

Приложение Е. Стр. — . Повесть Бернардино де Эскобана, рыцаря Креста Святого Престола, испанского гранда

Когда мой родич, далее испанским кардиналом именуемый, узнал о моем приезде в Рим согласно его тайному указанию, он послал за мной, чтобы призвать в Ватикан. Я немедля отправился и нашел, что, хотя с виду мой родственник состарился, своего доброго расположения ко мне он не изменил ни на йоту. Он тотчас перешел к делу, по коему меня вызвал, отложив на потом разговоры о родине и семье, дорогих нам обоим, и предварил свою речь уверением — необязательным, настаивал я, — что не вызвал бы меня в столь долгое странствие во времена, когда во мне так нуждаются родина и Его Католическое Величество, не будь строжайшей необходимости в моем пребывании в Риме. Дело он объяснил, всячески предвосхищая мое незнание, так ясно и с таким любезным учетом моих потребностей, что я не мог не подивиться его мастерству.

Сразу же упомянувши о стремлении короля вернуть Англию в лоно Истинной Церкви, он дал

понять, что великое желание Его Святейшества заключается во всяческом тому способствовании. Для того он пожелал уделить огромные сокровища, накопленные за многие годы. «Но, — сказал мой родич с такой широкой улыбкой, какую только дозволяла его должность, — здесь, в папской курии, короля представляет тот, кто, несомненно являясь ревностным и преданным слугой Его Величества, не имеет должных конфиденциальности и щепетильности, самоотверженности и дисциплины мышления, присущих идеальному послу. Он уже много раз и во многом, слишком многим и в слишком многих странах говорил о Его Святейшестве такое, чего, даже будь оно правдой — а это не так, — на высокой должности посла лучше не говорить. Тем более в миссии, где он желает добиться того, чему обыденный мир придает великую ценность. Граф де Оливарес говорил свободно и не зная удержу, дескать, святой отец не торопится передавать большие суммы денег Его Католическому Величеству ввиду своего скопидомства, алчности, мелкодушия и прочих низменных качеств, какие, будучи повсеместными у черни, пятнают имя наместника Господа на земле! Да, — продолжил родич, увидев, что мой ужас граничит с сомнением, — поверь, в подлин-

ности всего сказанного я уверен. У Рима много глаз, его уши слышат далеко. Папа и его кардиналы не жалуются на нехватку помощников по всему свету. Мало что может случиться в христианском мире — и за его пределами, — что потом втайне не перескажут в Ватикане. Мне известно, что граф де Оливарес не только делился своим мнением о святом отце со светскими друзьями, но и не гнушался повторить его своему государю в официальных депешах. Его Святейшество опечален, что его можно столь превратно понять, и опечален еще боле тем, что Его Католическое Величество без смущения читает подобные наветы. Посему в достижении своих секретных целей он прибег к мерам в обход короля Испании. Ему прекрасно известна высокая цель Его Католического Величества, твоего государя, возвернуть Англию к Истинной Вере; однако ж слишком растревожен он недавними заявлениями государя касаемо назначения епископов. Римский престол есть наивысший епископат Земли, и только его епископу волей самого Господа дана власть надо всеми земными епископатами. „И на сем камне Я создам Церковь Мою“[70]. Его Святейшество уже

[70] Примечания: 70
Евангелие от Матфея 16: 18.

сулил миллион крон в помощь великому начинанию Армады и дал слово передать его королю, когда его предприятие — в конце концов, прежде всего к расширению своих владений направленное — начнет приносить плоды. Но граф де Оливарес одним лишь словом недоволен — словом, напомню, самого Божьего наместника — и требует пуще прежнего немедленной выплаты не только обещанной суммы, но и других. Теперь он требует еще миллион крон. Причем пред самим Его Святейшеством держит себя так, словно отказ оскорбителен для него и его государя. Посему Его Святейшество, приватно посовещавшись со мной как с другом — такой чести он меня удостоил, — порешил, что, разумеется, сдержит свое обещание помощи до последней буквы и немало присовокупит вдобавок, однако распорядится великим сокровищем, уже заготовленным для английского предприятия, по-своему. Сделав мне честь и спросившись моего совета, кому вверить сие высокое начинание, — и прибавив к тому, что выбор обязательно падает на испанца, дабы впредь не говорили, будто начинание Армады не имело его полного благословения и поддержки, — он принял мою рекомендацию, что сего высочайшего доверия ты заслуживаешь боле

других. О тебе я рассказал, что не только знаю тебя с детства и не нахожу в тебе изъяна, но и что ты происходишь из рода, облеченного честью с мавританских времен».

Многое еще, дети мои, пересказал мой родич из своих советов Его Святейшеству, до того удовлетворивших его, что он послал за мной, дабы собственными глазами увериться, что я за человек. Затем мой родич добавил, что уже сообщил Его Святейшеству, как я способствую Великой армаде. Как я обещал королю целиком снаряженный корабль с матросами и солдатами из нашей древней Кастилии; да как Его Величество до того был доволен, не встречая прежде таких предложений, что обещал: нести моему судну флаг Кастильской флотилии. А также повелел назвать корабль «Сан-Кристобаль» в честь моего святого заступника и чтобы носовая фигура первой принесла из моей провинции в английские воды лик Христов. Так эта мысль тронула Его Святейшество, что он воскликнул: «Добрый человек! Добрый испанец! Добрый христианин! Я лично распоряжусь о фигуре для „Сан-Кристобаля“. Когда явится дон де Эскобан, он ее получит».

Таким образом поставив меня обо всем в известность, мой родич ненадолго удалился, дабы

устроить аудиенцию с папой. Вскоре он поспешно вернулся и сказал, что святой отец желает видеть меня без отлагательств. Я вошел, разрываясь между страхом и ликованием от столь высокой чести для столь недостойного меня. Но когда я предстал перед Его Святейшеством и преклонил колено, он благословил меня и поднял сам. А когда позволил, я посмотрел ему в лицо. Тогда святой отец обернулся к испанскому кардиналу и сказал: «Вы ничуть не ошиблись, брат мой. Се человек, кому я могу доверять безоговорочно».

Вот так, дети мои, он пригласил меня сесть подле себя и долго — боле двух часов — рассказывал о своем пожелании. И, о дети мои, слышали бы вы мудрые слова этого великого и доброго человека. Таким он был сведущим в делах мирских вдобавок к своей христианской мудрости, что словно бы ничего не упускал в рассуждениях; ничего не было слишком малым в мотивах и путях людских, что оказалось бы вне его внимания и понимания. Он с большой откровенностью изложил свой взгляд на положение. Все это время мой родич улыбался и кивал в одобрении; и я преисполнился великой гордостью, что человек моей крови так близок к Его Святейшеству. Святой отец поведал: хоть война — прискорбная необ-

ходимость, какую он, будучи земным монархом, вынужден понимать и принимать, бесконечно больше он предпочитает мирные пути — и, более того, верит в них. По его мудрым словам, «логика пушки, пусть она и громче, говорит не так убедительно, как логика жизни от рассвета до заката». Когда позже он присовокупил к этому убеждению, что «звон монет говорит громче их обоих», я сгоряча не сдержался и возразил. Тогда он прервался и, строго посмотрев на меня, спросил, умею ли я давать мзду. На что я ответил, что до сих пор как не давал, так и не брал сам. Тогда он с дружеской улыбкой положил мне руку на плечо и произнес: «Друг мой святой Эскобан, то есть две вещи, не одна; и, хотя брать мзду непростительно, давать ее с высочайшего указа есть лишь долг, как воинский долг не считается убийством, чем считался бы иначе». Подняв руку, чтобы прервать мои возражения, он молвил: «Я знаю, что ты скажешь: „Горе тому человеку, через которого соблазн приходит“[71]; но эти доводы, друг мой, в моем ведении, как и ответственность — вся моя. В своем деле ты будешь прощен за исполнение моих повелений. Ты отправишься в

[71] Примечания: 71
От Матфея 18: 7.

стан врага — в страну, что есть неприкрытый и заклятый враг Святой Церкви, что не знает веры и чести. Неисчислимы пути богоугодного дела. Достаточно того, что Он допустил методы недостойные и порочные, и таковые мы употребим в Его целях. Ты же, дон де Эскобан, не знай ни терзаний, ни стыда. Ты находишься под защитой моих приказов!» Затем, когда я склонил голову в признании его воли, он продолжил разъяснения. Сказано было, что на высоких местах в Англии многие открыто торгуют своими знаниями или властью, и стоит им принять плату, как ради собственной репутации и даже безопасности они вынуждены будут споспешествовать нашему делу. «Эти англичане, — произнес он, — есть язычники, и сказано в языческие времена о нашем Святом городе: Omnia Romae venalia sunt![72]». Тогда вспомнились мне годы задолго до моей бытности в парижском посольстве, когда мальчишка из британского посольства, показывая мне шифр внутренней тайнописи, как раз тогда до совершенства им доведенный, для примера написал: Omnia Britaniae venalia sunt[73]. И далее

---

[72] Примечания: 72
В Риме все продается! (*лат.*)

[73] Примечания: 73
В Британии все продается (*лат.*).

вспомнилось, как мы развили и отточили шифр, пребывая вместе в Туре. Его Святейшество сказал, что в великие времена следует раздавать услуги щедрою рукою, но нет и не может быть времени более великого, чем предшествующее возвращению великой страны, уже начинающей править морями, в лоно Церкви. «Для чего, — молвил он, — вверяю тебе сокровища такой величины, какой еще ни одна страна не видала. Дары верных его зародили и расширили, плоды множества побед — приумножили. Только одну клятву возьму я с тебя, и самым торжественным образом, какой только известен Церкви: чтобы сокровище это применялось единственно для той цели, какой предназначено, — распространение Истинной Веры. Принесет оно, разумеется, и Испанскому королевству честь и славу, чтобы во все времена мир знал, как Римский престол полагается на начинание Великой армады! А ежели то великое начинание пойдет прахом из-за грехов человеческих, ты или те, кто переймет Поручение после тебя, коль нас самих уже не будет в мире живых, да передадут с моего благословения сокровище в распоряжение того монарха, что взойдет тогда на испанский престол».

Затем он перешел к подробностям и назвал

полную стоимость сокровища. Да как оно будет передано мне в руки и когда; и как его употреблять, когда Армада высадится на английских брегах. Да как мне распорядиться им в случае самому, коли не прикажут доверить его другому. Ежели мне пришлось бы передать сокровище, право на него должно подтверждаться письмом и кольцом, кое понтифик извлек из кошеля — где держит и кольцо рыбака, каким запечатывает все указы, — и позволил разглядеть его подробно, чтобы распознать при случае. Все эти подробности сейчас не имеют значения для вас, дети мои, ибо время их полезности миновало; но, как прежде, важно уберечь сокровище и наконец вручить королю Испании.

Затем Его Святейшество завел речь о моем судне. Он обещался прислать мне в скором времени подобающую носовую фигуру, отлитую для его собственного галеаса великим Бенвенуто Челлини и им самим благословленную. Обещал он мне и моим индульгенцию, которая будет храниться в тайных архивах курии. Вновь благословил меня и в напутствие одарил медальоном святого Кристобаля, из-за коего вкупе с уделенной мне честью я выходил словно паря по воздуху.

По возвращении в Испанию я навестил кора-

бельную верфь в Сан-Лукаре, где уже вовсю шла стройка «Сан-Кристобаля». Я условился со старшим кораблестроителем устроить в сердце галеона тайную камеру, обшитую тиковым деревом из Индии и стальными пластинами укрепленную, да с замком на железной двери, подобным тому, что Педро Венецианец уже сладил для сундука короля. По моему предложению и благодаря его сноровке тайную камеру расположили в таком месте и с такой невзрачностью, что никто, кроме посвященных, не заметил бы ее наличия или даже самого существования. Находилась она как бы в колодце, со всех сторон тиковым деревом и сталью окруженном, без какого-либо прохода под палубой, и открывавшемся лишь сверху, из моей каюты в середине галеона. Для того люди поодиночке и артелями вызывались с других верфей так, чтобы никто из них не знал больше той доли работы, что выполнял сам. За исключением лишь тех из гильдий, кто уже давно доказал свою благонадежность праведной жизнью и молчанием.

Когда завершалось оснащение Непобедимой армады (нарушая порядок событий), в сию секретную полость под моим призором ночной порой, втайне погрузили огромное сокровище, ранее тайно же переданное посланцами Его

Святейшества. Я самолично провел опись и пересчет, учитывая чеканное золото по стоимости в кронах и дублонах, а золото и серебро в слитках — по весу. Отдельно мной был составлен список бесчисленных драгоценных камней, как украшенных резьбой, так и инкрустировавших изделия из золота и серебра работы известных мастеров. Составил я список и отдельных камней, коих было превеликое множество всех форм и размеров. Последние я уточнил по виду и числу, выделяя описаниями камни редких размера и чистоты. Тот реестр я заверил подписью и отправил папе с его посланцами, уточнив, что впредь согласно поручению Его Святейшества распоряжусь ими, как он повелит, либо отдам в руки тем, кому он сочтет нужным, где бы и когда бы они ни взошли ко мне на борт и при условии, что приказ Его Святейшества будет подкреплен кольцом с орлом.

Перед отплытием «Сан-Кристобаля» из Сан-Лукара прибыл груз немалого размера из Рима — кораблем папы, чтобы все корсары, кроме турок и безбожников, уважили флаг и воздержались от разграбления, — с носовой фигурой для галеона, как и обещал предоставить Его Святейшество. К ней присовокуплялась запечатанная

депеша, наказавшая открыть груз втайне и распорядиться его содержимым с помощью лишь тех, кому я доверяю безоглядно, поскольку оно не знает равных в ценности. Ко всему прочему, ее отлил Бенвенуто Челлини, золотых дел мастер, за чьи шедевры состязались короли со всех концов земли. Пожелание Его Святейшества было таково, чтобы по обращении Англии в Истинную Веру — миром либо силой — сию фигуру святого Кристобаля воздвигли над главным алтарем Вестминстерского собора, где она будет во веки вечные служить символом заботы папы о благополучии душ его английских детей.

Я открыл ящик в присутствии только немногих избранных, и нас воистину сразили красота и богатство вверенной нам драгоценности — а никак иначе ее было не назвать. Великая фигура святого Кристобаля была позолоченного серебра, и металл был такой толщины, что внутренняя полость отдавалась нежным звоном от прикосновения, будто звенел колокольчик. Зато фигура младенца Христа на его плече была целиком из чистого золота. При виде ее все присутствующие пали на колени от благодарности за столь высокое доверие и от красоты сего дара Божественному Величию. Поистине, доброта папы и

истовость его художника не знали границ, ибо шла с носовой фигурой ее малая копия — брошь из золота. Вся наша флотилия знала, что носовую фигуру святого Кристобаля прислал сам папа, и когда наше судно шло мимо галеонов, и хольков, и паташей, и галеасов Армады, всюду срывались шляпы и преклонялись колена. Мы обошлись без крещения галеона, ибо в носовой фигуре уже было благословение святого отца, охватывавшее все вокруг.

Никто на борту «Сан-Кристобаля» не знал о существовании сокровища, лишь капитаны галеонов, и хольков, и паташей, и галеасов Кастильской флотилии, кому я доверил секрет (хотя не имя дарителя и не суть или существование самого Поручения), дабы, ежели со мной случится беда, все не пропало бы из-за неведения. И позвольте сказать, к их чести, что мое доверие не предали до самого конца; впрочем, знай они о размере сокровища, все могло быть иначе, человек что воск пред лицем любостяжания.

Сам я отбывал в путь со смешанными чувствами: мое тело, непривычное к морю, вело великую битву с душой, истово верившей в наше начинание. Спустя многие дни штормов и испытаний после того, как мы вышли из Лиссабона и пока мы

не нашли убежище в Ла-Корунье, казалось, наша участь предрешена. Ибо буйство ветра и волн не утихало и даже самые сведущие в обычаях и чудесах пучин клялись, что еще не знали ненастья, столь претящего кораблям. Воистину, то время, хотя составлявшее меньше трех недель, тянулось столь долго, как не вообразить человеку на суше.

Проведя в гавани Ла-Коруньи свыше четырех утомительных недель, мы предприняли необходимую починку. «Сан-Кристобаль» набирал воду носом, и следовало найти тому причину и устранить ее. Возможно, все дело было в том, что в Сан-Лукаре нос оставили незавершенным для будущего наилучшего устроения фигуры, и потому некий мелкий изъян разросся от напряжения досок во время затянувшегося шторма. Работу поручили бортовым корабельщикам — шведам и прочим северянам, бывшим опытными конопатчиками ввиду своего опыта починки кораблей, страдающих в их бурных морях. Одному из их числа я, как и все прочие на борту, доверял мало и уволил бы его вовсе, не будь он проворным и бесстрашным мореходом, который при любом волнении моря участвовал в рифлении парусов и занимался прочей опасной морской работой. Был он русским финном и, как все эти безбожники,

обладал потусторонними злыми силами, или же они ему причислялись. Ведь известно, что финны умеют каким-то тайным и дьявольским путем высасывать или как-то иначе забирать силу у древесины, и через это многие гордые корабли отправились в пучины морские. Этот финн, именем Олгареф, был известным конопатчиком и вместе с другими свесился на веревке с носа, чтобы залатать разошедшиеся швы. Я сделал своим долгом присутствовать при этом, поскольку у меня не шли из мыслей человеческое любостяжание и неисчислимая ценность папского дара. Я не сомневался, что ни один испанец или христианин не наложит кощунственные руки на священную фигуру нашего Господа или несущего его доброго святого, и до сих пор их уважение было столь велико, что никто бы на это просто не осмелился. Но безбожника подобное не заботит, и я опасался, как бы не возбудилось его подозрение. Мои страхи оправдались. Склонившись над поручнем, я увидел, как он касается Христа и святого, словно тот же дьявольский инстинкт, что научил его злодейски обращаться с досками судна, привил ему и понимание металлов. Затем он на моих глазах, не ведая о моем наблюдении, легонько постучал молотком по обоим металлам,

издавшим звук, какой невозможно не узнать. Своей пробой он остался доволен и вернулся к работе с паклей с возобновленным усердием. Впредь в нашу бытность в Ла-Корунье я устроил так, чтобы на носу «Сан-Кристобаля» днем и ночью стоял часовой. В день, когда восемь тысяч солдат и матросов, хвала Господу, исповедались братьям на острове в гавани, где архиепископ Сантьяго поставил алтари — поскольку своего епископа у Армады не имелось, — я боялся, что Олгареф через невнимание оставшихся на борту предпримет похищение драгоценного дара. Однако он был настороже и вел себя безобидно, чем на время обезоружил мое подозрение.

22 июля, после военного совета на королевском галеоне с участием адмиралов флота, наша флотилия, ожидавшая приказов в гавани Ла-Коруньи вместе с флотилией Андалусии, флотилией Гипускоа и флотилией Охеды, наконец подняла паруса и отправилась навстречу нашей великой цели.

Воистину казалось, что все силы моря и ветров сплотились против нас; через какие-то три дня хорошей погоды нас ждали штили, туманы и ураган, каких еще не видели в месяц Льва. Волны вздымались до самых до небес, и некоторые об-

рушивались на корабли нашего флота, причиняя тяжелый ущерб, какой нельзя восполнить в море. В том шторме смыло всю кормовую галерею нашего галеона, и лишь по милости Всевышнего нас не потопила проделанная брешь. С наступлением дня мы увидели, что пропали сорок кораблей Армады. В тот день великий и отважный мореход, адмирал дон Педро де Вальдес, презрев опасность и рискуя жизнью, спас мою, когда меня унесло за борт могучим морем. В благодарность я передал ему то, что ценил среди своего имущества превыше всего: медальон святого Кристобаля, подаренный папой.

Затем нас целую неделю терзал враг, коий, держась поодаль, благодаря превосходству в артиллерии причинял неисчислимый ущерб; нашим плотникам и ныряльщикам то и дело приходилось закупоривать пробоины над и под водой деревянными и свинцовыми заплатами.

В последний день июля на нас обрушились сразу два бедствия, и в обоих принял участие наш галеон. Первое постигло корабль «Сан-Сальвадор» флотилии адмирала Мигеля де Окендо через дьявольский замысел немецкого оружейника, коий в отместку за наказание, назначенное ему капитаном Прейгом, после выстрела из своего

орудия бросил зажженный пальник в бочку с порохом, взорвав две кормовые палубы и башню и убив свыше двухсот человек. Там же находился главный казначей Хуан де Хуэрта с немалой долей королевских сокровищ, и потому требовалось спасти судно от устремившегося к нему врага. Герцог, выстрелив из сигнальной пушки и приказав флотилии следовать за ним, встал борт о борт с кораблем — к смятению англичан, отваженных от столь лакомой добычи. По возвращении пострадавшего корабля на свое место в строю стряслось второе бедствие: под фок-мачтой флагманского «Нуэстра Сеньора дель Розарио» дона Педро де Вальдеса провалилась палуба, отчего та рухнула на грот. Волнение на море не давало взять судно на буксир; герцог приказал капитану Охеде встать на страже с нашими паташами, вице-флагманом дона Педро «Сан-Франциско» и нашим «Сан-Кристобалем». Также на галеоне должны были приладить канат для буксира, но тут опустилась ночь, и советник командующего флотом Диего Флорес мудро запретил такому числу кораблей отделяться от Армады, чтобы не потерять и их. Так мы распрощались с доблестным мореходом доном Педро де Вальдесом.

Тем же вечером задул ветер, заволновалось

море, и пострадавший корабль адмирала Окендо грозил затонуть; тогда главный адмирал, узнав об этом, отдал нам приказ забрать к себе на борт матросов, солдат и сокровища короля: говорилось, что Армада перевозила полмиллиона крон Его Католического Величества в слитках и монетах. Стояла кромешная тьма, когда мы увидели сигнал после того, как флагман убавил паруса, — два фонаря на корме и один на такелаже, по которым правила путь флотилия. Грозно сияли фонари над темными вздымающимися водами, кои то и дело ломались волнами так, что дорожки света местами разрывались, словно никогда не воссоединятся. Но наши мореходы ответили на зов, и вскоре у бортов покачивались лодки и блестели клинки в свете фонарей — им в помощь зажгли боевые прожекторы. Одна за другой уносились они во тьму. Ждать их возвращения пришлось долго — бурное море пресекло начинание на корню. Но незадолго до полудня следующего дня они отправились вновь и в несколько ходок доставили множество людей и большой груз тяжелых сундуков, которые были размещены под оружейной и стереглись денно и нощно. Это причиняло множество тревог сеньору де лас Аласу, переживавшему, что матросы и, хуже того, иностранцы

знали, какие сокровища находятся на борту.

Затем мы исполнили свой боевой долг в сражении между нашей Армадой и флотилиями Дрейка и лорда-адмирала Говарда, а также Джона Хокинса, теснивших нас с таким исступлением, что мы уж подумали, на их стороне воюет сам дьявол. Наконец милостью Божьей вражеский флагман оказался почти у нас в руках, оставшись без управления среди наших кораблей. Но к нему поспешили весельные лодки с сопровождающих судов и оттянули прочь, тогда как штиль воспретил погоню. Затем нас — и весь христианский мир — едва не постигло страшное несчастье, когда ядро ударило нам в нос и так ослабило крепежи драгоценной носовой фигуры, что она едва не рухнула в море. Но святой Кристобаль не оставил нас без присмотра, и вскоре мы затащили ее на борт и закрепили канатами. Фигуру накрыли паклей, мешковиной и скрыли, чтобы никто не обнаружил секрета ее великой ценности. Покончив с этим, мы снова ринулись в бой, поскольку наша скорость требовалась для погони вместе с португальским «Сан-Хуаном» за вражеским флагманом, бегущим от нашей атаки. Английские корабли, пусть и уступали в размере, были быстры, как наши, и легче в маневрах, и с

их преимуществом рулевого управления мы едва успели встать на нужный галс, как они уже унеслись на всех парусах. Зато это избавило нас от большой беды, ибо, когда Армада встала на якорь у Кале, мы, придя среди последних, остались на краю флота. Потому-то, когда воскресной ночью 7 августа англичане пустили с попутным ветром и приливом на Армаду брандеры и многим большим кораблям пришлось в панике бросать или даже срезать якоря, мы встали под парус со всей должной осмотрительностью и последовали на север согласно приказу герцога.

У Ньюкасла мы увидели, что английские корабли бросили погоню, и так поняли, что они истощили боезапас. Затем, не сворачивая с северного курса, чтобы, обогнув Шотландию и Ирландию, вновь прийти к Испании, мы принялись пересчитывать и зализывать свои раны. Мы представляли собой поистине жалкое зрелище: долгий, затяжной шторм и бои открыли бреши и корабль начерпал ужасно много воды. Поскольку мы были быстрейшим судном во флоте, наш галеон и «Тринидад» из нашей флотилии обогнали остальных и взяли на восток, хотя и не сильно, а затем на север, и вот так оказались 11 августа у побережья Абердина. Море подуспокоилось, и

волны, хотя были выше, чем мы рассчитывали, все же ослабли в сравнении с прошлыми. Здесь, в песчаной бухте у Бьюкен-Несс, мы бросили якорь и приступили к ремонту.

Оба судна серьезно пострадали и требовали ремонта с килеванием, будь это возможно. Но в северных широтах, где даже летом моря приходят в исступление так быстро, нам это было не дано. Нашему сопровождающему, «Тринидаду», хотя он и пребывал в плачевном состоянии, все же пришлось не так худо, как нам; пошли страхи, что коль не восполнить ущерб, нанесенный штормом и врагом, то быть беде. И все же на починку рассчитывать никак не приходилось. Погода портилась, а кроме того, скоро бы показался враг. От одного из наших чужеземных матросов — шотландца, тайком навестившего Абердин, — мы узнали, что королева Елизавета выслала быстрый паташ, чтобы прочесать в поисках следов Армады все северное побережье. Хотя мы были на двух галеонах, мы опасались этой встречи: наши боезапасы были истощены, а пороховой склад опустел. Ядер для схватки, какую любили навязать упрямые англичане, не хватало. Более того, по обычаю местных островитян, тронь одного — соберутся на выручку все остальные,

а значит, прогреми хоть одна наша пушка — и немного погодя на берегу будет целая армия, а на море — флотилия. Так мне пришлось с горечью задуматься, как лучше защитить вверенное сокровище. Угоди оно в лапы врагов, случилось бы худшее, а события уже складывались так плачевно, что этого приходилось опасаться всерьез. Следовательно, воззвавши к Небесам, чей клад я стерег, я поискал поблизости тайник, к коему мог бы прибегнуть в случае, если угроза возникнет раньше, чем мы безбедно отойдем от берега. Мастера сказали, что на завершение ремонта уйдет два дня, самое большее — три, и в первый я взял маленькую шлюпку и двух доверенных мореходов из своего ближайшего окружения и отплыл исследовать окрестности, где царило подлинное запустение. Мелкую бухту, в чьем устье мы встали на якорь из-за большой глубины в приливы и отливы, окружали из конца в конец высокие песчаные дюны, не считая выступов, где прочные рифы виднелись даже в прилив, а при низкой воде обнаруживали всю свою свирепость. Вначале мы подошли к северной стороне, но скоро отказались от своих намерений: хоть там и были глубокие расщелины, где всегда стояло большое волнение, одни уже очертания скал и

суши над ними не вселяли надежду на подходящий тайник.

Но на южной стороне дело обстояло иначе. В стародавние времена здесь были землетрясения, и теперь осталось множество маленьких бухточек, все — скалистые и опасные, прятавшиеся меж выступающих скал непреодолимой высоты. На множестве покрытых водорослями камней, растущих из моря, кричали стаи диких птиц; меж ними росли без счета невидимые, если только от них не отливали волны, пики, и прилив там налетал с удивительным течением, смертельно опасным. Здесь мы, не раз и не два чуть не перевернувшись, прошли вдоль подводных скал и наконец сыскали требуемое место. Я записал для вашего сведения его местонахождение и все подробности, какие могут пригодиться во исполнение вашего долга. Пещера та великая, на южной стороне залива, о многих проходах и глухих тупиках, а лучше всего отвечало моим требованиям то, что найти путь в нее непросто ввиду небольшого размера и редкой ее скрытности. Я приготовился к перевозке сокровищ, замечая для себя все условия и доводя замысел до совершенства. Прежде я оставил матросов в лодке, велев ожидать на случай в них потребности, и

потому никто из них, как бы я им ни доверял, не узнал о найденной пещере. Когда мы вернулись на галеон, уже наступила ночь.

Затем, после тайного совещания с адмиралом, я посетил капитана «Тринидада» и заручился его разрешением взять той же ночью его лодку и экипаж для особого тайного поручения. Мне думалось, что в этом плане лучше не принимать участия никому из нашей команды, быть может уже заподозрившей груз на борту. То был совет моего родича, адмирала де лас Аласа. С наступлением ночи он распорядился на «Сан-Кристобале» так, чтобы во время нашего отплытия вахтенные на палубе или галереях ничего не заметили — их отослали вниз. На палубе остался только сам капитан.

Мы совершили несколько путешествий меж кораблем и берегом, перенося наш весомый груз на галечный пляж. Караульных не выставляли, поскольку бояться было некого. В последнюю голову мы забрали большую носовую фигуру из золота и серебра, отлитую Бенвенуто и папой благословленную, и доставили на берег ко всему прочему. Затем шлюпка отчалила на «Тринидад». Забравшись на скалу, я дождался, когда на палубе сверкнет фонарь в знак ее возвращения.

Наконец подошла лодка моего собственного судна с тремя верными людьми, как было условлено; в молчании мы перенесли сокровища в пещеру. Но тут нас немало переполошил выстрел из аркебузы с одного из кораблей в бухте. Мы поспешили подняться на скалы и огляделись в темноте, как могли. Но все было спокойно: что бы ни случилось, оно уже закончилось. Под покровом тьмы, когда сошла вода, мы спрятали сокровища в дальнем проходе, оставив бóльшую часть в мелководье. В этой дальней пещере стены стояли отвесно, кроме единственной в конце, с большой каменной ступенью. На нее мы водрузили образ святого Кристобаля, ведь негоже святому простираться на боку. Вода в той пещере подымается неуклонно и молчаливо, поскольку скалы не допускают внутрь грохот волн. Местами она забирается так высоко, что побеспокоила нас на обратном пути. Мои избранные моряки, прежде чем отплыть от берега, принесли торжественную клятву на статуе святого Кристобаля, подаренной папой, что никогда не раскроют деяния сей ночи.

Еще до рассвета, в этих широтах наступающего рано, мы уже были на борту корабля и тихо разошлись по каютам, чтобы никто, знавший о нашем

отсутствии, не догадался, когда мы вернулись.

Утро принесло только новые заботы. Мне доложили, что ночью вахтенный видел, как от корабля плывет человек, и выстрелил из аркебузы. В темноте он не видел, достигла ли пуля цели. Я ничего не сказал о своих подозрениях, но позже выяснил, что пропал русский финн Олгареф. Тогда я догадался, что он, что-то заподозрив, проследил за нами и, коль еще жив, может знать и о входе в пещеру.

Весь день я провел в раздумьях, как быть, и наконец решился. На мне лежал священный долг оберегать сокровище. Я должен найти Олгарефа, если он достиг берега, и убить его, коли потребуется, сохранив секрет пещеры любой ценой. Посему, о дети мои, вы видите, как тяжко Поручение папы, каких крайностей неукоснительно требует ото всех, кто его выполняет.

В течение дня я втайне приготовился к своей вылазке. В небольшую лодку на борту я принес несколько бочонков пороха — раздобыть их было весьма непросто, до того уж опустел наш пороховой склад, и лишь знание адмирала о важности моего Поручения и силе моей потребности убедили его расстаться и с этой малостью. Ввечеру я самолично доплыл до берега и с аркебузой в руках

осмотрел в поисках финна множество выступов и тайных ниш. Часами я искал, обшаривая каждую щелочку, но Олгарефа не видел и следа. Наконец я бросил поиски и пришел к пещере, чтобы завершить задуманное. Запалив лампу, я прошел по мелководью у входа, что тянется вглубь под большою нависающей скалой, покоящейся на двух каменных махинах по обе руки. Я терпеливо брел во время отлива петляющими коридорами; свет лампы отражали черный камень — ошую и красный — одесную. Поворачивая направо, я знал, что сей час увижу перед собой золотую фигуру святого Кристобаля. Но тут я добрался до конца прохода и на миг оцепенел от ужаса. Фигура уже не стояла на широкой каменной полке, как была поставлена, а лежала одним концом на каком-то предмете в воде. Подняв лампу повыше, я увидел, что это не что иное, как тело Олгарефа.

Негодяй таки сбежал с галеона и втайне проследил за нами, найдя пещеру. Он забрался на скальную полку и в намерении похитить драгоценную фигуру потянул ее на себя; при падении вес золота, из которого отлит Христос, убил его. Очевидно, он не знал о других сокровищах и стремился лишь к тому, что видел. Готовясь запечатать вход в пещеру до той поры, когда я

смогу вернуться, я не тревожил покойника, так и оставив его под святым ликом, коего он смел коснуться своей кощунственной рукой.

Коль сокровищам не суждено найтись до самого Судного дня, непросто ему будет выбраться из положения, которое сам и навлек злым деянием себе на голову.

Уходил я с печалью в сердце; затем, чтобы сберечь папские сокровища, установил бочонки с порохом так, чтобы добиться наибольшего разрушения. Завалив их тяжелыми камнями, я запалил длинный фитиль, удалился и стал ждать.

Наконец свершилось. С грохотом множества орудий, пусть и приглушенным, заряд рванул, и с великим клубом белого дыма, поднявшимся высоко в небо вместе с камнями и с землей, с сотрясением великой каменной громады, отдавшимся словно даже там, где дожидался я, вся передняя часть пещеры рухнула. Затем белое облако опустилось и уплыло по-над травой, лишь темный разреженный пар висел там несколько минут. Когда развеялся и он, я приблизился и увидел, что огромные каменные столбы опрокинуты и вход засыпан множеством валунов, не оставивших от пещеры и следа. Даже ведущий в нее канал завалило камнями, как и не бывало.

Тогда я вздохнул полной грудью, ибо на время папское сокровище было в безопасности — заперто в пещере в недрах земли, где в свое время я или моя кровь еще найдет его, пусть и с трудом.

На «Сан-Кристобаль» я вернулся в потемках, и мой родич, адмирал, сообщил, что уже ходят слухи, будто бы я отправлялся прятать клад. Посовещавшись, той же ночью мы, дабы сгладить подозрения, сделали вид, будто переносим на «Тринидад» большой груз, но подняв при этом шум, чтобы происходящее видели солдаты и матросы и разнесли молву о нашей затее.

Наутро показалась Армада — все, что от нее осталось; и, влившись в нее, мы начали мрачное путешествие через штормы, бури, испытания и утраты множества наших великих кораблей у негостеприимного берега Ирландии и лишь многие дни спустя наконец вновь очутились в Испании.

Впоследствии, переживая, как бы не было обнаружено папское сокровище, я втайне вернулся в Абердин, где в тяжелом северном климате и после множества мытарств меня и свалила болезнь, изнуряя теперь мои силы.

Где и как найти секрет, о том я поведал в тайнописи, спрятанной в особом месте, приложивши к

ней и точную карту. Все это я описал, чтобы ты, мой сын, и вы, все мои дети, кому может понадобиться долго и много трудиться во исполнение Поручения, знали свое прошлое.

Письма и бумаги эти, коль скоро я не вернусь из здешних диких краев, передаст вам тот, чьей доброте я имею причину доверять и кто поклялся доставить их в ваше распоряжение. Vale[74].

Бернардино де Эскобан

[74] Примечания: 74
Прощайте (*лат.*).

Послесловие переводчика

Открывая роман под названием «Тайна Моря», ожидаешь найти романтику о морских приключениях, кладах, пиратах и тому подобном, а учитывая, что автор — Брэм Стокер, то с обязательной примесью готики и мистики. И все это в книге действительно есть — но может она предложить и сюрпризы тем, кто знаком со Стокером главным образом благодаря «Дракуле».

Что, впрочем, было бы неудивительно — «Дракула» в принципе затмил все прочие двенадцать книг и множество рассказов писателя, расположенных в разных частях жанровых спектров готики и романтики. Роман «Тайна Моря» вышел в 1902 году, через пять лет после «Дракулы», и, продолжая отдельные мотивы, был тепло принят публикой того времени: критики отмечали красоту языка, хотя признавали и избыточность мелодрамы, и экстравагантность остросюжетных поворотов. И так уже на время выхода к книге приклеился ярлык, воплощенный в словах одного критика: «Это причудливая эпатажная история, какие ни один из современных авто-

ров не пишет лучше, чем мистер Брэм Стокер». То есть роман сразу стал считаться «типичным Стокером» в тени сенсационного «Дракулы», и во многом поэтому ему до сих пор уделяют меньше внимания.

В «Тайне Моря» рассказывается об Арчибальде Хантере, молодом юристе, часто навещающем шотландское побережье в Абердиншире. Герой во многом автобиографичен — сам Стокер (на тот момент пятидесятилетний) часто приезжал в эти места по работе. Там же он в 1901 году повстречал странную старуху, судя по всему — готового персонажа готического романа: таинственную, с местным экзотичным акцентом, считавшуюся ведьмой. Эта встреча легла в основу рассказа «Ясновидица» (The Seer), а этот рассказ, в свою очередь, разросся до романа, вышедшего через год.

В «Тайне Моря», которую условно можно поделить на три части, первая отвечает всем ожиданиям от Стокера: мрачная природа с суровыми скалистыми пейзажами, ночные приливы у рифов — и, конечно, не обойдется без старинного замка с секретными ходами. В таком окружении главный герой встречает ясновидящую старуху, которая рассказывает ему, что он сам обладает

даром предсказания — Вторым Зрением — и что этот дар не случаен, а требуется для чего-то — возможно, чтобы раскрыть некую Тайну Моря. Лично пережив немало сверхъестественных событий, но в Тайну пока так и не проникнув, герой возвращается в деревню уже в другое время — и как будто в другом жанре: сентиментальной викторианской мелодрамы. Теперь Хантер встречает Марджори Аниту — девушку тоже по-своему таинственную: это богатая американка, которую преследует банда похитителей, о чем она сама еще не знает. Влюбившись друг в друга, вместе герои раскрывают-таки Тайну Моря — ею оказывается старинный испанский клад. Но тут приходит время и третьей части: банда добивается своего: похищает и девушку, и клад, — а герою приходится воспользоваться как помощью спецагентов двух стран, так и своими «суперсилами», чтобы найти и спасти возлюбленную.

Рассматривать эту книгу тоже удобнее по частям.

Мистическая сторона как напоминает о классике британской мистики и декаданса в духе Артура Мэкена, Алджернона Блэквуда, так и отличается чисто стокеровским сосуществованием современности и науки с мистикой и оккультным.

В романе речь идет как о призраках и пророчествах, так и о технологиях вроде револьверов и пароходов; в одном ряду упоминаются и праздник с языческими корнями Ламмастид, и актуальные политические события. Сталкиваются даже старые и новые нравы — в яркой сцене встречи ведьмы с шотландских западных островов и девушки с американского Дальнего Запада; причем в этом противостоянии однозначных победителей нет, обе стороны ошеломлены друг другом в равной мере, и каждая сильна по-своему.

Впрочем, здесь если и есть противостояние науки и оккультизма, оно выражено не так ярко, как в «Дракуле»: герою помогают и современные технологии, и Второе Зрение, а его противники — это люди из плоти и крови. И все же здесь в конечном счете ход всех вещей подчинен именно сверхъестественному: ясновидящая старуха то и дело напоминает герою о неизбежности Рока, о скрытом смысле Второго Зрения и всего происходящего, и наконец герой перебарывает скептицизм и принимает эту таинственную сторону мира, что и помогает ему спасти любимую.

Во второй части роман переходит к отношениям героев и позволяет прочувствовать некоторые викторианские реалии. Эта эпоха отводила жен-

щинам довольно ограниченную общественную роль и отличалась пуританством. Среди прочего это было связано с бытовавшим тогда мнением, что причиной кризисов, эпидемий и прочих бедствий является перенаселенность (особенно среди нищего класса), поэтому и вводился этакий культурный контроль рождаемости. (Что, впрочем, приводило не столько к чистоте нравов, сколько к психологическому вытеснению, и в итоге сексуальность постоянно пронизывала культуру — плюс это была одна из самых изощренных и богатых на эротику и порнографию эпох: тогда выходила как порнопериодика типа The Pearl с историями, стихами и даже музыкальными порнопьесами, так и разнообразные произведения от низкопробных, под анонимным авторством, вроде «Мемуаров Долли Мортон», до эпатажной эротики Оскара Уайльда и Алджернона Суинберна.)

В этой теме для нас центральным будет понятие «новая женщина», появившееся во второй половине XIX века в том числе благодаря роману «Дэзи Миллер» Генри Джеймса. Джеймс применял это определение к самодостаточным и современным американкам, а дальше оно перешло к нарождавшемуся образу жизни, связанному

с популяризацией идей феминизма (так, через год после выхода «Тайны Моря» возникла первая партия суфражисток). Стокер не раз обращался к этой теме — например, вот он бросает вызов викторианским нравам в том же «Дракуле», в дневнике Мины Мюррей: «Кто-нибудь из авторов из „новых женщин“ однажды предложит, что мужчины и женщины должны увидеть друг друга спящими, прежде чем делать предложение или принимать его. Но, полагаю, в будущем „новая женщина“ не удовольствуется одним только согласием — она будет делать предложение сама. И отлично с этим справится!»

Реакция Стокера на появление «новой женщины» интересна тем, что до сих пор в ней одни отмечают поддержку феминизма, а другие обвиняют писателя в сексизме. И «Тайна Моря» — яркий тому пример: главная героиня — как раз молодая самодостаточная американка (а Стокер не раз ездил в Америку и был знаком с американской культурой), политически сознательная, демонстрирует смелость и смекалку в поисках сокровищ и различных передрягах, а под конец даже наравне с мужчинами участвует в перестрелке и показывает класс всем вокруг. Но одновременно с этим главный герой то и дело

довольно снисходительно о ней отзывается, да и сама Анита жалуется на цену своей независимости («Скоро, скоро экспансия замедлится, а тогда место вечной независимости должна занять какая-то другая господствующая идея. Мы, я верю, не утратим ни толики национального чувства личной ответственности, но знаю, что тогда наш народ, а в особенности наших женщин ждет более счастливая и здоровая жизнь»). А затем дело доходит до кульминации — до обращенной к героине речи старой гувернантки о добродетелях послушной жены: «Мало того, что теперь желания мужа — твои желания, раз вас стало двое. Но женщина обретает истинное счастье, лишь когда расстается со всеми своими желаниями и думает только о муже. И помни, дитя мое: разве ж это жертва — уж мы в мое время точно так не думали, — если женщина угождает любимому мужу, разделив с ним его дом». Надо ли говорить, что героиня с радостью следует такому совету. В конце концов, и та же прогрессивная Мина Харкер как вносит важный вклад в борьбу с вампиром, так и принижает свои способности, а ее ум сравнивается с мужским не в пользу женского. Существуют разные трактовки этой двойственности у Стокера — и главный вердикт тут предстоит вынести

самому читателю, — но, пожалуй, самым логичным кажется, что Стокер искал некую золотую середину в ответ на вызов времени.

Возможно, самая интересная и развитая сторона романа — политическая. Неспроста можно встретить такие определения «Тайны Моря», как политический триллер и — более специализированное понятие из работ английских критиков 1990-х годов — «имперская готика», то есть литература, восхваляющая Британскую империю, колониализм, расизм и прочие славные культурные устои западного мира из-за опасений перед тем, что цивилизацию легко потерять перед угрозой наступления дикарей. Стокер считается одним из основных авторов в этом узком направлении наравне с Редьярдом Киплингом. Собственно, наш герой в «Тайне Моря» даже цитирует популярное тогда стихотворение Альфреда Теннисона «Локсли-холл», где буквально есть строчка «лучше пятьдесят лет Европы, чем целая эпоха Китая».

И тут, кстати, стоит сделать оговорку: разумеется, подобные имперские и шовинистские взгляды во многом были в духе времени, но не стоит забывать и о том, что придерживались их не все. В конце концов, если брать ту же влиятельную

британскую фантастику, то примерно тогда же публиковались политические высказывания социалиста Герберта Уэллса (например, «Когда Спящий проснется» в 1899 году), который в итоге пришел к социалистическим утопиям.

Но если говорить конкретно о «Тайне Моря», то в первую очередь здесь, что неудивительно, достается черному — среди всех разбойников это самый гнусный персонаж: «угольно-черный негр, облика премерзкого и отталкивающего». Менее очевидный выбор для объекта расизма — персонаж дон де Эскобан, испанец, чьему роду доверили хранить то самое сокровище еще во времена Англо-испанской войны (1585–1604). Чтобы прояснить, почему в этом романе вдруг достается испанцам — и как это неожиданно связано с Ирландией, — надо обратиться к истории.

В 1534 году по инициативе короля Генриха VIII провели Реформацию церкви, и образовалась Церковь Англии с королем во главе — чтобы не подчиняться Римско-католической церкви под управлением папы римского (здесь же обычно звучит история о том, что Генрих хотел развестись со своей женой Екатериной Арагонской и жениться на Анне Болейн, а папа римский, желая сохранить хорошие отношения с Испанией,

согласия не дал; хотя, разумеется, причин для Реформации больше, и важнее здесь сохранение национальных интересов). В дальнейшем католики не раз пытались вернуть Англию в лоно Ватикана, и наконец в 1570 году Пий V отлучил от церкви королеву Елизавету, а та, в свою очередь, ввела карательные законы против католиков (о чем в «Тайне Моря» упоминается в горячей перепалке испанца с главным героем). Только в 1829 году был принят Билль об эмансипации католиков, снявший многие ограничения, а в 1850 году Пий IX восстановил в Англии и Уэльсе католическую иерархию.

Но среди прочих римо-католиками остались и испанцы — и большая часть населения Ирландии, что на протяжении веков подливала масла в ожесточенную борьбу Ирландии против английского угнетения. При этом сам Стокер, хоть и называл себя ирландцем, воспитывался в протестантской традиции и в основном жил в Лондоне (пожалуй, не так и удивительно, что во всем его творчестве действие романа только раз происходит в Ирландии — в раннем «Змеином перевале»).

Исходя из этого, некоторые исследователи предполагают, что Стокер дает в «Тайне Моря»

своеобразное решение конфликта этих ветвей католицизма — а значит, подспудно и решение конфликта его родной Ирландии с Англией. Стокер назначает общим врагом для испанца, англичанина и американки своеобразного другого — зверского дикаря, которого герой убивает совершенно безжалостно: «Пусть между нами была вся вражда, какую только могут породить раса, страх и злодеяние, но его убийство доставило мне слишком невыразимую радость. И оно останется для меня бешеным удовольствием до самой смерти».

Сложно сказать, действительно ли Стокер имел в виду такое решение, учитывая, что главный герой и о самом испанце походя отзывается так: «Некогда Испания находилась в руках мавров, и теперь в благороднейших из старых семей течет черная кровь. В Испании это не считается пятном позора, как на Западе. Эта древняя дьявольщина, от которой происходят дикарство и худу, так и блеснула в [его] сумрачной улыбке воплощенной мятежной решимости». И учитывая, что персонаж испанец — с его до смешного гиперболизированным чувством долга и выспренними речами из прошлых веков — вполне может оказаться тропом в духе «Романа в Сицилии» (1790)

родительницы готического романа Анны Радклиф, явно повлиявшего на «Тайну Моря» (в нем тоже рассказывается о древних кладах в морских пещерах). Но так или иначе, бесспорно то, что религиозная тема и ее связь с Ирландией всегда занимали важное место в творчестве Стокера, и их можно разглядеть даже там, где порой о самой Ирландии нет ни слова.

Действие «Тайны Моря» разворачивается на фоне Испано-американской войны 1898 года. Книга вышла в 1902 году, так что Стокер писал по горячим следам — практически Том Клэнси своего времени. Вторая половина романа посвящена не столько призрачным материям (или, скорее, «имматериям»), сколько ожесточенным политическим перепалкам и борьбе с диверсионными группами; пожалуй, вновь не совсем то, чего ждешь от Стокера (хотя и это не сравнится со внезапной лекцией по юриспруденции на тему найденных кладов, которую герой дает в середине романа).

Испано-американская война стала завершением войны Кубы за независимость (1895–1898). На тот момент Испанской империи принадлежали территории в разных частях света, но она теряла прежние силы и обеднела — на что, опять же,

указывает и сам Стокер как абсурдно устаревшим портретом испанского дона, так и прямым текстом: «Правительство Испании отчаянно нуждается в деньгах… Ваш король — ребенок, его регент — женщина».

А США, в свою очередь, давно присматривались к Карибскому морю, и в XIX веке не раз заходили разговоры (в основном со стороны политиков южных штатов, планировавших сделать из Кубы очередной рабовладельческий штат) о покупке или сразу покорении острова. Дальше разговоров дело не заходило, но теперь ситуация накалилась: на острове шла война за независимость, кубинские повстанцы обратились к США за помощью. Что самое ужасное — подверглись угрозе американские коммерческие интересы, а тут еще и повод подходящий подвернулся: гибель военного корабля «Мэн» с экипажем (по одной из версий, он мог затонуть и от взрыва пороха в трюме, хотя, скорее всего, натолкнулся на испанскую мину). За это ухватились газеты — в тот же период зародилось такое явление, как желтая пресса, когда в жесткой конкуренции за аудиторию газеты не брезговали ничем и злоупотребляли сенсационностью. Тогда же газетный магнат Уильям Херст якобы заявил своему журналисту в ответ на то,

что писать там не о чем: «Обеспечьте рисунки, а я обеспечу войну»; фраза апокрифическая, но Херст и его главный конкурент Пулитцер (тот самый, что учредил премию своего имени) действительно как искажали реальные события, так и порой откровенно выдумывали, вплоть до имен и дат.

И если газетная шумиха и не стала настоящим поводом для вступления США в войну, то явно распалила граждан, а их участие сыграло большую роль. Дело в том, что один только испанский гарнизон на Кубе превышал размерами все военные силы США. Но благодаря пропаганде в армию явилось множество добровольцев, и один из самых известных примеров — добровольный полк «Мужественные всадники», представлявший срез общества: ковбои, индейцы, спортсмены, полицейские, студенты Лиги плюща. Заместителем командира полка стал Теодор Рузвельт. Благодаря многочисленным связям он даже вооружил своих людей лучше регулярной армии, а также прославлял в прессе собственное участие в боях, что потом и помогло ему стать президентом. (И в те же времена появился знаменитый коктейль «Куба либре» — «Свободная Куба», чье происхождение связывают с «Мужественными стрелками» — по легенде, они поднимали коктейль с таким

тостом в честь местных повстанцев.)

Все это находит отражение в романе: Марджори Анита, возмущенная гибелью «Мэна» и историями о жестокости испанцев, добровольно купила военный корабль в помощь Штатам и сама набрала для него экипаж — прямо как Рузвельт. Поэтому за ней, таким важным символом американского патриотизма, и охотятся похитители — и поэтому она с такой ненавистью относится к испанцу дону де Эскобану, обвиняя его страну в угнетении кубинцев — и в создании концлагерей, где погибло около десяти процентов населения. (А это, кстати, в самом деле одно из первых применений такой практики в истории; еще один случай — за самими британцами, всего через пару лет, в ходе очередной колониальной войны — Англо-бурской (1899–1902), когда в лагерях тоже погибло около десяти процентов населения буров. Нам, впрочем, остается только вообразить возможное возмущение Марджори из-за Британии, действующей испанскими методами.)

Принято считать, что Стокер сам симпатизировал Кубе, видя в ней судьбу родной Ирландии, также покоренной большой империей. Правда, надо сказать, что победа США для Кубы ничем хорошим не кончилась. США сами какое-то время

продолжали практику концлагерей, не дали Кубе принять участие в итоговых мирных переговорах, не оговорили времени окончания своей оккупации острова, а также поддерживали местные правые диктатуры и фактически во всем, кроме названия, превратили остров в свою колонию вплоть до 1933 года, когда кубинцы попытались в ходе переворота восстановить независимость. Попытка оказалась неудачной, а после возврата острова под контроль США уже недолго остается и до социалистической революции Фиделя Кастро — кто бы мог подумать, с какими только событиями увязывается стокеровская готика о ясновидящих и привидениях; но почему бы и нет? Ведь сам автор углубляется в историю на триста лет назад, рассказывая о Непобедимой армаде (и даже приводя текст-стилизацию под дневник испанского адмирала — сохраняя если не эпистолярность «Дракулы», то хотя бы частичное влияние этого популярного приема добавлять псевдоисторические документы, чтобы придать повествованию правдоподобие). Но от годов действия «Тайны Моря» до Кастро, как это ни удивительно, остается чуть ли не в пять раз меньше времени, чем от Непобедимой армады до «Тайны Моря».

Можно заодно добавить, что по итогам Испано-американской войны США получили такие широко разбросанные испанские колонии, как Пуэрто-Рико, Гуам и Филиппины. Филиппины с тех пор стали самостоятельным государством под покровительством США, тогда как Пуэрто-Рико и Гуам до сих пор находятся в статусе территорий — то есть это не штаты, они не могут голосовать и даже иметь законное представительство в Конгрессе, но тем не менее люди обязаны платить налоги, служить в армии и так далее.

Конечно, справедливости ради, благородное желание самой Марджори Аниты вступить в войну с Испанией и освободить от гнета народ Кубы никак не замутнено имперскими порывами. С другой стороны, у нее это не более чем желание спасти малоразвитых дикарей. На тот момент США — в ходе геноцида индейцев, тоже считавшихся безбожными дикарями, — придерживались так называемой доктрины Монро (названа в честь президента Джеймса Монро): по ней Южная Америка провозглашалась «американским задним двором», и другим европейским державам запрещалось вмешиваться в политику континента. (Стокер, кстати, как знаток политики и внутриамериканских реалий, и сам

рассуждал о доктрине Монро в тексте все того же «Дракулы», где есть персонаж техасец Квинси Моррис.)

Из-за этого отношения к «неспособным дикарям» — на самом деле процветающего до сих пор, если взять, например, отношение к Африке, — США постоянно вели в Южной Америке войны (получившие название Банановых благодаря писателю О. Генри) и сменяли режимы. А тот самый кубинский герой Теодор Рузвельт в 1901 году стал президентом США и сразу же объявил политику «большой дубинки», чтобы с новой силой продолжить вмешательство в жизнь карибских и южноамериканских стран. И только в 1933 году президент Франклин Рузвельт введет политику «доброго соседа», официально завершая эпоху прямого и военного вмешательства (хотя неофициально США продолжат свергать режимы или воздействовать на политику до наших дней как скрытыми методами, так и в ходе войн).

Интересно видеть, что на самом деле может стоять за сценой горячего спора патриотичной и человеколюбивой американки с одной стороны и благородного испанца — с другой. Интересно видеть и то, сколько уровней можно найти в этом романе — и феминизм в викторианском обществе, и западные имперские войны, а уж, скажем, о двухбуквенном шифре Бэкона Стокер и сам напишет в конце романа подробную диссертацию. Но важно, что все это скрыто в прекрасно исполненной и самодостаточной приключенческой истории, которая сама подобна морской пещере сокровищ, полной всех обязательных и любимых нами приемов: здесь есть спрятанный клад, секретные туннели и зашифрованные послания из прошлого, подлые разбойники, спасение дамы в беде и прочее; здесь в конце торжествуют любовь и долг, а злодеи получают по заслугам.

СЕРГЕЙ КАРПОВ

Информация от издательства

РАНЕЕ В СЕРИИ ВЫШЛИ

Луиза Мэй Олкотт *«Под маской, или Сила женщины»*

Генри Джеймс *«Другой дом»*

ГОТОВЯТСЯ К ВЫХОДУ

Мэри Шелли *«Фолкнер»*

Эцу Инагаки Сугимото *«Дочь самурая»*

Эдит Уортон *«Святилище»*

https://clck.ru/3AXJyg [empty link]

Аудиокниги серии озвучены актерами «Мастерской Брусникина»

Выходные данные

Брэм Стокер

Тайна Моря

Литературно-художественное издание

Литературный редактор *Анжела Орлова*
Дизайн обложки *Наташа Агапова*

Главный редактор оригинальных проектов Букмейта *Ксения Грициенко*
Ответственный редактор *Елена Васильева*
Менеджер проекта *Дарья Виноградова*
Руководитель по контенту в Букмейте *Юлия Мишкуц*
Корректоры *Анастасия Данилова, Юлия Исакова, Ольга Мигутина*

Продюсер аудио *Анна Меркулова*
Звукорежиссер *Юлия Тихомирова*
Записано на студии Audioproduction

Подписано в печать 14.06.2024.

Главный редактор издательства «Подписные

издания» *Арсений Гаврицков*
Дизайн и верстка *Владимир Вертинский*
Корректор *Людмила Виноградова*
Издатель *Михаил Иванов*

ООО «Комплект-Подписные издания»,
Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 57
+7 (812) 273-50-53
podpisnie.ru